

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»



**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 15, № 3, 2022

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сатир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМІ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конекс, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES



**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 15, no. 3, 2022

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Szompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Трудная дорога после рубикона	9
--	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Полтерович В.М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Часть 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества	42
Некипелов А.Д. Производство и обращение в простой меновой экономике	58

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. Диспропорции в пространственном развитии России и её экономических районов: выбор точного и корректного метода оценки и способы сглаживания	75
Сидоров М.А. Рынки сбыта продукции регионов Северо-Запада России: количественное измерение	91

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Гуртов В.А., Аверьянов А.О., Корзун Д.Ж., Смирнов Н.В. Система классификации технологий в сфере искусственного интеллекта для кадрового прогнозирования.....	113
--	-----

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Рязанцев С.В., Мищук С.Н., Мирязов Т.Р. Этнодемографическая структура иммиграции в Россию: возможности статистического анализа	134
Смолева Е.О., Попов А.В. Особенности цифрового гражданского участия в ракурсе современных исследований	154

Батырева М.В., Карагулян Е.А. Методология оценки эффективности электронного участия граждан в социально-политических процессах	167
Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи	184
Медведева Е.И., Александрова О.А., Крошилин С.В. Телемедицина в современных условиях: отношение социума и вектор развития	200

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции	223
Озен Б.С., Байджан Т. Сравнение инновационных стратегий, разработанных агентствами регионального развития в Турции	236
Ян Нань, Го Пэйцзин. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: текущая ситуация, вызовы и приоритеты развития	259

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	274
Правила приёма статей	287
Информация о подписке	293

CONTENT

EDITORIAL

Ilyin V.A., Morev M.V. A Difficult Road after the Rubicon	9
---	---

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

Polterovich V.M. Competition, Collaboration, and Life Satisfaction. Part 2. The Fundament of Leadership – Collaborative Advantage	42
Nekipelov A.D. Production and Circulation in a Simple Exchange Economy	58

REGIONAL ECONOMICS

Pyankova S.G., Kombarov M.A. Imbalances in the Spatial Development of Russia and Its Economic Regions: Choosing an Accurate and Adequate Assessment Method and Levelling-Off Ways	75
Sidorov M.A. Sales Markets for the Goods of the Regions of the Northwest of Russia: Quantitative Assessment	91

SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION STUDIES

Gurtov V.A., Averyanov A.O., Korzun D.Zh., Smirnov N.V. A System for Classification of Technologies in the Field of Artificial Intelligence for Personnel Forecasting	113
--	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Ryazantsev S.V., Mishchuk S.N., Miryazov T.R. Ethnodemographic Structure of Immigration to Russia: Possibilities of Statistical Analysis	134
Smoleva E.O., Popov A.V. Digital Civic Participation in the Context of Modern Research	154

Batyreva M.V., Karagulyan E.A. Methodology for Assessing the Effectiveness of Citizen Electronic Participation in Socio-Political Processes	167
Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Vasilieva E.N. Models of Matrimonial and Reproductive Behavior of Russian Youth	184
Medvedeva E.I., Aleksandrova O.A., Kroshilin S.V. Telemedicine in Modern Conditions: The Attitude of Society and the Vector of Development	200

GLOBAL EXPERIENCE

Osadchaya G.I., Vartanova M.L. Identifying the Dynamics of Changes in Russia's Human Potential in the Context of the Experience of Eurasian Integration	223
Özen B.S., Baycan T. A Comparison of Innovation Strategies of Regional Development Agencies in Turkey	236
Yang Nan, Guo Peiqing. Sino-Russian Cooperation in the Arctic: Current Situation, New Directions and Challenges	259

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	274
Manuscript Submission Guidelines	287
Subscription Information.....	293

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Трудная дорога после рубикона



Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017



Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. 24 февраля 2022 года Президент РФ объявил о начале специальной военной операции на территории Украины, что обусловило масштабные геополитические изменения и, в том числе, стало рубиконом для внутреннего развития Российской Федерации. В статье анализируются ряд комплексных последствий, которые повлекли за собой события, происходящие после 24 февраля 2022 года, и которые оказали существенное влияние на состояние российского общества. Подробно рассматривается динамика морально-нравственного состояния российского общества за период с 1996 по 2020 год. Как показали результаты проведенных исследований, на протяжении последних почти 25 лет она носила негативный, деградирующий характер, развиваясь в рамках существующей либеральной модели. Анализируя данные официальной статистики и социологических опросов населения, авторы опираются на оценки экспертов, которые, в основном, сходятся во мнении, что после февраля 2022 года перед Россией открывается новая,

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2022). A difficult road after the Rubicon. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 9–41. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.1

хотя и трудная, дорога, и ее так или иначе предстоит пройти, чтобы достичь полного (внутреннего и внешнего) национального суверенитета в формирующихся на наших глазах контурах и правилах новой геополитической реальности.

Ключевые слова: спецоперация, Президент, Российская идея, морально-нравственное состояние общества, эффективность государственного управления.

Плодотворная созидательная работа, в которой так нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном.

В обществе, где основные социальные слои, политические силы придерживаются различных базовых ценностей и основополагающих идеологических ориентиров...

В.В. Путин «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.)

Начиная с «мюнхенской речи», произнесенной в феврале 2007 года, когда Президент РФ объявил международному сообществу о том, что Россия – «страна с более чем тысячелетней историей – не собирается изменять традиции проведения независимой внешней политики»¹,

Россия пыталась убедить мировое сообщество и страны «коллективного Запада»² (куда входят порядка 40 государств³) в бесперспективности и безнадежности однополярного мира, в необходимости руководствоваться нормами международного права (закрепленными Уставом ООН

¹ Выступление В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

² Некоторые оценки российских и зарубежных экспертов о том, какие страны относятся к Западному миру:

1. «...для нас в России понятие «Запад» включает и США (под первым номером) и Западную Европу, или Евросоюз (но под вторым номером). Посему у нас часто и используется термин «коллективный Запад», то есть **США, западноевропейские страны (включая южноевропейские), североевропейские (скандинавские) страны**» (источник: Третьяков В. (2018). Россия, Восточная Европа и коллективный Запад // Литературная газета. № 11. URL: <https://lgz.ru/article/-11-6635-14-03-2018/gossiya-vostochnaya-evropa-i-kollektivnyu-zapad/>).

2. «К западному миру традиционно относят страны Европы, исторически бывшие католическими или протестантскими – то есть **все страны Западной Европы, а также большинство или даже все страны Северной и Центральной Европы**, в зависимости от географического определения этих регионов. Большинство стран европейского Запада ныне входят в Европейский союз. Также к Западу относят **бывшие колонии европейских стран в Америке и Океании**, в том случае, если эти колонии населены преимущественно потомками выходцев из Европы. Это в первую очередь так называемые **англосаксонские страны (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия), а также заморские территории Британии, Франции и других европейских стран**» (Источник: Руэксперт. URL: <https://ruxpert.ru/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4>).

3. «Сегодня наиболее широко используемое определение западного мира, также известное как «латинский Запад», полностью основано на культуре, а не на географии. В этом использовании западный мир относится ко всем странам Западной Европы, а также к странам, сформированным западноевропейской культурой. Например, такие страны, как США и Австралия, бывшие когда-то британскими колониями и принявшие западноевропейское христианство (католическая и протестантская церкви), использующие латинский алфавит и население которых включает в себя много потомков европейских колонистов. **На практике это означает, что западный мир обычно включает в себя большинство стран Европейского союза, а также Великобританию, Норвегию, Исландию, Швейцарию, США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию**» (источник: Western Countries 2020 (4 June 2020). URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/western-countries>).

4. «**Регионы, обычно считающиеся частью западного мира – США, Канада, европейские страны, Австралия и Новая Зеландия**» (источник: The Western World – World Atlas 2021. URL: <https://www.worldatlas.com/articles/list-of-western-countries.html>).

³ Мнение политолога П. Петровского (источник: Влияние стран Запада с каждым днем становится для нас менее ощутимым // БЕЛТА – Новости Беларуси. 08.06.2022. URL: <https://www.belta.by/society/view/petrovskij-vlijanie-stran-zapada-s-kazhdym-dnem-stanovitsja-dlja-nas-menee-oschutimym-506708-2022/>).

(1945 г.), Ялтинско-Постдамскими соглашениями (1945 г.), уставами региональных организаций коллективной безопасности) и учитывать национальные интересы всех стран, включая Россию.

Однако эти дипломатические шаги не были услышаны. С 2007 года продолжалась гибридная война с «коллективным Западом». В 2014 году она вышла на более высокий уровень после государственного переворота на Украине, закончившегося событиями «крымской весны»: вхождением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, появлением двух самопровозглашенных государственных образований на востоке Украины – Донецкой и Луганской Народных Республик.

После этого в течение 8 лет продолжались тщетные (как оказалось) попытки мирного урегулирования войны на Донбассе. Реализация «минских соглашений» целенаправленно саботировалась новой киевской властью, вместо этого по-прежнему происходили регулярные обстрелы Донецкой и Луганской Народных Республик, а «коллективный Запад» продолжал реализовывать на территории современной Украины свой проект «анти-Россия»⁴...

В конечном итоге это не могло не привести к вынужденной ответной реакции со стороны России в виде начала специальной военной операции, объявленной Президентом 24 февраля 2022 года, что стало **«точкой отсчета» нового времени в истории нашей страны в XXI веке.**

Как мы отмечали в предыдущей статье, спецоперация, объявленная Президентом, явилась «гранью, после которой запущенные процессы становятся необратимыми и приводят к необратимым последствиям»⁵. До этого момен-

та, как говорят эксперты, происходила «полная интеграция России в глобальный мир, а значит, принятие всех норм и правил Запада, который и берется за эталон глобализации. Это было главной стратегией российской власти с 1991 года. Подстраивание всех стандартов жизни – образование, экономика, культура, наука, политика, технологии, мода, искусство, воспитание, спорт, СМИ – под нормативы современного Запада было основной целью всех реформ»⁶.

«Одним из явных результатов противостояния последних 8 лет стала не просто констатация, но и принятие невозможности договориться с Западом и неонацистскими властями Украины ни о чем, они принципиально не соблюдают договоренности»⁷.

И, разумеется, это новое время включает в себя как новые перспективы, так и новые вызовы, обуславливая трудный, но неизбежный путь России к достижению полного национального суверенитета и своего места в меняющейся геополитической реальности.

Сегодня большинство экспертов сходятся во мнении о том, что, публично заявляя о необходимости «полностью искоренить»⁸ «русский мир», «коллективный Запад» осуществляет, по сути, прямое нападение, требующее со стороны России соответствующих шагов по защите своих национальных интересов, которые выходят далеко за пределы сравнительно локальных задач, поставленных в ходе проведения спецоперации на Украине (денацификация, демилитаризация, защита населения Донбасса).

⁴ Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев // Официальный сайт Президента РФ. 12.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>

⁵ Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 29.

⁶ Дугин А. Отказ от Болонской системы и идеологические судороги элит // Завтра. 08.06.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/otkaz_ot_bolonskoj_sistemi_i_ideologicheskie_sudorogi_elit

⁷ Школьников А. Мирный договор по Украине // Завтра. 12.06.2022.

⁸ Как отметил премьер-министр Польши М. Мароцевский, «...недостаточно поддерживать Украину в ее военной борьбе с Россией. Мы должны полностью искоренить эту чудовищную новую идеологию [«Русский мир»]» (источник: Горшкова Е. Премьер-министр Польши оскорбил Россию // Ura.ru. 11.05.2022. URL: <https://ura.news/news/1052552416>).

Речь идет о сохранении государственного суверенитета как такового (что имеет «жизненно важное значение для нашей страны»⁹) и достижения Россией полного государственного суверенитета, имеющего, как отмечают эксперты, пять составляющих: территориальный, дипломатический, военный, экономический и культурный суверенитет. При этом последний, «как показывает наша история, является самым важным...; с его отсутствия и начинается путь в никуда»¹⁰ (представления о сущности государственного суверенитета в оценке Президента РФ отражены во *Вкладке 1*).

«Речь идет совсем не об Украине, речь идет об агрессии против всего русского – интересы, религия, культура, язык, безопасность и прочее... идет бой не на жизнь, а на смерть за право России быть на политической карте мира при полном уважении своих законных интересов»¹¹.

Таблица 1. Отношение россиян к деятельности Президента РФ в феврале – июне 2022 г., % от числа опрошенных

Оценки населения	20 февр. 2022 г.	19 июня 2022 г.	Изменение (+/-), п. п.
Доля положительных оценок	64,3	78,6	+15
Доля отрицательных оценок	24,4	13,4	-11

Источник: Рейтинг оценки деятельности государственных институтов // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/>

Важно при этом отметить, что подавляющее большинство россиян осознают суть исторического момента и в сложившихся условиях внешних и внутренних угроз консолидируются вокруг Президента и вокруг целей спецоперации на Украине. По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности главы государства на фоне спецоперации (за период с 20 февраля по 19 июня 2022 г.) увеличился на 15 п. п. (*табл. 1*). Доля россиян, поддерживающих саму спецоперацию на территории Украины, за период с 25 февраля по 26 мая 2022 г. увеличилась на 7 п. п. (*табл. 2*). По данным регионального мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, за период с февраля по июнь 2022 года доля положительных суждений о работе главы государства увеличилась на 10 п. п.

Как отмечают эксперты, граждане поддерживают Президента не только потому, что недостижение целей спецоперации «не будет понято обществом», но и потому, что для России возникли реальные угрозы национальной безопасности, которые затронули все слои населения; потому что «НАТО у ворот»¹².

Таблица 2. Отношение россиян к спецоперации на территории Украины, % от числа опрошенных

Оценки населения	25 февр. 2022 г.	26 мая 2022 г.	Изменение (+/-), п. п.
Доля поддерживающих	65	72	+7
Доля не поддерживающих	25	18	-7
Доля затруднившихся	10	10	0

Источник: аналитический обзор ВЦИОМ «Специальная военная операция: мониторинг» // ВЦИОМ. 30.05.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spetsialnaja-voennaja-operacija-monitoring>

⁹ Стратегия национальной безопасности 2021 (утв. Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

¹⁰ Стариков Н.В. Дефицит государственного суверенитета // Официальный сайт Н. Старикова. 28.07.2010. URL: <https://nstarikov.ru/defitsit-gosudarstvennogo-suverenite-6047>

¹¹ Российская газета. 10.03.2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/10/lavrov-rf-vedet-boj-ne-na-zhizn-a-na-smert-za-mestona-politicheskoy-karte.html>

¹² О чем говорят данные опросов о спецоперации // Независимая газета. 02.06.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-06-02/2_8452_editorial.html

Вкладка 1

Президент РФ В.В. Путин о сущности национального суверенитета

<p>Послание Президента Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г.</p>	<p>«Мы должны создать систему прочную, надёжную, неуязвимую и по внешнему контуру абсолютно стабильную, безусловно, гарантирующую России независимость и суверенитет. В то же время систему внутри себя живую, гибкую, легко и своевременно, главное, меняющуюся в связи с тем, что происходит в мире, вокруг нас, а главное, в связи с развитием самого российского общества... Такое обновление – неотъемлемое условие для прогрессивной эволюции общества и путь не безошибочного, но стабильного развития, когда неизблемым остается главное – интересы России... Суверенитет нашего народа должен быть безусловным. Мы многое сделали для этого: восстановили единство страны, покончили с ситуацией, когда некоторые государственные властные функции были узурпированы фактически олигархическими кланами, Россия вернулась в международную политику как страна, с мнением которой нельзя не считаться. Мы создали мощные резервы, чтократно повышает устойчивость нашего государства, его способность защитить социальные права граждан, а национальную экономику – от любых попыток внешнего давления».</p>
<p>Стратегия национальной безопасности 2021 г. (утверждена указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400)</p>	<p>«На фоне реализации целенаправленной политики по сдерживанию Российской Федерации жизненно важное значение для нашей страны приобретают укрепление её суверенитета, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации».</p>
<p>Выступление В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г.</p>	<p>«Только суверенные государства способны эффективно отвечать на вызовы времени и запросы граждан. Соответственно, любой действенный международный порядок должен учитывать интересы и возможности государства идти от них, а не пытаться доказывать, что их быть не должно. Тем более нельзя кому-то или что-то навязывать, будь то принципы общественно-политического устройства или ценности, которые кто-то по своим соображениям назвал универсальными. Ведь очевидно, что, когда приходит настоящий кризис, остаётся только одна универсальная ценность – человеческая жизнь, и как её защитить, каждое государство решает самостоятельно, исходя из своих возможностей, культуры, традиций».</p>
<p>Обращение В.В. Путина к россиянам 24 февраля 2022 г.</p>	<p>«Благополучие, само существование целых государств и народов, их успех и жизнеспособность всегда берут начало в мощной корневой системе своей культуры и ценностей, опыта и традиций предков и, конечно, прямо зависят от способности быстро адаптироваться к постоянно меняющейся жизни, от сплочённости общества, его готовности консолидировать, собирать воедино все силы, чтобы идти вперёд...настоящая сила – в справедливости и правде, которая на нашей стороне. А если это так, то трудно не согласиться с тем, что именно сила и готовность к борьбе лежат в основе независимости и суверенитета, являются тем необходимым фундаментом, на котором надёжно строить своё будущее, строить свой дом, свою семью, свою Родину».</p>
<p>Источники: Послание Президенту Федеральному Собранию РФ 15.01.2020 // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582 Стратегия национальной безопасности 2021 (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400) // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 Выступление Президента РФ на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 21.10.2021 // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975 Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843</p>	

Рост поддержки главы государства и самой специальной военной операции на территории Украины свидетельствует также о понимании российским обществом того факта, что против России развязан «комбинированный, цивилизационный» конфликт, в ходе которого она должна доказать не только способность вооруженных сил защитить территориальную целостность страны и способность национальной экономики «выстоять» и эффективно развиваться в условиях беспрецедентного санкционного давления со стороны «коллективного Запада», но и **«прежде всего самим себе предъявить, что мы за цивилизация? В чем наша особенность, каковы наши основные отличия?»**¹³. Эксперты уже давно говорят о том, что речь идет «не просто о геополитическом противостоянии..., а о чем-то намного более глубоком и важном»¹⁴, начавшемся задолго до спецоперации на территории Украины; о нашей способности сохранить то, что называется «русским миром», его традиции, ценности, способ

«Мы все с вами понимаем, что сейчас против России идет комбинированная война. Война горячая, потому что в специальной военной операции вооруженным силам России противостоит не украинская армия, а объединенные силы НАТО... Идет экономическая война: беспрецедентный набор санкций, который сегодня принят против нашей страны – такого не было никогда. Идет информационная и психологическая война. Цель всего этого – попробовать заставить нас сдаться, остановиться, прекратить защищать национальные интересы нашей страны... И это такой системный, цивилизационный, если хотите, конфликт»¹⁵.

мировоззрения в условиях агрессивной экспансии «общества потребления», культивируемого «коллективным Западом».

В этом смысле объявленную России цивилизационную войну целесообразно рассматривать в контексте двух аспектов.

Во-первых, в контексте многовекового, имеющего культурное и историческое происхождение, противостояния англо-саксонской и русской цивилизаций, между которыми, как отмечают эксперты, существует «ментальная пропасть..., и борьба этих двух миров составляет суть нашей истории последние несколько веков»¹⁶.

«...следует окинуть взором всю историю становления либеральной идеологии – начиная с ее корней. Только в этом случае мы сможем по достоинству оценить всю серьезность нашего положения.... Байден и те силы, которые за ним стоят, воплощают в себе кульминацию исторического процесса, который берет начало еще в Средневековье, достигает зрелости в Новое время вместе с появлением капиталистического общества и сегодня доходит до своей последней стадии»¹⁷.

Даже если взять только XX век, то мы наглядно увидим, что его ключевые события, определившие ход развития не только нашей страны, но и всего мира (такие как Первая мировая война 1914–1918 гг., Октябрьская Революция 1917 г., Вторая мировая война 1939–1945 гг. (включая Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.), «Холодная» война 1946–1991 гг., распад СССР в 1991 г.), были ничем иным как эскалацией

¹³ Дугин и столкновение цивилизаций // Полит.ру. 25.04.2022. URL: <https://polit.ru/news/2022/04/25/dugin/>

¹⁴ Дугин А. О фронтах идущей глобальной войны. 26.09.2017. URL: <http://ruspravda.info/Dugin-o-frontah-idushchey-globalnoy-voyni-28987.html>

¹⁵ Источники: «Лидеров России» позвали в разведку // Коммерсант. 27.05.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5369367>; Кириенко: на Украине вооруженным силам противостоит НАТО // Российская газета. 26.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/26/kirienko-na-ukraine-vooruzhennym-silam-rossii-protivostoit-nato.html>

¹⁶ Стариков Н. Противостояние цивилизаций. 06.03.2012. URL: <https://nstarikov.ru/protivostoyanie-tsivilizatsij-16063>

¹⁷ Дугин А. Манифест великого пробуждения // Завтра. 07.03.2021. URL: https://zavtra.ru/blogs/manifest_velikogo_probuzhdeniya

конфликта между англосаксонской и русской цивилизациями, а точнее «нападением» со стороны первой и «защитой» своих национальных интересов, своей государственности – со стороны второй (иногда успешной, иногда – нет). Сегодняшнее противостояние между «коллективным Западом» и Россией носит тот же характер – первые пытаются «отменить» вторую, превратив её, по сути, в «бензоколонку» (как отметил один из американских сенаторов)¹⁸, не имеющую ни малейшего шанса на суверенитет, национальные интересы, культуру, ценности и т. д.

Во-вторых, цивилизационный конфликт, возникший (как мы отметили ранее) уже давно, однако вышедший на новый уровень после 24 февраля 2022 года, необходимо рассматривать в контексте нарастающего на протяжении всего XX и XXI веков кризиса самой капиталистической системы, либеральной идеологии и, в целом, однополярного мира, возглавляемого англосаксами.

«У целого ряда событий, развивающихся одновременно и внешне кажущихся не связанными друг с другом, есть общий знаменатель. Это элементы одного глобального кризиса – системного кризиса мировой капиталистической системы»¹⁹.

Из введения к книге (общее мнение авторов²⁰): «Капитализм, наряду с присущим ему творческим разрушением старых технологий и форм производства, был также источником неравенства и деградации окружающей среды. Глубокий кризис капитализма может стать возможностью найти такой способ ведения дел в глобальном масштабе, который бы способствовал установлению большей социальной справедливости и созданию более пригодной для обитания среды.

Капитализм – это система, а все системы имеют свой срок жизни, они не вечны... Вопрос, который теперь стоит перед миром, не в том, как правительства могут реформировать капиталистическую систему... встает вопрос о том, что придет ей на смену»²¹.

Этот факт подтверждается как оценками многих зарубежных экспертов, так и результатами авторитетных международных исследований, показывающих, что во многих странах мира (включая государства – члены НАТО) более половины граждан считают, что «капитализм приносит больше вреда, чем пользы» (рис. 1).

¹⁸ Фраза, произнесенная Дж. Маккейном в 2014 году (источник: Путин отказался считать Россию «страной-бензоколонкой» // РБК. 01.09.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/09/2020/5f4e28f29a7947582b9ef8f1>

¹⁹ Фурсов А. То, что не удалось Гитлеру, сегодня пытаются реализовать англосаксы // Изборский клуб. 29.04.2022. URL: <https://izborsk-club.ru/22708>

²⁰ И. Валлерстайн (1930–2019) – американский социолог, политолог, философ, один из основателей мир-системной теории, обладатель золотой медали Кондратьева «за выдающийся вклад в развитие общественных наук» (2004).

Р. Коллинз – американский социолог, доктор философии, профессор Пенсильванского университета. Один из крупнейших исторических макросоциологов и специалистов в области теории революций и государственных распадов.

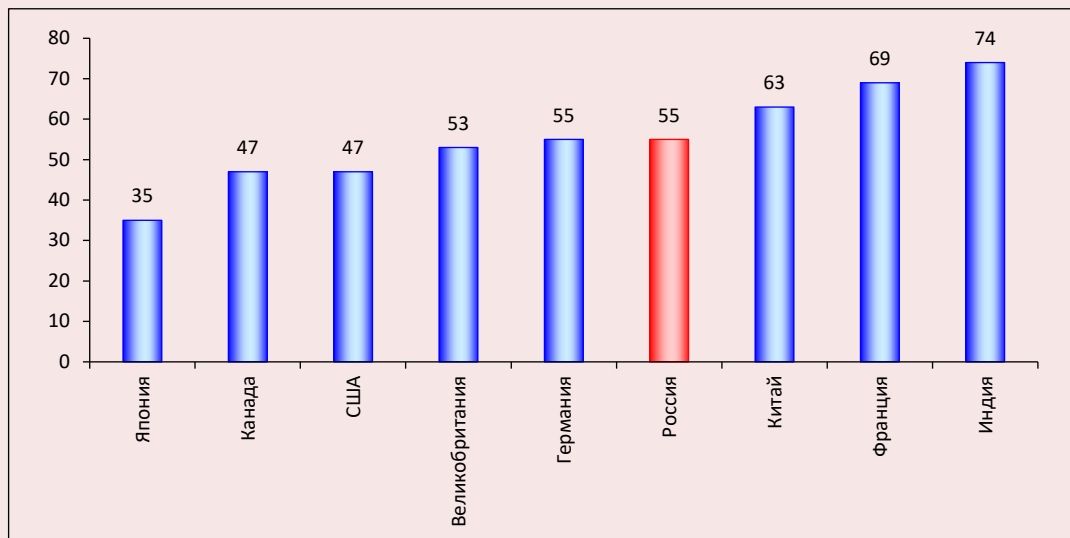
М. Манн – британский социолог, специалист по исторической макросоциологии, представитель неовеберинской школы социально-политических исследований, доктор философии (1971), почётный профессор Кембриджского университета, членкор Британской академии (2015).

Г. Дерлугьян – советский и американский исторический социолог, публицист, профессор Нью-Йоркского университета в Абу-Даби.

К. Калхун – американский социолог и общественный деятель, доктор философии Оксфорда, президент the Social Science Research Council, директор и президент Лондонской школы экономики и политических наук, член Американского философского общества и Британской академии.

²¹ Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. (2015). Есть ли будущее у капитализма?: сб. статей. М.: Изд-во Института Гайдара. 320 с.

Рис. 1. Доля людей, считающих, что капитализм приносит больше вреда, чем пользы*, % от числа опрошенных



* Исследование проводилось в 28 странах мира: Тайланд, Индия, Франция, Малайзия, Индонезия, Китай, Италия, Испания, Объединенные Арабские Эмираты, Нидерланды, Колумбия, Бразилия, Ирландия, Мексика, Германия, Россия, Южная Африка, Кения, Сингапур, Саудовская Аравия, Великобритания, Аргентина, Австралия, Канада, США, Южная Корея, Гонконг, Япония.

Источник: Edelman Trust Barometr – 2020. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2020-01/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_LIVE.pdf

В среднем по 28 странам мира эту точку зрения разделяют 56% опрошенных. Что вполне естественно на фоне растущего мирового неравенства²², обусловленного тем, что «именно сверхприбыль рождает жажду наживы»²³.

В контексте этого аспекта бескомпромиссная и чрезвычайно жесткая риторика со стороны ведущих представителей политических и экономических элит США и стран НАТО²⁴ по отношению к России становится впол-

²² Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018). From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016. Cambridge, MA: Journal of Economic Inequality. 79 p.

²³ Балацкий Е.В. (2021). Рентабельность капитала как драйвер экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 26–40.

²⁴ См., например:

1. Председатель Еврокомиссии (ЕК) Урсула фон дер Ляйен в ходе саммита Евросоюз-Япония в Токио назвала Россию *«прямой угрозой мировому порядку»* (источник: Коммерсант. 12.05.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5348294>).

2. *«Эта война должна быть выиграна на поле боя»*, – заявил верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель, подводя итоги визита в Киев (источник: Иванов А. Боррель официально объявил войну России от имени ЕС. Последняя из масок сброшена // Завтра. 10.04.2022. URL: https://zavtra.ru/events/borrel_oficial_no_ob_yavil_vojnu_rossii_ot_imeni_es_poslednyaya_iz_masok_sbrosheha).

3. Дж. Сорос (выступление на Всемирном экономическом форуме в Давосе 24.05.2022): *«Лучший и, пожалуй, единственный способ сохранить нашу цивилизацию – как можно скорее победить Путина»* (источник: Enews. 25.05.2022. URL: <https://enews.md/publicatsia/soros-edinstvennyi-sposob-sokhranit-nashu-tsvilizatsiiu-kak-mozhno-skoree-pobedit-putina>).

4. Й. Столтенберг (интервью каналу CNN): *«Наши отношения с Россией в будущем точно не останутся такими же, как раньше, мы не вернёмся к тому, что можно было назвать прежней нормальностью»* (источник: RT. 24.03.2022. URL: <https://russian.rt.com/world/news/980836-stoltenberg-rossiya-nato>); (встреча с главой МИД Украины Д. Кулебой): *«Украина ведёт оборонительную войну, поэтому нет разницы между поставками оборонительного и наступательного вооружения»* (источник: RT. 07.04.2022. URL: <https://russian.rt.com/ussr/news/987111-nato-ukraina-vooruzhenie>).

не объяснимой: поражение «коллективного Запада» в этой цивилизационной войне ведет к тому, что «западное господство будет сведено на нет»; будут постепенно устанавливаться новые экономические, политические, социокультурные «правила игры», в которой будет несколько суверенных мировых центров.

«Военное поражение Украины будет по сути означать конец того Запада, который мы все знаем сегодня... Никто в мире не осмеливается бросить вызов мощи коллективного Запада, хотя недовольных немало. Если Москва выдержит тотальное давление и победит, то за ней последуют другие, и западное господство будет сведено на нет»²⁵.

«Специальная военная операция по единодушному мнению компетентных специалистов в Международных Отношениях является последним и решающим аккордом в процессе перехода от однополярного мира к многополярному»²⁶.

«Около века Соединенные Штаты Америки были мировым монополистом, и неожиданно механизм перестал работать. Появились претенденты на роль мирового центра капитала – Китай, Россия, может быть, Индия. У России для этого есть все преимущества: она обладает огромной территорией, жизненно важными природными ресурсами, военной мощью и культурным наследием»²⁷.

«Многополярность изначально предполагает, что это танец со многими игроками. Возникает куда более сложная система, которая становится менее управляемой и более конфликтной. Более того, не стоит забывать, что это будет многополярность с ядерным оружием. А это очень специфический и беспрецедентный с исторической точки зрения опыт... сама многополярность как раз предполагает, что это всегда сложный баланс сил, который постоянно меняется»²⁸.

И хотя некоторые эксперты отмечают, что такой мир будет «менее управляемым и более конфликтным», нельзя не согласиться с тем, что эта тенденция существует; что она объективна и неизбежна.

Поэтому не случайно, как показывают международные исследования, «негативные взгляды на Россию в основном ограничиваются Европой и другими либеральными демократиями»²⁹. По некоторым оценкам, «на данный момент по крайней мере 37 стран придерживаются довольно единой стратегии санкций против России. На эти 37 стран приходится около 55% мирового ВВП»³⁰.

Итоги опроса общественного мнения, проведенного Фондом «Альянс демократии» в 52 странах мира весной 2022 г., показали, что за прекращение экономических связей с Россией высказались 55% европейцев (наиболее негативно настроенными к нашей стране оказались жители Польши, Украины, Португалии, Швеции, Италии, Великобритании, Германии и США).

²⁵ Мнение политолога Г. Мирзоянова (источник: Оздемиров У. Россия бросила вызов Западу. Кого поддержит мир? // Правда.ру. 01.05.2022. URL: https://www.pravda.ru/world/1704322-kogo_podderzhit_mir/).

²⁶ Дугин А. Государство-Цивилизация. Континент-Россия и многополярный мир // Завтра. 31.05.2022.

²⁷ Балацкий Е.В. Рентабельность капитала как драйвер глобальных экономических преобразований. 19.05.2022. URL: <http://www.vsc.ac.ru/activity/view?id=7743>

²⁸ Сысоев Т. (2022). У США поставлено на карту куда больше, чем у России (материалы интервью с историком, философом А.Теслей) // Эксперт. № 10. С. 3.

²⁹ Negative views of Russia mainly limited to western liberal democracies, poll shows // The Guardian. 30.05.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/30/negative-views-of-russia-mainly-limited-to-western-liberal-democracies-poll-shows>

³⁰ Губанов С.С. (2022). Н. Малдер: цель санкций – смена политического режима в России // Экономист. № 4. С. 8. (мнение американского историка Н. Малдера, автора книги «Экономическое оружие: подъем санкций как средства современной войны»).

В то же время население 20 из 52 стран мира относится к России преимущественно положительно и выступает против санкционной войны: два европейских государства (Венгрия, Греция), крупнейшие азиатские страны (Китай, Индия, Турция, Индонезия, Пакистан), большинство стран Азии (включая Таиланд, Малайзию, Вьетнам, Филиппины), крупные страны Африки (такие как Нигерия, ЮАР, Кения), Мексика (крупнейшая страна Латинской Америки), большинство стран арабского мира (Саудовская Аравия, Египет, Алжир, Марокко и др.)³¹.

Как отмечают российские эксперты, «мир разделился на две неравные части. Антироссийское меньшинство ограничивается Западом..., однако спецоперации не удалось настроить против России ни местные элиты, ни основную массу населения незападного мира (речь о странах Латинской Америки, Африки и части Азии)»³².

Сегодня многие российские эксперты³³ проводят параллели текущей мировой ситуации с периодом Великой Отечественной войны, отмечая, что «Гитлер, в отличие от предшествующих врагов России, ставил задачу не просто военной победы, а стирания русских из истории. По-видимому, именно такую задачу ставят сегодня его наследники-ультраглобалисты по обе стороны океана»³⁴. Однако в тот момент (во многом благодаря индустриализации, своевременно проведенной И. Сталиным) Советский Союз выстоял и уже к концу первого послевоенного десятилетия опережал многие западные страны по ключевым показателям развития промышленности и сельского хозяйства (табл. 3).

Тем не менее победной для Запада оказалась «Холодная война», которая закончилась в 1991 году предательством элит, развалом СССР и «погружением» постсоветской России в долгие десятилетия так называемых «рыночных трансформаций», воспринимаемых сегодня как период медленной утраты национального суверенитета, превращения страны в полуколониальную державу, десятилетий морально-нравственного «разложения общества»³⁵.

«Когда мы говорим о событиях 1991 года, стоит вспомнить 1917-й. И тогда, и в девяностых наша страна переживала трагические дни. И в 1991 году, и в 1917-ом произошло предательство элитами интересов народа и государства»³⁶.

«Основа глобального доминирования Запада выстраивается в первую очередь на принятии западной системы ценностей, своего рода западных смысловых кодов»³⁷.

Об итогах этих десятилетий (1991–2020 гг.) существования в системе координат «общества потребления», навязанной Западом, красноречиво говорит ряд данных социологических исследований.

Мониторинг общественного мнения, проводимый ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области с 1996 года, позволяет проследить динамику изменений ценностей и морально-нравственных норм общества фактически за весь период рыночных преобразований (с 1996 по 2020 год), причем проанализировать соответствующие изменения в разрезе основных социально-демографических категорий населения.

³¹ Negative views of Russia mainly limited to western liberal democracies, poll shows // The Guardian. 30.05.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/30/negative-views-of-russia-mainly-limited-to-western-liberal-democracies-poll-shows>

³² Акопов П. Российский урок: мир больше не верит Западу // РИА-новости. 31.05.2022. URL: <https://ria.ru/20220531/urok-1791878036.html>

³³ См., например: Делягин М. Национализация – единственный мирный язык, доступный «коллективному Западу» // Завтра. 30.05.2022.

³⁴ Фурсов А., Титов И. На переломе эпох // Завтра. 28.04.2022.

³⁵ Выступление С. Шойгу на панельной дискуссии Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов» (август 2021 г.). URL: https://zavtra.ru/events/shojgu_nazval_strashnejshuyu_ugrozu_dlya_rossii

³⁶ Володин назвал виновных в распаде СССР // РИА-новости. 18.08.2021. URL: <https://crimea.ria.ru/20210818/volodin-nazval-vinovnykh-v-raspade-sssr-1120569046.html>

³⁷ Коровин В. Конец западной гегемонии // Изборский клуб. 30.08.2019. URL: <https://izborsk-club.ru/17626>

Таблица 3. Динамика развития СССР в сравнении с некоторыми западными странами (1937–1956 гг.)

Страна	1937	1956	1956 к 1937, раз
Динамика производства промышленной продукции, % к 1913 г.			
СССР	588	3018	5,1
ФРГ	116	223	1,9
Франция	114	179	1,6
Англия	122	180	1,5
США	172	409	2,4
Удельный вес в мировом промышленном производстве, %			
СССР	9,2	19,8	2,2
ФРГ	8,4	7,5	0,9
Франция	5,5	3,4	0,6
Англия	11,5	8,0	0,7
США	37,8	39,4	1,0
Добыча угля, млн тонн			
СССР	128	429	3,4
ФРГ	203	230	1,1
Франция	44	55	1,3
Англия	244	226	0,9
США	451	459	1,0
Выплавка стали, млн тонн			
СССР	17,7	48,7	2,8
ФРГ	15,6	23,1	1,5
Франция	7,9	13,4	1,7
Англия	13,2	21,0	1,6
США	51,4	104,5	2,0
Темпы роста валовой продукции машиностроения и металлообработки, раз к 1913 г.			
СССР	20,0	184,0	9,2
ФРГ	2,1	4,0	1,9
Франция	1,2	2,4	2,0
Англия	2,4	5,0	2,1
США	5,0	16,7	3,3
Производство электроэнергии, киловатт-часов			
СССР	218	954	4,4
ФРГ	715	1572	2,2
Франция	488	1234	2,5
Англия	675	1875	2,8
США	1136	4015	3,5
Динамика посевных площадей, млн гектаров			
СССР	132	195	1,5
США	132	129	1,0
Динамика капитального строительства, % к 1929 г.			
СССР	445	2371	5,3
США	51	427	8,4
Грузооборот железнодорожного транспорта, млрд тонно-километров			
СССР	355	1079	3,0
США	528	945	1,8
Уровень производительности труда, % к 1928 г.			
СССР	258	726	2,8
США	98	155	1,6
ФРГ	130	170	1,3

Источник: СССР и капиталистические страны за 40 лет. URL: https://istmat.org/files/uploads/35057/sss_r_i_kap._strany_za_40_let.pdf

Результаты исследования показывают, что за последние почти 25 лет в **российском обществе**:

1. Заметно снизилось значение большинства (14 из 18) морально-нравственных качеств, отражающих отношение людей к своей жизни в целом, своей стране, профессии, окружающим людям (Приложение 1А, стр. 35).

Динамика отношения людей к различным морально-нравственным качествам за период 1996–2020 гг.*

Общее количество морально-нравственных качеств, перечисленных в вопросе	Количество негативных изменений	Количество положительных изменений	Отсутствие изменений
18	14	2	2

* По оценкам людей, считающих перечисленные морально-нравственные качества «неважными».

В частности, увеличилась доля людей, считающих неважными такие качества, как:

- ✓ отзывчивость (на 8 п. п., с 14 до 22%),
- ✓ взаимопомощь (на 8 п. п., с 11 до 19%),
- ✓ терпимость (на 8 п. п., с 13 до 21%),
- ✓ порядочность (на 7 п. п., с 6 до 13%),
- ✓ честность (на 7 п. п., с 7 до 14%) и многие другие.

Причем за этот период негативные тенденции были отмечены в 7 из 11 социально-демографических категорий населения, включая лиц среднего и старшего возраста (доля людей, считающих *неважными* более половины из перечисленных в опросе морально-нравственных качеств, увеличилась на 6 и 17 п. п. соответственно); жителей районов (на 18 п. п.); как мужчин, так и женщин (на 4 п. п.; Приложение 1Б, стр. 36).

Динамика отношения людей к различным морально-нравственным качествам за период 1996–2020 гг. в социально-демографических группах*

Общее количество социально-демографических групп	Количество негативных изменений	Количество положительных изменений	Отсутствие изменений
11	7	1	3

* По оценкам людей, считающих перечисленные морально-нравственные качества «неважными».

2. Преимущественно негативные тенденции за последние 24 года (1996–2020 гг.) отмечаются и в динамике отношения людей к различным нравственным явлениям и поступкам.

10 из 15 перечисленных в опросе негативных явлений и поступков стали для людей «приемлемыми, вполне нормальными» (Приложение 2А, стр. 37).

Динамика отношения людей к различным негативным морально-нравственным явлениям и поступкам за период 1996–2020 гг.*

Общее количество негативных поступков, перечисленных в вопросе	Количество негативных изменений	Количество положительных изменений	Отсутствие изменений
15	10	0	5

* По оценкам людей, считающих перечисленные поступки «приемлемыми, вполне нормальными».

В частности, возрос удельный вес тех, кто считает **«приемлемыми» или «вполне нормальными»:**

- ✓ лень (на 20 п. п., с 22 до 42%),
- ✓ стремление поменьше работать и побольше получать (на 13 п. п., с 36 до 49%),
- ✓ зазнайство и высокомерие (на 9 п. п., с 11 до 20%),
- ✓ подхалимство и угодничество (на 7 п. п., с 9 до 16%),
- ✓ взятки (на 4 п. п., с 10 до 14%) и т. д.

Так же как в отношении морально-нравственных качеств, отрицательные изменения в отношении людей к негативным морально-

нравственным явлениям и поступкам отмечаются почти во всех (в 12 из 14) социально-демографических категориях населения (за исключением людей в возрасте до 30 лет и жителей области, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наиболее обеспеченных слоев населения; *Приложение 2Б, стр. 38*).

Динамика отношения людей к различным негативным морально-нравственным явлениям и поступкам за период 1996–2020 гг. в социально-демографических группах*

Общее количество социально-демографических групп	Количество негативных изменений	Количество положительных изменений	Отсутствие изменений
14	12	1	1

* По оценкам людей, считающих перечисленные поступки «приемлемыми, вполне нормальными».

3. Наконец, следует отметить, что наряду с общим отношением людей к различным морально-нравственным качествам, негативным явлениям и поступкам, существующим в обществе в целом, по итогам 1996–2020 гг. фиксируются отрицательные изменения и в динамике их собственного поведения.

Всего из 11 перечисленных в вопросе негативных поступков и форм поведения в девяти случаях люди стали реже испытывать чувство вины, угрызения совести (*Приложение 3А, стр. 39*).

Динамика доли людей, не испытывающих чувство вины при совершении тех или иных негативных поступков, за период 1996–2020 гг.*

Общее количество негативных поступков, перечисленных в вопросе	Количество негативных изменений	Количество положительных изменений	Отсутствие изменений
11	9	1	1

* По оценкам людей, «не испытывающих угрызения совести» в случае совершения перечисленных негативных поступков.

Значительно увеличилась доля тех, кто *не испытывает* чувство вины, угрызения совести в случае:

- ✓ нанесения кому-либо обиды, проявления грубости (на 19 п. п., с 16 до 35%),
- ✓ недостаточного внимания к родителям (на 19 п. п., с 34 до 53%),
- ✓ совершения какого-либо несправедливого поступка (на 16 п. п., с 25 до 41%),
- ✓ невыполненного обещания (на 15 п. п., с 25 до 40%),
- ✓ плохого отношения к детям (на 13 п. п., с 54 до 67%) и т. д.

Причем **единственная** группа населения, в которой не уменьшилась доля испытывающих чувство вины при совершении каких-либо негативных морально-нравственных поступков, — это люди старшего возраста (как и в 1996 году, она составила 55%; *Приложение 3Б, стр. 40*).

Динамика доли людей, не испытывающих чувство вины при совершении тех или иных негативных поступков, за период 1996–2020 гг. в социально-демографических группах*

Общее количество социально-демографических групп	Количество негативных изменений	Количество положительных изменений	Отсутствие изменений
11	10	1	0

* По оценкам людей, «не испытывающих угрызения совести» в случае совершения перечисленных негативных поступков.

Отметим, что в отношении указанных негативных тенденций динамики морально-нравственного уровня общества Вологодская область не является уникальным российским регионом, а скорее выступает как типичный субъект РФ³⁸. Так, данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН подтверждаются результатами общероссийских социоло-

³⁸ Следует при этом отметить, что Вологодская область, и в целом регионы Северо-Западного федерального округа, традиционно более критично относятся к деятельности органов власти, что, в частности, проявляется на выборах федерального уровня. Так, например, по итогам последних выборов в Государственную Думу РФ (19 сентября 2021 г.) явка в целом по России составила 52%, в среднем по СЗФО — 42%, в Вологодской области — 46%. Поддержка «Единой России» на этих выборах составила 50% в среднем по стране, 35% — по СЗФО и 34% — по Вологодской области.

гических опросов, свидетельствующих о том, что по сравнению с советским периодом «базовые жизненные ценности россиян, то, что они ценят в жизни, претерпели существенные изменения... Мерилом общественного статуса,

благополучия человека, его успеха в обществе в настоящее время стало одно – материальное благополучие. Другие индикаторы социального положения человека в обществе потеряли существенную часть своей значимости»³⁹ (табл. 4).

Таблица 4. Представления россиян о жизненных ценностях и факторах успеха в 1986 и 2006 гг.*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	1986 г.	2006 г.	Изменение (+/-), п. п.
<i>Жизненные ценности</i>			
Материальное благополучие	31	55	+24
Семья, супружество	60	53	-7
Дети	55	45	-10
Уважение окружающих	27	17	-10
Интересная работа	41	29	-12
Стремление быть полезным обществу	26	6	-20
<i>Факторы успеха</i>			
«Связи» с нужными людьми	7	30	+23
Везение	7	30	+23
Способности, талант	15	32	+17
Умение приспособиться, гибкость	4	20	+16
Образование	39	54	+15
Помощь влиятельных родственников	4	14	+10
Целеустремленность	27	37	+10
Материальная помощь родителей	9	16	+7
Лидерство	9	16	+7
Социальные связи, поддержка близких	27	31	+4
Инициативность	21	25	+4
Принципиальность	22	14	-8
Бескорыстие	20	10	-10
Ответственность	46	32	-14
Честность, порядочность	63	41	-22
Трудолюбие	74	52	-22
Человеческое взаимопонимание, взаимопомощь	53	27	-26
Отзывчивость, доброта	57	27	-30
* Ранжировано по изменению (в процентных пунктах). Жирным шрифтом выделены наиболее значимые изменения (более 20 п. п.). Составлено по: Андрееenkova A.B. Изменения в образе жизни и ценностях россиян. URL: https://www.cessi.ru/cennosti			

³⁹ Андрееenkova A.B. Изменения в образе жизни и ценностях россиян. URL: <http://www.cessi.ru/index.php?id=171>
Исследование было проведено Институтом сравнительных социальных исследований (CESSI).

ЦЕССИ – независимая исследовательская компания с более чем 30-летним опытом работы (основана в марте 1989 г.) в области производства и анализа социальной информации – социальных исследований, опросов общественного мнения, маркетинговых исследований в России, а также Беларуси, Украине, Казахстане, странах Средней Азии и Кавказа, Монголии и странах Центральной и Восточной Европы.

Параметры выборки: 1986 г. – Всесоюзное исследование населения разных республик СССР (в том числе РФ) по случайной выборке населения 18 лет и старше. Объем выборки по РФ – 4400 человек. Метод опроса – анкета, заполняемая самим респондентом на дому. Исследование было проведено Институтом социологии РАН под рук. И.Т. Левыкина.

2006 год – Всероссийское исследование, проведенное по случайной вероятностной выборке населения страны 18 лет и старше. Объем выборки составил 1200 человек. Метод опроса – личные интервью на дому у респондента. Исследование было проведено ЦЕССИ под рук. В.Г. Андрееenkova.

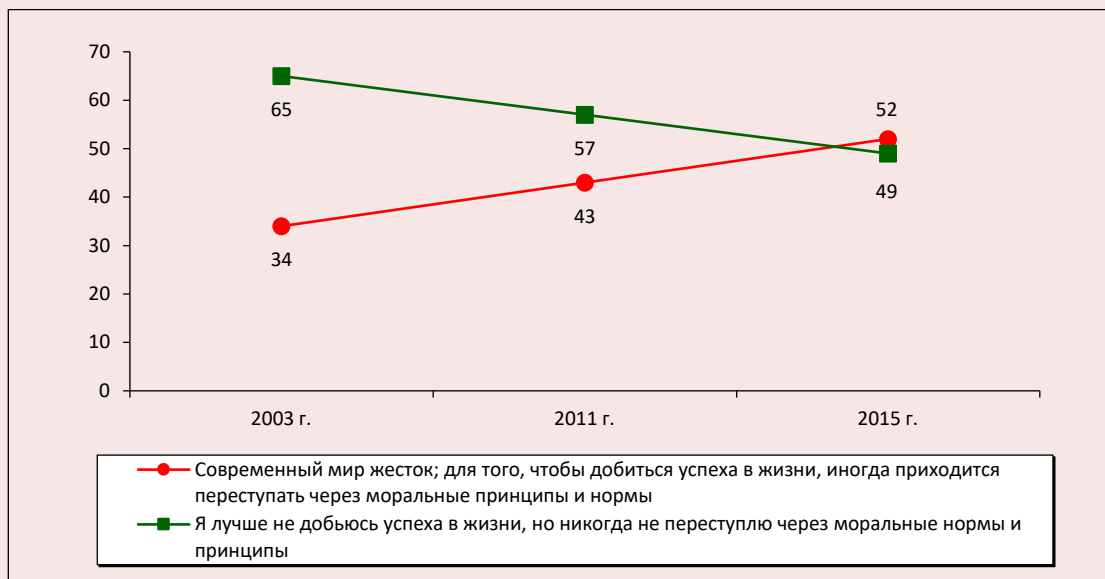
Другое российское исследование, проведенное Институтом социологии РАН, позволяет оценить динамику ценностных изменений уже

«Происходящие в последние два десятилетия в стране процессы изменили многое не только в экономике и политике, но и в обыденной жизни каждого человека, в отношениях между людьми, в понимании того, что сегодня есть жизненный успех, какие цели надо перед собой ставить и какими средствами для достижения этих целей можно пользоваться. У многих россиян складывается убеждение в полной и безвозвратной утере нашим обществом и его гражданами нравственных норм, в том, что эрозия морали достигла той критической точки, за которой грядёт духовное перерождение, а точнее – вырождение России»⁴⁰.

в 2000-х гг. (за период с 2003 по 2011 год). Так, по данным экспертов, доля россиян, считающих, что «современный мир жесток; для того чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы», увеличилась с 34 до 43%. В свою очередь удельный вес тех, кто «лучше не добьется успеха в жизни, но никогда не переступит через моральные нормы и принципы», снизился с 65 до 57% (рис. 2).

Эта тенденция продолжилась и в середине 2010-х гг.: так, в 2015 году эксперты ИС РАН зафиксировали, что доля людей, «готовых переступить через моральные принципы и нормы», возросла до 52% (см. рис. 2), а удельный вес тех, кто «лучше не добьется успеха в жизни, но никогда не переступит через моральные нормы и принципы», снизился до 49%⁴¹.

Рис. 2. Морально-нравственные установки россиян, % от числа ответивших



Составлено по: Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) (2011): аналитический доклад ИС РАН. М. 304 с.; Горшков М.К., Седова Н.Н. (2015). «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. № 12. С. 13.

⁴⁰ Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) (2011): аналитический доклад ИС РАН. М. С. 2014, 2015.

⁴¹ Горшков М.К., Седова Н.Н. (2015). «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. № 12. С. 13.

Таким образом, результаты и российских, и региональных социологических исследований эмпирически показывают, что на протяжении всего постсоветского периода в российском обществе наблюдались процессы снижения морально-нравственного уровня, причем не в некоторых группах, а фактически во всех основных социально-демографических категориях населения.

«За последние 20 лет ценности наших граждан сильно поменялись, и далеко не в лучшую сторону... В системе ценностей россиян в современной России на первом месте стоит материальное благополучие и потребление... Десятилетия дефицита, показное потребление элит и трансляция ценностей престижного потребления в СМИ логично привели к тому, что „нация победителей” стала „нацией потребителей”»⁴².

Хотя это не означает, что за последние 25–30 лет российское общество полностью деградировало морально и нравственно. По данным наших исследований в 2020 году, как и в середине 90-х гг., подавляющее большинство россиян (от 70 до 90%) по-прежнему считают для себя важными такие чувства, как справедливость, порядочность, уважение к старшим, отзывчивость и т. д.

И это имеет принципиальное значение, поскольку говорит о том, что «поезд еще не ушел»; что при эффективном руководстве, то есть ког-

да ориентация на национальные интересы (в экономике, политике, культуре) подтверждается не только публичной риторикой органов власти на всех уровнях, но и честными, реально «доходящими» до широких слоев населения шагами по их реализации, достижение культурного суверенитета вполне реально.

Тем не менее, если вести речь о динамике отмечаемых пока что изменений, то в этом случае негативные тенденции (в виде роста эгоистических установок, готовности ради личного успеха переступить через нормы морали, нравственности и даже закона) очевидны...

«Культурный суверенитет страны включает в себя право страны и ее народа руководствоваться теми образцами, ценностями и нормами поведения, которые выработаны в ходе их истории, признаются и принимаются ее народом...; противодействовать распространению информационной продукции, угрожающей историко-культурной самоидентификации общества...; обязанность государства не допускать использования сферы культуры для нанесения ущерба национальному государственно-политическому суверенитету и территориальной целостности страны»⁴³.

И это, в принципе, не удивительно, поскольку примеры и образцы подобного «поведения» люди могли видеть на всех ступенях государственной иерархии: начиная с коррупции на

⁴² Национальная идентичность и будущее России (2014): доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М. С. 16.

⁴³ Черняховский С.Ф. О культурном суверенитете // Изборский клуб. 07.06.2014. URL: <https://izborsk-club.ru/3354#:~:text=Культурный%20суверенитет%20страны%20включает%20в,признаются%20и%20принимаются%20ее%20народом>

региональном, муниципальном, а порой и федеральном⁴⁴ уровне и заканчивая «аферой, не имеющей прецедента в нашей истории»⁴⁵ (как охарактеризовали эксперты реформу залоговых аукционов, проведенную Б. Ельциным в 1995 году).

«Деидеологизация государства оказалась основной целью при подготовке Конституции РСФСР... Как итог, уже почти тридцать лет страна блуждает в потемках и ищет национальную идею...»⁴⁶

Преодоление процессов внутреннего морально-нравственного разложения было поставлено Президентом РФ В.В. Путиным в число ключевых ориентиров будущей российской государственности, которую он начал выстраивать с момента своего первого президентского срока. Об этом свидетельствует тот факт, что в его первой программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» (1999 г.) «Российская идея» фигурирует **первой** в списке ориентиров национального развития, предваряя такие цели, как «Сильное государство» и «Эффективная экономика»⁴⁷. Как отмечал глава государства,

«достижение необходимой динамики роста — проблема не только экономическая. **Это проблема также политическая и в определенном смысле идеологическая...**»⁴⁸

Своими конкретными действиями (такими как «мюнхенская речь» 2007 г., выступление на Валдайском форуме 2013 г., «крымская весна» 2014 г., поправки к Конституции 2020 г., Стратегия национальной безопасности и проект закона о традиционных ценностях 2021 г., выступление на Валдайском форуме 2021 г. и многими другими) Президент РФ не только лично способствовал процессу формирования в российском обществе национальной идеи, но и стимулировал обсуждение организационных и теоретических основ государственной идеологии в научной среде⁴⁹.

«Национальная идея – главная целевая установка общности людей, объединенных национальной идентичностью. Национальная идея не рациональна, она воспринимается людьми не только как задача на пути к чему-то, а как самоцель, как миссия. Только на ее основе можно говорить о национальной стратегии, направленной на реализацию национальной идеи»⁵⁰.

⁴⁴ См., например: дело экс-министра экономического развития А. Улюкаева, экс-главы Минстроя М. Меня, экс-министра по развитию Дальнего Востока В. Ишаева, экс-министра по вопросам «открытого правительства» М. Абызова, экс-министра по атомной энергии Е. Адамова, экс-министра обороны А. Сердюкова, замминистра финансов С. Сторчака, бывшего замглавы Минсельхоза А. Бажанова, бывшего замглавы МЧС В. Артамонова, бывшего замминистра культуры Г. Пирумова, бывшего замминистра науки и высшего образования М. Лукашевич, бывшего замминистра энергетики А. Тихонова, экс-замминистра просвещения М. Раковой и др.

⁴⁵ Добренков В.И., Исправникова Н.Р. (2013). Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. С. 33.

⁴⁶ Зикеев В. (2022). Идеология многонационального народа // Эксперт. Май. URL: <https://telega.ph/Ideologiya-mnogonacionalnogo-naroda-05-21>

⁴⁷ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См., например:

1. Делягин М. Новая русская идеология // Официальный блог М. Делягина. 05.02.2021. URL: <https://delyagin.ru/articles/191-materialy-mgd/88332-novaja-russkaja-ideologija>

2. Россия — Ноев Ковчег человечества: Философско-религиозные и методологические аспекты государственной идеологии будущей России (2019) / под общ. ред. Ю.В. Громыко, Ю.В. Крупнова. М.: ЛЕНАНД. 208 с.

3. Малинецкий Г. Стратегия и идеология России в XXI веке. URL: <https://izborsk-club.ru/20772>

⁵⁰ Национальная идентичность и будущее России (2014): доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М. С. 9.

Некоторые из этих шагов Президента эксперты так и называли — попытками сформулировать новую государственную идеологию.

«Ценностные категории, закрепленные в обновленном Основном законе России, представляют собой **элементы выкристаллизовавшейся идеологии**»⁵¹.

Эксперты о выступлении В.В. Путина на Валдайском форуме 21 октября 2021 г.: «Президент фактически объявил войну идеологии глобализма... более того, речь Путина (расширенная ответами на вопросы) стала заявлением **новой русской государственной идеологии**. Это „идеология здорового консерватизма“, или „разумного консерватизма“, „умеренного консерватизма“»⁵².

Однако, как и многие другие начинания главы государства, задача формирования «Российской идеи», которую Президент ставил перед собой и перед страной еще в 1999 году, не была полностью реализована.

И не могла быть, поскольку на протяжении всего этого времени в системе государственного управления существовали «пятая» и «шестая» колонны.

«Российская версия капитализма для своих, — как отмечают эксперты, — начала складываться с 1991 г.»⁵³, и фактически на протяжении 30 лет (до объявления Президентом специальной военной операции на территории Украины в феврале

2022 г.) властвующие элиты страны были «вписаны» в либеральную парадигму развития, поэтому у главы государства просто не было возможности завершить задачу национализации элит.

«Пятая колонна — это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей»⁵⁴.

«Шестая колонна — носители либеральной западной идеологии, которые при этом прикрываются табличкой „друг Путина“, с какой-нибудь формальной должностью или позицией в государственной системе»⁵⁵.

Еще в середине 2010-х гг. эксперты отмечали, что «главная проблема текущего момента в том, что олигархически-компрадорское государство недееспособно в принципе и только усугубляет драматический системный кризис, ведя его ко внутривластному...»; чтобы решить эту проблему, «необходимо **возвращение под национальный суверенитет командных высот экономики**, то есть банковской сферы, инфраструктурных отраслей, внешней торговли. Над командными основами экономики должен быть восстановлен государственный суверенитет России: никакого иностранного капитала, никакого частного и олигархически-компрадорского капитала»⁵⁶.

⁵¹ Зикеев В. (2022). Идеология многонационального народа // Эксперт. Май. URL: <https://telega.ph/Ideologiya-mnogonacionalnogo-naroda-05-21>

⁵² Можегов В. Путин сформулировал новую русскую идеологию // Взгляд. 28.10.2021. URL: <https://vz.ru/opinions/2021/10/28/1126177.html>

⁵³ Добренков В.И., Исправникова Н.Р. (2013). Российская версия „капитализма для своих“: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. С. 29.

⁵⁴ Большая пресс-конференция В.В. Путина 18.12.2014 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47250>

⁵⁵ Победа Трампа: что будет с либеральным зоопарком в России? Эксперты о том, что ожидает пятую и шестую колонны после победы Дональда Трампа. URL: https://tsargrad.tv/articles/pobeda-trampa-chto-budet-s-liberalnym-zooparkom-v-rossii_34288

⁵⁶ Губанов С.С. Компрадорский режим держится на волоске истории // Бизнес-Online. 24.02.2015. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/126419>

Однако если в 2013 году эксперты говорили о том, что **«реальная национализация элит стала бы слишком жестоким наказанием для чиновников, депутатов и сенаторов»⁵⁷**, то после начала специальной военной операции 24 февраля 2022 года вектор экспертной риторики изменился: они говорят о том, что **«началась реальная национализация элит»⁵⁸**; **«обещанная некогда национализация элит... теперь точно произойдет»⁵⁹**.

Напомним, что еще в 2021 году свой (как отмечают эксперты) «наиболее значительный пост»⁶⁰ координатора Экспертного совета при Правительстве РФ (куда его назначил бывший председатель Правительства РФ Д. Медведев⁶¹) покинул А. Волошин — человек, которого называют «идеологом Семьи»⁶² и «„мозгом” либерального клана»⁶³.

После февраля 2022 года свою должность покинул Советник Президента В. Юмашев — зять Б. Ельцина и член правления и попечительского совета «Ельцин-центра» (который в первые дни спецоперации призывал «немедлительно остановить военные действия»⁶⁴).

Как отмечают эксперты, В. Юмашев был «одним из немногих оставшихся звеньев связи путинской администрации с ельцинским правлением, периодом либеральных реформ и открытости России по отношению к Западу.. Чубайс был менеджером, а Юмашев — стра-

тегом и проводником политики остатков Семьи [фактически бенефициаров однополярного мира в России]... его уход означает по сути полный разрыв отношений Семьи с действующей властью. Кризис этих отношений зрел давно, с 2012 года, теперь наступил окончательный конец... Обязательства перед покойным Ельциным признаны исполненными»⁶⁵.

Преждевременно говорить о том, что после 24 февраля 2022 года все эти проблемы в системе государственного управления решатся сами собой. Тем не менее у новой России такого исторического шанса на достижение полного (не только внешнего, но и внутреннего) национального суверенитета еще не было.

«...олигарх – это не просто миллиардер, а такой миллиардер, который определяет внутреннюю и внешнюю политику государства или серьёзно влияет на неё... спецоперация ВС РФ на Украине была бы невозможна в условиях олигархического правления. Никто бы не дал армии наступать на особо опекаемую Западом, т. е. хозяевами и небожителями, территорию»⁶⁶.

«Действия США и их сателлитов открывают перед Россией широкий спектр возможностей, все сильнее представляющихся обязанностями»⁶⁷.

⁵⁷ Кошелек и жизнь // Газета.ru. 19.08.2013. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2013/08/19_e_5597585.shtml

⁵⁸ Миронов: благодаря санкциям началась реальная национализация элит // Парламентская газета. 17.05.2022. URL: <https://www.pnp.ru/politics/mironov-blagodarya-sankciyam-nachalas-realnaya-nacionalizaciya-elit.html>

⁵⁹ Это хороший повод разобраться с паразитом — иностранным капиталом в России! // Бизнес-Online. 05.03.2022. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/542023>

⁶⁰ Зять Ельцина («смотрящий от Семьи») уволился с поста советника Путина // Завтра. 31.05.2022.

⁶¹ Координатором экспертного совета при правительстве РФ стал Александр Волошин // Независимая газета. 12.12.2019. URL: https://www.ng.ru/economics/2019-12-12/4_7751_news1.html

⁶² «Музыка сфер»: зачем возвращается во власть Александр Волошин // Новые известия. 14.12.2019. URL: <https://newizv.ru/news/politics/14-12-2019/muzyka-sfer-zachem-vozvrashaetsya-vo-vlast-aleksandr-voloshin>

⁶³ Делягин М. Волошин вышел из тени — либеральный клан готовится к наступлению // ИА Реалист. 18.12.2019.

⁶⁴ Ельцин-центр призвал прекратить военную операцию на Украине // РБК. 25.02.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/02/2022/621907ef9a7947cdd40039499>

⁶⁵ Зять Ельцина («смотрящий от Семьи») уволился с поста советника Путина // Завтра. 31.05.2022.

⁶⁶ Сорокин Н. Без олигархии и олигархов // Завтра. 30.05.2022.

⁶⁷ Делягин М. Национализация — единственный мирный язык, доступный «коллективному Западу» // Завтра. 30.05.2022.

Впервые за весь постсоветский период внутренний вектор движения, задаваемый и поддерживаемый Президентом, полностью совпал с внешними условиями, сформированными и стимулируемыми (как это ни парадоксально) «коллективным Западом». И в этом смысле цивилизационный кризис, возникший в 2022 году между русской и англосаксонской цивилизациями, представляет собой «окно возможностей» (причем которое уже нельзя просто так «закрывать»).

В настоящее время это «окно возможностей» государство начинает активно «осваивать», о чем свидетельствуют инициативы и решения, нацеленные (что важно подчеркнуть) не только на консолидацию российского общества в тяжелых для страны условиях, но и на будущие поколения. По большому счету, этот процесс начался даже раньше: в частности, во *Вкладке 2* представлены ключевые решения и действия Президента с момента вступления в силу поправок к Конституции РФ (1 января 2021 г.), за которые проголосовали 79%, или почти 58 млн российских избирателей.

Таким образом, практическая реализация цели формирования в обществе «Российской идеи» шла задолго до спецоперации на

Украине. Однако рубликон, который был пройден страной 24 февраля 2022 года, предоставляет ей и лично главе государства уникальный исторический шанс, для того чтобы завершить это пока еще незавершенное дело.

В данном ракурсе сама спецоперация на Украине представляет собой лишь тактическую, хотя и важнейшую, задачу, без успешного решения которой достижение стратегических целей не представляется возможным. Но суть глобального конфликта и открывающихся для России перспектив – в гораздо большем.

В конечном итоге она состоит в возможности создания условий для эффективного и интенсивного внутреннего развития; для окончательного искоренения препятствий (в лице, прежде всего, «шестой колонны», «семьи» или, проще говоря, либерального, в перспективе, «прошлого»), которые на протяжении всего постсоветского периода не были заинтересованы в реальном решении проблем бедности, неравенства, коррупции, нарастающего индивидуализма, морально-нравственной деградации и многих других явлений, которыми характеризовалась Россия в период движения по рыночным, либерально-капиталистическим «рельсам» развития.

«Основная наша задача – создание нового добротного и, значит, художественно сильного образа будущего. И если он светлый, если люди поверят в него, то он потихоньку станет реальностью... Создание образа будущего есть идейный фундамент строительства новой России. За созданием образа должен возникнуть „опытный образец“ (экспериментальная модель-эталон, а по сути – зерно желанного социального устройства жизни людей), после чего включается система тиражирования приемлемого варианта будущего. В широком смысле тиражированием достигнутого людьми занимается система образования. Такова последовательность развития общества: „образ – образец – образование“⁶⁸.

Советский Союз «отправлял на внешний рынок всего 14% производимой в стране энергии. Главным донором была Саудовская Аравия, которая отправляла на внешний рынок почти все. А вот с начала 2000-х, когда у нас была принята стратегия энергетической сверхдержавы, весь прирост производства энергоресурсов шел на экспорт, внутреннее потребление стагнировало. И к концу 2000-х Россия, прирастив объем производства в полтора раза, стала отправлять на внешний рынок уже половину производимой в стране энергии... **Россия должна стать индустриальной державой. Но сможем ли мы это сделать?»⁶⁹**

⁶⁸ Лебедев Д. Ось развития // Завтра. 26.05.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/os_razvitiya

⁶⁹ Пора стать индустриальной державой? Или еще не пора? (2022). // Эксперт. № 22. С. 11.

**Хронология некоторых действий федеральных органов государственной власти
по укреплению внутренних основ национального суверенитета в 2021–2022 гг.**

2021 год
<p>9 июня 2021 г. – Мосгорсуд удовлетворил иск Генпрокуратуры, признав ФБК и штабы А. Навального экстремистскими организациями. Активистам и донорам грозит уголовная ответственность в случае продолжения деятельности или финансирования⁷⁰. «Создавал условия для «дестабилизации социальной и общественно-политической ситуации», имел целью «изменение основ конституционного строя», «в том числе с использованием сценария «цветной революции» – так звучит прокурорский вердикт. Буквально за год была зачищена вся сетка так называемой несистемной оппозиции, а сам Алексей Навальный после многочисленных всевозможных нарушений порядка отбывания своих условных сроков отправился за решетку»⁷¹.</p>
<p>30 июня 2021 г. – экс-министр просвещения О. Васильева выбрана Президентом Российской академии образования (РАО). По оценкам экспертов, О. Васильева «возрождает лучшие традиции российского образования»⁷²; «главной задачей образования видит именно идеологическое воспитание, а не бизнес»⁷³; «позиционируется как противовес либеральной общественности»⁷⁴; «дает надежду на преодоление кризисных явлений, накопившихся в отечественной высшей и средней школе в течение последних десятилетий»⁷⁵.</p>
<p>1 июля 2021 г. – смена ректора Высшей школы экономики, считающейся «самым крупным проводником западной идеологии в нашу страну, двигателем либеральных идей»⁷⁶. Свой пост покинул ректор Высшей школы экономики (ВШЭ) Я. Кузьминов, который занимал эту должность с 1992 года и, как отмечают некоторые эксперты, являлся «идеологом либерального блока в кабмине РФ и признанным могильщиком образования»⁷⁷. Его место занял бывший ректор Дальневосточного федерального университета Н. Анисимов; по мнению некоторых экспертов – «несомненно, креатура администрации Президента»⁷⁸.</p>
<p>30 июля 2021 г. – Создание Межведомственной комиссии по историческому просвещению. Комиссию возглавил помощник Президента РФ В.Р. Мединский. Целью создания Комиссии является «обеспечение планомерного и наступательного подхода к вопросу отстаивания национальных интересов Российской Федерации, связанных с сохранением исторической памяти и развитием просветительской деятельности в области истории»⁷⁹.</p>

⁷⁰ Суд признал ФБК и штабы Навального экстремистскими организациями // РБК. 09.06.2021 URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/06/2021/608670e09a7947709c4de06c>

⁷¹ Закат несистемных пассионариев (2021) // Эксперт. № 25. 14–20 июня.

⁷² Мнение академика РАО, ректора НИЯУ МИФИ М. Стриханова (источник: Единственно верное решение // Коммерсант. 28.06.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877626>).

⁷³ Мнение генерального директора Института региональных проблем к.п.н. Д. Журавлева (источник: Захаркин С., Герейханова А., Белый М. Либералы используют атаки в школах, чтобы убрать Васильеву // Ura.ru. 22.01.2018. URL: <https://ura.news/articles/1036273645>).

⁷⁴ Мнение директора Минченко-консалтинг Е. Минченко (источник: там же.).

⁷⁵ Мнение ректора Московского педагогического государственного университета А. Лубкова (источник: Васильева возрождает лучшие традиции российского образования // РИА-новости. 13.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200113/1563347621.html>).

⁷⁶ URL: https://zavtra.ru/blogs/kuz_minov_dvinulsya_v_nauchnie_rukovoditeli_vishki

⁷⁷ URL: https://zavtra.ru/events/kuznitca_liberasnih_kadrov_obezglavlena

⁷⁸ Скрынникова А., Юзбекова И. «Он как государственный чиновник»: почему ректором ВШЭ стал Никита Анисимов. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/434335-kak-gosudarstvennyy-chinovnik-pochemu-ректором-vshe-stal-nikita-anisimov>

⁷⁹ О Межведомственной комиссии по историческому просвещению: Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2021 г. № 442 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47084>

2022 год
<p>21 января 2022 г. – опубликован проект указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», разработанный Министерством культуры в соответствии со Стратегией национальной безопасности.</p> <p>В документе сформулирован список нравственных ориентиров, «формирующих мировоззрение граждан России». Среди задач — «обеспечение морального лидерства России в международных отношениях как хранителя традиционных общечеловеческих ценностей», противодействие «деструктивной идеологии», защита русского языка от нецензурной лексики⁸⁰.</p>
<p>21 февраля 2022 г. – Указы Президента РФ о признании независимости Донецкой и Луганской Народных Республик⁸¹.</p> <p>В связи с принятыми Указами глава государства выступил с обращением к россиянам, в котором отметил, что «каждая страна имеет право выбирать собственную систему обеспечения безопасности..., но в международных документах прямо зафиксирован принцип равной и неделимой безопасности, которая, как известно, включает в себя обязательства не укреплять свою безопасность за счёт безопасности других государств..., а вступление Украины в НАТО — это прямая угроза безопасности России... Россия сделала всё для сохранения территориальной целостности Украины, все эти годы настойчиво и терпеливо боролась за исполнение Резолюции Совета Безопасности ООН 2202 от 17 февраля 2015 года, закрепившей минский Комплекс мер от 12 февраля 2015 года по урегулированию ситуации на Донбассе. Всё тщетно... В этой связи считаю необходимым принять уже давно назревшее решение — незамедлительно признать независимость и суверенитет Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики...»⁸²</p>
<p>24 февраля 2022 г. – обращение Президента РФ к гражданам России в связи с началом специальной военной операции на территории Украины.</p> <p>Как отметил глава государства, целью спецоперации является «защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима... на наших же исторических территориях, — создаётся враждебная нам «анти-Россия», которая поставлена под полный внешний контроль..., для нашей страны — это в итоге вопрос жизни и смерти, вопрос нашего исторического будущего как народа... Это реальная угроза не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету... наши действия — это самозащита от создаваемых нам угроз и от ещё большей беды, чем та, что происходит сегодня»⁸³.</p>
<p>4 марта 2022 г. — Установлена административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооружённых сил России⁸⁴ и уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых сил России⁸⁵.</p> <p>По мнению экспертов, данный закон необходим для того, чтобы «бороться с информационным терроризмом»⁸⁶; «нормы прямого действия заставят тех, кто лгал и делал заявления, дискредитирующие наши Вооруженные силы, понести наказание, причем очень жесткое»⁸⁷.</p>

⁸⁰ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967>

⁸¹ Указ Президента РФ о признании Донецкой Народной Республики. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002>

Указ Президента РФ о признании Луганской Народной Республики. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220001>

⁸² Обращение Президента РФ к гражданам России 21 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828>

⁸³ Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

⁸⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67910>

⁸⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67908>

⁸⁶ Мнение политолога А. Асафова (источник: Политолог объяснил, для чего приняли закон о наказании за фейки // Ura.ru. 04.03.2022. URL: <https://ura.news/news/1052536560>).

⁸⁷ Комментарий Председателя Государственной Думы В. Володина (источник: Вводится ответственность за распространение фейков о действиях ВС РФ // Официальный сайт Государственной Думы РФ. 04.03.2022. URL: <http://duma.gov.ru/news/53620/>).

Продолжение вкладки 2

<p>3 мая 2022 г. — Указ Президента РФ № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»⁸⁸.</p> <p>Во исполнение Указа утвержден перечень компаний, с которыми (и с подконтрольными которым) российским юридическим и физическим лицам запрещены любые финансовые операции и поставки товаров⁸⁹. Как отметили эксперты, «этот внятный, жесткий и при этом демонстративно обдуманый и пока весьма ограниченный ответ в наиболее чувствительной для стран-агрессоров газовой сфере свидетельствует не только о способности России к самозащите, но и о готовности нанесения новых ответных ударов как в газовой, так и в других чувствительных для Запада сферах»⁹⁰.</p>
<p>16 мая 2022 г. — из числа лиц, которым присуждена премия правительства Российской Федерации 2021 года в области культуры, исключен бывший художественный руководитель Театра им. Вахтангова Р. Туминас⁹¹, планировавший поставить спектакль «Мой друг Бандера» и заявлявший о необходимости «стереть из памяти» русских артистов⁹². Как отметили эксперты, это «существенное, хотя и символическое проявление решимости России отстаивать свои национальные интересы... Ранее статусные русофобы от культуры выглядели принципиально неприкосновенными»⁹³.</p>
<p>24 мая 2022 г. — министр науки и высшего образования РФ В. Фальков объявил о выходе России из Болонской системы образования.</p> <p>Прежде всего речь идёт об отказе от принятой двухуровневой системы подготовки в вузах (4 года бакалавриата и 2 года магистратуры) и возвращении на специалитет (5–6 лет обучения). Новый перечень специальностей министерство подготовит к 2024 году. Как отметил В. Фальков, «к Болонской системе надо относиться как к прожитому этапу. Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента»⁹⁴. Многие эксперты называют это «назревшим решением»⁹⁵, которое «улучшит ситуацию с образованием в нашей стране»⁹⁶.</p>
<p>7 июня 2022 г. — Государственной Думой РФ утвержден законопроект «О российском движении детей и молодежи „Большая перемена”»⁹⁷.</p> <p>Движение является массовой некоммерческой самоуправляемой организацией. Ее масштабы и специфика превосходят существующие рамки общественных объединений. Целями движения станут содействие проведению государственной политики в интересах детей и молодежи, участие в воспитании детей, их профессиональной ориентации, организации досуга детей, создание возможностей для их всестороннего развития и самореализации, подготовка детей и молодежи к полноценной жизни в обществе. Председателя правления «Большой перемены» назначает Президент РФ⁹⁸.</p> <p>По оценкам экспертов «принятие Госдумой в первом чтении законопроекта о создании „Большой перемены” — это шаг в правильном направлении. Создание движения поможет усилить идеологическую работу с подрастающим поколением»⁹⁹.</p>

⁸⁸ Официальный сайт Президента РФ. 03.05.2022. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/68347>

⁸⁹ О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 3 мая 2022 г. № 252: Постановление Правительства Российской Федерации от 11.05.2022 № 851 (источник: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205110017?index=0&rangeSize=1>).

⁹⁰ Делягин М. Правительство Мишустина: переходя в наступление // Завтра. 19.05.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/pravitel_stvo_mishustina_perehodya_v_nastuplenie

⁹¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.05.2022 № 1187-п // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205160021>

⁹² Делягин М. Правительство Мишустина: переходя в наступление // Завтра. 19.05.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/pravitel_stvo_mishustina_perehodya_v_nastuplenie

⁹³ Там же.

⁹⁴ Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснётся // РБК. 28.05.2022. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d

⁹⁵ Мнение председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга А. Бельского (источник: там же).

⁹⁶ Мнение члена комитета Госдумы по науке и высшему образованию М. Кузьмина (источник: «Система вышла из нас, а не мы из неё»: в Минобрнауки сообщили об исключении всех вузов России из Болонского процесса // RT. 06.06.2022. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1011967-bolonskii-process-rossiya>).

⁹⁷ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126405-8>

⁹⁸ В Госдуму внесен законопроект о российском движении детей и молодежи // Российская газета. 19.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/19/v-gosdumu-vnesen-zakonoproekt-o-rossijskom-dvizhenii-detej-i-molodezhi.html>

⁹⁹ Комментарий председателя Российского союза молодежи П. Красноруцкого (источник: Будущие лидеры «Большой перемены» должны понимать тонкости работы с детьми // Взгляд. 07.06.2022. URL: <https://vz.ru/news/2022/6/7/1162067.html>

7 июня 2022 г. – Государственной Думой РФ в первом чтении принят законопроект «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»¹⁰⁰. В рамках реализации законопроекта предлагается скорректировать 16 действующих федеральных законов.

Законопроект предполагает появление единого реестра иноагентов вместо нескольких существующих сейчас. Предлагается признавать иноагентами российские или иностранные юрлица независимо от их организационно-правовой формы, то есть иноагентами могут быть признаны и коммерческие организации. Вводятся новые ограничения: иноагенты не смогут быть организаторами публичных мероприятий; становиться госслужащими или муниципальными чиновниками; вести преподавательскую, просветительскую, воспитательную деятельность в отношении несовершеннолетних; производить информационную продукцию для несовершеннолетних; получать государственную финансовую поддержку; не смогут инвестировать в стратегические предприятия в России и т. д. Минюст ежегодно представляет Госдуме и Совету Федерации доклад о деятельности иностранных агентов.

По мнению экспертов, суть законопроекта «в том, чтобы покончить с обширным и запутанным сводом ограничений для иноагентов, навести порядок в соответствующих реестрах, усилить запретительные нормы и полномочия госорганов, наконец, ужесточить ответственность всех фигурантов данного законодательства»¹⁰¹.

7 июня 2022 г. – внесены поправки в Закон об использовании средств пенсионных накоплений ликвидируемых негосударственных пенсионных фондов (НПФ), оставшихся после расчетов с кредиторами.

Президент получает право замораживать практически любое имущество (включая денежные средства); запрещать и ограничивать отдельные сделки (операции), в том числе с валютой; вводить требования к покупке или продаже финансовых инструментов; устанавливать «особенности» валютного контроля, вводить иные временные меры экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и т. д.

Как отмечают эксперты, «фундаментальный смысл внесенных поправок прост: Президент России в финансовой сфере может все... либералы всех мастей формально остаются на своих местах, но их реальные возможности сведены к оперативному, тактическому, рутинному управлению... реальная власть в сфере финансов перейдет профессионалам, которые не видны в администрации президента (она уже давно не занимается экономикой), но совершенно очевидны в правительстве Мишустина»¹⁰².

¹⁰⁰ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/113045-8>

¹⁰¹ Родин И. Власть опередила оппозицию с люстрацией // Независимая газета. 09.06.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-06-09/1_8458_law.html

¹⁰² Премьер Мишустин обеспечил юридические рамки обеспечения финансовой стабильности и комплексной модернизации // Официальный сайт М. Делягина. 13.06.2022. URL: <https://delyagin.ru/articles/183-sobytiya/102696-prem-er-mishustin-obespechil-juridicheskie-ramki-obespechenija-finansovoy-stabil-nosti-i-kompleksnoy-modernizatsii>

Как показывают реальные факты и данные опросов общественного мнения (которые мы привели в данной статье), после начала спецоперации активность Президента и Правительства РФ по достижению Россией полного национального суверенитета, несмотря на беспрецедентное политическое и экономическое давление со стороны «коллективного Запада», не только не ослабла, а даже усилилась.

«Сложно переоценить суровость санкций, наложенных на Россию сейчас. Страна функционально отрезана от мировой финансовой системы. Большая часть активов ее центрального банка заморожена. Сотни частных компаний, от Visa до Shell и McDonald's, ушли на неопределенный срок. И это только неполный список... **Это экономическая война. И, в частности, это экономическая война, направленная непосредственно против мирных жителей...**»¹⁰³

В решении этой задачи, как показывают итоги 30-летия рыночных преобразований, была необходимость, и сегодня она активно реализуется. Нельзя не отметить, что проводимые реформы носят вынужденный, экстренный характер, во многом продиктованный внешними угрозами национальной безопасности. Однако, как показывают результаты региональных и федеральных социологических исследований, люди ощущают их важность и верят в то, что со временем они окажут существенный позитивный эффект для национального развития; что они рассчитаны на завтрашний день и будут иметь **исторические** последствия для

всего российского общества и страны в целом, для будущих поколений.

Как отмечают эксперты, **«Россия после катастрофического поражения от Запада в 1991 году... вынуждена сегодня, как и 105 лет назад, в феврале 1917 года, начать с чистого листа новую всемирную перестройку.** Только на сей раз не социалистическую, а структурно-социальную и энергетическую»¹⁰⁴.

«Крупные социальные перевороты происходят в России раз в 75–80 лет (достаточно вспомнить в этой связи историю Советской России 1917–1991 годов)... историческая активность России показывает, что ее новая, 80-летняя, волна жизни, начавшаяся вместе с XXI веком, **будет подниматься по крайней мере до 2060-х годов.** Если же отсчитать 80 лет назад, то мы окажемся в похожей критической точке нашей истории – начале Сталинградской битвы с фашизмом»¹⁰⁵.

Таким образом, перед страной, 24 февраля 2022 года перешедшей рубикон и начавшей новый этап своей истории, открывается долгий и трудный путь.

Чтобы не сбиться с него (особенно в этот переломный момент), очень многое будет зависеть не только от того, насколько вокруг Президента смогут консолидироваться все ключевые субъекты общественного развития (широкие слои населения, властвующие элиты, гражданские объединения, научные круги, деятели культуры и т. д.), но и от того, смогут ли они **«суверенно думать»**, то есть не просто предлагать русские аналоги западных стандартов,

¹⁰³ Губанов С.С. (2022). Н. Малдер: цель санкций – смена политического режима в России // Экономист. № 4. С. 21.

¹⁰⁴ Доброчеев О. Физические законы жизни и смерти «исторических тел» // Независимая газета. 26.04.2022. URL: https://www.ng.ru/nauka/2022-04-26/13_8427_life.html

¹⁰⁵ Там же.

а руководствоваться собственными, уникальными, соответствующими нашему «генному коду» национальными ценностями, традициями, практикой принятия управленческих решений, человеческим и научным потенциалом, его практическими достижениями.

Как справедливо отмечает один из ведущих участников Изборского клуба, философ А. Дугин, «продолжать копировать Запад и его нормативы, стандарты и правила больше невозможно. Кальки либеральных западных стандартов... приведут нас к идеологическим судорогам»¹⁰⁶.

Литература

- Балацкий Е.В. (2021). Рентабельность капитала как драйвер экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 26–40.
- Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. (2015). Есть ли будущее у капитализма?: сб. статей. М.: Изд-во Института Гайдара. 320 с.
- Горшков М.К., Седова Н.Н. (2015). «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. № 12. С. 4–16.
- Губанов С.С. (2022). Н. Малдер: цель санкций – смена политического режима в России // Экономист. № 4. С. 20–39.
- Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) (2011): аналитический доклад. М. 304 с. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html
- Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. (2013). Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. С. 26–55.
- Зикеев В. (2022). Идеология многонационального народа // Эксперт. № 20. С. 68–70.
- Национальная идентичность и будущее России (2014): доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М. 74 с.
- Россия – Ноев Ковчег человечества: философско-религиозные и методологические аспекты государственной идеологии будущей России (2019) / под общ. ред. Ю.В. Громыко и Ю.В. Крупнова. М.: ЛЕНАНД. 208 с.
- Сысоев Т. (2022). У США поставлено на карту куда больше, чем у России (материалы интервью с историком, философом А. Теслей) // Эксперт. № 10. С. 28–29.
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2018). From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905–2016. *National Bureau of economic research*. Cambridge, MA: Journal of Economic Inequality. 79 p.

¹⁰⁶ Дугин А. Отказ от Болонской системы и идеологические судороги элит // Завтра. 08.06.2022. URL: https://zavtra.ru/blogs/otkaz_ot_bolonskoj_sistemi_i_ideologicheskie_sudorogi_elit

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ДИНАМИКА МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА ЗА ПЕРИОД с 1996 по 2020 г.

Приложение 1А (к стр. 20)

Степень важности морально-нравственных качеств*, % от числа опрошенных

Явления / поступки	Важно					Не важно					Изменение (+/-), 2020 к 1996, п. п.	
	1996	1999	2000	2012	2020	1996	1999	2000	2012	2020		
	Изменение (+/-), 2020 к 1996, п. п.											
Отзывчивость, чуткость к другим людям	86,5	81,4	87,1	82,7	78,1	-8	13,6	18,6	12,8	17,3	21,9	+8
Взаимопомощь и взаимовыручка	88,1	84,0	84,8	83,2	80,6	-8	11,9	16,0	15,2	16,8	19,4	+8
Терпимость, уважение к взглядам и мнениям других людей	86,7	80,7	82,5	83,5	79,0	-8	13,3	19,3	17,6	16,5	21,1	+8
Порядочность	93,7	87,5	91,2	90,2	87,1	-7	6,3	12,6	8,7	9,8	13,0	+7
Честность, правдивость	92,9	85,3	90,3	90,0	86,2	-7	7,1	14,7	9,6	10,0	13,8	+7
Чувство собственного достоинства	91,2	87,4	91,4	88,4	84,5	-7	8,7	12,7	8,7	11,7	15,5	+7
Высокий профессионализм	85,3	76,0	78,1	82,5	78,5	-7	14,7	24,0	21,9	17,4	21,5	+7
Уважение к родителям, близким	93,3	89,9	92,9	91,5	88,4	-5	6,8	10,1	7,1	8,5	11,5	+5
Уважение коллектива	85,9	81,8	86,5	83,7	80,9	-5	14,1	18,2	13,4	16,3	19,1	+5
Выполнение служебных обязанностей	87,8	79,8	80,6	82,6	82,6	-5	12,2	20,2	19,4	17,4	17,4	+5
Проявлять сострадание, милосердие	80,4	75,6	78,5	79,1	76,0	-4	19,6	24,3	21,6	20,9	23,9	+4
Соблюдение законов, законопослушность	80,6	72,4	72,6	79,7	77,0	-4	19,3	27,5	27,4	20,2	23,0	+4
Справедливость	91,8	83,1	90,1	88,3	88,7	-3	8,1	16,8	9,9	11,7	11,3	+3
Уважение к чужой (частной, государственной) собственности	78,3	68,4	66,6	74,9	75,2	-3	21,8	31,6	33,4	25,1	24,8	+3
Быть полезным обществу, выполнять обязанности гражданина	71,5	67,5	72,1	74,8	72,1	+1	28,5	32,5	27,9	25,2	27,8	-1
Уважение к старшим	84,2	83,7	87,1	88,7	85,9	+2	15,7	16,3	12,9	11,3	14,1	-2
Уважение к людям других национальностей	62,7	56,2	55,7	65,7	69,9	+7	37,2	43,8	44,3	34,3	30,1	-7
Равенство между людьми	65,5	59,9	64,0	68,1	73,7	+8	34,6	40,0	36,1	31,9	26,3	-8

* Ранжировано по изменению доли тех, для кого перечисленные морально-нравственные качества являются неважными. Формулировка вопроса: «Люди по-разному оценивают различные жизненные явления. Для одних важно одно, для других – другое... Что из перечисленного ниже важно для Вас, а что нет?».

Здесь и далее в Приложениях 1–3 приведены данные мониторинга трудового потенциала населения Вологодской области, который осуществляется с 1996 года. Опрос проводится 1 раз в год. Репрезентативность данных обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. В структуру районирования входят 2 города (Вологда и Череповец), а также 8 муниципальных районов с различным уровнем социально-экономического развития (Шекснинский, Грязовецкий, Великоустюжский, Тарногский, Кирилловский, Бабаевский, Никольский и Вожегодский). Опрашивается население в трудоспособном возрасте – от 16 лет до возраста выхода на пенсию (мужчины – до 59 лет, женщины – до 54 лет включительно; в связи с увеличением пенсионного возраста с 2020 г. – 61 и 56 лет соответственно).

За период с 1996 по 2020 год 14 из представленных в вопросе 18 морально-нравственных качеств стали для людей менее важными. Особенно ошутимо (на 7–8 п. п.) увеличилась доля людей, считающих неважными такие качества, как «отзывчивость, чуткость» (с 14 до 22%), «взаимопомощь, взаимовыручка» (с 11 до 19%), «уважение к взглядам других людей» (с 13 до 21%), «порядочность» (с 6 до 13%), «честность» (с 7 до 14%), «чувство собственного достоинства» (с 9 до 16%), «высокий профессионализм» (с 15 до 22%).

Приложение 1Б (к стр. 20)

Степень важности морально-нравственных качеств в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категория населения	Важно*						Не важно**						
	1996	1999	2000	2012	2020	Изменение (+/–), 2020 к 1996, п. п.	1996	1999	2000	2012	2020	Изменение (+/–), 2020 к 1996, п. п.	
Пол	Мужской	85,1	78,3	85,6	84,5	80,1	-5	12,9	18,7	11,1	12,5	17,3	+4
	Женский	92,6	88,8	93,0	89,0	87,4	-5	6,1	9,9	5,3	9,4	10,3	+4
Возраст	До 30 лет	83,2	79,7	91,7	86,9	82,6	-1	14,4	17,3	6,8	10,7	16,4	+2
	30–55(60) лет	92,9	87,3	89,5	87,2	85,4	-8	5,9	11,4	8,2	10,9	12,0	+6
	Старше 55(60) лет	98,3	92,7	84,1	82,3	77,0	-21	1,7	7,3	9,3	12,9	19,0	+17
Образование	Среднее и н/среднее	83,9	76,5	85,7	77,9	74,5	-9	13,8	21,4	10,9	19,6	22,1	+8
	Среднее специальное	92,4	88,9	91,4	90,4	87,8	-5	6,9	9,0	6,1	7,6	10,9	+4
	Высшее и н/высшее	90,7	91,6	96,2	91,7	89,3	-1	7,2	6,8	3,8	6,0	8,4	+1
Доходные группы	20% наименее обеспеченных	н.д.	75,2	79,2	71,7	75,7	н.д.	-	22,0	15,5	26,0	20,2	н.д.
	60% среднеобеспеченных	н.д.	87,1	92,4	91,6	83,0	н.д.	-	11,3	5,9	6,4	14,8	н.д.
	20% наиболее обеспеченных	н.д.	84,3	90,9	91,3	90,1	н.д.	-	13,0	7,2	5,5	8,1	н.д.
Территория	Вологда	96,4	89,8	90,7	86,8	95,7	-1	2,0	8,5	8,4	8,8	3,2	+1
	Череповец	70,9	87,0	95,1	90,1	84,5	+14	25,9	10,8	3,5	8,1	13,1	-13
	Районы	94,8	80,4	85,8	85,1	74,8	-20	4,5	17,7	10,4	13,3	22,0	+18
	Область	90,0	84,4	89,8	86,9	83,6	-6	8,4	13,6	7,8	10,9	14,0	+6

* Доля людей, считающих важными более половины (хотя бы 10 из 18) вышеуказанных морально-нравственных качеств.

** Доля людей, считающих неважными (или «более-менее важными») более половины (хотя бы 10 из 18) вышеуказанных морально-нравственных качеств.

Снижение важности большинства из перечисленных в опросе морально-нравственных качеств отмечается в 7 из 11 социально-демографических категорий населения, особенно среди людей старше 60 лет (в этой группе доля людей, считающих неважными большинство морально-нравственных качеств, увеличилась на 17 п. п., с 2 до 19%), а также среди жителей районов (на 18 п. п., с 5 до 22%).

Более позитивные изменения за период с 1996 по 2020 год зафиксированы среди жителей городских территорий: в Вологде доля людей, считающих неважными большинство морально-нравственных качеств, не изменилась (2–3%), в Череповце — уменьшилась на

13 п. п. (с 26 до 13%).

Приложение 2А (к стр. 20)

Отношение людей к негативным нравственным явлениям и поступкам*, % от числа опрошенных

Явления / поступки	Недопустимо										Приемлемо, вполне нормально									
	1996	1999	2000	2004	2012	2018	2020	Изменение (+/–), 2020 к 1996, п. п.	1996	1999	2000	2004	2012	2018	2020	Изменение (+/–), 2020 к 1996, п. п.				
Лень	66,3	59,1	64,6	57,9	54,3	58,5	49,6	-17	22,3	31,0	27,4	35,9	35,6	34,7	42,6	+20				
Стремление поменьше работать, побольше получать	52,4	47,4	46,5	55,2	50,0	44,7	41,1	-11	36,1	41,8	46,1	37,7	41	48,5	49,1	+13				
Занайство, высокомерие	79,4	72,1	79,3	76,1	71,5	74,0	70,0	-9	10,9	18,5	13,9	17,6	17,9	19,6	20,0	+9				
Подхалимство, угодничество	81,8	76,8	83,6	78,8	75,1	78,1	73,6	-8	9,0	15,2	10,4	15,1	15,4	15,6	15,7	+7				
Неуважительное отношение к женщине	88,0	84,6	87,4	86,8	83,4	85,7	79,9	-8	5,6	8,4	6,7	9,4	9,2	9,6	11,4	+6				
Взятки	80,4	76,6	85,4	84,1	83,3	81,3	76,2	-4	10,7	15,8	9,3	11,8	9,3	13,4	14,2	+4				
Отказ от военной службы	48,6	42,9	44,6	48,0	51,4	48,0	45,5	-3	40,2	45,9	47,4	45,1	40,2	43,9	44,5	+4				
Увлечение вещами	31,2	22,9	28,9	27,7	34,7	37,7	32,7	+2	56,8	64,3	60,9	61,8	53,7	53,8	60,6	+4				
Хищения	85,0	84,7	88,6	89,3	85,0	89,3	81,5	-4	7,8	6,5	6,0	6,3	7,7	4,8	10,7	+3				
Наркомания	92,5	91,6	95,3	92,2	90,5	91,0	88,8	-4	2,0	4,1	2,0	5,7	3,9	5,1	5,4	+3				
Легкомысленное отношение к семье, детям	90,2	90,2	93,4	92,6	88,1	90,7	88,2	-2	3,9	4,2	2,8	3,7	5,2	4,2	6,0	+2				
Сверхвысокие заработки	34,9	29,7	30,4	35,0	34,1	38,8	35,1	0	53,4	59,3	62,6	57,4	55,7	54,4	54,2	+1				
Увлечение алкоголем	72,9	69,9	82,6	80,7	77,3	76,5	74,7	+2	19,6	24,4	13,3	16,5	15,6	18,6	17,9	-2				
Жизнь по принципу «ты мне – я тебе»	44,4	41,5	44,1	45,9	46,1	52,7	46,5	+2	46,4	48,8	48,9	47	43,3	40,4	44,7	-2				
Курение	26,5	29,0	29,7	40,9	41,0	35,5	31,7	+5	64,9	65,5	65,6	55,4	52	59,4	62,5	-2				

* Ранжировано по изменению доли людей, считающих перечисленные выше явления и поступки «приемлемыми, вполне нормальными». Формулировка вопроса: «Выскажите, пожалуйста, свое отношение к нижеперечисленным явлениям...». Всего в вопросе фигурирует 15 вариантов ответа.

За период с 1996 по 2020 год увеличилась доля людей, считающих «приемлемыми, вполне нормальными» 10 из 15 перечисленных в опросе негативных нравственных явлений и поступков. В первую очередь обращает на себя внимание рост доли жителей, лояльно относящихся к лени (на 21 п. п., с 22 до 43%), стремлению поменьше работать, побольше получать (на 13 п. п., с 36 до 49%), зазнайству и высокомерию (на 9 п. п., с 11 до 20%), подхалимству, угодничеству (на 7 п. п., с 9 до 16%).

Приложение 2Б (к стр. 21)

Отношение людей к негативным нравственным явлениям и поступкам в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категория населения	Недопустимо*								Приемлемо, вполне нормально**								Изменение (+/-), 2020 к 1996, п. п.
	Изменение (+/-), 2020 к 1996, п. п.								Изменение (+/-), 2020 к 1996, п. п.								
	1996	1999	2000	2004	2012	2018	2020	1996	1999	2000	2004	2012	2018	2020			
Пол	Мужской	66,7	61,9	73,9	70,4	74,2	71,9	61,7	-5	17,1	20,0	15,6	18,7	14,4	19,9	25,0	+8
	Женский	79,7	70,6	78,9	78,1	75,5	75,0	73,3	-6	8,3	13,2	10,1	13,3	14,3	17,3	16,6	+8
Возраст	До 30 лет	63,5	55,4	67,4	67,4	67,8	67,1	62,9	-1	21,3	27,1	22,0	21,7	22,2	24,7	22,4	+1
	30–55(60) лет	72,3	67,3	76,2	78,5	75,2	72,4	66,0	-6	13,6	16,0	12,0	13,2	13,7	18,9	21,7	+8
	Старше 55(60) лет	83,1	76,5	85,9	75,4	80,7	78,3	73,3	-10	4,3	6,2	5,6	13,9	8,5	14,9	17,5	+13
Образование	Среднее и н/среднее	73,8	66,7	81,6	74,1	69,6	74,0	66,7	-7	11,1	15,4	10,9	14,5	14,2	19,0	22,8	+12
	Среднее специальное	71,7	68,9	77,8	76,9	77,2	73,3	70,1	-2	14,6	14,4	11,4	15,5	12,6	20,4	18,5	+4
	Высшее и н/высшее	77,6	64,4	66,4	74,3	77,3	73,5	67,4	-10	11,6	20,0	16,8	16,1	16,2	15,5	19,7	+8
Доходные группы	20% наименее обеспеченных	80,8	67,3	79,2	72,2	72,8	76,1	68,3	-13	9,4	16,7	10,0	16,1	12,0	16,5	19,6	+10
	60% средне-обеспеченных	79,8	70,8	79,0	78,3	78,5	73,2	72,4	-7	9,2	13,6	11,1	13,7	12,2	19,7	19,5	+10
	20% наиболее обеспеченных	65,5	58,5	70,3	72,9	72,8	75,7	70,2	+5	23,2	22,6	17,9	20,1	19,9	15,1	18,5	-5
	Вологда	88,9	70,5	73,6	75,3	68,6	72,8	69,6	-19	5,4	12,1	15,1	10,6	20,9	19,3	16,9	+12
Территория	Череповец	61,4	63,7	71,3	81,3	82,8	56,8	52,7	-9	21,1	21,8	17,3	13,8	13,4	32,3	29,5	+8
	Районы	73,0	66,4	81,1	71,3	73,7	83,8	76,7	+4	11,3	15,4	8,8	18,8	11,7	10,0	16,7	+5
	Область	73,8	66,8	76,7	74,9	74,9	73,6	68,2	-6	12,3	16,2	12,6	15,5	14,3	18,5	20,3	+8

* Доля людей, считающих недопустимыми более половины (хотя бы 8 из 15) из вышеуказанных негативных явлений и поступков.

** Доля людей, считающих «приемлемыми» или «вполне нормальными» более половины (хотя бы 8 из 15) из вышеуказанных негативных явлений и поступков.

Отрицательные изменения произошли в 12 из 14 социально-демографических категорий населения. Особенно увеличилась доля тех, кто считает «приемлемыми, вполне нормальными» большинство из перечисленных негативных явлений и поступков, в таких группах, как лица старше 60 лет (на 13 п. п., с 4 до 17%), люди со средним и неполным средним образованием (на 12 п. п., с 11 до 23%), жители Вологды (на 12 п. п., с 5 до 17%), те, кто по самооценкам собственных доходов относится к категориям 20% наименее обеспеченных и 60% среднеобеспеченных слоев населения (на 10 п. п., с 9 до 19%).

Приложение 3А (к стр. 21)

Доля людей, испытывающих чувство вины при совершении негативных поступков*, % от числа опрошенных

Явления / поступки	Испытывают угрызения совести										Не испытывают угрызения совести										Изменение (+/-), 2020 к 1996, п. п.
	1996	1999	2000	2004	2008	2012	2018	2020	1996	1999	2000	2004	2008	2012	2018	2020					
Невольно (или сознательно) нанесенная Вами обида другому, грубость	83,8	76,7	82,4	70,8	72,2	70	66,4	65,3	-19	16,2	27,4	17,6	29,2	27,8	30,1	33,6	34,7	+19			
Недостаточное внимание к родителям (матери, отцу)	65,6	52,7	59,8	50,9	48,5	48,5	51,1	46,9	-19	34,4	47,3	40,2	49,1	51,5	48,9	53,0		+19			
Под давлением обстоятельств или по доброй воле совершенная Вами несправедливость	75,4	69,1	73,0	64,6	68,4	61,9	62,4	58,9	-17	24,5	31,0	27,0	35,4	31,5	37,6	41,1		+17			
Невыполненное обещание, данное кому-нибудь	74,7	69,5	72,1	61,1	67,1	62,6	61,5	60,1	-15	25,3	30,6	28,0	38,9	32,9	37,4	38,4	39,9	+15			
Плохое отношение к детям (своим или чужим)	45,4	35,9	41,9	42,4	41,2	32,8	33,1	32,5	-13	54,5	64,2	58,1	57,5	58,8	67,1	66,9	67,4	+13			
Плохое по каким-либо причинам выполнение своих служебных обязанностей	73	62,1	69,9	60,9	61,9	58,1	55,8	59,7	-13	27,0	37,9	30,1	39,1	38,1	41,9	44,2	40,3	+13			
Невольный или сознательный обман кого-нибудь в чем-нибудь	71,0	66,1	69,2	63,3	69,1	62,9	61,6	62,1	-9	28,9	34,0	30,8	36,7	31	37	38,4	37,9	+9			
Измена жене, мужу, другу, подруге	33,5	35,1	39,3	38,5	38,5	28,3	30,8	26,4	-7	66,4	64,9	60,7	61,5	61,5	71,7	69,2	73,6	+7			
Нечаянно (или сознательно) нанесённый Вами вред собственности других людей, поломка и т. д.	61,5	58,3	64,8	59,8	63,9	60,7	51,8	58,1	-3	38,5	41,7	35,2	40,2	36,2	39,3	48,1	41,9	+3			
Отказ по каким-либо причинам помочь кому-нибудь в критической для него ситуации	54,8	52,6	60,7	57,8	57,4	55,4	59,2	55,9	+1	45,2	47,5	39,4	42,2	42,6	44,5	40,8	44,1	-1			
Нечаянно (или сознательно) нанесённый вред государственной собственности	37,8	42,9	44,2	47,4	49,3	45,3	45,7	48,2	+10	62,2	57,1	55,9	52,6	50,7	54,8	54,3	51,8	-10			

* Ранжировано по изменению доли людей, не испытывающих чувство вины при совершении указанных негативных поступков. Формулировка вопроса: «Приходилось ли Вам испытывать чувство вины, угрызения совести в перечисленных ниже случаях или нет?»

За период с 1996 по 2020 год увеличилась доля людей, которые не испытывают угрызения совести относительно совершения перечисленных в опросе 11 негативных поступков. Возрос удельный вес тех, кого не мучает совесть в таких случаях, как нанесение обиды другому человеку (на 19 п. п., с 16 до 35%), недостаточное внимание к родителям (на 19 п. п., с 34 до 53%), совершение какого-либо несправедливого поступка (на 17 п. п., с 24 до 41%), невыполнение обещания (на 15 п. п., с 25 до 40%) и т. д.

Приложение 3Б (к стр. 21)

Доля людей, испытывающих чувство вины при совершении негативных поступков, в различных социально-демографических категориях населения, % от числа опрошенных

Категории населения	Испытывают угрызения совести*										Не испытывают угрызения совести**									
	1996	1999	2000	2004	2008	2012	2018	2020	Изменение (+/-), 2020 к 1996, п. п.	1996	1999	2000	2004	2008	2012	2018	2020	Изменение (+/-), 2020 к 1996, п. п.		
Пол	Мужской	70,1	61,4	74,1	59,4	64,8	58,0	56,9	58,3	-12	29,9	38,6	25,9	40,6	34,4	40,7	42,8	41,4	+12	
	Женский	70,2	63,0	69,2	63,8	66,3	58,9	56,4	56,9	-13	29,8	37,0	30,8	36,2	33,0	39,8	43,3	42,7	+13	
Возраст	До 30 лет	71,3	70,3	76,9	66,5	67,3	56,1	56,3	57,1	-14	28,7	29,7	23,1	33,5	32,0	42,8	43,3	42,4	+14	
	30–55(60) лет	70,9	57,9	68,5	59,4	64,8	60,0	56,9	58,1	-13	29,1	42,1	31,5	40,6	34,4	38,6	42,9	41,7	+13	
Образование	Старше 55(60) лет	54,2	40,0	68,2	61,2	61,3	59,7	56,4	56,5	+2	45,8	60,0	31,8	38,8	38,7	38,7	43,6	42,5	-3	
	Среднее и н/среднее специальное	71,0	62,7	70,4	61,9	61,8	59,5	64,1	65,2	-6	29,0	37,3	29,6	38,1	37,8	39,0	35,5	34,4	+5	
Доходные группы	Среднее	68,1	61,5	69,5	62,4	65,8	58,1	51,3	53,5	-15	31,9	38,5	30,5	37,6	32,9	41,2	48,4	46,1	+14	
	Высшее и н/высшее	71,5	62,8	75,9	61,7	68,4	58,1	53,1	54,2	-17	28,5	37,2	24,1	38,3	31,0	40,4	46,9	45,6	+17	
Территория	20% наименее обеспеченных	н.д.	51,2	59,8	52,7	64,8	57,1	62,3	53,7	н.д.	48,8	40,2	47,3	35,2	41,3	37,7	46,0	н.д.		
	60% среднеобеспеченных	н.д.	64,6	74,5	64,6	67,4	58,1	56,0	58,8	н.д.	35,4	25,5	35,4	31,7	40,9	43,5	40,9	н.д.		
	20% наиболее обеспеченных	н.д.	67,7	75,0	58,4	63,7	60,2	54,9	56,3	н.д.	32,3	25,0	41,6	35,6	38,6	45,1	43,8	н.д.		
Территория	Вологда	71,5	64,1	76,7	64,7	69,8	53,6	48,7	49,8	-22	28,5	35,9	23,3	35,3	29,4	43,4	51,3	50,0	+22	
	Череповец	70,1	70,0	73,2	59,2	56,4	63,6	61,7	66,2	-4	29,9	30,0	26,8	40,8	42,8	35,6	38,1	33,3	+3	
	Районы	69,3	56,9	67,2	62,0	68,2	57,7	58,6	57,5	-12	30,7	43,1	32,8	38,0	31,1	41,4	40,9	42,2	+12	
	Область	70,2	62,3	71,3	62,0	65,5	58,5	56,7	57,7	-13	29,8	37,7	28,7	38,0	33,7	40,2	43,1	42,0	+12	

* Доля людей, переживающих в случае совершения более половины (6 и более из 11) из перечисленных поступков.

** Доля людей, не переживающих (или, по их мнению, не сталкивавшихся с подобными случаями) при совершении более половины (6 и более из 11) из перечисленных поступков.

Негативные изменения отмечаются в большинстве социально-демографических категорий населения – в 10 из 11 групп (за исключением лиц старше 60 лет). Существенно возрос удельный вес тех, кто в большинстве случаев не испытывает угрызения совести при совершении негативных поступков, среди жителей Вологды (на 22 п. п., с 28 до 50%), людей с высшим и незаконченным высшим образованием (на 17 п. п., с 29 до 46%).

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

A Difficult Road after the Rubicon

Abstract. February 24, 2022, the RF President announced the beginning of a special military operation on the territory of Ukraine, which entailed large-scale geopolitical changes and, among other things, became a Rubicon for the internal development of the Russian Federation. The article analyzes a number of complex implications that resulted from the events occurring after February 24, 2022, and which had a significant impact on the state of Russian society. We consider in detail the dynamics of the moral state of Russian society for the period from 1996 to 2020, which (as shown by the results of the conducted research) over the past almost 25 years were negative and were developing within the framework of the existing liberal model. Analyzing the data of official statistics and sociological surveys, we rely on the assessments of experts, who, in many respects, agree that after February 2022, a new, albeit difficult, road opens up before Russia; the country has to travel this path one way or another, in order to achieve full (internal and external) national sovereignty in the contours and rules of the new geopolitical reality that are forming before our eyes.

Key words: special operation, President, the Russian idea, moral state of society, public administration efficiency.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью Часть 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества



**Виктор Меерович
ПОЛТЕРОВИЧ**

Центральный экономико-математический институт РАН
Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: polterov@cemi.rssi.ru
ORCID: 0000-0001-6092-6823; ResearcherID: B-2258-2017

Аннотация. В первой части работы было показано, что группа из семи европейских стран, лидирующих по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья), существенно опередила другие государства Запада, включая Соединенные Штаты, в развитии экономических и политических институтов. В состав Семерки входят Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды. Во второй части рассматривается вопрос о том, какие качественные особенности социально-экономических и политических механизмов обеспечивают лидерство. Отмечается несостоятельность попыток объяснить этот феномен невысокой численностью и однородностью населения, равно как и малой площадью стран Семерки. Вводится понятие коллаборативных преимуществ, под которыми понимаются относительно более развитые механизмы сотрудничества в экономической, социальной и политической сферах. Опираясь на три разные классификации типов капитализма и на анализ истории стран Семерки, мы показываем, что они вышли на лидирующие позиции благодаря коллаборативным преимуществам. Эти страны относятся к скоординированным рыночным экономикам, их экономические системы характеризуются как капитализм стейкхолдеров, а политические являются консенсусными демократиями. Семерка европейских лидеров проводит реформы, направленные на совершенствование механизмов сотрудничества и, как следствие, в меньшей мере затронута кризисом конкурентных институтов, наблюдающимся в западных обществах. Представленные результаты свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что усиление роли механизмов сотрудничества при

Для цитирования: Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2

For citation: Polterovich V.M. (2022). Competition, collaboration, and life satisfaction. Part 2. The fundament of leadership – collaborative advantage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2

снижении значимости конкурентных механизмов способствует повышению удовлетворенности жизнью. Опыт Семерки учитывается и другими развитыми странами Европы. Обсуждается вопрос о том, каким образом полученные выводы могут быть использованы при выборе стратегии догоняющего развития.

Ключевые слова: скоординированные рыночные экономики, капитализм стейкхолдеров, консенсусные демократии, сотрудничество, нордизация, реформы, догоняющее развитие.

Введение

В первой части работы было показано, что по значениям важнейших социально-экономических индикаторов семерка европейских стран, включающая Данию, Норвегию, Швецию, Финляндию, Исландию, Швейцарию и Нидерланды, существенно опередила другие государства Запада, включая США. Возникает вопрос о том, какие качественные особенности социально-экономических и политических механизмов обеспечивают такой успех. Этот вопрос является основным предметом изучения во второй части работы.

Для ответа на него ниже рассматриваются три известные классификации современных западных систем: либеральные и скоординированные рыночные экономики, капитализм акционеров и капитализм стейкхолдеров, мажоритарные и консенсусные демократии. В каждой паре первый тип почти исключительно опирается на конкурентные механизмы, а второй – в значительной мере на механизмы сотрудничества. Оказывается, что во всех случаях страны Семерки (если они учитывались при классификации) отнесены к первой группе. Это наблюдение позволит нам заключить, что в основе лидерства Семерки лежат преимущества, которые, в отличие от конкурентных преимуществ, предлагается называть коллаборативными; они состоят в более развитых механизмах сотрудничества в экономической, социальной или политической сферах. Близкий, но более узкий по содержанию термин «кооперативные преимущества» использовался в ряде работ (Lei et al., 1997; Strand, Freeman, 2015). Будут рассмотрены исторические корни коллаборативных преимуществ и показано, что процесс их наращивания происходит и в ряде других стран, в том числе европейских. Кроме того, мы обсудим вопрос, как полученные результаты могут быть учтены при разработке стратегий развития догоняющих экономик.

Простые, но неверные объяснения¹

Иногда лидерство Семерки пытаются объяснить невысокой численностью населения и малой площадью входящих в нее стран. Действительно, эти факторы обеспечивают относительную простоту координации усилий и низкие транспортные издержки. Но есть и контраргументы: для небольших стран характерны узкая ресурсная база, недостаточный размер внутреннего рынка и, как следствие, отсутствие экономии на масштабе, вынужденная узкая специализация и большая волатильность бизнес-цикла.

Следует отметить, однако, что члены Семерки отнюдь не антирекордсмены ни по численности населения, ни по площади. В списке из 246 стран Нидерланды по численности населения занимают 70-е место, Швеция – 90-е и даже самая малонаселенная из семерки Исландия – 184-е место². В Европе среди 50 стран Нидерланды являются 12-й по численности, а Швеция – 17-й³.

По площади в списке из 193 стран Швеция, Норвегия и Финляндия стоят, соответственно, на 54-м, 60-м и 64-м местах, в то время как Великобритания находится на 77-м месте. Швейцария, страна с наименьшей площадью в Семерке, занимает 132-е место, выше Бельгии и Словении⁴.

¹ В этом разделе воспроизводится и несколько уточняется аргументация, приведенная в (Martela et al., 2020).

² См. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2_%D0%B8_%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BC%D1%8B%D1%85_%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E

³ См. <http://www.statdata.ru/europe-capitals-population>

⁴ См. http://ostranah.ru/_lists/area.php

Согласно расчетам (Rose, 2006) численность населения не влияет на экономическое развитие. Правда, в (Alouini, Hubert, 2012) обнаружена отрицательная связь между темпом роста ВВП и размером страны, который исчисляется как комбинация численности населения, уровня ВВП и площади пахотных земель. Однако для государств еврозоны эта связь оказывается положительной и значимой. Таким образом, «малость» стран Семерки не является удовлетворительным объяснением их лидерства в социально-экономическом развитии.

Не имеет также оснований ссылка на однородность населения стран Семерки. Так, 19% населения Швеции родились в других странах. В 10 «наиболее счастливых» государствах соответствующая доля населения составляет 17,2%, вдвое выше мирового среднего (Martela et al., 2020, p. 132). Правда, в прошлом нордические страны были относительно однородны. А вот Швейцария – пример страны, с момента формирования включавшей разные национальности, говорившие на разных языках.

В заключение этого раздела рассмотрим еще одно возражение. Принято считать, что в нордических странах очень высок показатель числа самоубийств на 100 тыс. человек населения. Не противоречит ли это утверждению, что их граждане чувствуют себя самыми счастливыми?

По данным 2021 года в списке из 180 государств страны Семерки расположились следующим образом: Финляндия – 25-е место, Швеция – 30-е, Швейцария – 32-е, Исландия – 44-е, Норвегия – 45-е, Нидерланды – 46-е, Дания – 56-е (чем больше ранг, тем меньше самоубийств). Для сравнения: США занимают 24-е место, Бельгия – 17-е, Словения – 16-е⁵. Члены Семерки не лидируют в этом отношении, хотя уровень самоубийств в них действительно значителен.

В (Daly et al., 2011) в результате эконометрического расчета обнаружено, что в «счастливых регионах» число самоубийств выше.

Этот «мрачный контраст» (dark contrast) подтверждается данными о европейских странах и штатах США. Объяснение состоит в том, что люди легче переносят невзгоды, видя, что и другим столь же тяжело, и скорее приходят в отчаяние, наблюдая, что другие счастливы. Впрочем, в статье (Pendergast et al., 2019) утверждается, что для штатов США значимая связь между индексами счастья и долей самоубийств отсутствует.

Отметим, что число намеренных убийств на 100 тыс. человек населения в США в 4,5–10,5 раза выше, чем в странах Семерки, которые, впрочем (за исключением Швейцарии и Норвегии), по этому показателю проигрывают Италии, Австрии, Испании⁶.

Данные таблицы 1 из первой части работы (Полтерович, 2022) указывают на важные черты гражданской культуры стран Семерки: относительно низкий уровень коррупции, более высокие уровни доверия граждан друг к другу и к правительству. Эти страны наращивали конкурентоспособность (Полтерович, 2022, табл. 3) и догоняли США по уровню душевого ВВП. Возникает вопрос: за счет каких особенностей экономического и политического механизмов они смогли стать лидерами?

Чтобы ответить на него, в двух последующих разделах я обращаюсь к трем известным классификациям современных западных систем. Согласно первой из них следует различать либеральные рыночные экономики и скоординированные рыночные экономики (Hall, Soskice, 2001), вторая проводит различие между капитализмом акционеров и капитализмом стейкхолдеров (Strand, Freeman, 2015), а третья выделяет два типа демократии: мажоритарную и консенсусную (Lijphart, 2012). Будет показано, что США существенно отличаются от Семерки по структуре механизмов координации экономических и политических взаимодействий, что, видимо, и объясняет отставание США, фиксируемое многочисленными индикаторами.

⁵ См. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/suicide-rate-by-country>

⁶ См. <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/VC.IHR.PSRC.P5/rankings>

Координация экономического поведения и капитализм стейкхолдеров

В работе (Hall, Soskice, 2001) предложено различать два типа капиталистических систем в зависимости от характера взаимодействий между агентами: либеральные рыночные экономики (LME) и скоординированные рыночные экономики (CME)⁷. В экономиках первого типа фирмы взаимодействуют главным образом на основе краткосрочных контрактов, ориентируясь на рыночные цены и другие рыночные сигналы. В CME фирмы координируют свою деятельность друг с другом, с ассоциациями бизнеса, с профсоюзами и банками на основе стратегического взаимодействия, включающего обмен информацией и переговоры. США являются типичным представителем LME, к которым также относятся Великобритания, Канада, Австралия. К CME принадлежат все семь европейских лидеров и ряд других государств, в частности Германия, Австрия, Бельгия (Hall, Gingerich, 2009, pp. 452–453; Hall, Soskice, 2001, p. 20). В этих странах механизмы сотрудничества играют более значительную роль (Hall, Soskice, 2001, p. 8), смягчая конкуренцию и уменьшая издержки государственного управления.

В работе (Iqbal, Todi, 2015) отмечены три основные черты нордических стран, отличающие их от «стандартного капитализма»: высокий уровень налогов, более высокий уровень раз-

вития государства всеобщего благосостояния (здравоохранение, образование, пособия по безработице) и более значимая роль профсоюзов. Не случайно в странах Семерки выше доля работников, являющихся членами профсоюзов (*таблица*).

Авторы концепции скоординированной рыночной экономики сознательно уклоняются от рассмотрения координирующей роли государства. Необходимо подчеркнуть, однако, что в странах Семерки оно традиционно поощряет координацию частных агентов и благодаря квалифицированному управлению способствует экономическому росту. Авторы статьи (Jäntti et al., 2006), описывая его роль в формировании финского экономического чуда, указывают, что быстрый рост финской экономики в 1950–1970 гг. был достигнут благодаря «прямо-му вмешательству» государства, обеспечившему высокий темп роста инвестиций в ключевые отрасли промышленности и низкий процент за кредит. На начальных этапах государство создавало и поддерживало крупные компании и использовало производственные экстерналии. Например, развивая деревообработку, оно расширяло спрос на продукцию металлургии, что в свою очередь создавало условия для развития электроники. В металлургии, электроэнергетике, производстве химических удобрений были созданы государственные предприятия (Jäntti et al., pp. 13, 15, 16).

Доля членов профсоюзов среди занятых (trade union density), %

Страна	Доля членов профсоюзов
Исландия	91,8
Дания	66,5
Швеция	65,6
Финляндия	60,3
Норвегия	49,2
Нидерланды	16,4
Швейцария	14,9
США	10,1
Франция	8,8

Источник: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TUD>
 Данные за 2018 г., для Швеции и Швейцарии – за 2017 г.

⁷ Термин «coordinated market economy» иногда переводят как «координируемая рыночная экономика». Отметим также, что это понятие имеет много общего с концепцией корпоративизма.

Другим характерным примером является быстрое развитие экономики Норвегии после обнаружения нефтяных месторождений в конце 1960-х годов. Их разработкой занималась компания Статойл (Stateoil), оставшаяся полностью государственной в течение почти трех десятилетий. Первоначально добыча нефти осуществлялась с помощью английских и американских нефтяных платформ. Но постепенно благодаря поддержке государства и при участии Статойл были созданы норвежские предприятия, производящие платформы, а необходимость их оснащения послужила стимулом для развития электронной промышленности в Норвегии (Ryggvik, 2015). Эффективно осваивая природные богатства, Норвегия обогнала США по душевому ВВП.

Задолго до появления статьи (Hall, Soskice, 2001), где было предложено различать либеральные и скоординированные рыночные экономики, была разработана во многом близкая по идее типология западных систем: капитализм акционеров и капитализм стейкхолдеров. Она возникла в результате рассмотрения вопроса о целевых установках фирмы. Согласно постулату, широко используемому в неоклассической теории, фирма, ориентируясь на своих акционеров, максимизирует дисконтированный поток прибыли⁸. Это предположение неоднократно подвергалось критике. Согласно альтернативной концепции, стратегия фирмы должна учитывать интересы не только своих акционеров, но и всех остальных стейкхолдеров, т. е. агентов, так или иначе связанных с деятельностью фирмы: ее клиентов, поставщиков, кредиторов, сотрудников и т. п. (Strand, Freeman, 2015). Более того, бизнес должен быть социально ответственным, т. е. вносить вклад в решение общественных задач, в частности заботиться о состоянии окружающей среды.

Как отмечается в (Strand, Freeman, 2015), понятие стейкхолдера было независимо введено в меморандуме сотрудников Стэнфордского исследовательского института в 1963 году и в книге шведского экономиста Эрика Ренмана (Eric Rhenman), вышедшей годом позже. При этом в США и в большинстве западных стран в

течение многих лет продолжала господствовать неоклассическая теория. Менеджеры, обученные ее приверженцами, действуют по стандартам капитализма акционеров, очень медленно трансформирующегося в капитализм стейкхолдеров. Одним из главных признаков такой трансформации является все чаще наблюдаемая кооперация между, казалось бы, конкурирующими компаниями⁹.

Между тем Ренман и его последователи создали школу исследователей и преподавателей, которая способствовала гораздо более быстрому формированию капитализма стейкхолдеров в нордических и некоторых других европейских странах. В рамках этой системы успех компании определяется не столько ее конкурентными преимуществами, как при капитализме акционеров, сколько кооперативными преимуществами, т. е. особым умением менеджеров корпорации сотрудничать со всеми стейкхолдерами, включая потенциальных конкурентов, и формировать на основе этого сотрудничества наиболее эффективные стратегии (Strand, Freeman, 2015). В отличие от конкуренции, нередко оказывающейся игрой с нулевой суммой, кооперация предполагает выработку решений, выгодных всем участникам.

Важнейшими чертами капитализма стейкхолдеров называют корпоративную социальную ответственность (corporate social responsibility, CSR) и долговременную устойчивость (sustainability). Термин «sustainability» означает «развитие, которое удовлетворяет текущие потребности, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Под социальной ответственностью корпораций имеют в виду «ответственность предприятий за их воздействие на общество» (Strand et al., 2015, p. 2). В цитируемой работе оба термина рассматриваются как эквивалентные, однако, на наш взгляд, второй можно считать более общим.

Для сопоставления стран по CSR в (Gjølberg, 2009) предложен индекс, агрегирующий данные о предприятиях страны. По результатам расчетов, проведенных для 20 развитых стран, первые шесть мест по этому индексу заняли

⁸ Иногда говорят о близком по содержанию критерию — максимизации стоимости акций корпорации (Brandt, Georgiou, 2016).

⁹ Этот тип взаимодействия стал предметом изучения в теории кооперации, разработанной в середине 1990-х гг. (Brandenburger, Nalebuff, 1996).

страны Семерки (Исландия не рассматривалась), в то время как США оказались на 20-м месте. В статье (Skouloudis et al., 2016) индекс был усовершенствован и рассчитан для 86 стран. На этот раз шесть стран Семерки заняли места от 1-го до 4-го, 6-е и 7-е. Исландия оказалась на 54-м месте, а США снова на 20-м. Близкие результаты были получены при дальнейшем усовершенствовании методики расчета индекса (Amor-Esteban et al., 2019). В этой работе он назван национальным практическим индексом корпоративной социальной ответственности (NCSRPI) и рассчитан для 29 стран, как развитых, так и «догоняющих», среди которых не было Исландии. Остальные шесть стран Семерки заняли шесть первых мест, а США только шестнадцатое, пропустив вперед Испанию, Францию, Италию, Германию¹⁰.

Высокая социальная ответственность бизнеса, свидетельствующая о высоком уровне корпоративной культуры, – важная составная часть его кооперативных преимуществ. В определенной мере индексы CSR могут служить мерой преимущества корпораций той или иной страны. Необходимо отметить, однако, что способность к сотрудничеству не может ограничиться лишь кругом менеджеров фирм. Она неизбежно должна проявиться в поведении политиков и государственных чиновников, а также в конструкции экономических и политических механизмов. Не случайно страны Семерки, занимающие, как было показано, самые высокие места по CSR, относятся к скоординированным рыночным экономикам. В связи с этим целесообразно ввести понятие кооперативных преимуществ.

Будем говорить, что страна А обладает кооперативными преимуществами перед страной В, если в А более развиты механизмы сотрудничества в экономической, социальной или политической сфере. Это определение согласуется с теорией (Полтерович, 2015; Полтерович, 2018), согласно которой в процессе развития роль механизмов сотрудничества растет за счет снижения значимости механизмов конкуренции и власти.

¹⁰ Информация для расчета была получена из базы данных Ethical Investment Research Services (EIRIS). На основе собственных исследований EIRIS предоставляет инвесторам информацию о социальной, экологической и этической политике и практике предприятий.

Ниже будет показано, как кооперативные преимущества проявляются в конструкции политических механизмов.

Консенсусные политические институты

Важнейшая особенность гражданской культуры стран Семерки отчетливо проявляется в структуре их политических механизмов. Чтобы убедиться в этом, обратимся к классификации Лейпхарта (Lijphart, 2012), который различает мажоритарные и консенсусные демократии. Для того чтобы охарактеризовать различия между ними, Лейпхарт формирует два индекса. Первый (ИП) отражает отношения между исполнительной властью и политическими партиями (executives-parties dimension), а второй (ЦР) – отношения между центральной властью и региональными администрациями (federal-unitary dimension). Каждый из индексов является агрегатом пяти показателей. Индекс ИП позволяет четко разделить демократии на две группы – мажоритарные и консенсусные.

Мажоритарная демократия характеризуется доминированием двух партий в парламенте и формированием однопартийных правительств, превосходством исполнительной власти над законодательной, всеобщей конкуренцией групп интересов.

В консенсусных демократиях обычно действует тот или иной вариант пропорционального представительства, парламент и правительство включают представителей многих партий, имеет место баланс исполнительной и законодательной власти, действует корпоративистская система отношений между группами интересов, нацеленная на отыскание компромисса и согласование действий. Лейпхарт показывает, что приближение к консенсусной демократии за счет индекса ИП положительно влияет на эффективность правительства, уровни коррупции, законности, преступности, риск конфликтов. Изменение второго индекса не дает однозначных результатов. По значениям первого индекса все семь европейских лидеров относятся к консенсусным демократиям, к ним примыкают Австрия и Германия. Великобритания и США оказываются в группе мажоритарных демократий.

Лейпхарт писал: «... мажоритарная модель демократии является дискриминирующей, конкурентной и конфронтационной, в то время как

для консенсусной модели характерны отсутствие дискриминации, переговоры и поиск компромисса» (Lijphart, 2012, p. 2).

Высокий уровень коллаборативности – историческое наследие

Пытаясь объяснить особенности гражданской культуры нордических стран, ряд авторов обращаются к их истории, отмечая, что они перешли к капитализму, минуя стадию феодализма, поэтому им удалось избежать периодов ожесточенной классовой борьбы; противоречия между элитой и массами разрешались благодаря формированию институтов, обеспечивавших отыскание компромиссных решений (Rothstein, Uslander, 2005; Pratt, 2008; Martela et al., 2020; Sunde, 2021). В качестве важнейшей причины столь необычного пути развития указывается географический фактор. Большая часть территории нордических стран была покрыта лесами, местность была гористой, а береговая линия извилистой. Население занималось охотой и сельским хозяйством на не слишком плодородных землях. В стороне от торговых путей и при отсутствии крупных месторождений полезных ископаемых урбанизация шла крайне медленно. Жизнь разбросанных по территории поселений управляли народные собрания. Самоуправляемые общины сопротивлялись присвоению их земли представителями элиты. Правительствам оказалось проще непосредственно взаимодействовать с организованным крестьянством, в том числе и при сборе налогов, нежели передавать земли во владение приближенным. Представители знатных семей занимали административные посты (Rothstein, Uslander, 2005, p. 57; Sunde, 2021, pp. 56–57).

Результатом сложившейся институциональной структуры стал высокий уровень доверия граждан друг другу и государству. Сотрудничество облегчалось благодаря низкому неравенству, которое поддерживалось социальными нормами. Так, в Швеции осуждались попытки выделиться из общей массы (Pratt, 2008, p. 125).

Становление государства всеобщего благосостояния началось в большинстве стран Европы после Второй мировой войны. В нордических странах (за исключением Финляндии) это произошло значительно раньше. Уже в 1928 году премьер-министр Швеции Албин Ханссон определил свою страну как «шведский на-

родный дом», основанный на общности культуры и чувств, где нет привилегированных или недооцененных, где никто не пытается получить преимущество за счет других (Pratt, 2008, p. 127).

Обратимся теперь к историческим корням коллаборативной культуры Швейцарии и Нидерландов.

Швейцария как государство представляет собой уникальное явление. Республика сформировалась, несмотря на радикальные языковые и культурные различия ее составных частей-кантонов. Стремясь объяснить этот феномен, авторы (Linder, Mueller, 2021) в качестве факторов, способствовавших объединению, указывают экономические связи между кантонами и необходимость защиты от посягательств крупных держав.

Малочисленным кантонам не хватало ресурсов для создания полноценных государств. Общественные работы, такие как строительство дорог, «выполнялись на общинной основе: каждый взрослый мужчина был обязан работать несколько дней или недель в году на общее благо... Земледельцы и ремесленники объединялись в ассоциации для коллективного принятия решений. Это способствовало развитию культуры сотрудничества» (Linder, Mueller, 2021, p. 27).

Предотвратить внешнее вмешательство Швейцарии удалось благодаря политике нейтралитета, который оказался выгодным ее соседям – Франции, Германии и Италии. Ощущение единства постепенно укреплялось благодаря формирующимся традициям. Так, с 1981 года швейцарцы отмечают заключение союза между тремя локальными лидерами, датированного 1291 годом (Linder, Mueller, p. 28).

В настоящее время Швейцария состоит из 26 кантонов, где доминируют разные языки и конфессии. Трудности, связанные с неоднородностью, удалось преодолеть путем создания нестандартной организационной структуры государства, основанного на принципах консенсусной демократии и на предоставлении широкой автономии кантонам. Отметим три особенности швейцарской системы принятия решений. Во-первых, в ней существенную роль играют референдумы, которые могут проводиться как в силу требований закона, так и по

инициативе снизу. Во-вторых, на референдумах по поправкам к конституции действует правило «двойного большинства». Это означает, что для принятия решения требуется, чтобы его поддержало не только большинство всех проголосовавших, но также и большинство проголосовавших в большинстве швейцарских кантонов. Тем самым исключается ситуация, когда решение принимается в пользу нескольких больших кантонов. В-третьих, в Швейцарии смена президента (он же глава правительства) происходит каждый год. Он избирается высшим законодательным органом Швейцарии, Федеральным собранием, из числа членов избранного Федеральным собранием правительства – Федерального совета. В состав правительства входят два представителя каждой из трех партий, набравших наибольшее число голосов на парламентских выборах, и один представитель партии, занявшей четвертое место. Каждый из семи членов правительства – руководит одним из семи министерств. Президент – глава правительства выполняет координационные и представительские функции. Его сменяемость и организация обсуждений способствуют принятию решений, близких к консенсусу¹¹.

Опыт Швейцарии показывает, что эффективное согласование интересов возможно даже в обществах, характеризующихся высокой степенью языковой и конфессиональной дифференциации.

В Нидерландах, как и в нордических странах, географический фактор повлиял на развитие гражданской культуры. Более 55% голландской территории подвержено наводнениям, и для их предотвращения требовалось регулярное строительство дамб и защитных сооружений. В средние века соответствующие работы велись самими жителями прибрежных районов, а координацию осуществляли специальные водные управы. Но по мере совершенствования технологий и развития рынка эти управы стали переходить на наем сторонних работников, оплачиваемых за счет налогов, взимаемых с владельцев прибрежных участков. При этом финансирование работ зависело от состояния экономики.

¹¹ Отметим, что описанная система принятия решений близка к двухуровневой коллаборативной иерархии, см. (Полтерович, 2021b).

При увеличении цен на рабочую силу или при ухудшении экономических условий (в том числе вследствие военных столкновений) собираемых налогов оказывалось недостаточно. Это периодически приводило к серьезным потерям (Soens, 2013; Avoyan, Meijerink, 2021). Ситуация резко изменилась после катастрофического наводнения 1953 года, унесшего жизни более 1800 граждан. Был разработан план «Дельта» строительства и укрепления дамб, заградений и шлюзов. Первоначально для его реализации была создана централизованная система управления. Однако со временем роль правительства снижалась. Современная система предусматривает взаимодействие правительства страны, провинций, муниципалитетов и региональных органов управления водными ресурсами, а также их сотрудничество с другими государственными органами, частными структурами, организациями гражданского общества. Она во многом строится на принципах коллаборативного управления (Avoyan, Meijerink, 2021).

Необходимость борьбы с наводнениями – лишь один из факторов, обусловивших становление Нидерландов в качестве члена Семерки. Было бы важно исследовать причины, в силу которых Нидерланды раньше других европейских государств стали на путь капиталистического развития. Возникшая в 1581 году в результате Нидерландской революции Республика Соединенных провинций (Голландская республика) «была необычным явлением среди более или менее абсолютистских монархий того периода. Республика была децентрализованная, коммерчески ориентированная лига городов и провинций, без главы государства, без правящей аристократии, без государственной бюрократии, ...без сколько-нибудь значимого дворянства» (Aerts, 2010, p. 213).

В течение последующих столетий в нидерландских городах активно формировалось гражданское общество, действовали районные ассоциации жителей, обеспечивавшие взаимопомощь и безопасность, многочисленные клубы, объединения по интересам.

Первая конституция Нидерландов была принята в 1814 году. Конституция 1848 года, действовавшая 135 лет, превратила Нидерланды в одну из первых в Европе конституционных монархий с парламентской демократией.

В результате выборов 2021 года во вторую палату парламента вошли представители 17 партий. В течение многих десятилетий ни одной партии не удается добиться абсолютного большинства, так что действуют коалиционные правительства. И парламент, и правительство страны активно взаимодействуют с организациями гражданского общества, в том числе ассоциациями бизнеса и профсоюзами.

Таким образом, коллаборативные преимущества стран Семерки имеют исторические корни. Они обусловлены, по крайней мере отчасти, специфическими историческими и географическими факторами. Следует, однако, подчеркнуть, что отсутствие подобных условий не является абсолютным препятствием для других стран следовать примеру лидеров. В целом ряде работ подчеркивается, что скандинавские страны, несмотря на их относительно небольшие размеры, оказывают существенное влияние на политику европейских государств (см. анализ и ссылки в (Long, 2017)). В (Elgström, Delputte, 2016, p. 10) отмечается, что «скандинавские страны, или некоторые из них, действовали как создатели (entrepreneurs) норм в ЕС, изменяя приоритеты, позиции и, возможно, даже ценности стран-членов ЕС».

Исследование законодательства десяти европейских государств, из которых только три принадлежат Семерке, показало, что системы действующих в них правил стимулируют формирование отношений сотрудничества между органами власти, организациями гражданского общества и бизнеса (Batory, Svensson, 2020).

Борьба с кризисом: совершенствование механизмов сотрудничества

Как уже отмечалось, в настоящее время западные политические системы охвачены глубоким кризисом (см. анализ и ссылки в статье (Полтерович, 2021a)). Мы наблюдаем рост протестных настроений и активизацию популистских деструктивных движений при одновременном снижении уровней доверия граждан к правительствам и участия в выборах. Деградирующая политическая элита нередко демонстрирует неспособность отыскания эффективных компромиссных решений, а в центре политических дебатов все чаще оказываются не программы развития, а диффамация конкурентов. Политический кризис непосредственно связан с кризисом государства всеобщего

благополучия, оказавшегося неспособным предотвратить рост неравенства.

Благодаря особенностям гражданской культуры, экономических и политических механизмов страны Семерки оказались в большей мере, нежели другие государства Запада, готовыми к преодолению кризиса.

Согласно (Aerts, 2010), граждане Нидерландов высоко ценят демократию, но лишь отчасти ассоциируют ее с политикой. По их мнению, «такие демократические достижения, как равенство, свобода слова, самореализация и процветание заложены в обществе и культуре». Более того, автор утверждает, что они «не любят политику» (Aerts, 2010, p. 236), и рассматривает наблюдаемое противопоставление демократии и гражданского общества как парадокс (что и отражено в названии статьи). На наш взгляд, здесь нет ничего парадоксального. Развитое гражданское общество основано на сотрудничестве, а современная демократия, даже консенсусная, в той или иной мере опирается на конкурентные механизмы, испытывающие кризис.

Наблюдение Аертса, касающееся Нидерландов, перекликается с выводами статьи (Kübler et al., 2020), посвященной внедрению партисипативного управления в регионах Швейцарии. Партисипативное управление предполагает вовлечение групп граждан, включая представителей бизнеса, в процесс принятия решений, касающийся, в частности, пространственного планирования, охраны окружающей среды, проблем молодежи, а также выработки общей стратегии развития. Авторы обнаруживают, что подобные реформы идут наиболее интенсивно в муниципалитетах, характеризующихся острыми противоречиями между политическими партиями и более низким уровнем политической децентрализации: в них законодательным органом является парламент, а не народное собрание, включающее всех граждан¹².

Можно предположить, что аналогичное отношение — массовое предпочтение сотрудничества конкуренции — характерно и для других стран Семерки и что именно оно является важнейшим фактором, позволяющим преодолевать кризис.

¹² В швейцарских муниципалитетах действует либо парламентская, либо прямая демократия (Ladner, 2005, p. 103).

В Дании, Исландии и Швеции сохраняется очень высокий уровень участия в выборах — 85–90%. В Норвегии и Финляндии имеет место относительно небольшое снижение — до 80 и 70% соответственно (Normann, Karlsen, 2021). В Нидерландах в выборах в Палату представителей 2021 года участвовала значительная доля (78,7%) избирателей. Исключением является Швейцария, где в выборах в Национальный совет в 2019 году приняли участие всего 45,1% избирателей, что близко к американскому уровню. Тем не менее Швейцария занимает первое место по уровню доверия правительству среди развитых стран (см. табл. 1 первой части работы). Возможно, относительно низкое участие швейцарцев в выборах обусловлено тем, что в этой стране наиболее важные проблемы выносятся на референдумы, число которых в последнее время возросло. Так, в 2020 году были организованы всенародные голосования по 9 вопросам, уровень участия в среднем составил 52,6%; для 8 референдумов 2021 года он несколько вырос, составив 56,5%¹³.

Пострадав от кризиса менее других, страны Семерки прилагают максимум усилий для его преодоления.

В 1980-х и 1990-х гг. экономическая политика стран Запада базировалась на идеологии *laissez-faire*, согласно которой для обеспечения быстрого экономического роста необходимо развивать конкуренцию и минимизировать вмешательство государства в экономику. Разумеется, подобное вмешательство никогда не прекращалось на практике, но в стратегических документах тема промышленной политики почти не затрагивалась, несмотря на исследования ряда экономистов, демонстрировавших, что от этого инструмента не следует отказываться.

В русле идеологии минимального государства находилась и концепция нового государственного управления (НГосУ; *New Public Management*), зародившаяся в Великобритании (McLaughlin et al., 2002). Она стала основой административных реформ, проводившихся во многих странах. Согласно этой концепции, административная система должна руководство-

ваться теми же принципами, что и частный сектор. Вместо жесткой иерархической организации предлагалось создать систему агентств с непересекающимися полномочиями для оказания услуг населению. Эффективность агентств должна была регулярно оцениваться путем сопоставления затрат и результатов. Был взят курс на приватизацию государственной собственности, возможности политики стимулирования экономического роста оказывались весьма ограниченными. Однако к середине 2000-х гг. стало появляться все больше свидетельств того, что рецепты НГосУ не приводят к желаемому результату. Возникла концепция пост-нового государственного управления (*Post-New Public Management*), сделавшая акцент на вертикальное и горизонтальное сотрудничество государственных агентств и других организаций друг с другом и на вовлечение потребителей услуг в процесс принятия решений (Klenk, Reiter, 2019).

Ее продвижению и смене доминировавшей идеологии значительно способствовал кризис 2007–2008 гг. В 2010 году Европейская комиссия опубликовала обращение к Европарламенту и другим высшим органам Европейского союза, посвященное новой промышленной политике в эпоху глобализации. В нем были сформулированы два основополагающих принципа такой политики: необходимость скоординированных мер по развитию всех секторов народного хозяйства при индивидуальном подходе к каждому из них и формирование цепочек добавленной стоимости от производства энергии и сырья до вторичной переработки и обслуживания торговых связей¹⁴.

В последние 15 лет Европейская комиссия, высший орган исполнительной власти Европейского союза, обращает особое внимание на совершенствование государственного управления стран — членов ЕС. Для достижения указанной цели Европейский социальный фонд

¹³ См. <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/politics/popular-votes.html>

¹⁴ An Integrated Industrial Policy for the Globalization Era. Putting Competitiveness and Sustainability at Centre Stage. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. European Commission, Brussels, October 28, 2010. P. 4. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0614:FIN:EN:PDF>

(ESF), Европейский фонд регионального развития (ERDF) и Европейские структурные и инвестиционные фонды (ESIF) выделили значительные средства. Еврокомиссия синхронизировала эти усилия и инициировала проект EUPACK¹⁵ для изучения результатов реформ (Thijs et al., 2018, p. 3).

В рамках названного проекта оценивалось качество государственного управления 28 стран – членов ЕС по 23 показателям. Информация была получена из официальных источников и опросов чиновников. Четыре страны из Семерки – Дания, Финляндия, Нидерланды и Швеция, являющиеся членами ЕС, оказались лидерами по качеству управления. Из сводной таблицы результатов (Thijs et al., 2018, pp. 78–79) следует, что Дания заняла одно из пяти первых мест по 20 показателям из 23, Финляндия, Швеция и Нидерланды – по 19, 15 и 12 показателям соответственно. Наиболее близки к ним Великобритания и Люксембург, для которых этот индикатор равен 10, за ними следует Эстония, набравшая 6 очков. Особо отметим показатель «социетальная консультация» (societal consultation), получаемый на основе ответов респондентов на вопрос «Консультируется ли правительство с экономическими и социальными акторами, разрабатывая свою политику?». По этому показателю Дания, Финляндия и Нидерланды разделили 1–3 места, а Швеция заняла 4-е место.

Коллаборативные преимущества в догоняющем развитии

Институты, гражданская культура и уровень благосостояния тесно связаны друг с другом. Именно поэтому современным развитым странам потребовалось пройти столь длительный и сложный путь, чтобы выйти на нынешний уровень. Существенно ускорить процесс догоняющего развития, совершить экономическое чудо за последние 75 лет удалось лишь немногим государствам, и практически все они использовали похожие стратегии. На начальном этапе экономического спурта они создавали систему институтов догоняющего развития, способную запустить и некоторое время поддерживать быстрый экономический рост при низком уровне гражданской культуры и неэффектив-

ном рынке. Эта система основывалась на принципах корпоративизма в сферах политического и экономического управления и включала генеральное агентство развития, стоявшее над министерствами, индикативное планирование, национальную инновационную систему, нацеленную на заимствование технологий с постепенным переходом на догоняющее развитие. Инициатором выступало государство, которое сумело преодолеть соблазн силового навязывания своей политики и не только стремилось привлечь частный сектор к сотрудничеству с государственными органами, но и поддерживало сотрудничество между частными фирмами (Полтерович, 2016).

Интересно сопоставить политику экономического развития стран Европы и стран экономического чуда. Корпоративизм характерен в обоих случаях. При этом для стран Семерки он носит органический характер. Система индикативного планирования в странах экономического чуда, возглавлявшаяся генеральным агентством, способствовала сотрудничеству между государством, бизнесом и гражданским обществом, охватывала все народное хозяйство и обеспечивала формирование цепочек добавленной стоимости. Сходство выполняемых ею функций с рекомендациями Европейской комиссии несомненно, хотя европейские страны могут в большей мере полагаться на культуру сотрудничества и в состоянии намечать и реализовывать планы более экономными средствами, опираясь на современные системы обмена информацией и технику моделирования. Можно утверждать, что в основе успеха стран экономического чуда лежат их коллаборативные преимущества.

Совершив «рывок», эти страны заимствовали конкурентные экономические и политические механизмы, присоединяясь к пулу развитых стран и тем самым оказываясь через некоторое время подверженными кризису. Важный вопрос состоит в том, нельзя ли избежать этапа доминирования таких механизмов или, по крайней мере, существенно сократить его¹⁶. В связи с этим особый интерес

¹⁵ European Public Administration Country Knowledge.

¹⁶ В связи с этим отметим работу (Суслов, Басарева, 2020), посвященную анализу экономической политики Швеции, Норвегии и Финляндии и возможности применения их опыта для Сибири.

представляет опыт Словении. В статье (Bohle, Greskovits, 2007) подчеркивается характерная для Словении социальная сплоченность и отмечается, что «Словения является исключительной среди всех восточноевропейских стран в том, что она смогла провести свои преобразования, опираясь в основном на национальные институты и акторов», и сумела построить неокорпоративистский режим, типичный для небольших западноевропейских государств¹⁷ (Bohle, Greskovits, 2007, p. 106).

Отметим также, что традиция сотрудничества, значение которой подчеркивалась выше, существовала и в России, что, кстати, нашло отражение в русской философской мысли (Кирдина-Чэндлер, Холл, 2017). Укрепление этой традиции в новых условиях является задачей первостепенной важности.

Заключительные замечания

В работах (Полтерович, 2015; Полтерович, 2018) было показано, что имеет место долгосрочная тенденция замещения механизмов конкуренции и власти механизмами сотрудничества. Между тем события, происходящие в последние десятилетия в ряде стран, особенно в США и Великобритании, казалось бы, ставят этот тезис под сомнение: кризис политических и экономических институтов в этих странах сопровождается обострением конкуренции. Тем не менее, как было продемонстрировано выше, есть все основания полагать, что указанная тенденция продолжится. Наиболее передовые страны Запада – Семерка европейских лидеров – указывают путь преодоления кризиса, укрепляя механизмы сотрудничества. Их пример оказывает влияние и на стратегии других передовых стран.

Проблемы, связанные с терроризмом, потоками беженцев и эпидемиями, свидетельствуют о том, что задача снижения межстранового неравенства является одной из центральных для мирового сообщества. Понимание этого еще в 1960 году привело к объединению группы развитых государств, которое в 1961 году получило название Комитет содействия развитию (Development Assistance

Committee). Страны Семерки являются его активными членами. В 2019 году среди 29 стран – членов комитета Норвегия, Швеция и Дания занимали 2–4-е места по доле ВВП, предоставляемой в качестве государственной помощи развивающимся странам, Нидерланды и Швейцария находились на 7-м и 6-м местах соответственно, а Финляндия и Исландия – на 11-м и 15-м. При этом США занимали лишь 23-е место¹⁸. В работе (Elgström, Delputte, 2016, p. 3), отмечено: «Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция выделялись как щедрые доноры, которыми движут солидарность, альтруизм, моральные и гуманитарные соображения, а не материальные интересы». Авторы показывают, что нынешний уровень помощи развивающимся странам достигнут в значительной мере благодаря влиянию нордических стран, называя этот процесс «нордизацией» (nordicisation).

Аналогичная идея лежит в основе статьи (Jakobsen, 2009), где выявлено, что нордические страны играют значительную роль в формировании политики безопасности в Европе благодаря умению их представителей организовывать сотрудничество.

Страны Семерки опередили другие страны Запада в реализации общей тенденции развития – замещения механизмов конкуренции и власти механизмами сотрудничества. Представленные выше результаты дают все основания полагать, что именно коллаборативные преимущества обуславливают их лидерство по степени удовлетворенности жизнью их граждан. Семерка относится к скоординированным экономикам и консенсусным демократиям – группам стран, где роль сотрудничества в соответствующей сфере относительно выше, а роль конкуренции и власти не столь велика. Высокие уровни коллаборативности (стремления к сотрудничеству и умения сотрудничать) и гражданской культуры в целом обеспечивают эффективность систем принятия решений в этих странах, а значит, высокие уровни благосостояния.

¹⁷ На этот факт обращается внимание в статье (Лобанов, Глинкина, 2020).

¹⁸ См. <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/ODA-2019-detailed-summary.pdf>

Проведенный выше анализ подтверждает тезис о том, что механизмы конкуренции постепенно исчерпывают себя как основа организации современного западного общества.

США пока еще доминируют в сфере создания новых технологий, но по общему уровню социально-экономического развития все больше отстают от стран Семерки, которые гораздо меньше затронуты кризисом и активно ищут пути выхода из него.

Из лидера, указывавшего дорогу другим странам, каким были США после Второй мировой войны, они превратились в государство, стремящееся сохранить свое преимущество, препятствуя развитию других стран и тем самым способствуя усилению кризисных явлений в мире. Но все империи рано или поздно

распадаются. В случае США это будет означать отказ от намерения очередного президента «сделать Америку снова великой» любыми средствами. Из вышеприведенного анализа следует, что Европа, опираясь на опыт Семерки, могла бы стать новым лидером, который возглавил бы движение мирового сообщества к сотрудничеству. Убежден, что, несмотря на все препятствия, у России еще появится шанс заключить союз с Европой, и его нельзя упустить. Как совместить необходимость совершенствования конкурентных экономических и политических механизмов в сегодняшней России с перспективой последующего снижения их значимости – проблема, подлежащая тщательной разработке.

Надеюсь, что результаты настоящего исследования будут способствовать ее решению.

Литература

- Кирдина-Чэндлер С.Г., Холл Дж. (2017). Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). Т. 9. № 1. С. 6–26.
- Лобанов М.М., Глинкина С.П. (2020). Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36. Вып. 1. С. 7–26.
- Полтерович В.М. (2015). От социального либерализма – к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 41–64.
- Полтерович В.М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 5. С. 88–107.
- Полтерович В.М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*. № 12.
- Полтерович В.М. (2021a). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // *Вопросы экономики*. Вып. 1. С. 52–72. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>
- Полтерович В.М. (2021b). Коллаборативные иерархии // *Вопросы экономики*. Вып. 7. С. 31–48.
- Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 2. С. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.2>
- Суслов В.И., Басарева В.Г. (2020). Экономическое развитие и государственная политика: Скандинавия и Сибирь // *Интерэкспо Гео-Сибирь*, Т. 3. № 1. С. 209–218.
- Aerts R. (2010). Civil society or democracy? A Dutch paradox. *BMGN-Low Countries Historical Review*, 125 (2–3), 209–236.
- Alouini O., Hubert P. (2012). Country size, economic performance and volatility. *Documents de Travail de l'OFCE*, 1–27.
- Amor-Esteban V., Galindo-Villardón M.P., García-Sánchez I.M. (2019). A multivariate proposal for a national corporate social responsibility practices index (NCSRPI) for international settings. *Social Indicators Research*, 143(2), 525–560.

- Avoyan E., Meijerink S. (2021). Cross-sector collaboration within Dutch flood risk governance: Historical analysis of external triggers. *International Journal of Water Resources Development*, 37(1), 24–47.
- Batory A., Svensson S. (2020). Regulating collaboration: The legal framework of collaborative governance in ten European countries. *International Journal of Public Administration*, 43(9), 780–789.
- Bohle D., Greskovits B. (2007). The State, internationalization, and capitalist diversity in Eastern Europe. *Competition and Change*, 11(2), 89–115.
- Brandenburger A.M., Nalebuff B.J. (1996). *Co-opetition*. New York: Doubleday.
- Brandt F., Konstantinos G. (2016). Shareholders vs stakeholders capitalism. *Comparative Corporate Governance and Financial Regulation*, 10. Available at: https://scholarship.law.upenn.edu/fisch_2016/10
- Daly M.C., Oswald A.J., Wilson D., Stephan W. (2011). Dark contrasts: The paradox of high rates of suicide in happy places. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 80(3), 435–442.
- Elgström O., Delputte S. (2016). An end to Nordic exceptionalism? Europeanisation and Nordic development policies. *European Politics and Society*, 17(1), 28–41. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/23745118.2015.1075765>
- Gjølberg M. (2009). Measuring the immeasurable? Constructing an index of CSR practices and performance in 20 countries. *Scandinavian Journal of Management*, 25(1), 10–22.
- Hall P.A., Gingerich D.W. (2009). Varieties of capitalism and institutional complementarities in the political economy: An empirical analysis. *British Journal of Political Science*, 39(3), 449–482.
- Hall P.A., Soskice D. (2001). An introduction to varieties of capitalism. In: Hall P.A., Soskice D. (Eds.). *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. New York: Oxford University Press.
- Hopmann D.N., Karlsen R. (2021). Elections and political communication in the Nordic countries. In: Skogerbø E., Ihlen Ø., Kristensen N.N., Nord L. (Eds.). *Power, Communication, and Politics in the Nordic Countries*. Göteborg: Nordicom. Available at: <https://doi.org/10.48335/9789188855299-11>
- Iqbal R., Todi P. (2015). The Nordic model: Existence, emergence and sustainability. *Procedia Economics and Finance*, 30, 336–351.
- Jakobsen P.V. (2009). Small states, big influence: The overlooked Nordic influence on the civilian ESDP. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 47(1), 81–102.
- Jäntti M., Saari J., Vartiainen J. (2006). *Growth and Equity in Finland*. WIDER Discussion Paper 2006/06. Helsinki: United Nations University, World Institute for Development Economics Research.
- Klenk T., Reiter R. (2019). Post-new public management: Reform ideas and their application in the field of social services. *International Review of Administrative Sciences*, 85(1), 3–10.
- Kübler D., Rochat P.E., Woo S.Y., van der Heiden N. (2020). Strengthen governability rather than deepen democracy: Why local governments introduce participatory governance. *International Review of Administrative Sciences*, 86(3), 409–426.
- Ladner A. (2005). Laymen and executives in Swiss local government. In: Berg R., Rao N. (Eds.). *Transforming Political Leadership in Local Government*. London: Palgrave Macmillan.
- Lei D., Slocum J.W., Pitts R.A. (1997). Building cooperative advantage: Managing strategic alliances to promote organizational learning. *Journal of World Business*, 32(3), 203–223.
- Lijphart A. (2012). *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. Second edition. New Haven: Yale University Press.
- Linder W., Mueller S. (2021). *Swiss Democracy. Possible Solutions to Conflict in Multicultural Societies*. Springer Nature, Switzerland.
- Long T. (2017). Small states, great power? Gaining influence through intrinsic, derivative, and collective power. *International Studies Review*, 19(2), 185–205.
- Martela F., Greve B., Rothstein B., Saari J. (2020). The Nordic exceptionalism: What explains why the Nordic countries are constantly among the happiest in the world. In: Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D., De Neve J.E. (Eds.). *World Happiness Report 2020*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- McLaughlin K., Osborne S., Ferlie E. (Eds.). (2002). *The New Public Management: Current Trends and Future Prospects*. London: Routledge.
- Pendergast P.M., Wadsworth T., Kubrin C.E. (2019). Suicide in happy places: Is there really a paradox? *Journal of Happiness Studies*, 20(1), 81–99.

- Pratt J. (2008). Scandinavian exceptionalism in an era of penal excess. Part I: The nature and roots of Scandinavian exceptionalism. *The British Journal of Criminology*, 48(2), 119–137.
- Rose A.K. (2006). Size really doesn't matter: In search of a national scale effect. *Journal of the Japanese and International Economies*, 20(4), 482–507.
- Rothstein B., Uslaner E. (2005). All for one. Equality, corruption and social trust. *World Politics*, 58, 41–72.
- Ryggvik H. (2015). A short history of the Norwegian oil industry: From protected national champions to internationally competitive multinationals. *Business History Review*, 89(1), 3–41.
- Skouloudis A., Isaac D., Evaggelinos K. (2016). Revisiting the national corporate social responsibility index. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*, 23, 61–70.
- Soens T. (2013). Flood security in the Medieval and Early Modern North Sea Area: A question of entitlement? *Environment and History*, 19, 209–232.
- Strand R., Freeman R.E. (2015). Scandinavian cooperative advantage: The theory and practice of stakeholder engagement in Scandinavia. *Journal of Business Ethics*, 127(1), 65–85.
- Strand R., Freeman R.E., Hockerts K. (2015). Corporate social responsibility and sustainability in Scandinavia: An overview. *Journal of Business Ethics*, 127(1), 1–15.
- Sunde J. (2021). The history of Nordic legal culture and court culture: The story of what should not have been, but still came to be. In: Ervo L. et al. (Eds). *Rethinking Nordic courts*. Springer, Cham, Switzerland.
- Thijs N., Hammerschmid G., Palaric E. (2018). *A Comparative Overview of Public Administration Characteristics and Performance in the EU28*. Brussels: Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion under the Contract VC/2016/0492 “Support for developing better country knowledge on public administration and institutional capacity building”.

Сведения об авторе

Виктор Меерович Полтерович – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: polterov@semi.rssi.ru), заместитель директора, Московская школа экономики, МГУ им. М.В. Ломоносова (119234, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61)

Polterovich V.M.

Competition, Collaboration, and Life Satisfaction Part 2. The Fundament of Leadership – Collaborative Advantage

Abstract. The first part of the paper showed that the group of seven European countries leading in the life satisfaction index (happiness index) significantly outperformed other Western nations, including the United States, in the development of economic and political institutions. The Seven includes Denmark, Norway, Sweden, Finland, Iceland, Switzerland, and the Netherlands. The second part examines what qualitative features of socio-economic and political mechanisms provide leadership. It is noted that attempts to explain this phenomenon by the low size of population and its homogeneity, as well as by the small area of these countries, are inadequate. The notion of collaborative advantages is introduced, understood as relatively more developed mechanisms of collaboration in the economic, social and political spheres. Based on three different classifications of types of capitalism and on an analysis of the history of countries of the Seven we show that they have reached the leading positions due to collaborative advantages. These countries are coordinated market economies, their economic systems are characterized as stakeholder capitalism, and their political systems are consensus democracies. The Seven of European Leaders carry out reforms aimed at improving collaboration mechanisms and, as a consequence, are less affected by the crisis of competitive institutions observed in Western societies. The presented results support the hypothesis that the strengthening of the role of collaboration mechanisms while reducing

the importance of competitive mechanisms contributes to higher life satisfaction. The experience of the Seven is used by other developed European countries as well. The question of how our findings can be used in choosing a catching-up strategy is discussed.

Key words: coordinated market economies, stakeholder capitalism, consensus democracies, collaboration, Nordicization, reforms, catching-up development.

Information about the Author

Victor M. Polterovich – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Academician, head of scientific field, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: polterov@cemi.rssi.ru), deputy director, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, building 61, Moscow, 119234, Russian Federation)

Статья поступила 09.03.2022.

Производство и обращение в простой меновой экономике



**Александр Дмитриевич
НЕКИПЕЛОВ**

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: nekipelov@mse-msu.ru
ORCID: 0000-0001-6211-3009; ResearcherID: K-5835-2013

Аннотация. Статья носит методологический характер: её первоочередная задача – не анализ новых хозяйственных явлений, а изучение того, каким образом они формировались и развивались, а вместе с ними формировалась и развивалась рыночная система. Непосредственным предметом исследования выступает модель простой меновой экономики на этапе, когда производство начинает рассматриваться как её эндогенный фактор. Это позволяет естественным образом ввести в анализ общественное разделение труда, рассмотреть в простейшей форме проблему его сочетания с дифференциацией производственных функций в рамках индивидуального хозяйства. Большое внимание уделено анализу социально-экономических последствий углубления общественного разделения труда, проявляющегося в превращении производства предметов и средств труда в его самостоятельные звенья. Показано, почему именно на этой стадии исследования появляется возможность обосновать механизмы формирования рыночной меновой ценности потребительских благ длительного пользования и средств труда, как следствие, процентной ставки. Введение в анализ фактора ограниченности ресурсов позволяет обосновать необходимость возникновения института собственности на такие ресурсы, важность для нормального функционирования рыночной экономики абсолютной и дифференциальной природной ренты, выявить специфику формирования рыночной меновой ценности земли. Подчёркнута важность для чистой экономической теории сделать полноценным предметом анализа пространственное измерение экономики, высказаны соображения о возможном подходе к формулированию исходной модели, позволяющей учитывать влияние пространства на общие параметры экономической активности. Основной вывод состоит в том, что модель простого менового хозяйства даёт возможность получить целостное представление обо всех ключевых категориях (пусть и в

Для цитирования: Некипелов А.Д. (2022). Производство и обращение в простой меновой экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 58–74. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.3

For citation: Nekipelov A.D. (2022). Production and circulation in a simple exchange economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends Forecast*, 15(3), 58–74. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.3

зародышевых формах), отражающих действие рыночного механизма. Одновременно становится ясным, почему для реализации всех потенций, имеющихся у этой формы организации хозяйственной деятельности, требуются дальнейшие институциональные преобразования.

Ключевые слова: простая меновая экономика, общественное разделение труда, сравнительные преимущества, пространственное измерение общего равновесия, природная рента, процентная ставка, целевая функция индивидуального производителя.

Превращение производства в эндогенный фактор модели простого менового хозяйства

Анализ экономики «чистого обмена» (Некипелов, 2021б) позволил определить причины, побуждающие свободных индивидуальных экономических агентов вступать в меновые отношения друг с другом, дал возможность получить исходное, сущностное представление о таких важнейших явлениях и характеристиках рыночной экономики, как текущий и трансвременной обмен, меновая ценность, общее равновесие, конкуренция, системные (в том числе транзакционные) издержки. Превращение сферы производства из экзогенного в эндогенный фактор модели экономики, основанной на натуральном обмене, представляется естественным следующим шагом в рамках исследования, базирующегося на парадигме «чистой экономической теории» (Некипелов, 2019а).

На этой новой ступени анализа появляется возможность прояснить факторы, приводящие к формированию и непрерывному углублению общественного разделения труда, вскрыть особенности возникающих на этой основе производственных взаимосвязей, обогатить представление о явлениях и характеристиках меновой экономики, выделенных на предшествующем этапе.

Отправным пунктом анализа выступает модель, в которой индивидуальные экономические агенты производят все необходимые для их существования потребительские блага, а в дальнейшем используют товарный обмен как инструмент, позволяющий дополнительно повысить уровень благосостояния. Собственно анализ начинается с постановки вопроса о том, могут ли эти субъекты экономической жизни добиться ещё больших результатов, приняв в расчёт уже на стадии формирования своей производственной программы возможности, открываемые отношениями обмена?

Природа общественного разделения труда Основы общественного разделения труда

Итак, мы исходим из того, что в рассматриваемой экономике имеется m экономических агентов, каждый из которых автономно производит в некотором количестве $x_i \geq 0$ ($i = 1, \dots, n$) все потребительские блага. Такое предположение означает, что их производственная деятельность охватывает все звенья технологической цепочки от добычи природных ресурсов до выпуска конечной продукции потребительского назначения.

Вообще говоря, каждому из звеньев любой такой цепочки соответствует своя производственная функция. Однако мы, для простоты, будем первоначально считать, что все упомянутые цепочки являются однозвенными, то есть имеется единственная производственная функция, связывающая выпуск потребительского блага с применяемыми природными ресурсами и трудовыми усилиями экономического агента. По этой же причине первоначально будем предполагать, что используемые факторы производства ограничиваются трудом и природными ресурсами, причём последние являются неограниченными.

Первая из стоящих перед нами задач заключается в том, чтобы с опорой на результаты, полученные при анализе моделей робинзонады и чистого обмена, выявить силы, приводящие к формированию общественного разделения труда.

Естественно, будем исходить из того, что целевая функция субъекта экономической деятельности состоит в максимизации уровня собственного благосостояния:

$$\max U(x_1, \dots, x_n) \quad (1)$$

При этом экономический агент должен считаться с тем, что меновая ценность производимых благ y_1, \dots, y_n должна равняться меновой ценности благ x_1, \dots, x_n , которыми он будет об-

ладать после обмена, а суммарная величина времени $\sum_i t_i$, затрачиваемого на производство каждого блага, – общей продолжительности трудового периода:

$$\sum_i [y_i(t_i) - x_i] \cdot EV_i = 0 \quad (2)$$

$$T - \sum_i t_i = 0, \quad (3)$$

где EV_i – меновая ценность i -го блага.

Для нахождения необходимых условий максимума целевой функции приравняем к нулю первые частные производные функции Лагранжа:

$$\frac{\partial \mathfrak{L}}{\partial x_i} = \frac{\partial U}{\partial x_i} - \lambda_1 \cdot EV_i = 0 \quad (4)$$

$$\frac{\partial \mathfrak{L}}{\partial t_i} = \lambda_1 \cdot \frac{dy_i}{dt_i} \cdot EV_i - \lambda_2 = 0 \quad (5)$$

$$\frac{\partial \mathfrak{L}}{\partial \lambda_1} = \sum_i [y_i(t_i) - x_i] \cdot EV_i = 0 \quad (6)$$

$$\frac{\partial \mathfrak{L}}{\partial \lambda_2} = T - \sum_i t_i = 0 \quad (7)$$

Из уравнения (4) следует известный вывод, согласно которому в оптимальном положении предельная норма замещения одного блага другим должна равняться обратному соотношению их меновых ценностей: $\frac{\partial x_j}{\partial x_i} = \frac{EV_i}{EV_j}$.

Однако особого внимания заслуживают уравнения (5). Рассматривая их, мы, прежде всего, можем заключить, что выпуск должен быть организован таким образом, чтобы предельный ценностной продукт труда $\frac{dy_i}{dt_i} \cdot EV_i$ оказался равным соотношению множителей Лагранжа λ_2 (представляет предельную полезность времени производственной деятельности) и λ_1 (представляет предельную полезность меновой ценности). При этом принцип формирования структуры выпуска, позволяющий экономическому агенту достичь такого результата, сводится к следующему.

Стремясь максимизировать совокупную меновую ценность, он должен начать с вида деятельности, характеризующегося наивысшим предельным ценностным продуктом труда, или, что то же, наименьшим соотношением удель-

ных затрат времени на производство к меновой ценности $\frac{a_i(t_0)}{EV_i}$, где t_0 – нулевой момент времени.

Если производительность труда по всем продуктам является неизменной на протяжении всего периода работы T , то есть если $\frac{dy_i}{dt_i} = \frac{1}{a_i} = const$, то экономический агент должен целиком сконцентрироваться на производстве избранного с самого начала товара и вести его до тех пор, пока этот показатель не сравняется с предельной полезностью досуга. Сразу же заметим, что в данном случае мы приходим к результату, соответствующему знаменитой теории сравнительных преимуществ (издержек) Торренса – Рикардо (Torrens, 1808, р. 37; Ricardo, 1817, pp. 160–162), которая, как известно, была разработана для условий международной торговли.

Ситуация оказывается более сложной, если функции предельных продуктов труда, прилагаемого в производстве различных благ, являются переменными, например, убывающими в силу накапливающейся у производителя усталости. В этом случае возможна ситуация, когда в определённые моменты рабочего периода сравнительные преимущества будут переходить от одного продукта к другому. Тогда и только тогда экономическому агенту придётся распределять рабочее время между производством более чем одного товара.

Как бы то ни было, решение системы уравнений (4) – (7) позволяет получить векторы выпускаемой (вектор y), потребляемой (вектор x), а следовательно, и обмениваемой (вектор $z = x - y$) продукции.

Вернёмся к ситуации с фиксированными уровнями производительности труда в выпуске всех благ. Пусть удельные затраты времени на производство потребительских благ k -того субъекта экономической деятельности заданы вектором (a_1^k, \dots, a_n^k) , а сложившиеся в ходе предшествующих актов «случайного обмена» меновые ценности благ – вектором $(1, EV_2, \dots, EV_n)$ (первое благо является товаром-счётчиком). Тогда, как мы видели, рассматриваемому экономическому агенту следует специализироваться на производстве того блага, для которого характерно наименьшее соотношение $\frac{a_i^k}{EV_i}$:

в этом случае альтернативные («окольные») издержки¹ получения любого другого блага j окажутся меньше прямых:

$$a_{j'}^k = a_i^k \cdot \frac{EV_j}{EV_i} < a_j^k, \quad (8)$$

где $a_{j'}^k$ – альтернативные, a_j^k – прямые удельные затраты получения j -го блага k -м производителем.

Несложно заметить, что в этой модели, где единственным ограниченным фактором производства является труд (точнее, время, выделяемое экономическим агентом на трудовую деятельность), в равновесном положении соотношения удельных альтернативных (трудовых) издержек получения благ через обмен и прямых (трудовых) издержек производства товара, на котором специализируется экономический агент, оказываются равными соотношению меновых ценностей этих благ:

$$\frac{a_{j'}^k}{a_i^k} = \frac{EV_j}{EV_i} \quad (9)$$

Конкретный вид труда, затрачиваемый на производство товара i , с точки зрения производителя k , приобретает в условиях меновой экономики особое свойство. Продуктом этого вида трудовой деятельности оказывается любой товар: непосредственно – тот, что производится, а опосредованно – благодаря обмену – любой другой. В этом отношении напрашивается аналогия с абстрактным трудом, как его определял К. Маркс (Маркс, 1961, с. 47). Однако у такой аналогии есть и существенные ограничения. У К. Маркса абстрактный труд – это то общее, что есть у всех видов труда всех экономических агентов. Такой труд в трудовой теории стоимости рассматривается как основа внутренне присущей любому товару особой социальной субстанции – стоимости, которая, в свою очередь, находит внешнее проявление в пропорциях обмена. В рамках излагаемого нами подхода у каждого производителя, образно говоря, свой «абстрактный труд» и, соответственно, своя «стоимость» товаров. Более того, этот индивидуально-абстрактный труд оказы-

вается таковым только благодаря тому, что уже существуют пропорции обмена (меновые ценности).

Динамика общественного разделения труда: причины и следствия

Превращение предметов труда в товар

Вернёмся к нашему допущению, что природные ресурсы отделены от потребления лишь одним технологическим переделом. Фактически ему соответствует ситуация, когда производственная деятельность человека сводится к «собирачеству» – сбору предметов потребления, данных ему природой. Переход к самостоятельному производству потребительских благ предполагает существование, как минимум, двух технологических звеньев. Первое из них состоит в отделении от естественной природной среды тех или иных её элементов (например, древесины, угля, руд). Второе и возможные последующие звенья связаны с переработкой полученного на первом этапе сырья в конечную продукцию.

Непрерывное усложнение структуры общественного производства – вначале в результате формирования двухзвенной технологической структуры, а затем и её непрерывной дифференциации, проявляющейся в возникновении всё новых и новых переделов, – становится, как известно, неизбежным следствием появления новых, более совершенных технологий. Но тогда возникает вопрос: должен ли индивидуальный субъект экономической деятельности по-прежнему брать на себя всю работу по созданию потребительского блага или ему разумнее будет сосредоточиться на отдельных технологических переделах?

В сущности, этот вопрос давно является предметом интереса со стороны экономистов-теоретиков. Так, К. Маркс отмечал закономерный характер отпочкования внутренних производственных функций в самостоятельные звенья общественного разделения труда (Маркс, 1961, с. 363–372), а Р. Коуз выдвинул идею о том, что граница между внутрифирменным и общественным разделением труда проходит там, где предельные транзакционные издержки, связанные с сокращением ареала производственной деятельности фирмы, оказываются равными предельным управленческим расходам, сопутствующим его расширению (Coase, 1937).

¹ То есть издержки, связанные с получением блага j через обмен, а не в результате его производства k -м экономическим агентом.

На уровне простой экономической модели, являющейся предметом нашего рассмотрения, мы должны прежде всего раскрыть механизм, регулирующий участие предметов труда в меновых сделках. Дело в том, что этот вид продукции непосредственно не удовлетворяет человеческих потребностей, а потому пропорции, в которых соответствующие блага обмениваются на другие, не могут основываться на предельных оценках полезности.

В микроэкономической теории по этому поводу сформировалась ясная позиция: участие факторов производства (в том числе предметов труда) в обмене связано со спросом производителей, который, в свою очередь, имеет производный характер по отношению к спросу на продукцию потребительского назначения, выпускаемую с участием этих факторов производства. Для обоснования данного вывода используется модель максимизации целевой функции экономического агента (обычно фирмы). Нам предстоит лишь применить этот подход к модели простой меновой экономики.

Пусть индивидуальный экономический агент, специализирующийся на последнем технологическом переделе, ведущем к созданию потребительского блага, может получить необходимый предмет труда через обмен. При этом в силу стремления к максимально высокому уровню удовлетворения собственных потребностей он заинтересован в выборе такой комбинации факторов производства (здесь – услуг труда и предметов труда), которая обеспечит ему максимизацию чистой меновой ценности производимой продукции (валовой меновой ценности за вычетом меновой ценности предметов труда, использованных в производстве):

$$\begin{aligned} \text{Max } NEV = & Y(x_L^0, x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q}) \cdot EV_{CG} - \\ & - \sum_{q=1}^Q x_{RM_q} \cdot EV_{RM_q}, \end{aligned} \quad (10)$$

где NEV – чистая меновая ценность, x_L^0 – услуги труда, выполняющие роль параметра в производственной функции индивидуального производителя, $x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q}$ – использованные в производстве виды сырья (предметов труда), $Y(x_L^0, x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q})$ – производственная функция, EV_{CG} – меновая ценность потребительского блага, EV_{RM_q} – меновая ценность q -го вида сырья.

Необходимым условием наличия максимума у этой функции является равенство предельного ценностного продукта предмета труда его меновой ценности: $\frac{\partial Y}{\partial x_{RM_q}} \cdot EV_{CG} = EV_{RM_q}$. При заданной производственной функции отсюда следует, что спрос экономического агента на предмет труда является функцией собственной меновой ценности последнего, меновой ценности других видов сырья, а также меновой ценности конечного продукта (здесь – потребительского блага):

$$x_{RM_q}^* = x_{RM_q}^*(EV_{RM_1}, \dots, EV_{RM_q}, EV_{CG}) \quad (11)$$

Что касается «предпоследнего» технологического передела, то спрос на используемые предметы труда будет непосредственно определяться спросом на его продукцию со стороны «последнего» передела и, опосредованно, спросом на производимое в рамках последнего передела потребительское благо. Иными словами, по мере удаления от конечного звена технологической цепочки спрос на промежуточную продукцию будет всё более опосредованно зависеть от спроса на потребительскую продукцию, но связь эта при всех условиях будет сохраняться.

Коль скоро имеется ясный механизм формирования спроса на промежуточную продукцию, решение экономического агента, действующего в рамках рассматриваемой экономической модели, о сфере специализации может быть исчерпывающим образом объяснено при помощи теории сравнительных издержек. Отличие по сравнению с изложенным ранее алгоритмом состоит лишь в том, что для индивидуального производителя заметно расширяется сфера выбора: теперь он может специализироваться на производстве не только отдельных потребительских благ, но и предметов труда.

Следует обратить внимание на то, что предложение промежуточной продукции (а оно является оборотной стороной специализации) всегда исходит от предыдущего, по отношению к сфере его применения, звена технологической цепочки. Как известно, соответствующая функция получается посредством замены в производственной функции факторов производства как независимых переменных функциями спроса на них (это обеспечивает неиз-

менное соответствие величины выпуска задаче максимизации целевой функции экономического агента):

$$Y^* = Y \left[x_L^0, x_{RM_1}^*, \dots, x_{RM_q}^* \right], \quad (12)$$

где Y^* – функция предложения (в данном случае – промежуточной продукции).

Возникает вопрос: следует ли из тезиса о применимости теории сравнительных издержек к решению вопроса о специализации индивидуального производителя вывод, что трудовая деятельность последнего должна ограничиваться только одним звеном в технологической цепочке? Эту проблему можно сформулировать и иначе: как в рамках рассматриваемого подхода и при принятых в его рамках ограничениях (в частности, при анализе проблемы применительно к условиям полной определённости) можно объяснить тот факт, что на практике экономические агенты практически никогда не ограничивают свою производственную активность выполнением одной технологической операции? Понятно, что при любой формулировке речь идёт об определении границы между общественным разделением труда и внутрихозяйственным разделением производственных функций.

Пусть имеется m видов предметов потребления и Q видов промежуточной продукции, являющихся результатом однородных технологических процессов; соответственно, общее количество производимых продуктов составляет $n = m + Q$. Исходим, далее, из того, что численность экономических агентов N превышает количество производимых продуктов n , а каждый из производителей обладает принципиальной способностью изготавливать любой из видов продукции. Соответственно, производственная функция k -того производителя в j -м виде деятельности имеет вид $Y_j^k = Y_j^k(x_L^0, x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q})$, $j = 1, \dots, n$.

Очевидно, что в соответствии с принципом сравнительных издержек выпуск более одного товара оправдан только тогда, когда удельные затраты времени² на единицу «чистой меновой

² В случае переменных коэффициентов затрат следует внести коррективы, о которых шла речь в начале раздела.

ценности»³ оказываются одинаковыми для нескольких видов продукции. Но при этом следует иметь в виду, что сама величина удельных затрат a_i находится под воздействием сил, вызываемых процессом специализации, причём направленных противоположно. Позитивный эффект более высокого уровня специализации связан с тем, что производитель получает возможность повысить уровень профессионального мастерства в избранных видах деятельности и минимизировать затраты времени, связанные с переходом от одного из них к другому. В то же время как на стороне производства, так и в институциональной области обнаруживается действие сил противоположного характера. Первые связаны с пространственным рассредоточением производства в условиях специализации и, как результат, с увеличением транспортных издержек⁴. Вторые – с возрастанием трансакционных издержек – затрат времени на заключение рыночных сделок вследствие увеличения количества последних. Как всегда бывает при наличии таких «разменов», производитель должен стремиться к тому, чтобы предельные выгоды от усиления специализации оказались равными предельным издержкам, сопровождающим этот процесс.

Указанный вывод очевидным образом созвучен с идеей Коуза. Но есть и отличие. Фирма, в противовес индивидуальному экономическому агенту, имеет принципиальную возможность привлекать требуемые по качеству факторы производства (в том числе рабочую силу) для любых производственных процессов. В этих условиях значение фактора сравнительных преимуществ в значительной степени нивелируется. В то же самое время, если отвлечься от вопроса о доступности капитала, фирма в отличие от индивидуального производителя имеет возможность практически бесконечно масштабировать выпуск по любому направлению. А в таких условиях существенное значение неизбежно приобретает вопрос об издержках управления крупными производственными

³ Имеется в виду меновая ценность поставленного на рынок продукта за вычетом меновой ценности приобретённых на стороне предметов труда, применявшихся в производстве.

⁴ Более подробно о роли пространственного фактора речь пойдёт ниже.

структурами. Его своеобразный аналог в условиях индивидуального производства – потери, связанные с необходимостью переключения от одного вида деятельности к другому – имеет существенно меньшее значение.

Заметим, что отмеченные отличия имеют большую значимость с методологической точки зрения, т. к. подтверждают, сколь важно анализировать не только состояние, в котором экономическая система находится в тот или иной период, но и её развитие.

Превращение потребительских благ длительного пользования и средств труда в товар

В мире товаров особое место занимают потребительские блага длительного пользования и средства труда: в отличие от обычных товаров полезный эффект от их действия (соответственно, в сфере потребления и производства) растягивается на более или менее продолжительное время, а не является одномоментным. В силу этого обстоятельства такие товары становятся носителями двух меновых ценностей – меновой ценности услуг, предоставляемых ими в течение единичного отрезка времени (текущая меновая ценность), и меновой ценности потока услуг за весь период их функционирования (трансвременная, или товарная, меновая ценность). Первый вид меновой ценности реализуется в рамках отношений аренды, второй – меновой сделки, сопровождающейся сменой собственника соответствующего продукта.

Текущий спрос предъявляется **на услуги** товаров длительного пользования. Рассмотрим особенности такого спроса вначале применительно к потребительским благам длительного пользования («капитальным благам»), а затем – применительно к средствам труда.

Функция спроса на услуги блага длительного пользования $t + 1$ будет иметь следующий вид: $x'_{m+1} = x'_{m+1} (EV_1, \dots, EV_m, EV'_{m+1}, NEV)$, где x'_{m+1} – спрос на услуги $t + 1$ -го блага (капитального блага), EV'_{m+1} – меновая ценность услуг капитального блага, NEV – чистая меновая ценность благ (блага), на производстве которых (которого) специализируется рассматриваемый экономический агент⁵. Как и в случае

с обычными благами, функция формируется таким образом, чтобы максимизировать функцию полезности потребителя. Соответственно, желаемая величина услуг этих благ будет устанавливаться потребителем на таком уровне, чтобы предельная норма их замещения товаром-счётчиком равнялась их меновой ценности (арендной плате).

Спрос на услуги средств труда подобно спросу на предметы труда формируется таким образом, чтобы максимизировать целевую функцию индивидуального производителя. Последняя в рассматриваемых условиях будет иметь следующий вид⁶:

$$Max NEV = Y_i (x_L^0, x_{RM_1}, \dots, x_{RM_q}, x'_K) \cdot EV_i - \sum_{q=1}^Q x_{RM_q} \cdot EV_{RM_q} - x'_K \cdot EV'_K, \quad (13)$$

где Y_i – выпуск продукции, на которой специализируется экономический агент, EV_i – меновая ценность единицы производимого товара, x'_K – величина услуг применяемого средства труда (физического капитала), EV'_K – факторная меновая ценность (меновая ценность услуг) капитала. Соответственно, одним из необходимых условий максимума у этой функции является равенство предельной ценностной услуги средства труда её меновой ценности: $\frac{\partial Y_i}{\partial x'_K} \cdot EV_i = EV'_K$. Сама же функция спроса на услуги средства труда имеет следующий вид:

$$x'_K = x'_K (EV_{RM_1}, \dots, EV_{RM_q}, EV_i, EV'_K) \quad (14)$$

Экономический агент выбирает капитальное потребительское благо или средство труда в качестве объекта специализации точно таким же образом, как и любое другое благо: для него важно, чтобы отношение удельных затрат на производство к его **товарной** меновой ценности было наименьшим. Иными словами, субъект экономической деятельности будет производить товар K длительного пользования только в том случае, если $\frac{a_k}{EV_K} = \min \left\{ \frac{a_1}{EV_1}, \dots, \frac{a_n}{EV_n}, \frac{a_k}{EV_K} \right\}$.

⁵ Этот показатель является аналогом дохода потребителя в денежной экономике.

⁶ Для простоты предполагаем, что экономический агент специализируется на выпуске одного вида продукции.

Соответственно, функция индивидуального предложения таких благ будет иметь следующий вид:

$$y_K^* = y_K^*(EV_{RM_1}, \dots, EV_{RM_q}, EV_i, EV_K) \quad (15)$$

Сложилась, казалось бы, противоречивая ситуация: спрос предъявляется на услуги товаров длительного пользования (см. формулу (14)), а предложение формируется в отношении самих этих товаров (см. формулу (15)). Но мы должны иметь в виду, что величина услуг товара длительного пользования производна от его количества. Иными словами, для того чтобы получить в течение рассматриваемого периода времени услуги блага, необходимо его наличие в количестве x_K . С учётом этого становится понятен и процесс формирования товарной меновой ценности продукции длительного пользования.

Рыночная функция предложения таких товаров складывается из индивидуальных функций предложения экономических агентов; точно так же рыночная функция спроса на их услуги складывается из соответствующих индивидуальных функций. Поскольку удовлетворение спроса на услуги предполагает наличие предложения $y_K = x_K$ самих этих товаров, постольку в процессе рыночного взаимодействия субъектов хозяйственной деятельности **одновременно формируются** равновесные уровни спроса на их услуги, производства (предложения) этих товаров, а также меновая ценность их услуг и их товарная меновая ценность. При этом меновая ценность услуг капитальных благ, опирающаяся на относительную предельную оценку их полезности, **логически первична** по отношению к товарной меновой ценности: первая вводится в анализ ещё на стадии анализа модели чистой торговли, а вторая — только при учёте условий, складывающихся в сфере производства.

Проблемы, связанные с анализом процесса производства и обращения товаров длительного пользования, на этом не заканчиваются. В объяснении нуждаются причины, по которым тот или иной экономический агент берёт на себя функции инвестора, неизбежно востребуемые в связи с производством и обращением таких товаров. Инвестором оказывается производитель, если он соглашается передать

потребителю товар длительного пользования на основе аренды на весь срок его существования. Роли переменяются, если потребитель согласится на сделку, в рамках которой товар перейдёт в его собственность.

Эта проблема разрешается на основе кредитных отношений, причём кредитором может быть как внешний по отношению к участникам обмена экономический агент, так и один из них. Если третье лицо предоставляет кредит производителю товара длительного пользования, то последний без ущерба для себя может пойти на установление арендных отношений с потребителем. И, напротив, если кредит предоставляется потребителю, то он оказывается готов для приобретения товара в собственность. При отсутствии внешнего кредитора его функции неизбежно будет выполнять один из участников обмена.

Если производитель соглашается передать потребителю товар длительного пользования на основе аренды на весь срок его существования, то он де-факто становится кредитором: ведь этот случай равносителен заключению двух сделок — по предоставлению кредита потребителю и покупке последним в собственность товара длительного пользования. Если же потребитель соглашается приобрести товар длительного пользования в собственность, то фактическим кредитором оказывается он. В данном случае такой же результат может быть получен при помощи двух взаимоувязанных сделок: предоставление кредита потребителем производителю при передаче последним товара длительного пользования в аренду (в обоих вариантах поставки по обслуживанию кредита погашаются поставками в счёт арендных обязательств).

Разумеется, мы пока просто трансформировали «проблему инвестирования» в «проблему кредитования». Однако такая трансформация не является «переливанием из пустого в порожнее». Дело в том, что в нашем распоряжении имеется возможность построить модель, позволяющую определить величину чистого кредита, в предоставлении (получении) которого будет заинтересован каждый экономический агент при различных значениях меновой ценности услуг капитального блага, его товарной меновой ценности и процентной ставки (Неки-

пелов, 2021а, с. 16). Важнейший вывод из этой модели состоит в том, что оптимальное значение предоставляемого (привлекаемого) кредита имеет место тогда, когда отношение товарной меновой ценности по каждому благу длительного пользования к относительной предельной оценке его услуг равняется сумме дисконтов за время его функционирования:

$$\frac{EV_K}{MRS'_{1/K}} = S, \quad (16)$$

где $MRS'_{1/K}$ – предельная норма замещения услуг капитального товара товаром-счётчиком, $S = \sum_{t=1}^T \frac{1}{(1+r)^t}$ – сумма дисконтов за T периодов, в течение которых оказывает услуги «капитальное благо» (r – процентная ставка за период, t – номер периода).

Поскольку в равновесном положении относительная предельная оценка услуг товаров длительного пользования $MRS'_{1/K}$ равняется меновой ценности этих услуг EV'_K , постольку соотношение двух меновых ценностей таких товаров – EV_K и EV'_K – однозначно определяет величину S , а следовательно, и равновесной процентной ставки.

Равновесные уровни меновых ценностей отдельных благ, меновых ценностей услуг благ длительного пользования, их товарных меновых ценностей и процентной ставки **формируются одновременно** друг с другом. Однако **логическая последовательность**, как свидетельствует проведённый анализ, представлена цепочкой: меновые ценности товаров разового пользования и меновые ценности услуг товаров длительного пользования – товарные меновые ценности продукции длительного пользования – процентная ставка. Разумеется, в текущем плане могут наблюдаться неравновесные уровни этих важнейших показателей, однако важно, что при этом в действие вступают силы, направленные на приведение экономической системы в состояние общего равновесия.

Таким образом, развёртывание общественного разделения труда, связанное с превращением в товар продукции длительного пользования, неизбежно сопровождается не только обычным (текущим) обменом, как это имеет место в случае благ разового потребления, но и кредитными сделками, обслуживающими про-

исходящий одновременно с ними трансвременной обмен. Общая величина кредитных потоков оказывается производной от суммарной меновой ценности произведённых товаров длительного пользования, а текущая и трансвременная меновые ценности товаров длительного пользования являются логически первичными по отношению к процентной ставке. Механизм прямых и обратных связей между процентной ставкой, производством и, соответственно, кредитом, текущей и трансвременной меновыми ценностями обеспечивает достижение равновесного состояния.

Общее равновесие в простой меновой экономике

Общие изменения, связанные с превращением производства в эндогенный фактор модели меновой экономики

В условиях общественного разделения труда определённую модификацию претерпевает проблема общего равновесия. В рамках чистой торговли, как показал ещё Л. Вальрас (Walras, 1874), его важнейшей характеристикой являлось равенство относительных предельных оценок всех благ у всех экономических агентов их общественным меновым ценностям, выраженным через меновую ценность товара-счётчика. Этого требования оказывается недостаточно для экономической системы, участники которой являются не только потребителями, но и производителями. В такой ситуации принципиально важно, чтобы каждый производитель специализировался на том виде деятельности, в котором у него имеется сравнительное преимущество.

Вторая важнейшая особенность общего равновесия в условиях, когда производство становится её эндогенным фактором, связана с необходимостью принять во внимание возможность существования ограниченных природных ресурсов. Анализ влияния этого свойства, которое может быть присуще большему или меньшему количеству ресурсов, на принятие экономических решений начат ещё в рамках «модели робинзонады» (Некипелов, 2019б). Было показано, что в оптимальном положении предельная отдача времени, выделяемого на те виды производства, где используются такие ресурсы, будет выше, чем в остальных видах деятельности. Данное обстоятельство специфическим образом проявляется в условиях простого менового хозяйства.

Наличие ограниченных ресурсов приводит к нарушению второго из упомянутых выше условий общего равновесия — возможности для каждого экономического агента выбирать тот вид деятельности, который обеспечивает наибольшую отдачу от прилагаемых трудовых усилий. Возникает естественный вопрос: может ли в таких условиях быть обеспечен доступ к ограниченным ресурсам в формах, не противоречащих базовым условиям рыночной экономики?

Ответ на этот вопрос давно известен экономической теории (см., например, (Ricardo, 1817; Маркс, 1961)). Решение проблемы связано с возникновением института собственности на землю и, соответственно, появлением фигуры собственника природных ресурсов. В результате этого доступ к ресурсам становится платным, а величина соответствующих платежей формируется в ходе взаимодействия собственников и потенциальных пользователей ресурсов и устанавливается на уровне, при котором производство продукции с использованием редких ресурсов оказывается равным обществу спросу на такую продукцию.

Плата за доступ к ограниченным природным ресурсам, являющаяся экономической формой реализации собственности на землю, получила, как известно, название природной ренты. С учётом того, что одноимённые природные ресурсы могут отличаться друг от друга в качественном отношении, необходимым становится проведение различия между абсолютной и дифференциальной природной рентой. Первая представляет величину платы за доступ к наихудшим по качеству природным ресурсам, использование которых является предпосылкой достижения рыночного равновесия; вторая характеризует величину «премии», которой наделяет рынок владельцев природных ресурсов более высокого качества.

Особо следует остановиться на анализе механизма формирования товарной меновой ценности у природных средств труда (земли). Дело в том, что подход с позиции сравнительных издержек, который использовался при построении функции предложения средств труда, являющихся продуктом человеческой деятельности, здесь не может быть применён. Поэтому оказывается, что возникновение сделок, сопровождающихся сменой собственника у природ-

ного средства труда, оказывается логически возможным только тогда, когда в экономической системе уже сформировались условия для кредитных отношений и действует механизм формирования процентной ставки. В этом случае мы естественным образом приходим к известному выводу о том, что величина цены (у нас — товарной меновой ценности земли) определяется посредством капитализации потока рентных платежей (у нас — меновой ценности рентных поставок). Иными словами, товарная меновая ценность земли оказывается производной не только от её факторной меновой ценности (ренты), но и от процентной ставки.

Роль фактора неопределённости

В условиях «робинзонады» возможные отклонения результатов производственной деятельности от тех, которые были запланированы экономическим агентом, объяснялись прежде всего непредсказуемостью состояний окружающей его природной среды. При переходе к исследованию простой меновой экономики проблематика неопределённости претерпевает известную модификацию. Здесь на передний план выходит невозможность для экономического агента точно предвидеть поведение других участников хозяйственной жизни. Становится ясным, что неопределённость и связанные с ней риски являются чертой, внутренне присущей рыночной экономике⁷.

Экономическому агенту, не обладающему всей полнотой информации, неизбежно приходится сталкиваться с риском изменения пропорций обмена (как текущего, так и трансвременного). Каким образом такого рода риски влияют на поведение субъекта рыночной экономики, в частности на устанавливаемую им величину выпуска, хорошо описано в стандартных курсах по микроэкономике. Здесь, с учётом особенностей простой меновой экономики (индивидуальный характер производственной деятельности и связанная с этим специфика мотивации экономических агентов, натуральный характер обмена), необходима лишь небольшая и носящая рутинный характер корректировка соответствующего модельного аппарата.

⁷ Это означает, что, когда мы анализируем ситуацию в условиях определённости — а это вполне оправданный приём, то мы, строго говоря, выходим за рамки данной хозяйственной системы.

Новое – после модели робинзонады – обращение к проблематике неопределённости хозяйственной деятельности позволяет расширить представление не только о сферах её проявления, но и о возможностях адаптации к рискам, появляющимся у экономических агентов в условиях простой меновой экономики. К формированию запасов, являвшемуся для изолированного хозяйствующего субъекта единственным инструментом снижения рисков, добавляется диверсификация выпускаемой продукции: ведь в этом случае неблагоприятная динамика пропорций обмена по одному из благ может компенсироваться выгодными изменениями меновой ценности других благ.

Очевидно также, что обстановка неопределённости, свойственная меновой экономике, влияя на поведение экономических агентов, непосредственно сказывается на конкретных параметрах состояния общего равновесия.

О пространственном измерении простой меновой экономики

Классический формат исследования проблем общего равновесия традиционно обходит стороной вопрос о роли пространственного фактора⁸. Это дало основание известному американскому учёному в области региональной экономики У. Айзарду констатировать, что соответствующие модели, в сущности, описывают «мир одной точки» (one-point world) (Isard, 1956, p. 26). Вряд ли такое положение дел можно признать нормальным для общей экономической теории: ведь пространство, как и время, задает систему координат, в которой протекает вся экономическая деятельность, поэтому пренебрежение пространственной проблематикой, которое М. Блауг охарактеризовал как «одну из великих загадок в развитии экономической науки» (Блауг, 1994, с. 58), наносит серьёзный урон её целостности.

Пространственное измерение экономической системы проявляется уже при анализе модели робинзонады. В (Некипелов, 2019б) была сформулирована модель выбора изолирован-

ным экономическим агентом оптимального места проживания с учётом расположения используемых им в трудовой деятельности природных ресурсов. В условиях простого менового хозяйства, основанного на общественном разделении труда, пространственная проблема многократно усложняется: теперь влияние на решение каждого хозяйствующего субъекта оказывают не только особенности расположения природных ресурсов, но и места расположения остальных членов сообщества. Не случайно проблемы начинают возникать уже при попытке определиться в том, от какой модели следует отталкиваться в анализе роли пространственного фактора в условиях общественного разделения труда.

Для общей экономической теории вполне естественно опираться на представление об «идеальном пространстве (государстве)» фон Тюнена (Thünen, 1895). Но и здесь возникает важный вопрос: сколь однородной должна быть такая территория? Иными словами, предполагаем ли мы, что это качество касается не только рельефа и климатических условий, но и размещения природных ресурсов? Проблема здесь в том, что допущение об абсолютно равномерном распределении ресурсов на рассматриваемой территории автоматически приведёт нас к выводу, что любая точка такого пространства подходит для размещения всех производителей.

В связи с этим мы сразу же наталкиваемся на следующий вопрос. Правомерно ли допускать возможность «точечного» расположения в пространстве природных ресурсов и экономических агентов, то есть фактически считать, что их локализация не требует никакой земельной площади. Отрицательный ответ, конечно, полностью соответствует реальному положению дел, но одновременно порождает трудноразрешимые проблемы, связанные с необходимостью введения в ходе абстрактного анализа, характерного для общей теории, предположений о той площади, которую занимают различные природные объекты и экономические агенты. В этом смысле допущение о «точечном» размещении представляется весьма привлекательным. Но как быть с теми видами деятельности,

⁸ Характерно, что в фундаментальной монографии (Katzner, 2006), написанной с позиций вальрасовской теории общего равновесия, эта проблематика полностью обходится стороной.

например земледелием, в которых площадь используемой земли является ключевой характеристикой основного фактора производства для соответствующей сферы деятельности?⁹

В отношении территории возникает также вопрос о том, должны ли мы с самого начала как-то ограничивать её или нет. «Идеальное государство» фон Тюнена, как известно, представляло собой круг с центральным городом. Но, быть может, если исходить из фиксированного положения в пространстве природных ресурсов, необходимых для производственной деятельности, такого рода ограничение и не требуется. В таком случае задача будет заключаться не в том, чтобы показать, каким образом экономические агенты расположатся на заданной территории, а в том, чтобы выявить границы территории, на которой будет проживать и вести производственную деятельность интересующее нас сообщество людей. Достоинство такого подхода состоит в том, что он может помочь выявить как силы, действующие в сторону сосредоточения населения на определённой территории, так и силы, направленные на разрушение обособленности отдельных сообществ людей.

Но дело, конечно, не только в этих сугубо пространственных проблемах. С экономической точки зрения основным изменением, связанным с включением пространственного фактора в анализ, выступает появление транспортных издержек, сопровождающих перемещение грузов между производителями и потребителями. Последствия данного обстоятельства весьма многообразны.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что серьёзной модификации в этих условиях подвергается механизм сравнительных преимуществ: транспортные затраты увеличивают «окольные» (альтернативные) издержки получаемых через обмен благ, а потому выступают в качестве силы, сдерживающей развитие обще-

ственного разделения труда¹⁰. Именно это обстоятельство позволяет говорить о существовании, при заданном уровне технологического развития, экономически рациональных границ территории для ведения хозяйственной деятельности, основанной на имеющихся природных ресурсах.

Самого серьёзного внимания заслуживает то обстоятельство, что в силу различного положения в пространстве «финальная» (с учётом транспортных издержек) меновая ценность одноимённых товаров не будет совпадать у различных потребителей¹¹. Более того, практически неизбежным является такое положение дел, когда отдельным потребителям придётся приобретать нужное для них благо у различных производителей. А это означает, что «финальная меновая ценность» одного и того же товара, получаемого от находящихся на неодинаковом удалении производителей, будет различной.

Наконец, необходимо иметь в виду, что результаты анализа в существенной степени будут зависеть от допущений институционального характера. По всей видимости, на первом этапе разумно исходить из того, что экономические агенты обладают всей полнотой информации, касающейся и их производственных возможностей, и их систем индивидуальных

¹⁰ Таким образом, выявляется третья причина, позволяющая объяснить, почему специализация производителя, как правило, не носит абсолютный характер, то есть не сводится к осуществлению одной-единственной технологической операции. Первая состоит в возможной динамике сравнительных преимуществ у двух и более товаров, вторая связана с упомянутым выше в тексте влиянием фактора неопределённости.

¹¹ М. Блауг фактически делает из этого вывод о том, что учёт пространственного фактора «убивает» совершенную конкуренцию: «Классическая теория размещения производства основывается на предпосылках совершенной конкуренции; но если фирмы конкурируют между собой в пространстве, используя цены ФОБ, то это означает, что они действуют в условиях монополистической, а не совершенной конкуренции». Последствия такого положения дел, с его точки зрения, весьма серьёзны: «К сожалению, теория монополистической конкуренции может предложить очень мало однозначных выводов о поведении фирмы; и даже в наше время среди экономистов трудно найти единомышленников по вопросу о том, что же следует из моделей пространственной дифференциации, выдвигаемых теорией монополистической конкуренции» (Блауг, 1994, с. 582–583).

⁹ Столкнувшись с этой проблемой, фон Тюнен (Thünen, 1895) нашёл вполне разумное решение, сочетающее «точечную» и «пространственную» локализацию экономических агентов. В его модели, как известно, город, в котором сосредоточены все потребители, находится в центральной точке круга, а земледельцы занимают всю его площадь.

предпочтений, а также способностью делать из этой информации точные выводы. На основе исследования такой модели можно прийти к важным выводам, касающимся роли пространственного фактора в формировании общего равновесия в условиях полного отсутствия «трения», сопровождающего процесс формирования товарных потоков между членами общества. В свою очередь отказ на втором этапе исследования от упомянутого допущения об абсолютной рациональности экономических агентов даст возможность обосновать причины возникновения локализованного в пространстве рынка (так называемого marketplace), в рамках которого происходит непосредственное взаимодействие производителей и потребителей. Именно тогда станет возможным и введение в анализ такой важной экономической категории, как рента по местоположению.

Специальное исследование особенностей формирования общего равновесия с учётом пространственного измерения экономической системы выходит за рамки предмета настоящей статьи. Вместе с тем здесь представлялось совершенно необходимым привлечь внимание к важности введения в анализ этого фактора уже на стадии простой меновой экономики.

Общественное разделение труда и целевая функция индивидуального товаропроизводителя

Формирование меновой экономики, ограниченность отдельных видов природных ресурсов, превращение в товары предметов и средств труда имеют в качестве одного из следствий трансформацию целевой функции субъекта экономической деятельности. Обобщим происходящие в этом отношении изменения.

Естественное стремление изолированного экономического агента — Робинзона — состояло в том, чтобы максимизировать собственную функцию полезности в условиях ограничений, задаваемых как продолжительностью рассматриваемого периода, так и имеющимися в его распоряжении материальными факторами производства.

Возникновение отношений обмена, а в дальнейшем и развитие общественного разделения труда между прежде изолированными экономическими агентами приводят к извест-

ному изменению ситуации. Конечно, каждый субъект хозяйственной деятельности и в этих условиях заинтересован в максимизации собственного благосостояния. Однако теперь условием решения задачи становится выбор такой производственной программы, которая обеспечивает получение продукта с максимальной чистой меновой ценностью. Величину последней экономической агент ассоциирует со своим трудовым вкладом в результаты производственной деятельности.

При всех условиях (о них речь пойдёт ниже) нахождение такой производственной программы осуществляется в два этапа. На первом производитель рассчитывает чистую меновую ценность, которую имеет возможность получить в случае специализации на выпуске каждого из существующих товаров. На втором — определяет ту сферу деятельности, в которой при сложившихся на рынке меновых ценностях товаров отношение его затрат труда к чистой меновой ценности является минимальным. Соответствующий товар (или любой из ряда товаров — если минимальный уровень соответствующего показателя характерен для каждого из них) и должен быть выбран в качестве объекта специализации.

В условиях, когда объектом разделения труда являются исключительно потребительские блага и услуги, природные ресурсы — неограниченными, а средства труда отсутствуют, величина чистой меновой ценности совпадает с (валовой) меновой ценностью произведённого продукта, и именно с этой величиной должны соотноситься трудовые усилия производителя.

Наличие ограниченных природных ресурсов приводит к появлению первого элемента экономических издержек — меновой ценности предоставляемых ими услуг (рентных поставок). Последние представляют собой фактические текущие издержки для экономических агентов, использующих в производстве не принадлежащие им редкие ресурсы, и альтернативные издержки — для ведущих самостоятельное производство собственников этих естественных факторов производства. В обоих случаях подлежащая максимизации чистая меновая ценность, которую производитель ассоциирует с

собственным трудовым вкладом, будет выражаться формулой (17).

$$NEV_i = TEV_i - \sum_j Rent_j \cdot Z_j = TEV_i - Rent, (17)$$

где NEV_i – чистая меновая ценность товара i , TEV_i – общая меновая ценность товара i , $Rent_j$ – меновая ценность рентных поставок за право доступа на единичный отрезок времени к единице ресурса j , Z_j – количество ресурса j , необходимого для производителя товара i , $Rent$ – общая меновая ценность поставок в счёт рентных платежей.

Ситуация претерпевает дальнейшие изменения, когда объектом обмена становятся предметы труда. В этих условиях из общей меновой ценности производимых благ наряду с рентой необходимо вычесть меновую ценность предметов труда, приобретённых посредством обмена и использованных в производстве. Соответственно, затраты на приобретение предметов труда становятся вторым элементом текущих экономических издержек.

Превращение средств труда в объект общественного разделения труда ведёт к дальнейшей модификации целевой функции индивидуального производителя. Теперь в состав экономических издержек должна быть включена нормальная отдача на физический капитал, соответствующая меновой ценности услуг применяемых средств труда (меновая ценность лизинговых поставок при аренде соответствующих факторов производства). Этот элемент экономических издержек, в свою очередь, распадается на две части – процентную отдачу средств труда и амортизацию:

$$\begin{aligned} \sum_i KY_i &= \sum_i (r \cdot K_i \cdot EV_{K_i} + A_i \cdot K_i) = \\ &= \sum_i K_i \cdot (r \cdot EV_{K_i} + A_i), \end{aligned} (18)$$

где KY_i – нормальная отдача i -го средства труда, r – процентная ставка, EV_{K_i} – товарная меновая ценность i -го средства труда, A_i – ставка амортизации на единицу средства труда.

Чистая меновая ценность, с которой производитель ассоциирует свой трудовой вклад, теперь определяется по каждому виду деятельности формулой (13), в которой нормальная отдача средств труда ($x'_K \cdot EV'_K$) может быть

представлена, как это вытекает из формулы (18), выражением $\sum_i K_i \cdot (r \cdot EV_{K_i} + A_i)$.

Метаморфозы, претерпеваемые по мере развития общественного разделения труда целевой функцией индивидуального экономического агента, проецируются на структуру меновой ценности произведённого продукта. В конечном счёте меновая ценность единицы любого товара распадается на части, каждая из которых ассоциируется с вкладом соответствующего фактора производства: меновая ценность рентных поставок $\frac{Rent}{Y}$ – с вкладом природных факторов производства, меновая ценность использованных в производстве предметов труда $\frac{RMC}{Y}$ и нормальная отдача средств труда $\frac{\sum_i K_i \cdot (r \cdot EV_{K_i} + A_i)}{Y}$ – с вкладом физического капитала, а остаточная (чистая) меновая ценность $\frac{LY}{Y}$ – с вкладом труда¹².

Выводы

Представленный в статье материал является одним из результатов усилий, направленных на построение такого интеллектуального макета рыночной экономической системы, который не только отражал бы совокупность сложившихся функциональных зависимостей между различными её параметрами и описывал состояние институциональной среды на определённый момент времени, но и давал представление об обогащении содержания экономических понятий по мере перехода от простых форм изучаемого объекта ко всё более сложным. Такой подход призван решить не только проблемы логического характера, с которыми сталкивается эмпирическая экономическая наука, но и преодолеть её статичный характер (Некипелов, 2019а). Задача, следовательно, состоит не в отбрасывании накопленных в ходе развития нашей науки знаний, а, прежде всего, в их реформатировании в соответствии с принципами «чистой теории».

Превращение производства из экзогенного в эндогенный фактор меновой экономики,

¹² $LY = TEV - TEC$, то есть величина чистой меновой ценности, ассоциирующейся с трудовым вкладом производителя, является разностью валовой меновой ценности TEV произведённого продукта и общих экономических издержек TEC .

участниками которой являются индивидуальные субъекты хозяйственной деятельности, становится важным шагом на этом пути. Обмен по-прежнему носит натуральный характер, но возникает возможность для учёта действия сил, приводящих к развитию общественного разделения труда. Последнее придаёт систематический характер отношениям обмена и, в этом смысле, переводит хозяйственную систему в новое состояние. Показательно, с точки зрения тезиса о переформатировании экономических знаний, что инструментом, позволяющим обосновать возникновение общественного разделения труда, оказывается теория сравнительных издержек (преимуществ) Торренса — Рикардо, разработанная и используемая до настоящего времени для решения более конкретной задачи — демонстрации выгод от международной торговли для стран с разными уровнями развития.

Важно не только увидеть причины специализации производителей, но и выявить динамику этого процесса. Такая постановка вопроса подталкивает к тому, чтобы обратиться к вопросу о технологической организации экономики, а на этой основе — к поиску границы между разделением производственных функций, выполняемых индивидуальным экономическим агентом, и разделением труда в обществе. В статье показано, что эта граница в условиях простой меновой экономики будет стремиться к такому положению, при котором предельные выгоды от усиления специализации индивидуального производителя будут равны предельным издержкам, сопровождающим процесс. Разумеется, указанный вывод созвучен выводу Р. Коуза в отношении вопроса о границе между внутрифирменным и общественным разделением труда. Однако он сделан применительно к более простой экономической системе и при ином «наполнении» общего принципа о равенстве предельных выгод предельным издержкам.

Происходящие прежде всего в силу совершенствования производственных процессов сдвиги в границе между разделением функций, реализуемых индивидуальным производителем, и общественным разделением труда определяют изменения в составе товарной массы. Первоначально объектами обмена становятся потребительские блага, в дальнейшем к ним

присоединяются предметы и средства труда. В результате меновая ценность товара, произведённого индивидуальным экономическим агентом, распадается на часть, которая компенсирует его текущие издержки, и часть, которая представляет его «трудовой доход» (чистую меновую ценность).

Особого внимания заслуживает данный в статье анализ последствий превращения в товар предметов потребления длительного пользования и средств труда. При анализе модели чистого обмена на примере потребительских благ длительного пользования было показано, что исходной формой вовлечения в оборот таких товаров является аренда, а не классический обмен, связанный со сменой права собственности на соответствующие блага. Такие товары могут предоставляться в кредит, но при этом меновая ценность поставок в счёт обслуживания кредита определяется меновой ценностью услуг соответствующих благ, а не их «рыночной меновой ценностью». Результатом оказывалось отсутствие в условиях чистой торговли предпосылок для формирования рыночной меновой ценности «капитальных благ», с одной стороны, и процентной ставки, с другой (Некипелов, 2021б, с. 44).

Превращение производства в эндогенный фактор модели приводит в этом отношении к важным изменениям: затраты на производство товаров длительного пользования становятся основой для их «рыночной меновой ценности», а наличие двух меновых ценностей у таких товаров (текущей и трансвременной) — рыночной процентной ставки. В силу последнего обстоятельства появляется возможность представления отдачи на средства труда, используемые в производстве индивидуальным производителем, в виде части, компенсирующей их «рыночную меновую ценность», и части, соответствующей процентному доходу¹³.

¹³ Этот вывод не столь тривиален, как может показаться на первый взгляд. Среди экономистов-теоретиков, и отнюдь не только сторонников марксизма, весьма распространённым было представление о том, что в условиях примитивной экономики, аналогичной той, которую мы назвали простой меновой экономикой, меновая ценность благ определяется исключительно затратами труда. «В этом случае, — писал А. Маршалл, — проблема стоимости очень проста. Вещи обмениваются друг на друга пропорционально труду, затрачиваемому на их производство» (Маршалл, 1993, с. 211).

Рассматриваемая модель меновой экономики позволяет обогатить наши представления о состоянии (состояниях) общего равновесия. Теперь, когда производство стало внутренним условием модели, мы получаем возможность ввести в анализ фактор ограниченности ресурсов и показать, что формирование собственности на такие ресурсы является необходимой предпосылкой для нормального функционирования рыночного механизма. В результате естественным образом в понятийный аппарат входят понятия абсолютной и дифференциальной ренты, становится ясной специфика механизма формирования «рыночной меновой ценности» земли. Появляется также возможность адаптировать к условиям рассматриваемой модели источники неопределённости экономической жизни, показать расширение (по сравнению с моделью робинзонады) инструментария, имеющегося у экономических агентов для снижения уровня рисков.

В статье подчёркивается важность для чистой экономической теории сделать полноценным предметом анализа пространственное измерение экономики, его влияние на параметры общего равновесия. Показаны серьёзные проблемы, стоящие на пути решения этой задачи, и высказаны соображения в отношении возможного подхода к формулированию исходной модели, позволяющей учитывать влияние пространства на общие параметры экономической деятельности.

Пожалуй, основным результатом предпринятого исследования является целостное представление практически обо всех ключевых категориях (пусть и в зародышевых формах), отражающих действие рыночного механизма. Правомерен вопрос: неужели автор действительно полагает, что столь примитивная, основанная на индивидуальном труде экономическая система, в которой отсутствует важнейший инструмент рыночной экономики — деньги, может обеспечить глубокое общественное разделение труда, многосторонне балансируемый натуральный обмен товарами, развитые арендные и кредитные отношения? Ответ может быть только один: конечно, нет! Но, с точки зрения чистой экономической теории, это не имеет никакого значения. Ведь результаты исследования свидетельствуют не более чем о тех потенциалах, которые можно (а потому и нужно!) обнаружить уже в простой меновой экономике. Понятна и основная причина, не позволяющая этим возможностям реализоваться в сколь угодно зрелой форме — колоссальные транзакционные издержки, сопровождающие натуральный обмен. А отсюда — очевидный вывод: следующий этап исследования призван продемонстрировать, могут ли эти транзакционные издержки быть кардинальным образом уменьшены и если могут, то какими будут последствия соответствующих изменений для экономической системы в целом? Несложно догадаться, что такой ступенькой исследования должна стать денежная экономика, основанная на индивидуальном труде.

Литература

- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
- Маркс К. Капитал (1961) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Государственное издательство политической литературы. М. Т. 23.
- Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки. Т. II. М.: Прогресс, Универс.
- Некипелов А. (2019а). Кризис в экономической науке — природа и пути преодоления // Вестник Российской академии наук. Т. 89. № 1. С. 24–37.
- Некипелов А. (2019б). Модель робинзонады как исходный пункт чистой экономической теории // Экономика и математические методы. Т. 55. № 3. С. 5–20.
- Некипелов А. (2021а). К теории кредита и процентной ставки // Экономика и математические методы. Т. 57. № 2. С. 5–20.
- Некипелов А. (2021б). От робинзонады к экономике чистого обмена // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 33–48.
- Coase R. (1937). The nature of the firm. *Economica*, 4(16), 386–405
- Isard W. (1956). *Location and Space-Economy. A General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade and Urban Structure*. Cambridge, Massachusetts: The M.I.T. Press.

- Katzner D.W. (2006). *An Introduction to the Economic Theory of Market Behavior. Microeconomics from a Walrasian Perspective*. Chaltenham, UK. Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
- Thünen von J.H. (1895). *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Berlin: Hempel and Parey.
- Torrens R. (1808). *The Economists Refuted and Other Early Economic Writings (1984 ed.)*. New York: Kelley.
- Ricardo D. (1817). *On the Principles of Political Economy and Taxation*. London: John Murray.
- Walras L. (1874). *Éléments d'économie politique pure ou théorie de la richesse sociale*. L. Corbaz & cie.

Сведения об авторе

Александр Дмитриевич Некипелов – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор (декан), Московская школа экономики, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 61; e-mail: nekipelov@mse-msu.ru)

Nekipelov A.D.

Production and Circulation in a Simple Exchange Economy

Abstract. The article is methodological: it does not seek to analyze new economic phenomena; rather, its major aim is to study how these phenomena were formed and developed and how the market system was formed and developed with them. The actual subject of the study is a simple exchange economy model at the stage when production begins to be considered as its endogenous factor. This makes it possible to smoothly introduce the social division of labor into the analysis, to consider in the simplest form its combination with the differentiation of production functions in the framework of an individual household. We pay considerable attention to the analysis of socio-economic implications of the deepening of the social division of labor manifested in the transformation of the production of objects and means of labor into its independent links. We show why at this very stage of the study it becomes possible to provide a well-grounded substantiation for the mechanisms that form the market exchange value of consumer durables and means of labor, and, as a consequence, the interest rate. The introduction of the resource limitation factor into the analysis makes it possible to substantiate the need for the institution of ownership of such resources, the importance of absolute and differential natural rent for the normal functioning of the market economy, and to identify the specifics of formation of the market exchange value of land. We emphasize the importance of making the spatial dimension of the economy a full-fledged subject of analysis for pure economic theory. We touch upon a possible approach to the formulation of an initial model that would take into account the influence of space on the general parameters of economic activity. The main conclusion is that the model of a simple exchange economy helps to form a holistic view of all key categories (albeit in embryonic forms) reflecting the action of the market mechanism. At the same time, it becomes clear why further institutional transformations are required to realize all the potentials available in this form of economic activity organization.

Key words: simple exchange economy, social division of labor, comparative advantages, spatial dimension of general equilibrium, natural rent, interest rate, target function of individual producer.

Information about the Author

Aleksandr D. Nekipelov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, director (dean), Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory Street, building 61, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: nekipelov@mse-msu.ru)

Статья поступила 21.02.2022.

Диспропорции в пространственном развитии России и её экономических районов: выбор точного и корректного метода оценки и способы сглаживания



**Светлана Григорьевна
ПЬЯНКОВА**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: silen_06@list.ru
ORCID: 0000-0002-7072-9871; ResearcherID: H-5682-2018



**Михаил Анатольевич
КОМБАРОВ**

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: mikhail.kombarov@list.ru
ORCID: 0000-0002-6194-7762

Аннотация. Одним из факторов, определяющих структуру расходной части федерального бюджета России, являются ярко выраженные диспропорции пространственного развития страны. Его влияние заключается в ежегодной необходимости выделения несамодостаточным регионам денежных средств в виде дотаций, которые могут быть направлены, например, на развитие бизнеса благополучных субъектов. Цель исследования состоит в осуществлении точной и корректной количественной оценки степени такой диспропорциональности за длительный ретроспективный период времени. Практическая значимость оценки объясняется тем, что она позволит увидеть, какие решения органов власти усугубляли рассматриваемую проблему, а следовательно

Для цитирования: Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. (2022). Диспропорции в пространственном развитии России и её экономических районов: выбор точного и корректного метода оценки и способы сглаживания // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 75–90. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.4

For citation: Pyankova S.G., Kombarov M.A. (2022). Imbalances in the spatial development of Russia and its economic regions: Choosing an accurate and adequate assessment method and levelling-off ways. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 75–90. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.4

разработать рекомендации по сглаживанию данных диспропорций. При выборе метода достижения указанной цели авторы остановились на индексе Херфиндаля – Хиршмана, содержащем предложенную профессором С.Г. Светуньковым модификацию, элиминирующую его недостаток, заключающийся в зависимости итогового значения от количества единиц, входящих в исследуемую совокупность. Использование этого показателя стало главным элементом научной новизны исследования. Оценив на основе информации, представленной на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, степень неоднородности экономического пространства России, авторы с помощью регрессионного анализа вывели уравнение, описывающее её влияние на структуру расходной части федерального бюджета. Согласно точке зрения, которой придерживаются авторы, ключевым инструментом является сглаживание диспропорций внутри образующих страну экономических районов. Их оценка была проведена аналогичным способом и также является элементом научной новизны исследования. Руководствуясь полученными результатами, авторы выявили регионы, устранение уязвимых мест в которых способно снизить неоднородность экономического пространства соответствующих экономических районов и России в целом. Показатель, апробированный в исследовании, в дальнейшем может применяться, например, для оценки степени неравномерности распределения по территории России различных ресурсов (материальных, финансовых и др.).

Ключевые слова: экономическое пространство, оценка степени неоднородности, индекс Светунькова, дотации, федеральный бюджет, экономический район.

Введение

Понятие «процесс экономического развития страны» является одним из ключевых в экономической науке и означает, в наиболее общей трактовке, процесс улучшения состояния общественного производства и, как следствие, благосостояния населения. Успешное протекание такого процесса зависит от наличия и степени выраженности множества факторов, одним из которых выступает феномен неоднородности экономического пространства. Его суть заключается в том, что каждая административно-территориальная единица какой-либо страны имеет свою собственную экономику, которая может быть развита как лучше, так и хуже национальной. Данный феномен присущ абсолютно всем странам мира: и экономически развитым, например входящей в G7 Италии, южные провинции которой, в частности, образующие макрорегион Меццоджорно, заметно уступая по экономическим показателям остальным регионам, не отличаются высоким уровнем жизни населения (Bigoni et al., 2016; Lagravinese, 2015), или США, имеющим в своём составе регион с говорящим названием «Ржавый пояс» (Hassink, Kiese, 2021), и включённым ООН в группу наименее развитых, например Демократической Республике Конго, в которой одновременно с территориями, характеризующимися исключи-

тельно с отрицательных сторон, есть регионы (в частности Верхняя Катанга) с относительно развитой транспортной системой, промышленностью и научно-исследовательской деятельностью, и странам, которые в силу их площади и расположения на планете можно сравнить с крохотными облачками, затерявшимися в небесной синеве, например Маврикию, туристически привлекательные территории которого (к примеру Блэк-Ривер) заметно доминируют над территориями, не обладающими такой особенностью (Dirksmeier, 2017).

Интерес к данному феномену первым проявил немецкий экономист И. фон Тюнен. В работе под названием «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» он объяснил его первопричину. Она заключается в том, что даже в стране с наиболее простым государственным устройством, т. е. имеющей в своём составе всего один город, расположенный в её географическом центре, с едиными природно-климатическими условиями и с экономикой, представленной только одной отраслью, – сельским хозяйством, осуществляется несколько видов экономической деятельности (животноводство и растениеводство, представленное лесным, зерновым и иными типами

хозяйства), эффективность которых определяется двумя факторами: земельной рентой и транспортными издержками (Thünen, 1842). Позже шведский экономист Г. Мюрдаль высказал несколько иную версию. По его мнению, неоднородность экономического пространства страны порождается неравномерным распределением экономической активности по её территории (Myrdal, 1957). Объединяя эти взгляды и применяя их в отношении страны с диверсифицированной экономикой, существующей в современном мире, можно сказать, что более развитыми будут те её административно-территориальные единицы, которые притягивают рабочую силу вследствие высокой эффективности осуществления на их территории многих видов экономической деятельности.

Что касается влияния данного феномена на протекание процесса экономического развития страны, то оно, согласно устоявшемуся в научных кругах мнению, полностью зависит от степени его выраженности. Так, в 2006 году И.И. Кузнецова высказала мнение о том, что слабая неоднородность экономического пространства способствует ускорению указанного процесса (Кузнецова, 2006). Спустя 13 лет на это мнение сослались кандидаты экономических наук М.А. Дугаржапова, Е.А. Жалсараева и Е.Ц. Чимитдоржиева (Дугаржапова и др., 2019). Также И.И. Кузнецова, С.Г. Пьянкова¹ заявили о колоссальной степени выраженности исследуемого феномена в России, несовместимой с эффективным развитием национальной экономики (Кузнецова, 2006). Сущность этой несовместимости была объяснена А.Г. Гранбергом, отметившим, что выделение из федерального бюджета дотаций множеству отстающих регионов, потребность в которых порождается их несамодостаточностью, ущемляет интересы населения и бизнеса благополучных субъектов (Гранберг, 2011).

В мае 2017 года Указом Президента РФ № 208 неоднородности экономического пространства России был присвоен официальный

статус угрозы экономической безопасности страны. Данный указ поставил перед органами власти задачу по снижению её масштабности. Одним из проявлений усердной работы в этом направлении стали разработка и утверждение Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, где для каждого региона России представлен перечень видов экономической деятельности, развитие которых на его территории способно укрепить позиции региона на экономическом просторе страны. Однако выполнение этой задачи представляется очень проблематичным. Наибольшие опасения вызывает отсутствие возможности достоверно определить результативность принимаемых властями действий, а также установить, какие из предыдущих решений усугубляли данное обстоятельство. Такое положение дел связано с тем, что к настоящему моменту экономистам не удалось максимально точно и предельно корректно оценить степень неоднородности экономического пространства России, а также её укрупнённых административно-территориальных единиц, например крупных экономических районов, в т. ч. её динамику за последние десятилетия. В осуществлении такой оценки, которая послужит базой для разработки рекомендаций по сглаживанию неоднородности, и состоит цель нашего исследования.

Материалы и методы

Обращаясь к имеющимся по состоянию на сегодняшний день исследованиям, легко заметить, что одной из распространённых ошибок при попытке дать такую оценку является осуществление её с помощью коэффициента разрыва полярных значений, подразумевающего под собой «утилизацию» 83 регионов страны. Примечательно, что допускают её как молодые исследователи, например А.К. Губанова, которая делает вывод о чрезмерно высокой степени неоднородности экономического пространства России только на основании того, что «ВРП Республики Алтай в 310 раз меньше ВРП Москвы» (Губанова, 2019), так и опытные учёные, в частности сотрудники Всемирного банка, М. Буссоло, М.Э. Давалос, В. Пераджине, Р. Сундарам, высказавшие мнение о том, что Россия входит в число мировых лидеров по мас-

¹ Пьянкова С.Г. (2015). Теория и методология системного социально-экономического развития монопрофильных территорий на основе институционального обновления: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Ин-т экономики УрО РАН. Екатеринбург. 42 с.

штабам диспропорций регионального развития, поскольку «уровень жизни в Сахалинской области аналогичен показателю Сингапура, а в Республике Ингушетия незаметно отличается от показателя Гондураса»², с корректностью которого полностью согласился кандидат экономических наук В.С. Федоляк (Федоляк, 2019). Среди экономистов, избравших более грамотный подход к решению данной проблемы, в первую очередь хотелось бы отметить Е.А. Коломак. Она оценила степень неоднородности экономического пространства России с помощью индекса Тейла, рассчитанного по формуле:

$$T = \sum_{i=1}^n \left(\frac{Y_i}{Y} \ln \frac{Y_i}{Y/n} \right), \quad (1)$$

где:

Y_i – объём ВРП какого-либо региона;

Y – суммарный объём ВРП регионов России;

n – число регионов в России.

Формула (1) подразумевает рассмотрение всех российских регионов, однако Е.А. Коломак в ходе исследования учла лишь 77 субъектов. Кроме того, ее работа обладает ещё двумя весьма серьёзными недостатками. Во-первых, в ней представлены результаты расчёта индекса Тейла только за отдельные моменты времени (1995, 2000, 2005 и 2009 гг.), входящие в охваченный автором временной интервал (1995–2009 гг.). Во-вторых, исследование проведено в 2013 году, в связи с чем полностью отсутствует информация о масштабах неоднородности экономического пространства России за ближайшую ретроспективу (Коломак, 2013). Одним из более актуальных на сегодняшний день является исследование, проведённое Г.Ю. Гагариной и Р.О. Болотовым. Его по праву следует признать одним из лучших в данной области, т. к. помимо степени неоднородности экономического пространства России в целом оценена степень неоднородности экономического пространства федеральных округов (Гагарина, Болотов, 2021). Однако приходится констатировать, что и оно не является идеальным, т. к. использование индекса Тейла в этом случае не

вполне корректно ввиду зависимости максимального значения индивидуального индекса для каждого федерального округа от числа охватываемых регионов. Более того, эта негативная особенность данного показателя обязывает исследователей оценивать степень неоднородности экономического пространства России либо за период времени, начинающийся в 2014 году, либо за период, оканчивающийся в 2013 году, ввиду увеличения в 2014 году количества регионов в составе страны. Несоблюдение такого ограничения снижает точность выводов о динамике величины диспропорций в региональном развитии российской экономики.

Некоторыми исследователями, например Р.Ф. Туровским и К.Ю. Джаватовой, была предпринята попытка оценить степень неоднородности экономического пространства России с помощью коэффициента вариации (Туровский, Джаватова, 2019), рассчитываемого следующим образом:

$$V = \left(\frac{\sigma}{\mu} \right) \times 100, \quad (2)$$

где:

σ – среднеквадратическое отклонение;

μ – средний объём ВРП по регионам России.

Как следует из уравнения (2), максимальное значение коэффициента вариации, в отличие от максимального значения индекса Тейла, не зависит от числа регионов, входящих в состав России, однако итоговое значение коэффициента находится в достаточно тесной зависимости от среднего объёма их ВРП, что также снижает точность и корректность полученной с его помощью оценки степени неоднородности экономического пространства в России.

Помимо рассмотренных недостатков, все исследования, направленные на оценивание степени диспропорций регионального развития России, имеют общий изъян, заключающийся в том, что ни в одном из них не уделено внимание таким укрупнённым административно-территориальным единицам страны, как экономические районы. Экономическое пространство практически каждого экономического района также не является однородным, несмотря на ключевой принцип их образования, чем и обуславливается потенциальный интерес к ним.

² Bussolo M., Davalos M.E., Peragine V., Sundaram R. *Toward a New Social Contract: Taking On Distributional Tensions in Europe and Central Asia*. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf>

Наше исследование призвано устранить все вышеперечисленные пробелы в данном направлении экономической науки. Оно будет проведено в четыре основных этапа. На первом этапе необходимо оценить степень неоднородности экономического пространства России за период с 2000 по 2019 год³ с помощью специального коэффициента, формула для расчёта которого была разработана профессором С.Г. Светуньковым (далее – индекс Светунькова) в 2003 году⁴:

$$I = \frac{(n \sum_{i=1}^n d_i^2) - 1}{n-1}, \quad (3)$$

где:

n – число единиц, образующих исследуемую совокупность;

d_i – доля i -ой единицы в изучаемом показателе исследуемой совокупности.

Как свидетельствует уравнение (3), коэффициент, с помощью которого будет проведено наше исследование, представляет собой модифицированный вариант достаточно известного показателя, именуемого индексом Херфиндаля – Хиршмана. Эта модификация элиминирует существенный недостаток указанного индекса, заключающийся в его высокой чувствительности к количеству единиц, входящих в исследуемую совокупность, что затрудняет интерпретацию его значений. Таким образом, к числу достоинств индекса Светунькова, делающих корректным его использование для оценки степени неоднородности экономического пространства России и её экономических районов, помимо весьма простого расчёта, относятся:

– учёт всех субъектов, входящих в состав России или образующих тот или иной экономический район;

– нахождение итогового значения в строго определённом числовом интервале от 0 до 1 и достаточно простая его интерпретация (чем ближе к 1, тем выше степень неоднородности экономического пространства);

– независимость итогового значения от среднего объёма ВРП субъектов, входящих в состав России или образующих какой-либо экономический район;

– учёт объёма ВРП субъектов, входящих в состав России или образующих какой-либо экономический район, не в абсолютном выражении, а в долях единицы, что более правильно, поскольку при увеличении объёма ВРП одного субъекта изменяется размер доли всех остальных регионов в объёме ВРП на агрегированном уровне.

Несмотря на то, что индекс Светунькова разрабатывался для оценки степени монополизации рынка, его применение в целях оценки масштабов неоднородности экономического пространства России также уместно, т. к. это пространство напоминает рынок, объединяющий в себе 85 фирм, среди которых имеются и сильные, и слабые игроки. Аналогичным образом можно охарактеризовать экономическое пространство многих экономических районов страны.

Информационной базой для оценки степени неоднородности экономического пространства России служат данные, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики⁵. На втором этапе целесообразно провести регрессионный анализ зависимости индекса Светунькова от показателя, который следует назвать уровнем дотационной ориентированности федерального бюджета:

$$LSF = \left(\frac{s}{Y}\right) \times 100, \quad (4)$$

где:

s – объём выделенных дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ и муниципальных образований;

Y – общий объём расходов федерального бюджета.

Результаты анализа послужат наглядным доказательством важности решения органами власти задачи по сглаживанию неоднородности экономического пространства России.

На третьем этапе исследования с помощью индекса Светунькова будет произведена оценка степени неоднородности экономического пространства всех экономических районов России, под которыми понимаются крупные эконо-

³ Данные за 2020 год в источниках отсутствуют.

⁴ Светуньков С.Г. (2003). Методы маркетинговых исследований: учеб. пособ. СПб.: ДНК. 352 с.

⁵ Национальные счета // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts> (дата обращения 24.01.2022).

мические районы, за исключением Калининградского экономического района. Он является моносубъектным, т. е. состоит лишь из одного субъекта — Калининградской области, что делает бессмысленным осуществление в отношении него такой процедуры и невозможным применение формулы (3). На четвёртом этапе будут разработаны рекомендации, следование которым, вероятно, поможет сгладить неоднородность экономического пространства мультисубъектных российских экономических районов и страны в целом, а следовательно, выполнить задачу, поставленную перед органами власти Указом Президента РФ № 208 от 13.05.2017.

Результаты и обсуждение

Для проведения оценки степени неоднородности экономического пространства России

с помощью формулы (3) необходимо, в первую очередь, определить, какой вклад в совокупный ВРП вносит каждый регион. Выборочные результаты этих расчётов представлены в *таблице 1*.

Подробный расчёт индекса Светунькова приведён в *таблице 2*.

Для того чтобы индекс Светунькова можно было достоверно признать максимально точным и предельно корректным, необходимо сравнить его значения (см. табл. 2) со значениями всех показателей, используемых для оценки степени неоднородности экономического пространства России (*табл. 3*), в т. ч. провести корреляционный анализ взаимосвязи между ними.

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи между показателями, представленными в *таблице 3*, отражены в *таблице 4*.

Таблица 1. Доля некоторых регионов* в суммарном ВРП России в 2000–2019 гг.

Год	Регион												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
2000	0,2014	0,0702	0,0373	0,0327	0,0324	0,0307	0,0271	0,0252	0,0244	0,0238	0,0216	0,0210	0,0204
2001	0,1911	0,0694	0,0334	0,0351	0,0298	0,0328	0,0279	0,0233	0,0251	0,0250	0,0233	0,0199	0,0257
2002	0,2022	0,0632	0,0264	0,0385	0,0287	0,0358	0,0269	0,0215	0,0236	0,0249	0,0204	0,0197	0,0300
2003	0,2037	0,0668	0,0254	0,0381	0,0284	0,0384	0,0265	0,0226	0,0239	0,0231	0,0195	0,0205	0,0264
2004	0,2043	0,0685	0,0262	0,0388	0,0280	0,0383	0,0261	0,0223	0,0234	0,0225	0,0191	0,0209	0,0255
2005	0,2293	0,0776	0,0244	0,0370	0,0268	0,0393	0,0264	0,0212	0,0223	0,0207	0,0181	0,0194	0,0245
2006	0,2339	0,0709	0,0260	0,0367	0,0269	0,0415	0,0291	0,0225	0,0217	0,0215	0,0171	0,0199	0,0243
2007	0,2395	0,0618	0,0263	0,0400	0,0271	0,0463	0,0294	0,0211	0,0209	0,0232	0,0171	0,0206	0,0213
2008	0,2433	0,0571	0,0218	0,0422	0,0273	0,0485	0,0272	0,0219	0,0206	0,0237	0,0179	0,0196	0,0212
2009	0,2227	0,0556	0,0234	0,0461	0,0277	0,0475	0,0258	0,0202	0,0182	0,0269	0,0169	0,0174	0,0203
2010	0,2222	0,0523	0,0280	0,0451	0,0266	0,0486	0,0278	0,0201	0,0185	0,0273	0,0165	0,0173	0,0208
2011	0,2192	0,0538	0,0258	0,0461	0,0288	0,0480	0,0284	0,0207	0,0184	0,0274	0,0185	0,0171	0,0213
2012	0,2137	0,0542	0,0237	0,0457	0,0288	0,0472	0,0297	0,0230	0,0188	0,0292	0,0172	0,0169	0,0239
2013	0,2184	0,0504	0,0232	0,0460	0,0287	0,0471	0,0290	0,0215	0,0194	0,0307	0,0163	0,0163	0,0254
2014	0,2159	0,0483	0,0238	0,0450	0,0281	0,0463	0,0280	0,0213	0,0194	0,0302	0,0165	0,0168	0,0276
2015	0,2056	0,0480	0,0254	0,0515	0,0284	0,0484	0,0277	0,0200	0,0192	0,0294	0,0162	0,0184	0,0273
2016	0,2040	0,0422	0,0246	0,0553	0,0278	0,0568	0,0285	0,0192	0,0184	0,0305	0,0155	0,0180	0,0274
2017	0,2074	0,0446	0,0248	0,0537	0,0284	0,0538	0,0283	0,0187	0,0182	0,0304	0,0156	0,0178	0,0308
2018	0,2082	0,0500	0,0263	0,0530	0,0291	0,0515	0,0269	0,0193	0,0180	0,0277	0,0158	0,0169	0,0338
2019	0,2075	0,0481	0,0284	0,0540	0,0295	0,0541	0,0267	0,0191	0,0178	0,0271	0,0158	0,0163	0,0327

* В силу ограниченного объёма данной статьи представлены 13 субъектов, совокупный ВРП которых составляет более 55% от общероссийского ВРП.

1 – Москва; 2 – ХМАО – Югра; 3 – Красноярский край; 4 – Санкт-Петербург; 5 – Республика Татарстан; 6 – Московская область; 7 – Свердловская область; 8 – Республика Башкортостан; 9 – Самарская область; 10 – Краснодарский край; 11 – Пермский край; 12 – Челябинская область; 13 – ЯНАО.

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 2. Оценка степени неоднородности экономического пространства России за 2000–2019 гг.

Год	n	$\sum_{i=1}^n d_i^2$	$n \sum_{i=1}^n d_i^2$	$(n \sum_{i=1}^n d_i^2) - 1$	n - 1	$I_{РФ}$
2000	83	0,0578	4,7976	3,7976	82	0,0463
2001		0,0539	4,4751	3,4751		0,0424
2002		0,0573	4,7539	3,7539		0,0458
2003		0,0582	4,8276	3,8276		0,0467
2004		0,0587	4,8725	3,8725		0,0472
2005		0,0700	5,8107	4,8107		0,0587
2006		0,0714	5,9279	4,9279		0,0601
2007		0,0734	6,0894	5,0894		0,0621
2008		0,0748	6,2064	5,2064		0,0635
2009		0,0654	5,4314	4,4314		0,0540
2010		0,0652	5,4156	4,4156		0,0538
2011		0,0642	5,3285	4,3285		0,0528
2012		0,0620	5,1453	4,1453		0,0506
2013		0,0636	5,2823	4,2823		0,0522
2014	85	0,0623	5,2927	4,2927	84	0,0511
2015		0,0588	4,9941	3,9941		0,0475
2016		0,0587	4,9885	3,9885		0,0475
2017		0,0599	5,0955	4,0955		0,0488
2018		0,0605	5,1445	4,1445		0,0493
2019		0,0603	5,1293	4,1293		0,0492

Источник: расчёты авторов.

Таблица 3. Индекс Светунькова и другие показатели, используемые для оценки степени неоднородности экономического пространства России

Год	Индекс Светунькова	Коэффициент разрыва полярных значений	Индекс Тейла	Коэффициент вариации
2000	0,0463	442,63	0,7554	194,87
2001	0,0424	380,15	0,7224	186,42
2002	0,0458	493,42	0,7385	193,75
2003	0,0467	460,04	0,7478	195,64
2004	0,0472	459,43	0,7617	196,79
2005	0,0587	557,35	0,8554	219,33
2006	0,0601	582,30	0,8616	221,99
2007	0,0621	443,21	0,8699	225,60
2008	0,0635	441,08	0,8740	228,17
2009	0,0540	376,03	0,7952	210,51
2010	0,0538	420,28	0,7993	210,13
2011	0,0528	377,12	0,7973	208,05
2012	0,0506	350,37	0,7812	203,60
2013	0,0522	354,66	0,7890	206,94
2014	0,0511	423,88	0,7905	207,19
2015	0,0475	320,66	0,7712	199,85
2016	0,0475	318,78	0,7720	199,71
2017	0,0488	341,59	0,7854	202,37
2018	0,0493	347,29	0,7982	203,58
2019	0,0492	347,76	0,7949	203,21

Источник: расчёты авторов.

Таблица 4. Показатели, используемые для оценки степени неоднородности экономического пространства России: корреляционная матрица

	Индекс Светунькова	Коэффициент разрыва полярных значений	Индекс Тейла	Коэффициент вариации
Индекс Светунькова	1	0,4337	0,9700***	0,9939***
Коэффициент разрыва полярных значений		1	0,3852	0,3793
Индекс Тейла			1	0,9824***
Коэффициент вариации				1

Примечание: *** – значимость на 1%-ном уровне (отсутствие звёздочек означает, что данный коэффициент корреляции статистически не значим).
Источник: расчёты авторов.

Данные таблиц 3 и 4 свидетельствуют о том, что динамика индекса Светунькова почти полностью синхронна динамике индекса Тейла и коэффициента вариации, а динамика коэффициента разрыва полярных значений заметно отличается от динамики всех трёх этих показателей. Но если коэффициент разрыва полярных значений обладает серьёзным недостатком, то минусы индекса Тейла и коэффициента вариации не являются таковыми. Кроме того, как видно из таблицы 4, индекс Светунькова более тесно связан с коэффициентом вариации, недостаток которого менее существенен, чем недостаток индекса Тейла.

Всё сказанное выше свидетельствует о том, что оценка степени неоднородности экономического пространства России, представленная в таблице 2, является максимально точной и предельно корректной. Она позволяет, во-первых, увидеть, что экономический подъём в 2000-е гг. испытывала на себе не вся страна, а лишь отдельные её субъекты, о чём свиде-

тельствует динамично растущее на протяжении 2000–2008 гг. значение индекса Светунькова; во-вторых, установить, какие действия органов власти усугубляли рассматриваемую проблему. Так, резкий скачок индекса в 2005 году может быть следствием завершения политики по централизации бюджетных доходов на федеральном уровне (Куликов, Куликов, 2017), а его рост в 2017–2018 гг., вероятно, связан с увеличением доли налога на прибыль организаций и доли акцизов на нефтепродукты, зачисляемой в федеральный бюджет (Юшков и др., 2017).

Помимо этого, таблица 2 служит источником информации, необходимой для проведения регрессионного анализа относительно зависимости уровня дотационной ориентированности федерального бюджета от степени неоднородности экономического пространства России. Его результаты покажут степень важности для органов власти решения задачи по выравниванию пространственного развития страны. В *таблице 5* представлена полная информаци-

Таблица 5. Индекс Светунькова и уровень дотационной ориентированности федерального бюджета

Год	$I_{рф}$	LSF, %	Год	$I_{рф}$	LSF, %
2000	0,0463	9,83	2011	0,0528	3,63
2001	0,0424	17,40	2012	0,0506	3,08
2002	0,0458	14,34	2013	0,0522	3,14
2003	0,0467	14,74	2014	0,0511	2,97
2004	0,0472	13,14	2015	0,0475	3,12
2005	0,0587	10,20	2016	0,0475	3,13
2006	0,0601	9,67	2017	0,0488	3,74
2007	0,0621	9,90	2018	0,0493	3,86
2008	0,0635	5,16	2019	0,0492	3,71
2009	0,0540	5,99	2020	-	3,15
2010	0,0538	5,17			

Источник: расчёты авторов.

онная база, на основании которой будет проведён анализ, а именно приведены значения первого из только что перечисленных параметров, рассчитанные по формуле (4), и продублированы значения индекса Светунькова.

Данные таблицы 5 свидетельствуют о наличии зависимости между индексом Светунькова за i -ый год и уровнем дотационной ориентированности федерального бюджета за $(i + 1)$ год, появившейся в 2007–2008 гг. Иными словами, увеличение индекса Светунькова по результатам того или иного года на x единиц приводит к росту показателя LSF на y процентных пунктов в следующем году. Регрессионный анализ, который необходимо осуществлять с учётом того, что уровень дотационной ориентированности федерального бюджета не может принимать отрицательные значения и при абсолютной однородности экономического пространства России будет равен нулю, позволит подтвердить или опровергнуть существование такой связи (рис. 1).

Рисунок 1 показывает, что связь между двумя рассматриваемыми параметрами действительно существует. Единственный случай, когда фактический уровень дотационной ориентированности федерального бюджета, зафиксиро-

ванный по итогам 2010 года, сильно отклонился от ожидаемого, может быть объяснён стремлением органов власти поддержать пострадавшие от кризиса регионы. Уравнение, описывающее эту зависимость, имеет вид:

$$y = 1435,6843x^2 - 3,0206x, \quad (5)$$

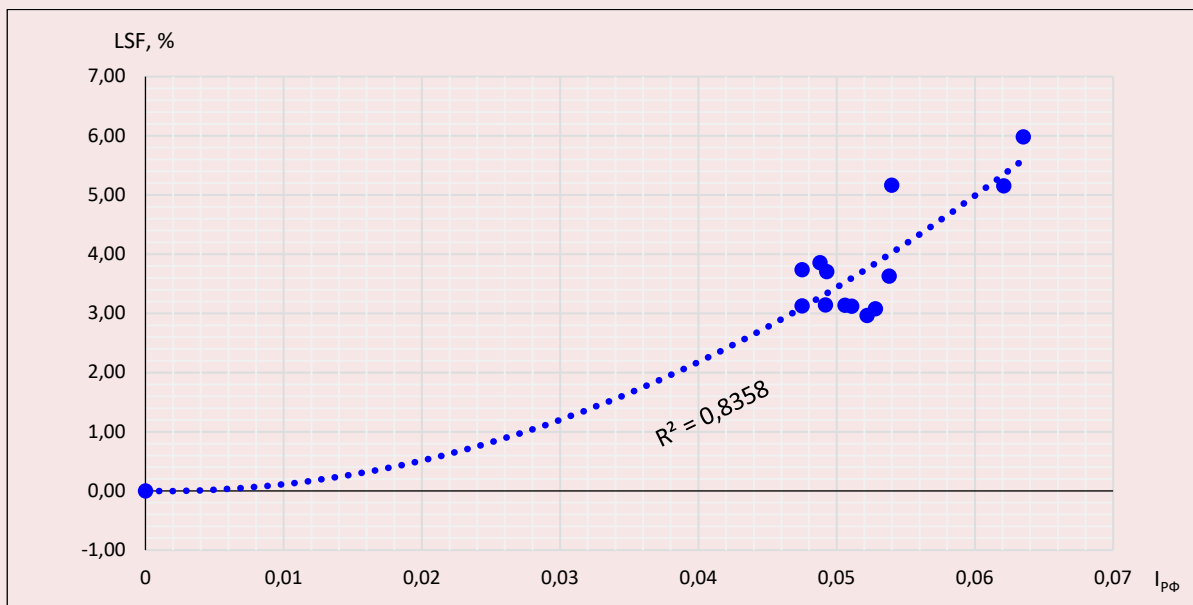
где:

y – уровень дотационной ориентированности федерального бюджета в i -ом году, %;

x – значение индекса Светунькова в $(i - 1)$ году.

Из уравнения (5) видно, что при значении индекса Светунькова, равном 0,0424 пункта, возможность достижения которого показана в таблицах 2, 3 и 5, уровень дотационной ориентированности федерального бюджета по итогам года, следующего за годом констатации такого факта, окажется равным, с вероятностью 90%, от 2,12 до 2,78%. Т. е. даже при неблагоприятном сценарии развития событий объём дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ и муниципальных образований будет, в указанном случае, иметь заметно меньший удельный вес в общем объёме

Рис. 1. Результаты регрессионного анализа зависимости уровня дотационной ориентированности федерального бюджета от индекса Светунькова



Источник: составлено авторами.

расходной части федерального бюджета, чем и объясняется важность для российских органов власти выполнения задачи по снижению степени неоднородности экономического пространства страны.

Выбирая инструменты решения указанной задачи, необходимо учитывать один важный момент: российские регионы образуют, помимо страны в целом, различные укрупнённые административно-территориальные единицы, например экономические районы. Главным принципом образования таких единиц является схожая экономическая специализация входящих в их состав субъектов, что создаёт благоприятные условия для однородности их экономического пространства. Однако у большинства из них, как следует из таблицы 1, 13 представленных в которой регионов входят в

состав 7 мультисубъектных экономических районов России, каковых насчитывается всего 11, его состояние весьма далеко от однородного. Сглаживание диспропорций в пространственном развитии экономических районов России путём принятия мер, направленных на поддержку относительно слабых субъектов, входящих в их состав, и является ключевым инструментом выполнения задачи по снижению степени неоднородности пространственного развития страны, поставленной перед органами власти «майским» указом президента, подписанным за год до его четвёртой инаугурации. Для определения правильных направлений реализации такого инструмента необходимо рассчитать индекс Светунькова за 2000–2019 гг. для всех 11 мультисубъектных экономических районов России (табл. 6).

Таблица 6. Степень неоднородности экономического пространства мультисубъектных экономических районов России в 2000–2019 гг.*

Год	I _{ЦЭР}	I _{ЦЧЭР}	I _{ВСЭР}	I _{ДВЭР}	I _{СЭР}	I _{СКЭР}	I _{СЗЭР}	I _{ПЭР}	I _{УЭР}	I _{ВВЭР}	I _{ЗСЭР}
2000	0,4686	0,0175	0,3293	0,0572	0,0367	0,1763	0,3280	0,1080	0,0376	0,1975	0,1714
2001	0,4366	0,0131	0,3165	0,0509	0,0373	0,1703	0,3345	0,0998	0,0392	0,2290	0,1485
2002	0,4457	0,0181	0,2704	0,0504	0,0321	0,1686	0,3633	0,0950	0,0390	0,2138	0,1228
2003	0,4446	0,0197	0,2712	0,0475	0,0328	0,1574	0,3548	0,0971	0,0403	0,2148	0,1301
2004	0,4604	0,0227	0,2885	0,0482	0,0354	0,1583	0,3555	0,1028	0,0413	0,1964	0,1159
2005	0,5052	0,0213	0,2854	0,0498	0,0342	0,1544	0,3550	0,1041	0,0412	0,2193	0,1409
2006	0,5061	0,0215	0,2924	0,0459	0,0288	0,1537	0,3506	0,1059	0,0442	0,2118	0,1323
2007	0,5010	0,0215	0,2988	0,0497	0,0221	0,1602	0,3961	0,1037	0,0450	0,2068	0,1195
2008	0,4962	0,0259	0,2780	0,0500	0,0302	0,1582	0,4026	0,0983	0,0419	0,2070	0,1099
2009	0,4643	0,0235	0,2665	0,0507	0,0219	0,1557	0,3880	0,0942	0,0382	0,1976	0,1050
2010	0,4621	0,0314	0,3015	0,0567	0,0234	0,1623	0,3938	0,0941	0,0435	0,2049	0,0963
2011	0,4620	0,0398	0,2922	0,0576	0,0251	0,1640	0,4053	0,1028	0,0444	0,2093	0,1002
2012	0,4523	0,0425	0,2663	0,0570	0,0293	0,1675	0,3939	0,1000	0,0479	0,2001	0,1014
2013	0,4571	0,0385	0,2618	0,0588	0,0244	0,1665	0,4128	0,0949	0,0452	0,2080	0,0912
2014	0,4576	0,0353	0,2611	0,0628	0,0215	0,1533	0,4113	0,0925	0,0445	0,2002	0,0885
2015	0,4390	0,0353	0,2770	0,0597	0,0200	0,1485	0,4377	0,0951	0,0438	0,1997	0,0890
2016	0,4160	0,0338	0,2638	0,0568	0,0172	0,1429	0,4614	0,0919	0,0474	0,2098	0,0807
2017	0,4274	0,0361	0,2631	0,0573	0,0173	0,1457	0,4624	0,0948	0,0481	0,2180	0,0854
2018	0,4395	0,0338	0,2730	0,0653	0,0168	0,1403	0,4649	0,0993	0,0446	0,2231	0,0991
2019	0,4320	0,0363	0,2856	0,0595	0,0161	0,1352	0,4658	0,1002	0,0440	0,2276	0,1002

* Результаты корреляционного анализа взаимосвязи между представленными в таблице значениями индекса Светунькова и коэффициента разрыва полярных значений, индекса Тейла и коэффициента вариации для всех мультисубъектных экономических районов схожи с результатами корреляционного анализа, проведённого в отношении значений данных показателей для России (см. табл. 4), чем подтверждается максимальная точность и предельная корректность индекса Светунькова.

Экономические районы: ЦЭР – Центральный, ЦЧЭР – Центрально-Чернозёмный, ВСЭР – Восточно-Сибирский, ДВЭР – Дальневосточный, СЭР – Северный, СКЭР – Северо-Кавказский, СЗЭР – Северо-Западный, ПЭР – Поволжский, УЭР – Уральский, ВВЭР – Волго-Вятский, ЗСЭР – Западно-Сибирский.

Источник: расчёты авторов.

За основу расчёта представленных в таблице 6 показателей для какого-либо экономического района были взяты доли, вносимые каждым входящим в его состав регионом в объём его валового районного продукта (далее – ВРНП), под которым следует понимать суммарный ВРП образующих экономический район субъектов. В таблице достаточно чётко отражена картина, складывавшаяся в 2000–2019 гг. во всех мультисубъектных экономических районах страны. Только два из них (Центрально-Чернозёмный и Северный) характеризуются степенью неоднородности экономического пространства, заметно уступающей общероссийскому показателю. Поскольку рассчитанный по отношению к ним индекс Светунькова не имеет тенденции к росту, то они не представляют интерес в контексте настоящего исследования. Остальные 9 экономических районов необходимо рассмотреть детально.

Экономическое пространство Центрального экономического района – одно из самых неоднородных. Это связано с нахождением в его составе Московской агломерации, притягивающей трудовые ресурсы со всей территории страны, а следовательно, является заданным свойством данного района. Но вместе с этим сглаживание диспропорций в его пространственном развитии выступает ключевым способом снижения степени неоднородности экономического пространства России (табл. 7).

Согласно данным таблицы 7, Центральный экономический район является единственным экономическим районом, где динамика индекса Светунькова оказывала в 2000–2019 гг. прямое и сильное влияние на динамику индекса

Светунькова страны в целом. Такое положение дел свидетельствует о необходимости для органов власти в рамках решения стоящей перед ними задачи уделять повышенное внимание этому району. Рассматривая вносимый на протяжении исследуемого временного отрезка вклад всех образующих его регионов в объём его ВРНП, легко заметить, что усиленной поддержки требуют Ивановская, Костромская и Орловская области, доля каждой из которых в ВРНП данного экономического района в ближайшей ретроспективе составляла менее 1%, имея при этом тренд на снижение.

Также вызывают интерес значение и динамика индекса Светунькова в Северо-Кавказском экономическом районе. В 2000–2019 гг. его индекс демонстрировал снижение, и в ближайшие годы с высокой степенью вероятности такая тенденция может сохраниться (рис. 2).

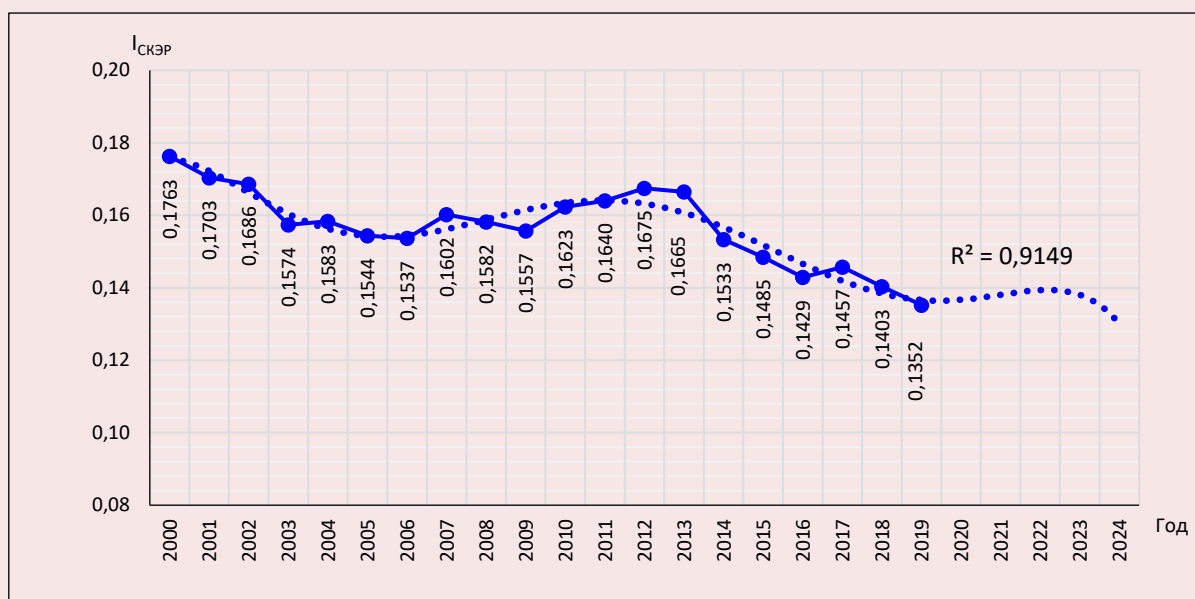
Согласно представленному на рисунке 2 прогнозу, значение индекса Светунькова для Северо-Кавказского экономического района уже не превысит отметку в 0,14 пункта, а в 2024 году обновит «исторический минимум», достигнутый в 2019 году. Однако у органов власти есть возможность ускорить данную тенденцию. Процесс её реализации подразумевает под собой проведение ужесточённой борьбы с теневой экономикой в ряде регионов, входящих в состав экономического района, в частности в субъектах, образующих одноимённый федеральный округ, в каждом из которых, за исключением Ставропольского края, уровень теневой экономики в 2015 году превышал отметку в 50% от ВВП (Балог, 2017), и к настоящему моменту времени основания для того,

Таблица 7. Степень неоднородности экономического пространства России и её экономических районов: результаты корреляционного анализа взаимосвязи

Экономический район	Коэффициент корреляции между $I_{рф}$ и $I_{зр}$	Экономический район	Коэффициент корреляции между $I_{рф}$ и $I_{зр}$
Центральный	0,8388***	Северо-Западный	-0,0117
Центрально-Чернозёмный	0,0082	Поволжский	0,2561
Восточно-Сибирский	-0,0210	Уральский	0,1686
Дальневосточный	-0,3108	Волго-Вятский	-0,1521
Северный	-0,0889	Западно-Сибирский	-0,0352
Северо-Кавказский	-0,0598		

Примечания: а) под показателем $I_{зр}$ понимается индекс Светунькова для соответствующего экономического района; б) *** – значимость на 1%-ном уровне; в) отсутствие звёздочек означает, что данный коэффициент корреляции статистически не значим. Составлено по: данные табл. 2 и 6.

Рис. 2. Степень неоднородности экономического пространства Северо-Кавказского экономического района



Источник: составлено авторами.

чтобы говорить об улучшении ситуации, не появилось. Негативная сторона такого положения дел состоит в том, что консолидированные бюджеты этих регионов недополучают причитающиеся им налоговые доходы (Беркович, Шурыгин, 2017; Алимуратов и др., 2021), а следовательно, оказываются ограниченными в реализации такого инструмента стимулирования экономического роста, как увеличение бюджетных расходов.

Универсальным способом снижения степени неоднородности экономических пространств в обоих сибирских экономических районах служит реализация инвестиционного проекта по строительству железной дороги, которая соединит восточно-сибирскую Республику Тыву с западно-сибирской Республикой Алтай. Она удовлетворит потребность указанных субъектов в новых рабочих местах, острый дефицит которых нередко побуждает жителей к совершению различных противоправных деяний, и устранил одну из ключевых проблем Республики Тыва, связанную с отсутствием у неё железнодорожного сообщения с остальными регионами России, что не позволяет ей эффективно использовать богатый минерально-

ресурсный потенциал, представленный месторождениями пресных вод, минеральных подземных вод, твёрдых полезных ископаемых (золота, полиметаллических руд, асбеста и др.).

Колоссальная степень неравномерности экономического пространства Северо-Западного экономического района обусловлена тем, что в его состав входят следующие регионы: а) г. Санкт-Петербург, доля ВРП которого в объёме ВРП в 2000–2006 гг. превышала 65%, в 2007–2015 гг. преодолевала рубеж в 70%, а 2016–2019 гг. составляла чуть более 75%; б) характеризующаяся относительно умеренным экономическим развитием Ленинградская область; в) Новгородская и Псковская области, являющиеся депрессивными регионами России. Должное внимание со стороны органов власти к последним двум субъектам позволит, вероятно, снизить значение индекса Светунькова для данного экономического района, а следовательно и для страны в целом. В Дальневосточном экономическом районе такого внимания требуют, прежде всего, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ, в Поволжском, – Республика Калмыкия, Пензенская и Ульяновская области, в Волго-Вятском –

Республика Марий Эл и Республика Мордовия, в Уральском – Курганская область и Удмуртская Республика.

Поскольку к усилению степени неоднородности экономического пространства России (см. табл. 2) и многих её мультисубъектных экономических районов (см. табл. 6) приводила политика по концентрации бюджетных доходов на федеральном уровне, то одной из ключевых мер поддержки всех перечисленных выше субъектов может выступать передача их бюджетам некоторых налогов. Речь идёт об НДС и части налога на прибыль организаций, зачисляемой в настоящее время в федеральный бюджет. Внесение соответствующих поправок в Налоговый и Бюджетный кодексы откроет перед 14 субъектами возможность увеличения бюджетных расходов, вслед за реализацией которой произойдет увеличение их ВРП. Эффективность такой поддержки легко доказывается на примере нуждающихся в ней субъектов Центрального и Уральского экономических районов (табл. 8, 9).

Результаты расчётов потенциальных объёмов ВРП данных субъектов в 2019 году, т. е. объёмов, которых, вероятно, достигли бы эти регионы по итогам 2019 года в случае предоставления им поддержки на протяжении указанного года, приведены в таблице 9.

Они позволяют определить, какой была бы степень неоднородности экономического пространства Центрального и Уральского экономических районов в 2019 году в случае действия на протяжении этого года рекомендуемой меры. Так, согласно реалистичному прогнозу, значение индекса Светунькова для них составило бы 0,4213 и 0,03 пункта соответственно, что на 0,0107 и 0,014 пункта ниже фактического значения, а при благоприятном стечении обстоятельств, т. е. при достижении всеми рассмотренными в таблице 9 регионами объёма ВРП, равного верхней границе доверительного интервала, значение опустилось бы до 0,4175 и 0,0293 пункта соответственно. Это и доказывает эффективность предложенной рекомендации. Что касается потерь федерального бюджета,

Таблица 8. Зависимость объёма ВРП некоторых регионов, нуждающихся в поддержке, от объёма расходов их бюджетов

Субъект	Уравнение, описывающее зависимость	R ²
Ивановская область	$y = 10^{-10}x^2 + 0,0008x + 20548,4065$	0,9403
Костромская область	$y = 3 \times 10^{-11}x^2 + 0,0053x + 5740,4499$	0,9615
Орловская область	$y = 2 \times 10^{-10}x^2 + 0,0009x + 34783,7296$	0,9746
Курганская область	$y = 0,0051x + 5814,5667$	0,9808
Удмуртская Республика	$y = 7 \times 10^{-11}x + 53026,1594$	0,9774

Источник: расчёты авторов на основе информации об объёме расходов бюджетов регионов и объёме их ВРП за 2000–2019 гг.

Таблица 9. Объём расходов бюджетов и объём ВРП некоторых регионов России в 2019 году: фактические и потенциальные значения

Показатель	Ивановская область	Костромская область	Орловская область	Курганская область	Удмуртская Республика
Фактический объём расходов бюджета, тыс. руб.	41945693,8	33440857,5	35207250,8	47832043,2	82948883,0
Фактический объём ВРП, млн руб.	254968,9	203821,4	265672,7	233468,6	721345,1
Уплачено в федеральный бюджет, тыс. руб.:					
- НДС	7507743	9853240	5765626	8930007	45108435
- налога на прибыль организаций	553731	2915129	586820	390475	3108472
Потенциальный объём расходов бюджета, тыс. руб. (стр. 2 + стр. 5 + стр. 6)	50007167,8	46209226,5	41559696,8	57152525,2	131165790,0
Потенциальный объём ВРП, млн руб.	357485,5 (312622,9; 402348,1)*	324410,1 (283817,1; 365003,1)	355540,2 (325375,4; 385704,9)	294785,3 (279442,2; 310128,3)	1600020,8 (1498197,7; 1701843,9)

* В скобках приведены 95%-ные доверительные интервалы.
Источник: расчёты авторов.

которые будут иметь место в результате следования органами власти такой рекомендации, то способом их возмещения является отстаиваемая А.Г. Аганбегяном возможность увеличения внешнего государственного долга. Академик подчёркивает, что «Россия может ежегодно занимать по 30–40 млрд долл. у Китая, Саудовской Аравии и некоторых других стран» (Аганбегян, 2019).

Заключение

В ходе исследования были рассмотрены методы, используемые представителями научных кругов для оценки степени неоднородности экономического пространства России, в т. ч. выделены их недостатки. Авторами предложено осуществлять такую оценку с учётом недостатков с помощью модифицированного варианта индекса Херфиндаля – Хиршмана, названного по имени профессора, разработавшего эту модификацию, – С.Г. Светунькова. Оценив с помощью индекса Светунькова степень неоднородности экономического пространства России и всех её мультисубъектных экономических районов, каковыми были названы экономические районы, состоящие более чем из одного субъекта, и проведя корреляционный анализ взаимосвязи между значениями данного индекса и таких показателей, как коэффициент

разрыва полярных значений, индекс Тейла и коэффициент вариации, являющихся популярными по состоянию на сегодняшний день, авторы установили, что с индексом Светунькова тесно связаны индекс Тейла и коэффициент вариации. Поскольку их недостатки не являются серьёзными, а индекс Светунькова лишён и этих недостатков, то именно он был признан максимально точным и предельно корректным.

На практике индекс Светунькова позволит достоверно установить, какие действия органов власти способны оказать существенное влияние, как положительное, так и отрицательное, на степень неоднородности экономического пространства России и её экономических районов. Результаты исследования показали, что ее усиливала политика по концентрации бюджетных доходов на федеральном уровне. Поэтому рекомендации, предлагаемые авторами для снижения неоднородности, связаны с передачей НДС и зачисляемой в федеральный бюджет части налога на прибыль организаций бюджетам некоторых субъектов, а именно тех, которые вносят малый вклад в объём ВРВП соответствующего экономического района. Эффективность таких рекомендаций доказана на примере регионов Центрального и Уральского экономических районов.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2019). О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. № 1 (172). С. 3–15.
- Алимурадов М.К., Мидов А.З., Одинцов С.В. (2021). Стратегический анализ бюджетной обеспеченности высокодотационных регионов // Экономическое возрождение России. № 2 (68). С. 113–129. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-2-68-113-129
- Балог М.М. (2017). Измерение теневой экономики в регионах России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. № 6. С. 49–56.
- Беркович М.И., Шурыгин А.А. (2021). Теневая экономика в России: экономико-статистическая оценка масштаба и меры по его сокращению в стране и регионах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 70–84. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.4
- Гагарина Г.Ю., Болотов Р.О. (2021). Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // Федерализм. Т. 26. № 4 (104). С. 20–34. DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-20-34
- Гранберг А.Г. (2011). Возможны ли распад или сжатие России? // Регион: Экономика и Социология. № 2. С. 9–18.
- Губанова А.К. (2019). Проблемы экономического неравенства регионов России // Вестник науки. Т. 4. № 8 (17). С. 9–14.
- Дугаржапова М.А., Жалсараева Е.А., Чимитдоржиева Е.Ц. (2019). Анализ неравномерности показателей динамики экономического развития регионов России с использованием статистических методов // Горизонты экономики. № 5 (51). С. 71–78.

- Коломак Е.А. (2013). Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. № 2. С. 132–150. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-2-132-150
- Кузнецова И.И. (2006). Проблема территориальной дифференциации в региональной экономике и возможности её исследования на городском уровне // Труды Института системного анализа Российской академии наук. Т. 22. С. 261–268.
- Куликов Н.И., Куликов А.Н. (2017). Различия в социально-экономическом развитии регионов России: оценка и реалии выравнивания // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15. № 12. С. 2190–2209. DOI: 10.24891/re.15.12.2190
- Туровский Р.Ф., Джаватова К.Ю. (2019). Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // Политическая наука. № 2. С. 48–73. DOI: 10.31249/poln/2019.02.03
- Федоляк В.С. (2019). Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития сквозь призму базовых теорий региональной экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. Т. 19. № 1. С. 16–20. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-1-16-20
- Юшков А.О., Одинг Н.Ю., Савулькин Л.И. (2017). Судьбы российских регионов-доноров // Вопросы экономики. № 9. С. 63–82. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-9-63-82
- Bigoni M., Bortolotti S., Casari M., Gambetta D., Pancotto E. (2016). Amoral familism, social capital, or trust? The behavioural foundations of the Italian North-South divide. *The Economic Journal*, 126(594), 1318–1341. DOI: 10.1111/ecoj.12292
- Dirksmeier P. (2017). Regional development in a postcolonial island state in the Global South: An empirical analysis of the Republic of Mauritius using census and survey data. *Journal of Economic Geography*, 61(3–4), 119–134. Available at: <https://doi.org/10.1515/zfw-2017-0012>
- Hassink R., Kiese M. (2021). Solving the restructuring problems of (former) old industrial regions with smart specialization? Conceptual thoughts and evidence from the Ruhr. *Review of Regional Research*, 41(3), 131–155. DOI: 10.1007/s10037-021-00157-8
- Lagravinese R. (2015). Economic crisis and rising gaps North-South: Evidence from the Italian regions. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 8(2), 331–342. DOI: 10.1093/cjres/rsv006
- Myrdal G. (1957). *Economic Theory and Under-developed Regions*. London: Gerald Duckworth & Co Ltd.
- Thünen I. von (1842). *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Rostock.

Сведения об авторах

Светлана Григорьевна Пьянкова – доктор экономических наук, профессор кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: silen_06@list.ru)

Михаил Анатольевич Комбаров – аспирант, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: mikhail.kombarov@list.ru)

Pyankova S.G., Kombarov M.A.

Imbalances in the Spatial Development of Russia and Its Economic Regions: Choosing an Accurate and Adequate Assessment Method and Levelling-Off Ways

Abstract. One of the factors determining the structure of the expenditure part of Russia's federal budget is represented by considerable imbalances in the spatial development of the country. The impact of this factor consists in the annual need to allocate funds to non-self-sufficient regions in the form of subsidies, which can be directed, for example, to the development of business in prosperous entities. The aim of the research is to carry out an accurate and adequate quantitative assessment of the degree of such an imbalance over a long retrospective period of time. Practical significance of the assessment is due

to the fact that it will allow us to see which decisions of the authorities aggravated the problem under consideration, and therefore to develop recommendations for levelling off these imbalances. When choosing a method to achieve the goal, we decided to use the Herfindahl – Hirschman index that contains a modification proposed by Professor S.G. Svetunkov, which eliminates its disadvantage consisting in the dependence of the final value on the number of units included in the set under consideration. The use of this indicator has become the main element of the scientific novelty of the study. Having assessed the degree of heterogeneity of the Russian economic space on the basis of information retrieved from the official website of the Federal State Statistics Service, we use regression analysis to derive an equation describing its impact on the structure of the expenditure part of the federal budget. According to the viewpoint that we share, the key tool consists in smoothing out the imbalances within the economic regions that form the country. Their assessment is carried out in a similar way and is also an element of the scientific novelty of the study. Guided by the results obtained, we identify regions where the elimination of vulnerabilities can reduce the heterogeneity of the economic space of the respective economic regions and Russia as a whole. The indicator tested in the study can be used in the future, for example, to assess the degree of uneven distribution of various resources (material, financial, etc.) on the territory of Russia.

Key words: economic space, assessment of the degree of heterogeneity, Svetunkov index, subsidies, federal budget, economic district.

Information about the Authors

Svetlana G. Pyankova – Doctor of Sciences (Economics), professor of department, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, Sverdlovsk Oblast, 620144, Russian Federation; e-mail: silen_06@list.ru)

Mikhail A. Kombarov – postgraduate student, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli Street, Yekaterinburg, Sverdlovsk Oblast, 620144, Russian Federation; e-mail: mikhail.kombarov@list.ru)

Статья поступила 08.02.2022.

Рынки сбыта продукции регионов Северо-Запада России: количественное измерение



Максим Андреевич

СИДОРОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ma.sidorov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5683-8182; ResearcherID: N-3104-2018

Аннотация. Активизация пространственного фактора развития национальной экономики требует реализации государственной политики по трансформации межрегиональных цепочек создания стоимости. Данная задача специфична ввиду огромных пространств и высокой степени поляризации экономического поля страны. Целью исследования стала количественная оценка рынков сбыта продукции регионов Северо-Запада России с учетом отраслевой и территориальной специфики их производства. В ходе анализа выявлено, что в целом по Северо-Западу России национальный и зарубежные рынки преобладают над местными и макрорегиональным, межтерриториальное взаимодействие во многом остаётся фрагментарным. Однако наличие у регионов отраслей специализации в совокупности с относительно устойчивым внешним спросом может стать опорой для развития межрегиональных цепочек создания стоимости. Отмечается, что в России задачи оптимального районирования и развития цепочек создания стоимости являются ключевыми, что отражено в программных документах. Показано, что макрорегион лишь в незначительной мере использует потенциал внутренней кооперации, являясь в большей степени массивом разнонаправленно ориентированных рыночных зон, представленных ядром в виде Санкт-Петербурга и рядом цепочек создания стоимости, зачастую экспортоориентированных. Сделан вывод о том, что характер поставок на внешние рынки определяется не только экспортной специализацией территории, но и диверсифицированностью экономической системы. Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегических документов

Для цитирования: Сидоров М.А. (2022). Рынки сбыта продукции регионов Северо-Запада России: количественное измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 91–112. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.5

For citation: Sidorov M.A. (2022). Sales markets for the goods of the regions of the Northwest of Russia: Quantitative assessment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 91–112. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.5

пространственного развития, программ развития отраслей экономики и промышленных кластеров. В дальнейшем будет продолжена работа по поиску новых точек роста и наиболее перспективных направлений структурных изменений для перехода регионов и страны в целом к устойчивому социально-экономическому развитию.

Ключевые слова: макрорегион, Северо-Запад России, цепочки создания стоимости, межрегиональная торговля, экономическая интеграция.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-010-00643.

Введение

Тематика трансформации внутристрановых цепочек создания стоимости (ЦСС) становится всё более актуальной по причине нарастающей регионализации глобальной торговли. Ощутимым толчком к активизации этого направления стало нарушение цепочек создания стоимости в начале пандемии коронавируса, когда остановка производств и закрытие границ ведущих стран привели к разрыву привычных хозяйственных связей, обострили отношения между традиционными партнерами. Так, из-за десятикратного роста стоимости услуг морского грузового транспорта в 2020–2021 гг. конкурентное преимущество получили поставщики, предлагающие продукцию в географической близости к покупателю¹.

Снижение устойчивости торговых связей вынудило правительства переоценить допустимый уровень открытости собственных экономик. Как отмечает В.А. Мау, у правительств стран с ведущими экономиками «явно уменьшается готовность платить за рыночную эффективность экономической (а следовательно, и политической) безопасности» (Мау, 2021).

Катализатором обострения послужило нарастание политического соперничества США и Китая, которое от торговых переговоров достаточно быстро перешло к конфликтам на «экономическом фронте». При этом предпринимаемые крупнейшими игроками на мировых рынках шаги не делают ситуацию устойчивее. Так, в 2020 году серия взаимных конфликтов между США и Китаем обернулась введением ряда взаимных пошлин. Одним из следствий на-

пряженности на мировых рынках стало официальное заявление о переориентации китайской экономики на внутренний рынок (Zhu, 2020). Новая модель экономического развития Китая будет фокусироваться на увеличении потребления на внутреннем рынке при одновременной ориентации на привлечение зарубежных инвестиций и стабилизацию международной торговли. Основной идеей, положенной в разработку 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития, является концепция «двойной циркуляции»: внутренней и внешней. Внутренняя циркуляция при этом заявлена в качестве основной и подразумевает развитие национальных производственных цепочек спроса и предложения. В долгосрочной перспективе данная стратегия нацелена на устранение зависимости китайской экономики от зарубежных рынков и технологий².

Для российской экономики развитие производственных цепочек в регионах путем использования их кооперационного потенциала также является жизненно важной задачей. При опоре на экспорт сырья и полуфабрикатов и импорт конечной продукции важным моментом становится недополучение потенциальных доходов от продукции, которая могла быть произведена на территории страны. Как следствие, внутренний рынок развивается медленнее, при этом именно нехватку более мощного внутреннего спроса как стратегического ресурса, который придал бы отечественным предпринимателям уверенности, бизнес отмечает в последних исследованиях конъюнктуры, проводимых Рос-

¹ Хабибуллин Д.З. Портовый кризис спровоцировал экономический передел в мире. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-02-10/3_8369_kb.html (дата обращения 21.02.2022).

² Заседание Политбюро ЦК КПК от 14 мая 2020 г. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2020/0515/c64094-31709627.html?mc_cid=28966ada58&mc_eid=902fe70bde (дата обращения 20.02.2022).

статом, как главный (после резко возросшей в конце 2021 года «неопределенности экономической ситуации») ограничивающий фактор роста производственной деятельности³.

При этом со стороны органов власти также наблюдается интерес к данной тематике, о чем свидетельствует освещение важности производственных цепочек для развития внутреннего рынка в Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации⁴ («В сфере потребительских товаров следует сосредоточиться на обеспечении платежеспособного спроса, как внутреннего, так и внешнего»). Отметим также, что закрепление в Стратегии в качестве общего принципа развития промышленности выхода на смежные стадии производственных цепочек подразумевает рост потенциала внутристрановой кооперации.

Одним из драйверов политики мобилизации пространственного фактора национального экономического развития в Стратегии пространственного развития РФ⁵ представлено деление экономического пространства страны на макрорегионы (Минакир и др., 2020). Потребность в выделении макрорегионов усиливается тогда, когда для решения определенных задач

потенциал отдельных субъектов очень мал и нужно рассматривать их потенциал вместе и в более широком контексте (Котов, 2021).

В рамках макрорегионов предполагается усиление межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, развитие транспортной, энергетической, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей усиление экономической связанности территорий, достраивание цепочек создания стоимости, в том числе за счет реализации крупных межрегиональных инвестиционных проектов. Это в свою очередь потребует разработки стратегий социально-экономического развития макрорегионов и синхронизированных во времени и пространстве планов их реализации.

Национальное экономическое пространство в Стратегии разбивается на 12 макрорегионов. В основу сетки положены федеральные округа, четыре из которых по территориальному составу в точности совпадают с соответствующими макрорегионами, а каждый из остальных четырех разделен на два макрорегиона (табл. 1).

Таблица 1. Состав макрорегионов Российской Федерации

Федеральный округ	Макрорегион
Центральный	Центральный
	Центрально-Черноземный
Северо-Западный	Северо-Западный
	Северный
Приволжский	Волжско-Камский
	Волго-Уральский
Южный	Южный
Северо-Кавказский	Северо-Кавказский
Уральский	Уральско-Сибирский
Сибирский	Южно-Сибирский
	Ангаро-Енисейский
Дальневосточный	Дальневосточный
Источник: Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.	

³ Деловая активность организаций в России в январе 2022 года // ФСГС. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/17_09-02-2022.html (дата обращения 20.02.2022).

⁴ Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/Qw77Aau6IOSEIuQqYnvR4tGMCy6rv6Qm.pdf> (дата обращения 21.02.2022).

⁵ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 21.02.22).

В своей работе мы опираемся на то, что в Стратегии пространственного развития РФ одним из основных направлений пространственного развития страны заявлено усиление межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов в рамках макрорегионов. Целью исследования стала количественная оценка рынков сбыта продукции регионов Северо-Запада России с учетом отраслевой и территориальной специфики производства. На данном этапе на материалах регионов Северо-Запада России приводится характеристика межрегиональных взаимодействий в рамках макрорегиона.

На территории Северо-Запада России выделяются два макрорегиона – Северо-Западный макрорегион, включающий Республику Карелию, Калининградскую, Вологодскую, Ленинградскую, Мурманскую, Новгородскую, Псковскую области, город Санкт-Петербург, и Северный макрорегион, включающий Республику Коми, Архангельскую область, Ненецкий автономный округ. В силу исторической взаимосвязанности Северного и Северо-Западного макрорегионов мы рассматриваем их совместно в качестве Северо-Запада России.

Обзор литературы

Воспроизводственный подход к управлению доказывает, что для развития экономики необходимы не только имеющиеся у той или иной территории экономические ресурсы, но и ресурсы, завезенные из других территорий, а также наличие внешнего спроса на выпускаемую продукцию (Шнипер, Новоселов, 1993). Это обуславливает зависимость каждой территории от межрегиональной экономической интеграции и делает экономическое сотрудничество регионов существенным фактором их развития.

Вторая половина XX века ознаменовалась резким ростом мировой торговли и увеличением конкуренции между странами и регионами. В результате стали появляться теории конкурентных преимуществ отдельных территорий. В частности, М. Портер выявил закономерности в конкуренции территорий: чем более развита конкуренция на внутреннем рынке, тем больше вероятность успеха страны (региона) на международных рынках (и наоборот, ослабление конкуренции на национальном рынке может привести к потере конкурентных преимуществ) (Савельев, 2010).

Исследуя торговое взаимодействие территорий, П. Кругман отметил, что международная торговля все больше имеет природу межрегиональной торговли, потому что факторы производства и компетенции в принятии стратегических решений постепенно перемещаются на региональный уровень. Движущей силой торговли при конкуренции и подобию факторов производства является выигрыш, получаемый странами в дифференциации товарного предложения и экономии от масштаба; конкурентоспособность стран и регионов с дефицитом факторов производства определяется преимуществом использования специальных форм организации и концентрации производства (Кругман, Обстфельд, 2005; Портер, 2016; Fujita et al., 1999; Krugman, Wells, 2006).

Последний тезис был развит в теориях и концепциях развития кластеров. В них исследовались структуры и формы организации экономической деятельности в пространстве (вертикально и горизонтально интегрированные организации, кластеры, сети), факторы конкурентоспособности экономических агентов, способы их взаимодействия (Krugman, Venables, 1995). Представителями этих научных теорий и понятий являются прежде всего М. Портер, М. Энрайт, Д. Хамфри, Э. Шмитц, М. Сторпер и др.

Вклад теорий и концепций кластерного развития в развитие межрегионального взаимодействия состоит в том, что кластерная форма организации производства позволяет:

- увеличивать производительность труда и стимулировать инновационный процесс путем создания благоприятных условий для этого (Савельев, 2010);
- эффективнее использовать преимущества близости (концентрации), создавать благоприятные условия для проявления эффекта масштаба, снижения операционных издержек (Пилипенко, 2005).

После публикации Г. Джереффи (Gereffi, 1994) научные исследования ЦСС существенно разрослись и получили наибольшую популярность в 2010-х гг. Толчком к развитию направления во многом стал мировой экономический кризис 2008–2009 гг., который продемонстрировал значимость взаимосвязей в мировой экономике. Вместе с этим традиционных теорий и инструментов оказалось недоста-

точно для решения возникших экономических проблем (актуальность многих из них вновь обострилась в начале 2020-х гг. — замедление глобального экономического роста, усиление неравенства, углубление проблем занятости, снижение объемов международной торговли). Результатом изысканий стало усиленное изучение тематики глобальных ЦСС, ведущееся широким кругом исследователей (Gibbon, 2001; Gereffi et al., 2005; Yeung, 2009; Gereffi, Fernandez-Stark, 2011; Kaplinsky, 2013;).

В наиболее систематизированном виде современная теория ЦСС представлена в работах Г. Джереффи и Р. Каплински, которые подчеркивают управляемый и динамический характер ЦСС. Помимо этого, ими были опубликованы две из самых влиятельных теоретических работ по этой теме, закрепившие лексикон, касающийся глобальных ЦСС, позже принятый в обращение рядом крупных международных организаций, таких как Всемирный банк, Конференция ООН по торговле и развитию, Всемирная торговая организация, Организация экономического сотрудничества и развития и другие.

Внутри конкретной ЦСС принято выделять восходящие связи (*forward linkages in VCs*), отражающие вывоз сырьевых товаров и услуг, которые затем ввозятся обратно в виде готовых продуктов, и нисходящие связи (*backward linkages in VCs*), отражающие производство и вывоз конечных товаров и услуг, базирующиеся на ввозе сырьевых товаров и услуг (передовые производители, собирающие финальный продукт)⁶.

Изучаются различные аспекты влияния ЦСС на развитие экономики (Белюсова, 2012; Кашбразиев, 2014; Сопилко, 2015), экономическую безопасность (Овчинникова и др., 2016), пространственную организацию территорий (Okten et al., 1998), процессы региональной интеграции (Arndt, 2008; De, 2014; Сафронова, 2016). Часть ученых видит в ЦСС новый рыночный подход к управлению климатом (Zhang, Wang, 2015; Xu et al., 2017).

Одно из ведущих направлений исследований — рассмотрение участия в ЦСС как инстру-

мента развития производства. При этом оцениваются взаимосвязь сотрудничества фирм и их роста (Arita et al., 2006; Han, Wang, 2015), перспективы и ограничения применения принципов совместной экономики на предприятиях в условиях цифровизации (Плещенко, 2019), возможности модернизации производства за счет встраивания в существующие ЦСС (Eriksson, 2011; Joudeh, 2018). Большое внимание исследователи уделяют вопросам повышения эффективности производства в контексте развития производственной кооперации (Скопина, Скопин, 2007; Beviá, Corchón, 2009; Liu et al., 2019; Li et al., 2020). В (Walker, 1994) выявлено, что основной проблемой развития ЦСС является отсутствие системы поддержки процессов кооперации в регионах, которая должна включать в себя создание и работу консультационного совета по вопросам производственного кооперирования при региональном правительстве, развитие регионального центра субконтракта, функционирующего на базе торгово-промышленных палат, выполнение региональных программных мероприятий по развитию комплексной кооперации.

В России после децентрализации управления межрегиональными экономическими связями 1990-х гг. и административной вертикализации в начале 2010-х гг. процесс пространственного развития вступил в зону стратегической бифуркации и поиска новых механизмов (Ростанец, Топилин, 2019). В научной литературе внимание стало уделяться направлениям по тематике роли рынков различного уровня в развитии региональной экономики (Шнипер, Новоселов, 1993; Науменко, 2006; Чайковский, 2008; Савельев, 2010; Лукин, 2013; Лукин, 2019; Лукин и др., 2020). Исследователи приходят к выводу о том, что в ряде случаев разделение на макрорегионы является формальным, в то время как реальные межрегиональные экономические объединения могут иметь иные географические очертания (Лёш, 1959; Minakir, 2015). При этом в Стратегии пространственного развития одним из ключевых принципов выделения макрорегионов выступает именно их соседское положение⁷.

⁶ Cogut B. (1985). *Designing Global Strategies: Comparative and Competitive Value-Added Chains*. Available at: <http://sloanreview.mit.edu/article/designing-global-strategies-comparative-and-competitive-valueadded-chains/> (accessed February 2021).

⁷ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 21.02.22).

Вопросами качества участия российских территорий в глобальных ЦСС также занималась А.Р. Саяпова. В частности, она отмечала высокую долю прямой зависимости объема создаваемой в стране добавленной стоимости от иностранного конечного спроса, что подразумевает ориентированность экономики российских территорий на экспорт полуфабрикатов (Саяпова, 2018). В работе Е.В. Лукина указано, что одной из наиболее устойчивых отраслей Северо-Запада России является металлургическое производство (Лукин, 2021). В рамках макрорегиона локализованы все основные производственные стадии черной металлургии, что во многом обусловлено созданием в советскую эпоху единого технологического комплекса со своей сырьевой и топливно-энергетической базой, который управлялся в рамках централизованной плановой системы.

Методика и данные

В ходе исследования проведена количественная оценка рынков сбыта продукции регионов Северо-Запада России. Методологи-

ческой основой послужила работа П.А. Минакира (Минакир и др., 2020), в которой представлены итоги анализа результативности выделения макрорегионов для развития мезорегиональных экономических связей на примере Дальневосточного федерального округа.

Ключевым источником информации стали данные о межрегиональном ввозе и вывозе товаров в стоимостном выражении, публикуемые Росстатом и обобщенные НИУ ВШЭ⁸. В этой работе в ходе распределения поставок продукции выделено четыре типа рынков сбыта: 1) местный рынок, подразумевающий поставки для потребления внутри региона; 2) макрорегиональный рынок, охватывающий поставки на территорию остальных северо-западных регионов; 3) национальный рынок, включающий все остальное экономическое пространство страны; 4) зарубежные рынки. Количественное распределение поставок продукции регионов Северо-Запада России между различными типами рынков представлено в *таблице 2*.

Таблица 2. Количественная оценка рынков сбыта продукции регионов Северо-Запада России согласно данным статистики межрегиональных поставок, млрд руб.

Регион	Местный рынок	Макрорегиональный рынок	Национальный рынок	Зарубежные рынки
Северо-Запад России	522	371	1445	803
Республика Карелия	33	5	9	23
Республика Коми	45	49	42	35
Архангельская область	17	15	39	42
в т. ч. Ненецкий автономный округ	1	1	0	1
Архангельская область кроме Ненецкого автономного округа	16	14	39	42
Вологодская область	57	38	176	178
Калининградская область	45	11	192	36
Ленинградская область	69	176	242	366
Мурманская область	21	2	5	31
Новгородская область	17	14	29	42
Псковская область	7	14	12	1
г. Санкт-Петербург	211	48	699	47
Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml				

⁸ Единый архив экономических и социологических данных. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml> (дата обращения 04.06.2022).

При этом анализ внутривнутристрановых рынков затруднен из-за неполноты отечественной экономической статистики о межрегиональной торговле. В частности, с 2017 года российская статистика прекратила публикацию данных в стоимостном выражении, вследствие чего оценивать структуру рынков пришлось по данным за 2016 год⁹. Наиболее существенной проблемой стало определение значения показателя, отражающего объема реализации на каждом из вышеупомянутых рынков. Важным источником данных является статистика о межрегиональной торговле, однако представленные в ней материалы не в полной мере отражают поставки продукции, поскольку включают в себя информацию о реализации по ограниченному кругу отраслей¹⁰. Значимая часть произведенных в субъектах РФ товаров и услуг, поступающих в межрегиональный и внешнеторговый оборот, статистикой не отражается, хотя учитывается в статистике экспортных поставок. Поэтому при формировании базы данных для анализа структуры рынков было проведено распределение оставшейся части выпуска с опорой на отчетность крупнейших предприятий.

В частности, в статистике не отражается продукция по виду деятельности «добыча полезных ископаемых» (кроме угля), среди которой производство сырой нефти является отраслью специализации и фактически составляет основную часть межрегиональных и экспортных поставок для Республики Коми и Ненецкого автономного округа. Важно также учитывать межрегиональные поставки добываемой в Республике Карелии и Мурманской области железной руды. Помимо этого, отсутствуют данные по распределению продукции электро-

энергетики, сельского хозяйства, сектора услуг, что может существенно исказить общую картину распределения создаваемого на территориях продукта.

В целях уточнения структуры поставок по указанным видам деятельности были применены следующие корректировочные шаги: для предприятий, связанных с добычей в регионах Северо-Запада России каменного угля (Республика Коми) и металлической руды (Республика Карелия и Мурманская область), основным направлением поставок является макрорегиональный рынок, поскольку соответствующие предприятия входят в ПАО «Северсталь» (Вологодская область). Для оценки структуры поставок сырой нефти и продукции отрасли «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» были использованы топливно-энергетические балансы регионов. При исследовании рынков сбыта цветных металлов важным источником послужила отчетность ПАО «ГМК «Норильский никель» и ОАО «Боксит Тимана». В отношении остальных видов деятельности, таких как строительство, сфера услуг и сельское хозяйство, условно принято, что их сбыт полностью сосредоточен на местных рынках¹¹. Потоки поставок продукции оборонно-промышленного комплекса не учитывались.

В ходе распределения не учтенной в статистике продукции получена оценочная матрица поставок продукции, не учтенной в статистике межрегиональной торговли (табл. 3).

Таким образом, путем суммирования данных таблиц 2 и 3 были получены оценочные объемы поставок продукции регионов Северо-Запада России на различные типы рынков (табл. 4).

⁹ По остальным показателям также использованы данные за 2016 год, если не указано иное.

¹⁰ Продукция пищевой, легкой, лесобрабатывающей, нефтехимической, химической, металлургической промышленности, машиностроения, производство неметаллических минеральных продуктов.

¹¹ Отследить реализацию услуг за пределами региона не представляется возможным, а сельское хозяйство на Северо-Западе России преимущественно представлено производством кормовых культур и нацелено на удовлетворение потребностей местного животноводства.

Таблица 3. Оценка распределения поставок продукции, не учтенной в статистике межрегиональной торговли, млрд руб.

Регион	Местные рынки	Макрорегиональный рынок	Национальный рынок	Зарубежные рынки
Северо-Запад России	3834	227	425	102
Республика Карелия	33	5	0	0
Республика Коми	408	28	141	9
Архангельская область	128	13	78	8
в т. ч. Ненецкий автономный округ	59	0	42	7
Архангельская область кроме Ненецкого автономного округа	69	13	36	1
Вологодская область	68	0	2	0
Калининградская область	102	0	17	0
Ленинградская область	289	64	65	0
Мурманская область	133	115	6	53
Новгородская область	39	2	0	0
Псковская область	33	1	2	0
г. Санкт-Петербург	2600	0	114	32

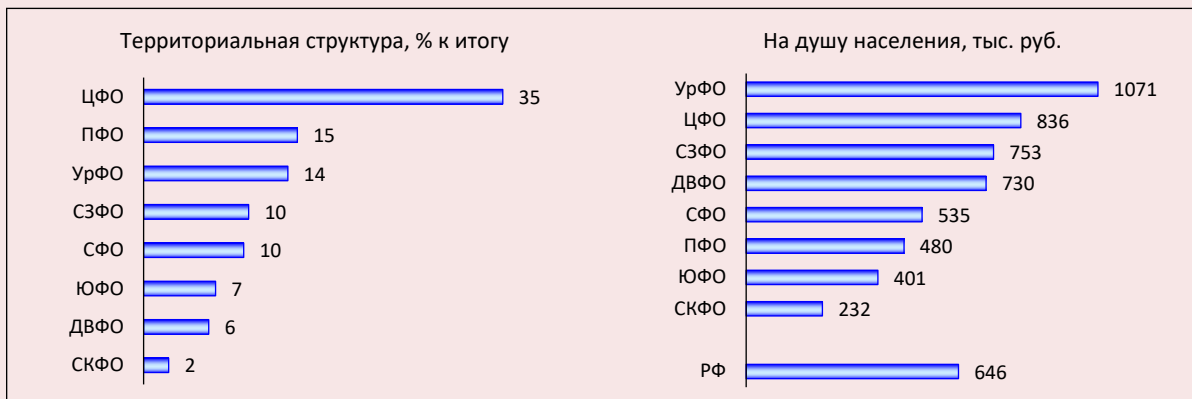
Источник: составлено автором.

Таблица 4. Оценка реализации продукции регионов Северо-Запада России по различным типам рынков, млрд руб.

Регион	Выпуск	Местный рынок	Макрорегиональный рынок	Национальный рынок	Зарубежные рынки
Северо-Запад России	9084	4656	661	2755	1011
Республика Карелия	145	84	13	13	35
Республика Коми	747	451	74	181	42
Архангельская область	322	142	25	111	44
в т.ч. Ненецкий автономный округ	111	60	1	42	8
Архангельская область кроме Ненецкого автономного округа	211	82	24	69	36
Вологодская область	600	135	45	209	210
Калининградская область	491	162	14	267	48
Ленинградская область	1182	351	221	282	328
Мурманская область	417	173	119	15	111
Новгородская область	183	62	22	40	59
Псковская область	95	45	25	24	1
г. Санкт-Петербург	4903	3052	103	1613	134

Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>

Рис. 1. Производство ВРП по федеральным округам России в 2019 году



Условные обозначения: ЦФО – Центральный федеральный округ, ПФО – Приволжский федеральный округ, УрФО – Уральский федеральный округ, СЗФО – Северо-Западный федеральный округ, СФО – Сибирский федеральный округ, ЮФО – Южный федеральный округ, ДВФО – Дальневосточный федеральный округ, СКФО – Северо-Кавказский федеральный округ.

Источник: составлено на основе данных Росстата.

Результаты

На Северо-Запад приходится 9,9% площади России и 9,5% ее населения. Макрорегион обладает достаточно высоким уровнем экономического развития, в нем производится порядка 10% суммарного валового регионального продукта (ВРП) страны (рис. 1). Объем ВРП на душу населения составляет 753 тыс. руб., что на 17% превышает среднероссийский уровень.

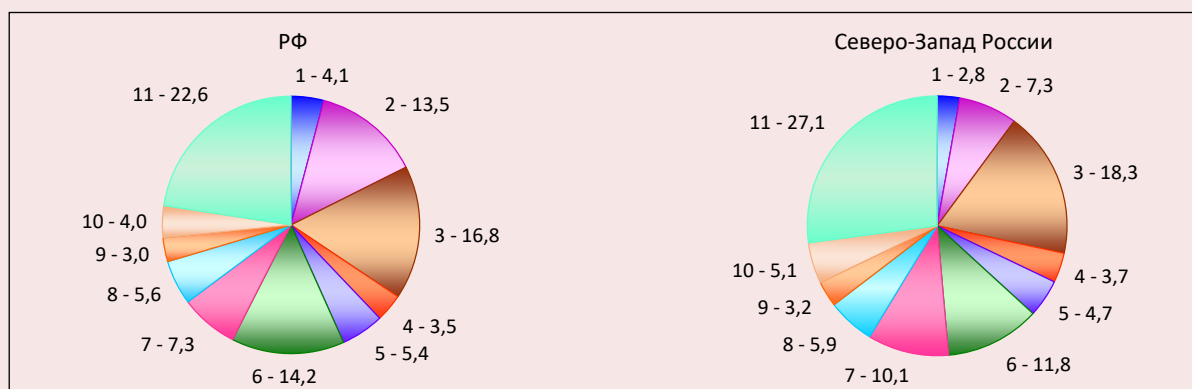
Близость к Европейскому союзу, международным транспортным коридорам, наличие арктических территорий обусловили меньшую долю сельского хозяйства в структуре экономики макрорегиона и больший вес обрабатывающей промышленности, а также транспортировки и хранения (рис. 2).

Функционально-отраслевая структура экономики Северо-Запада определила ее пространственную конфигурацию. Почти половина ВРП макрорегиона создается в Санкт-Петербурге, еще 12% – в Ленинградской области (рис. 3). Высокие показатели следующей за ними Архангельской области обусловлены размещением в ней машиностроительных и добывающих мощностей. Меньше всего (2%) валового продукта производится в аграрно-ориентированной Псковской области. По производству ВРП на душу населения Северо-Запад России превышает среднестрановой уровень. При этом лидерами по среднедушевому

объему ВРП являются регионы с наиболее развитой промышленностью: Санкт-Петербург, Республика Коми и Мурманская область.

Северо-Запад России – промышленно развитый макрорегион. Он занимает ведущие места в стране по строительству морских и речных судов, производству автомобилей, а также в целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей индустрии. Почти половина от общего объема промышленного производства макрорегиона выпускается в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (рис. 4). При этом суммарный вклад территорий (республики Карелия и Коми, Мурманская и Вологодская области), в которых функционирует важнейшая по связующей роли регионов Северо-Запада России металлургическая производственная цепочка, составляет 22%. По производству промышленной продукции на душу населения лидирует Мурманская область, уровень которой почти втрое превышает среднестрановой (настолько высокий показатель связан в первую очередь с высококоразвитой цветной металлургией). Обращает на себя внимание схожий, несмотря на близость к Санкт-Петербургу, объем подушевого промпроизводства (642–680 тыс. руб.) в Ленинградской области с Вологодской и Калининградской областями, а также Республикой Коми.

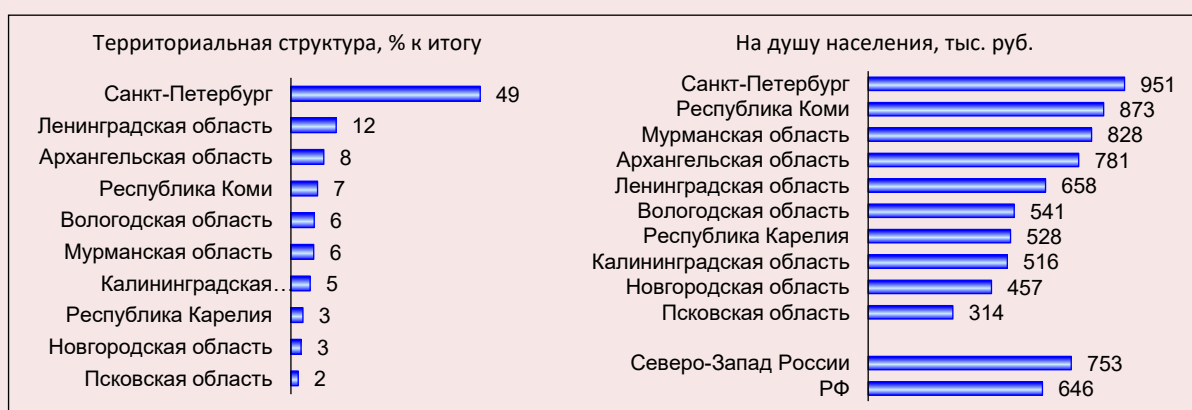
Рис. 2. Структура производства ВРП РФ и Северо-Запада России в 2019 году, % к итогу



Условные обозначения: 1 – Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; 2 – Добыча полезных ископаемых; 3 – Обрабатывающие производства; 4 – Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; 5 – Строительство; 6 – Торговля оптовая и розничная; 7 – Транспортировка и хранение; 8 – Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; 9 – Образование; 10 – Здравоохранение; 11 – Прочие услуги.

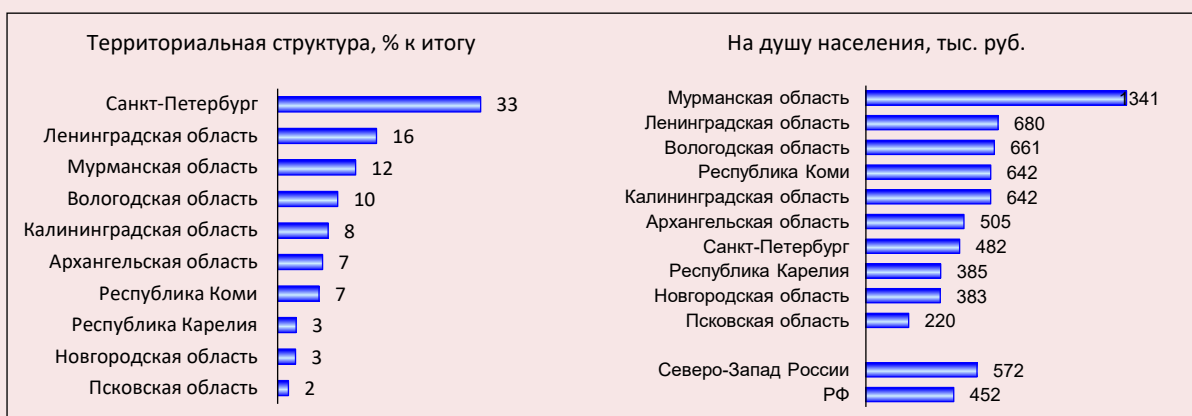
Источник: составлено на основе данных Росстата.

Рис. 3. Производство ВРП по регионам Северо-Запада России в 2019 году



Источник: составлено на основе данных Росстата.

Рис. 4. Удельные показатели промышленного производства Северо-Запада России в 2020 году



Источник: составлено на основе данных Росстата.

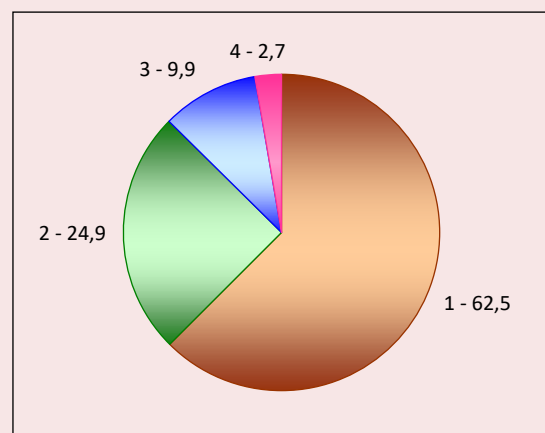
В структуре промышленного производства Северо-Запада России преобладает обрабатывающая индустрия, доля производимой добавленной стоимости которой составляет 62% (рис. 5). Еще 25% приходится на добычу полезных ископаемых.

Сложившаяся структура производства регионов Северо-Запада России во многом обуславливает характер поставок продукции макрорегиона на рынки различных уровней. Немаловажным является и его географическая близость к Центральному федеральному округу и границам Европы.

В результате распределения данных о недостающей части выпуска по основным типам рынков, на которых реализуется созданная в регионах Северо-Запада России продукция, была получена оценочная структура рынков по состоянию на 2016 год (табл. 5).

Рассмотрим роль каждого из упомянутых выше типов рынков (местный, макрорегиональный, национальный, зарубежный) в обеспечении функционирования и поддержании рыночного равновесия Северо-Запада России в целом и входящих в него субъектов.

Рис. 5. Отраслевая структура промышленности Северо-Запада России в 2020 году, % к итогу



Условные обозначения: 1 – Обрабатывающие производства; 2 – Добыча полезных ископаемых; 3 – Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; 4 – Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

Источник: составлено на основе данных Росстата.

Таблица 5. Структура рынков для реализации продукции по регионам Северо-Запада России, % к итогу

Регион	Местный рынок	Макрорегиональный рынок	Национальный рынок	Зарубежные рынки
Северо-Запад России	51,3	7,3	30,3	11,1
Республика Карелия	58,0	8,9	9,2	23,9
Республика Коми	60,3	9,8	24,2	5,6
Архангельская область	44,0	7,9	34,5	13,6
В т.ч. Ненецкий автономный округ	53,8	0,9	38,2	7,0
Архангельская область кроме Ненецкого автономного округа	38,8	11,5	32,5	17,1
Вологодская область	22,5	7,5	34,9	35,1
Калининградская область	32,9	2,9	54,4	9,7
Ленинградская область	29,7	18,7	23,8	27,8
Мурманская область	41,4	28,6	3,5	26,6
Новгородская область	34,1	11,8	21,9	32,3
Псковская область	47,3	26,4	25,2	1,1
г. Санкт-Петербург	62,3	2,1	32,9	2,7

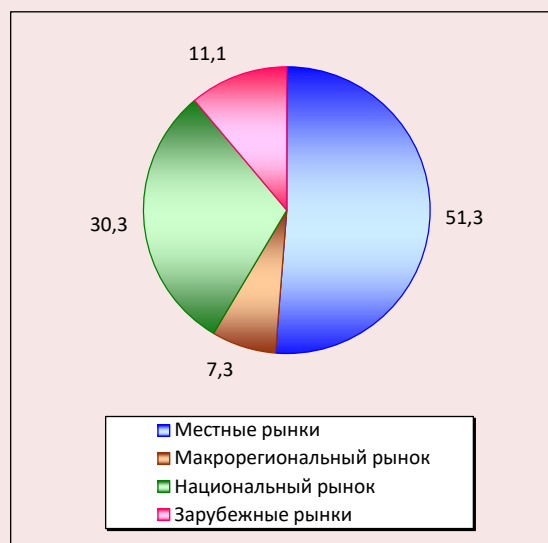
Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>

Местные рынки

Наиболее значимыми для функционирования экономики регионов являются местные рынки. В целом по Северо-Западу России более половины выпуска потребляется в рамках субъектов-производителей, в то время как макрорегиональный рынок составляет лишь 7,3%, что указывает на слабую связанность территорий в пределах макрорегиона (рис. 6). При этом значительное превышение доли местных рынков над макрорегиональным во многом указывает на то, что регионы Северо-Запада России лишь в незначительной мере используют возможные синергетические эффекты.

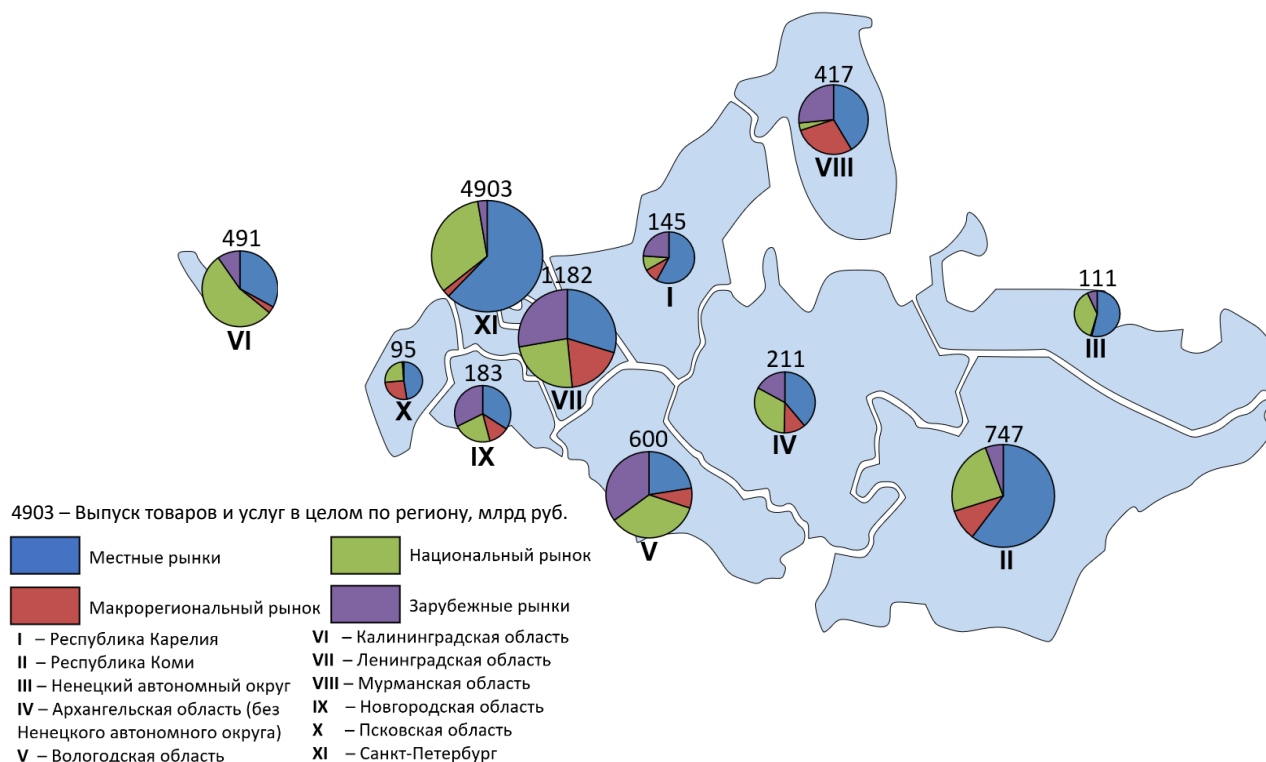
С другой стороны, это говорит о высоком уровне территориальной специализации данных регионов. Наиболее заметное исключение из общего ряда составляет Ленинградская область, экономика которой нацелена на спрос Санкт-Петербурга (доля местного рынка в ней 29,7%, рис. 7), и преимущественно экспортно-ориентированная Вологодская область (с наименьшей в макрорегионе долей местного рынка – 22,5%).

Рис. 6. Структура рынков для реализации продукции регионов Северо-Запада России, %



Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>

Рис. 7. Масштабы выпуска и структура реализации по типам рынков регионов Северо-Запада России



Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>

Отметим, что, помимо экспортоориентированности, важным фактором, определяющим высокую долю внешних рынков в общем объеме выпуска региона, является развитость его экономической системы (Савельев, 2010). Примером может служить Ленинградская область (рис. 8), производство которой в наибольшей степени диверсифицировано по сравнению с другими регионами Северо-Запада России.

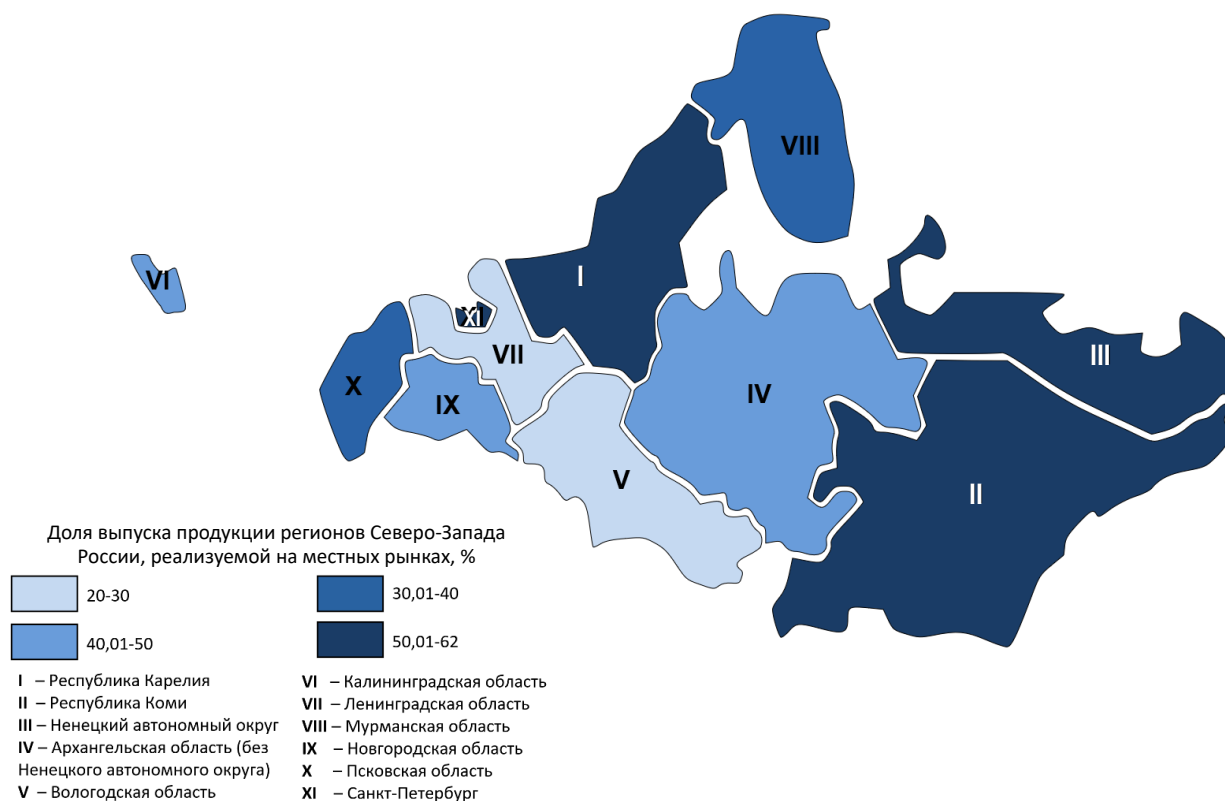
Национальный рынок

Значительная часть продукции и услуг, производимых в экономике Северо-Запада России, направляется на внешние относительно него рынки. Так, 30,3% от общего объема выпуска макрорегиона составляют поставки на национальный рынок (см. рис. 6). Одной из предпосылок данного явления выступает устойчивость исторически обусловленной специализации экономики Северо-Запада России, сформированной в качестве комплекса ЦСС едино-

го народнохозяйственного комплекса СССР. При этом значимость национального рынка для субъектов макрорегиона неоднородна, поскольку определяется особенностями их специализации. Основной объем вывоза продукции и услуг из макрорегиона на рынки субъектов РФ других макрорегионов (78,7%) приходится на Санкт-Петербург, а также на Ленинградскую и Калининградскую области (58,6, 10,2 и 9,7% соответственно; рис. 9).

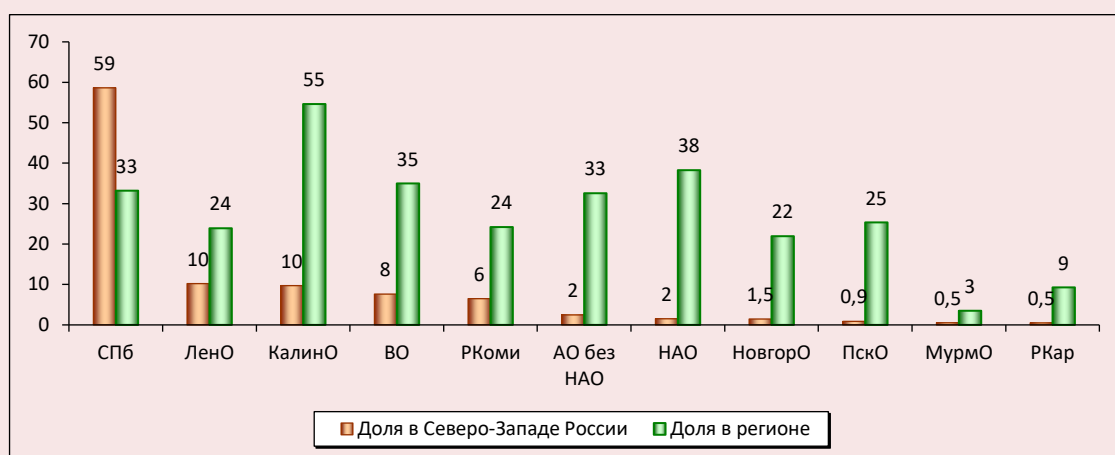
При этом на половину регионов Северо-Запада приходится лишь 7,3% от общего объема поставок продукции макрорегиона на национальный рынок. В силу невысокого экономического потенциала Новгородская и Псковская области суммарно осуществляют лишь 2,4% от общего объема поставок Северо-Запада России на национальный рынок, хотя данное направление занимает в структуре их реализации 22 и 25% соответственно. Одной из причин того, что

Рис. 8. Распределение регионов по доле местных рынков



Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ.
URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>

Рис. 9. Доля национального рынка в общем объеме реализации продукции регионов Северо-Запада России, % к итогу



Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ.
 URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>

Мурманская область предстает наименее активным участником торговли на национальном рынке в макрорегионе, является сочетание характера ее вовлеченности в производственные процессы (взаимодействие в рамках макрорегиона и экспортная деятельность) и удаленного географического положения. С точки зрения значимости национального рынка для экономики региона Калининградская область выделяется среди других территорий Северо-Запада России тем, что в структуре ее реализации национальный рынок составляет более чем половину. У следующей по значимости Вологодской области объем поставок на национальный рынок превысил продажи на местном рынке (для остальных регионов местный рынок является крупнейшим).

Зарубежные рынки

Одним из значимых для регионов Северо-Запада выступает зарубежное направление реализации продукции. При этом, несмотря на топливно-энергетическую специализацию, отраслевая структура поставок достаточно диверсифицирована: ключевым экспортным товаром являются минеральные продукты, почти полностью представленные углеводородами (46,9%; *рис. 10*), следующие по значимости —

металл и изделия из него (13,3%), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (10,6%), продукция химической промышленности (9,6%), а также машины, оборудование и транспортные средства (8,5%).

Почти треть всего экспорта макрорегиона идёт из Ленинградской области, ключевым товаром которой являются углеводороды (58% от всего экспорта) и продукция химической промышленности (36%). Ещё 21% от суммарного экспорта Северо-Запада России поставляется из Вологодской области (*рис. 11*), специализирующейся на производстве металлопроката и химических удобрений (49 и 36% соответственно).

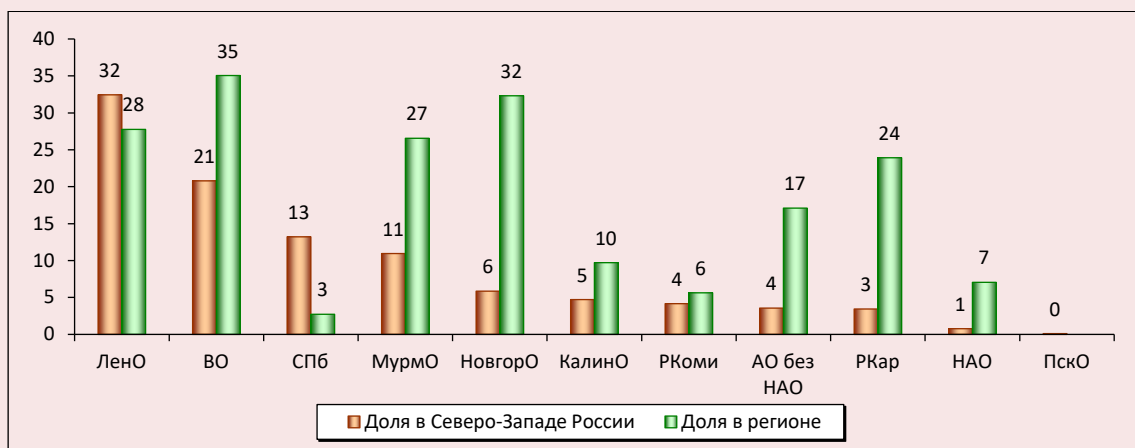
Экспортный поток из Северо-Запада России во многом формируется Санкт-Петербургом (также специализирующимся на углеводородах и машиностроении, 63 и 14% соответственно) и Мурманской областью (выступающей в качестве поставщика металла и минеральных товаров, 59 и 22% соответственно). Их доля суммарно составляет ещё 24%. Наиболее важную роль экспорт играет для Вологодской области, для которой доля в реализации выпущенной в Северо-Западе продукции на зарубежных рынках равняется 35%.

Рис. 10. Доля товарных групп в общем объеме экспорта Северо-Запада России, %



Источник: составлено на основе статистики Северо-Западного таможенного управления.

Рис. 11. Доля зарубежных рынков в общем объеме реализации продукции регионов Северо-Запада России, %



Источник: составлено на основе статистики Северо-Западного таможенного управления; материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>

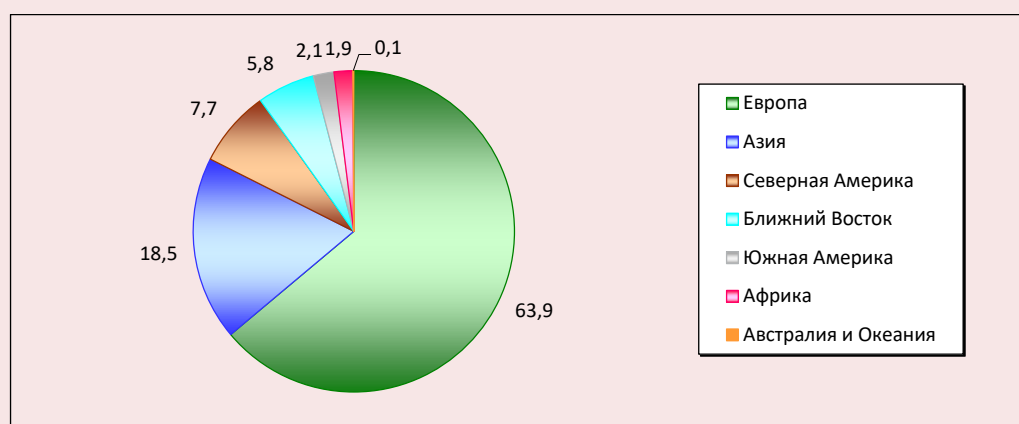
Отчетливо экспортоориентированными являются Новгородская область и Республика Карелия (доля внешних рынков в структуре их поставок 32 и 24% соответственно). Примечательно, что для эксклавной Калининградской области внешние рынки имеют лишь ограниченную значимость. Интересным моментом является крайне низкая доля экспорта (3%) в каналах реализации продукции у Санкт-Петербурга, производящего почти треть про-

дукции Северо-Запада России, и у приграничной Псковской области (1,1%).

Наибольший объем поставок Северо-Запада России приходится на рынки стран Европы (63,9%), 18,5% поглощается рынками Азии (рис. 12).

Несколько иная структура поставок у Калининградской области, 17% экспорта которой направлялось в страны Африки. Мурманская область практически полностью нацелена на

Рис. 12. Географическая структура зарубежных рынков для реализации продукции и услуг северо-западных регионов, %



Источник: составлено на основе статистики Северо-Западного таможенного управления.

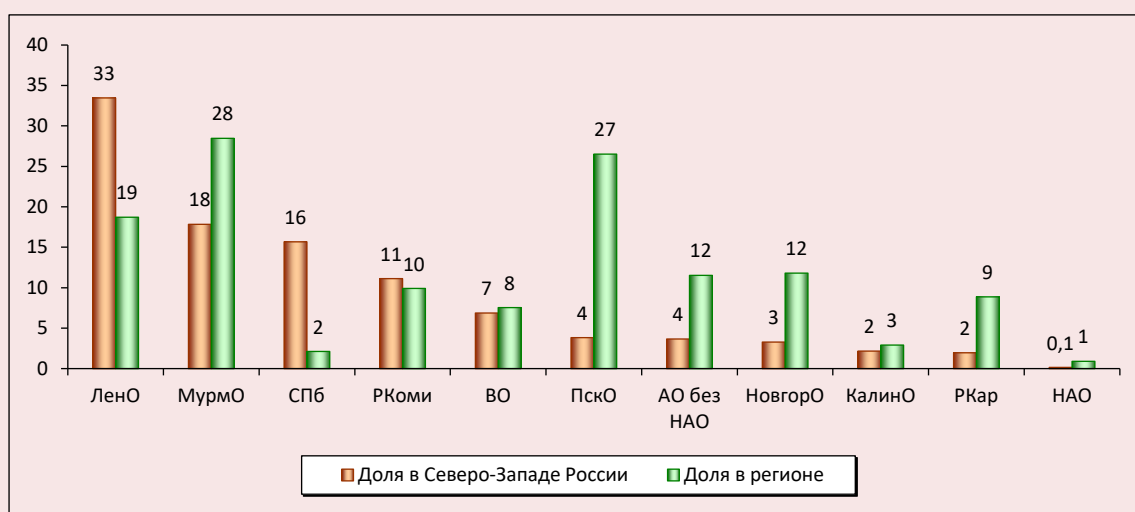
европейские рынки, а в структуре экспорта Новгородской области 35% занимает Азия, 30% – Европа, и ещё по 15% – Северная и Южная Америка.

Макрорегиональный рынок

На взаимные поставки между регионами Северо-Запада России приходится лишь 7,3% выпуска продукции, производимой в рамках

макрорегиона (табл. 2). Основной объем поставок на макрорегиональный рынок генерирует Ленинградская область (33,4%). Ещё 44,6% составляют три региона: Мурманская область, Санкт-Петербург и Республика Коми (17,8, 15,7 и 11,1% соответственно; рис. 13). На остальные регионы приходится ещё 18%.

Рис. 13. Доля в выпуске товаров и услуг, реализуемых на макрорегиональном рынке регионами Северо-Запада России



Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>

В целом для большинства субъектов Северо-Запада России макрорегиональный рынок является несущественным драйвером развития, поскольку обеспечивает малую часть реализации созданной в их пределах продукции. Среди регионов, для которых макрорегиональный рынок является значимым, можно отметить приграничную Псковскую область. Наиболее ориентированной на рынок Северо-Запада России предстает Мурманская область, также на общем фоне выделяется Республика Коми, поставляющая сырьё для ключевых отраслей промышленности Вологодской области. Отдельно стоит отметить Калининградскую область и Ненецкий автономный округ, которые почти не взаимодействуют с макрорегиональным рынком, предпочитая рынок страны.

Экономические взаимодействия северо-западных регионов

Взаимные поставки регионов Северо-Запада России представлены в *таблице 6* и на *рис. 14*. Полусом макрорегионального рынка является товарооборот между Санкт-Петербургом, Республикой Коми, Ленинградской и Вологодской областями. На эти территории приходится 84,3% стоимостного объема взаимной торговли регионов Северо-Запада России.

Ключевая роль в макрорегионе принадлежит торговле Санкт-Петербурга и Ленинградской области, оборот между которыми составляет 60,2% общего товарооборота в пределах субрегиона и 7,1% выпуска регионов Северо-Запада России (см. *рис. 13*). Основную часть двухсторонней торговли составляют поставки в Санкт-Петербург.

Существенная доля вывоза представлена поставками железной руды (Республика Коми и Мурманская область) и угля (Республика Коми). Большая их часть направляется в Вологодскую область, где затем в рамках производственного процесса ПАО «Северсталь» происходит выпуск металлопроката, крупнейшим покупателем которого в макрорегионе является Санкт-Петербург.

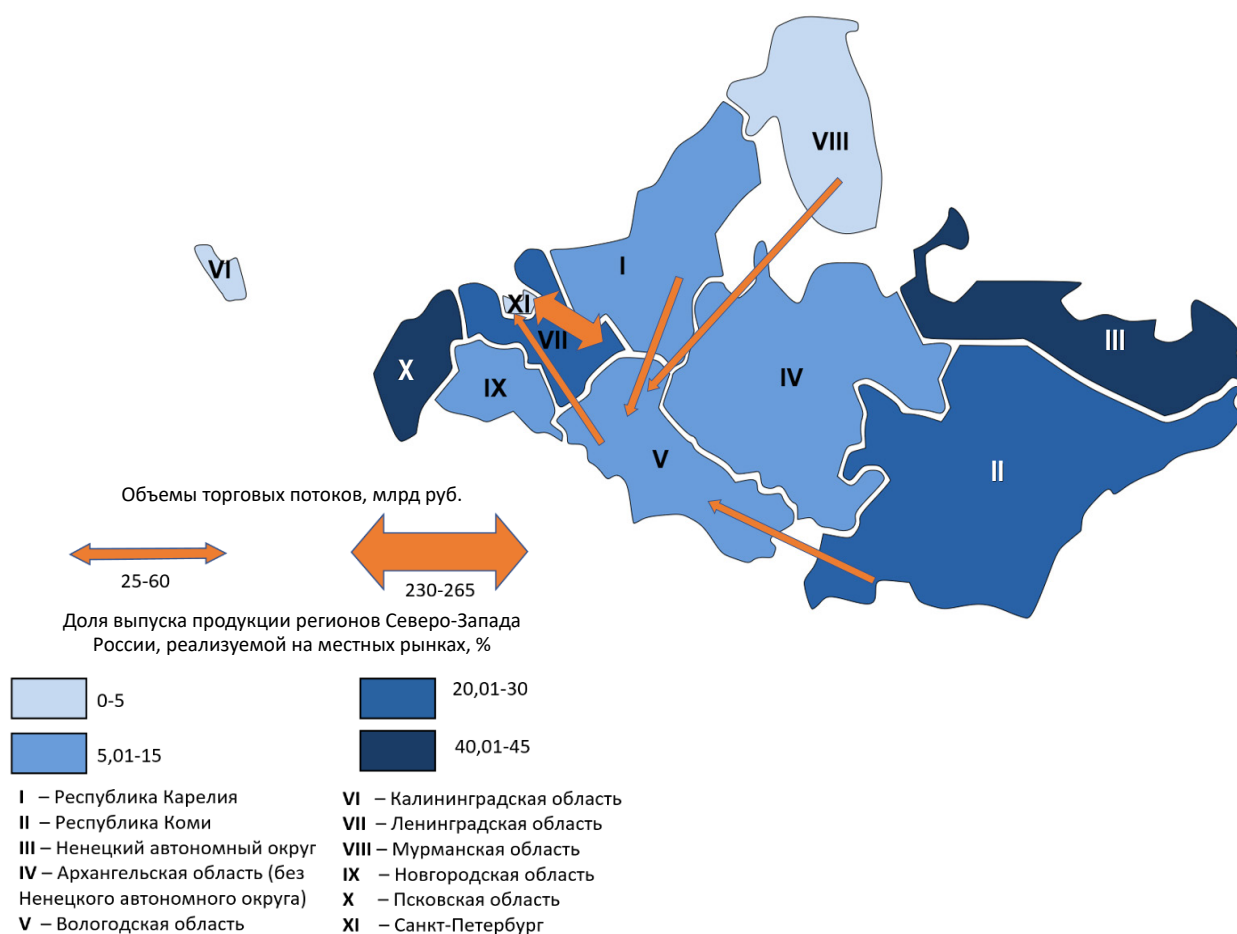
Анализ взаимной торговли регионов Северо-Запада России подтверждает предположение о неоднородности его экономической системы, его дифференцированности в плане участия субъектов макрорегиона в межрегиональной торговле. При этом существующие экономические связи малочисленных экономически состоятельных и некоторых узкоспециализированных регионов нуждаются в дополнении в рамках комплексного освоения российского пространства (Михеева, 2018).

Таблица 6. Матрица торговых потоков на макрорегиональном рынке Северо-Запада России, млрд руб.

Регион	РКар	РКом	НАО	АО без НАО	ВО	Калино	ЛенО	МурмО	НовгО	ПскО	СПб	Северо-Запад России
РКар		1,9	–	0,3	1,4	0,0	2,4	6,4	0,2	0,1	3,0	15,6
РКом	0,3		0,4	0,5	0,5	0,0	0,4	0,0	0,0	0,0	2,8	5,0
НАО	–	0,0		0,0	0,0	0,0	0,0	–	0,0	0,0	0,0	0,1
АО без НАО	0,4	5,0	–		2,5	0,0	0,8	0,2	0,3	0,0	7,6	16,8
ВО	56,3	47,6	–	0,4		0,1	1,9	49,6	0,7	0,0	4,4	160,9
Калино	0,0	0,3	–	0,1	0,2		4,7	0,7	0,7	0,4	2,8	9,9
ЛенО	5,6	6,5	–	6,7	8,1	0,6		0,1	5,1	0,9	20,8	54,4
МурмО	1,0	2,0	0,9	1,3	0,5	0,5	5,6		0,9	0,1	2,1	14,6
НовгО	0,2	0,6	–	0,6	0,4	0,2	12,7	0,4		0,8	3,2	19,2
ПскО	0,1	0,5	–	0,0	0,1	0,0	9,9	0,0	1,7		1,4	13,7
СПб	2,0	11,3	–	4,2	24,6	9,4	193,6	0,6	6,0	11,9		263,6
Северо-Запад России	65,9	75,7	1,3	14,1	38,3	10,9	232,0	57,9	15,6	14,1	48,0	573,8

Примечание: по строке – ввоз соответствующего субъекта РФ; по столбцу – вывоз соответствующего субъекта РФ.
 Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>; региональных топливно-энергетических балансов и отчетов крупнейших компаний.

Рис. 14. Распределение регионов Северо-Запада России по роли макрорегионального рынка



Источник: составлено на основе материалов Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>; региональных топливно-энергетических балансов и отчетов крупнейших компаний.

Заключение

Подытоживая проведенный анализ роли различных рынков для функционирования экономик регионов Северо-Запада России, с одной стороны, и роли региональных экономик в функционировании макрорегионального рынка, с другой стороны, можно отметить следующее.

1) Наиболее важное значение для функционирования региональных экономик имеют местный и национальный рынки, поставки и реализация продукции и услуг на национальном рынке оказывает существенное влияние на максимальное количество регионов. Высокий уровень территориальной специализации регионов Северо-Запада России на производстве промежуточной продукции дополняет потенциал развития внутристрановых ЦСС.

2) Макрорегиональный рынок занимает наименьшую долю в общем объеме поставок, что свидетельствует о слабой связанности регионов в его границах. Северо-Запад России лишь в незначительной мере использует потенциал внутренней кооперации, являясь в большей степени массивом разнонаправленно ориентированных рыночных зон, представленных полюсом в виде Санкт-Петербурга и рядом коротких ЦСС, зачастую экспортоориентированных.

3) Потенциал интеграции регионов Северо-Запада России усилен во многом совпадающими каналами экспорта. Наибольшая доля вывозимой продукции поглощается европейскими и азиатскими рынками. Вместе с тем поставки на внешние рынки не должны быть исключительными, поскольку доходы, получаемые за

счёт продажи первичного сырья и полуфабрикатов (ключевых товаров как Северо-Запада, так и России в целом), с помощью механизмов распределения сначала становятся доходами бизнеса и населения (государственные заказы, зарплата, пенсии, трансфертные выплаты и т. д.), после чего обмениваются на зарубежную продукцию, становясь доходами иностранного капитала. Неотъемлемым инструментом решения данной проблемы, по нашему мнению, является развитие макрорегиональных ЦСС как имеющей преимущество за счет сокращения транспортных расходов формы производственных связей.

4) Более значимая роль внешних относительно региона рынков сбыта отчасти определяется не только его специализацией на экспортных поставках, но и диверсифицированностью его экономической системы, примером чего может служить Ленинградская область, производство которой в наибольшей степени диверсифицировано по сравнению с другими регионами Северо-Запада России.

Таким образом, в ходе анализа выявлено, что в целом по Северо-Западу России местный и национальный рынки преобладают над зарубежными и макрорегиональным, межтерриториальное взаимодействие по-прежнему остаётся фрагментарным.

При этом федеральная государственная политика по развитию ЦСС в рамках макрореги-

онов во многом остается номинальной. В качестве примера отметим, что, согласно установленному плану мероприятий по реализации инвестиционных проектов, реализуемых в составе комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь»¹², к декабрю 2019 года должна была быть утверждена стратегия социально-экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона, однако на начало 2022 года она по-прежнему остается в разработке.

Новизна исследования, обуславливающая его вклад в развитие науки, заключается в выявлении современных закономерностей в функционировании российских ЦСС на основе количественной оценки рынков сбыта продукции регионов Северо-Запада страны. Материалы статьи могут быть полезны для лиц, принимающих управленческие решения, при обосновании экономической политики на региональном уровне. В дальнейших работах планируется развить исследование в направлениях разработки методического инструментария для управления трансформацией внутристрановых ЦСС и расчета социально-экономических эффектов от их развития. Важным видится учет отраслевой специализации регионов в существующих национальных ЦСС, а также выработка направлений государственной политики по их удлинению на основе форсайт-исследования производственных и сбытовых цепочек промышленно развитых стран.

Литература

- Белоусова А.В. (2012). Межрегиональные взаимодействия: влияние на экономику региона (Хабаровский край) // *Пространственная экономика*. № 4. С. 127–137. DOI: 10.14530/se.2012.4.127-137
- Кашбразиев Р.В. (2014). Влияние международной кооперации на национальную экономику // *Финансы: теория и практика*. № 2. С. 79–92.
- Котов А.В. (2021). Территория требует связной работы: роль межрегиональных взаимодействий в восстановлении экономики (к 100-летию работы И.Г. Александрова «Экономическое районирование России») // *Пространственная экономика*. Т. 17. № 1. С. 18–34. DOI: 10.14530/se.2021.1.018-034
- Кругман П., Обстфельд М. (2005). *Международная экономика*. СПб.: Питер. 832 с.
- Лёш А. (1959). *Географическое размещение хозяйства*. М.: Иностранная литература. 455 с.
- Лукин Е.В. (2013). Межрегиональные взаимодействия в системе экономического развития регионов: теоретические и практические подходы // *Вопросы территориального развития*. Вып. 5 (5). URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1333>
- Лукин Е.В. (2019). Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 571-р.

- Лукин Е.В. (2021). Черная металлургия Северо-Запада России: тенденции и проблемы развития // ЭКО. № 10. С. 110–131.
- Лукин Е.В., Аносова Т.С., Мельников А.Е., Сидоров М.А. (2020). Опыт агент-ориентированного моделирования межрегиональных цепочек создания стоимости // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 6. С. 101–116. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.6
- Мау В.А. (2021). Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. № 3. С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-3-5-30
- Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. (2020). Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. Т. 16. № 1. С. 66–99. DOI: 10.14530/se.2020.1.066-099
- Михеева Н.Н. (2018). Долгосрочные прогнозы регионального развития: анализ результатов и проблемы разработки // Проблемы прогнозирования. № 5 (170). С. 24–38.
- Науменко Е.Н. (2006). О межрегиональном товарообмене и конкурентоспособности Алтайского края // Ползуновский вестник. № 4-1. С. 296–302.
- Овчинникова Т.И., Булгакова И.Н., Марков А.В. (2016). Роль аутсорсинга в механизме экономической безопасности деятельности кластерных образований // Вестник ВГУИТ. № 4. С. 274–279. DOI: 10.20914/2310-1202-2016-4-274-279
- Пилипенко В.И. (2005). Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве. Теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. М.: Ойкумена. 494 с.
- Плещенко В. (2019). Перспективы и ограничения применения принципов совместной экономики на предприятиях черной металлургии в условиях цифровизации // Черная металлургия. Бюллетень научно-технической и экономической информации. Т. 75. № 6. С. 741–747.
- Портер М. (2016). Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина. 947 с.
- Ростанец В.Г., Топилин А.В. (2019). Пути формирования экономических механизмов и организационных структур управления развитием макрорегионов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. № 3. С. 3–14.
- Савельев Ю.В. (2010). Теоретические основы современной межрегиональной конкуренции // Журнал экономической теории. № 2. С. 86–98.
- Сафронова И.А. (2016). Производственно-сбытовые цепочки высокотехнологичной продукции как фактор формирования регионального всеобъемлющего экономического партнёрства // Вестник МГИМО-Университета. Т. 51. № 6. С. 125–135.
- Саяпова А.Р. (2018). Количественные параметры глобальных цепей стоимости в макроструктурном прогнозировании // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 31–61.
- Скопина И.В., Скопин А.О. (2007). Комплексное развитие региональной производственной кооперации и кластерных проектов // Региональная экономика и управление. № 1 (9). URL: <https://eee-region.ru/article/901>
- Сопилко Н.Ю. (2015). О противоречиях в развитии международных производственных связей // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 8. № 5. С. 58–67.
- Чайковский Н.Г. (2008). Межрегиональная торговля как фактор экономического развития региона // Вестник Оренбургского государственного университета. № 2 (81). С. 47–53.
- Шнипер Р.И., Новоселов А.С. (1993). Региональные проблемы рынковедения. Новосибирск: Наука. 433 с.
- Arita T., Fujita M., Kameyama Y. (2006). Effects of regional cooperation among small and medium-sized firms on their growth in Japanese industrial clusters. *Review of Urban & Regional Development Studies*, 18, 209–228. DOI: 10.1111/j.1467-940X.2006.00122.x (accessed: February 2021).
- Arndt S.W. (2008). Production networks and the open macroeconomy. *The Singapore Economic Review*, 53(03), 509–521. DOI: 10.1142/S0217590808003075 (accessed: February 2021).
- Beviá C., Corchón L.C. (2009). Cooperative production and efficiency. *Mathematical Social Sciences*, 57(2), 143–154. DOI: 10.1016/j.mathsocsci.2008.09.006 (accessed: February 2021).
- De P. (2014). Strengthening regional trade and production networks through transport connectivity in South and South-West Asia. *South and South-West Asia Development Papers*, 14(1), 35.
- Eriksson S. (2011). Globalisation and changes of aircraft manufacturing production/supply-chains – the case of China. *International Journal of Logistics Economics and Globalisation*, 3(1), 70–83.

- Fujita M., Krugman P., Venables A.J. (1999). The spatial economy: cities, regions and international trade. *The MIT Press*, 367.
- Gereffi G. (1994). The organization of buyer-driven global commodity chains: How US retailers shape overseas production networks. In: Gereffi G., Korzeniewicz M. (Eds.). *Commodity Chains and Global Capitalism*. Westport, CT: Praeger.
- Gereffi G., Fernandez-Stark K. (2011). Global value chain analysis: A primer. *Center of Globalization, Governance & Competitiveness*. Duke University, 40.
- Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. (2005). The governance of global value chains. *Review of International Political Economy*, 12(1), 78–104.
- Gibbon P. (2001). Upgrading primary production: A global commodity chain approach. *World Development*, 29(2), 345–363.
- Han W., Wang J. (2015). The impact of cooperation mechanism on the chaotic behaviours in nonlinear supply chains. *European Journal of Industrial Engineering*, 9(5), 595–612. DOI: 10.1504/EJIE.2015.071773 (accessed: February 2021).
- Joudeh S. (2018). Global value chain participation and prospects for local upgrading in the Egyptian-Chinese economic and trade cooperation zone. *Economic Research Forum*, 1278, 25.
- Kaplinsky R. (2013). *Global Value Chains: Where They Came From, Where They Are Going and Why This Is Important*. IKD Working Paper No. 68. Milton Keynes, UK: The Open University.
- Krugman P., Venables A. (1995). Globalization and the inequality of nations. *Quarterly Journal of Economics*, 110, 857–880.
- Krugman P., Wells R. (2006). *Economics*. Worth Publishers.
- Li J., Ku Y., Yu Y., Liu C., Zhou Y. (2020). Optimizing production of new energy vehicles with across-chain cooperation under China's dual credit policy. *Energy*, 194. DOI: 10.1016/j.energy.2019.116832 (accessed: February 2021).
- Liu Z., Yang D., Wen T. (2019). Agricultural production mode transformation and production efficiency: A labor division and cooperation lens. *China Agricultural Economic Review*, 11(1), 160–179. DOI: 10.1108/CAER-07-2017-0129 (accessed: February 2021).
- Minakir P.A. (2015). Spatial interdisciplinary synthesis: Experience of policy studies. *Regional Research of Russia*, 5(4), 299–309.
- Okten A., Sengezer B., Camlibel N., Evren Y. (1998). Spatial implications of the organization of production in the automotive industry in Turkey. *38th Congress of the European Regional Science Association: 28 August – 1 September*. Vienna. Available at: <http://www-sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa98/papers/430.pdf> (accessed: February 2021).
- Walker G. (1994). Asset choice and supplier performance in two organizations – US and Japanese. *Organization Science*, 5(4), 583–593. DOI: 10.1287/orsc.5.4.583 (accessed: February 2021).
- Xu X., He P., Xu H., Zhang Q. (2017). Supply chain coordination with green technology under cap-and-trade regulation. *International Journal of Production Economics*, 183(B), 433–442. DOI: 10.1016/j.ijpe.2016.08.029 (accessed: February 2021).
- Yeung H.W. (2009). Regional development and the competitive dynamics of global production networks: An East Asian perspective. *Regional Studies*, 43(3), 32–51.
- Zhang W., Wang M. (2015). Green supply chain management: A new market approach for climate governance. *Chinese Journal of Urban and Environmental Studies*, 03(04). DOI: 10.1142/S2345748115500335 (accessed: February 2021).
- Zhu V. (2020). *China's Dual Circulation Economy*. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/china-trends-7-EN.pdf> (accessed: February 2021).

Сведения об авторе

Максим Андреевич Сидоров – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ma.sidorov@mail.ru)

Sidorov M.A.

Sales Markets for the Goods of the Regions of the Northwest of Russia: Quantitative Assessment

Abstract. Promoting the spatial factor in the development of the national economy requires the implementation of state policy on the transformation of interregional value chains. This task is specific due to the vast spaces and the high degree of polarization of the country's economic sphere. The purpose of the study is to conduct a quantitative assessment of the sales markets of regions within the Northwest of Russia, taking into account the industry and territorial specifics of their production. The analysis reveals that, in general, in the Northwest of Russia, national and foreign markets prevail over local and macroregional, and interterritorial interaction remains largely fragmented. However, the presence of specialization industries in the regions, combined with relatively stable external demand, can contribute to the development of interregional value chains. It is noted that in Russia, the tasks of optimal zoning and development of value chains are of crucial importance, and it is reflected in the program documents. It is shown that the macroregion uses the potential of internal cooperation only to a small extent, being to a greater extent an array of multidirectionally oriented market zones with Saint Petersburg as its core and a number of value chains, often export-oriented. It is concluded that the nature of supplies to foreign markets is determined not only by the export specialization of the territory, but also by the diversification of the economic system. The findings of our research can be used to develop strategic documents for spatial development, programs for the development of economic sectors and industrial clusters. In the future, we will continue the work on searching for new growth points and the most promising areas of structural changes for the transition of regions and the country as a whole to sustainable socio-economic development.

Key words: macroregion, Northwest of Russia, value chains, interregional trade, economic integration.

Information about the Author

Maksim A. Sidorov – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ma.sidorov@mail.ru)

Статья поступила 09.03.2022.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.6

УДК 331.5, ББК 65.054

© Гуртов В.А., Аверьянов А.О., Корзун Д.Ж., Смирнов Н.В.

Система классификации технологий в сфере искусственного интеллекта для кадрового прогнозирования



Валерий Алексеевич

ГУРТОВ

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: vgurt@petsu.ru

ORCID: 0000-0002-2442-7389; ResearcherID: D-5286-2015



Александр Олегович

АВЕРЬЯНОВ

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: aver@petsu.ru

ORCID: 0000-0003-2884-8110; ResearcherID: AGK-3166-2022



Дмитрий Жоржевич

КОРЗУН

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: dkorzun@cs.karelia.ru

ORCID: 0000-0003-1723-5247; ResearcherID: C-6631-2013



Николай Васильевич

СМИРНОВ

Петрозаводский государственный университет

Петрозаводск, Российская Федерация

e-mail: smirnovn@petsu.ru

ORCID: 0000-0003-3208-2402

Для цитирования: Гуртов В.А., Аверьянов А.О., Корзун Д.Ж., Смирнов Н.В. (2022). Система классификации технологий в сфере искусственного интеллекта для кадрового прогнозирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 113–133. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.6

For citation: Gurtov V.A., Averyanov A.O., Korzun D.Zh., Smirnov N.V. (2022). A system for classification of technologies in the field of artificial intelligence for personnel forecasting. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 113–133. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.6

Аннотация. Развитие российской экономики, в том числе за счет масштабного внедрения цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта, требует соответствующих ресурсов. Одним из них являются квалифицированные кадры. Потребность в подготовленных специалистах ставит перед государственными институтами важные вопросы – кого и сколько необходимо подготовить, что, в свою очередь, требует детализации кадровой потребности. В статье представлены результаты разработки системы классификации технологий искусственного интеллекта для решения задач кадрового прогнозирования. Теоретическая значимость результатов исследования заключается в создании системы классификации, которая структурирует существующие знания о технологиях в сфере искусственного интеллекта и обладает потенциалом для получения новых знаний. Новизна подхода к построению классификации технологий искусственного интеллекта состоит в использовании трехкомпонентной структуры технологий «методы – инструменты – области применения», а также профилировании классификации под задачи прогнозирования потребности экономики в кадрах с компетенциями в сфере искусственного интеллекта. В основу классификации легли результаты анализа научных публикаций по тематике искусственного интеллекта (журналы первого квартиля Q1 и конференции уровня A/A*). Для их исследования применялся метод Systematic Literature Review. Также были проанализированы все тематические публикации, индексируемые в Scopus. Практическая значимость результатов раскрывается применительно к задачам кадрового прогнозирования в сфере искусственного интеллекта. Разработанная классификация позволяет структурировать кадровую потребность на разных уровнях детализации технологий искусственного интеллекта. Другим направлением развития предложенной классификации является сопоставление компетенций (знания, умения и практический опыт) по востребованным группам профессий с компонентами областей технологий искусственного интеллекта (методы, инструменты, области применения) для разработки образовательных программ в соответствующей сфере. Предложенная классификация имеет потенциал для развития: одним из путей является экспертная оценка приоритетных направлений развития искусственного интеллекта. В тексте статьи кратко представлены результаты такого приложения классификации.

Ключевые слова: цифровая экономика, кадровая потребность, прогнозирование, искусственный интеллект, технологии, классификация, фронтиры.

Введение

Последние несколько лет дали старт ускоренному внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ) во всех областях экономики России: приняты важнейшие стратегические документы¹, декларирующие цели, основные направления и задачи², а также механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в сфере развития искусственного

интеллекта³. Реализуются масштабные проекты по подготовке кадров с компетенциями в сфере ИИ: федеральный проект «Кадры для цифровой экономики»⁴, создание Центров компетенций НТИ⁵, крупнейшие российские компании сформировали альянс по развитию искусственного

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждена указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения 01.03.2022).

² Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту Пр-2242 от 31 декабря 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64859> (дата обращения 01.03.2022).

³ Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: https://ac.gov.ru/uploads/_Projects/AI_otbor/Passport.pdf (дата обращения 01.03.2022).

⁴ Кадры для цифровой экономики: интернет-портал. URL: <https://digitalskills.center/> (дата обращения 01.03.2022).

⁵ Центры компетенций НТИ // Национальная технологическая инициатива: интернет-портал. URL: <https://nti2035.ru/technology/competence> (дата обращения 01.03.2022).

интеллекта⁶. В 2021 году создано шесть исследовательских центров ИИ на базе НИУ ВШЭ, Сколтех, Университета Иннополис, ИСП РАН им. В.П. Иванникова, Университета ИТМО, МФТИ⁷. В мае 2022 года создана Национальная комиссия по этике в сфере ИИ⁸.

Для управления процессом ускоренного технологического развития РФ в сфере ИИ, в соответствии с указом Президента России «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁹, государственным институтам необходимо обладать текущими и прогнозными показателями кадровой потребности на среднесрочную и долгосрочную перспективу, в том числе знать текущую численность кадров, занятых в экономике и обладающих компетенциями в сфере ИИ, а также требуемые объемы подготовки выпускников. Расчет таких показателей определяет практическую проблему, решение которой необходимо для перехода России к цифровой экономике.

В то же время существует открытая научная проблема, заключающаяся в отсутствии четкой структуры технологий ИИ, которая бы регламентировала связи технологий с профессиями в экономике и образовательными направлениями подготовки / специальностями. При детализации прогнозных показателей необходимо иметь структурную модель технологий в сфере ИИ для выделения фронтиров (перспективных субтехнологий), а также методов и инструментов для формирования компетенций при подготовке специалистов. Существующие системы классификации технологий ИИ, в том числе

международные, недостаточны для выделения фронтиров развития на основе оценки потенциала этого развития.

Выявленной проблеме сопутствуют и другие противоречия. Так, при разработке федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) для новых образовательных специальностей ИИ из общероссийского классификатора специальностей (ОКСО) – 2022 необходимо указать соответствующие области технологий, а для основной профессиональной образовательной программы высшего образования (ОПОП ВО) – связь компетенций выпускника с областями технологий. При разработке профессиональных стандартов по профессиям искусственного интеллекта необходимо указать области технологий, для которых эти профстандарты создаются.

Поставленная практическая проблема по расчету показателей кадровой потребности в сфере ИИ обуславливает необходимость решения научной проблемы по разработке новой системы классификации технологий ИИ. Цель научного исследования, представленного в данной статье, состоит в формировании научно-обоснованного подхода к разработке системы классификации технологий ИИ, обеспечивающей решение задач кадрового прогнозирования в условиях перехода к цифровой экономике. Объектом исследования является сфера искусственного интеллекта, предметом исследования – структурные компоненты технологий искусственного интеллекта. Для достижения поставленной цели предлагается решить следующие задачи.

1. Выполнить анализ существующих подходов к классификации технологий ИИ для определения проблемных зон, не позволяющих использовать существующие системы классификации для задач прогнозирования кадровой потребности.

2. Разработать общую структурную модель технологий ИИ, обеспечивающую устранение проблемных зон на основе дифференциации технологий ИИ по составу входящих в каждую технологию перспективных методов, инструментов и областей применения.

3. Построить частную систему классификации технологий ИИ на основе структурной модели с расчетом количественных показателей, оценивающих текущий потенциал фронти-

⁶ Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/387055-v-rossii-sozdali-alyans-po-razvitiyu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения 01.03.2022).

⁷ Исследовательские центры продемонстрировали пилотные ИИ-решения // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://economy.gov.ru/material/news/issledovatelskie_centry_prodemonstrirovali_pilotnye_iiresheniya.html (дата обращения 01.03.2022).

⁸ В России создана Комиссия по этике в сфере искусственного интеллекта // Независимая газета. URL: <https://www.ng.ru/news/740197.html> (дата обращения 01.03.2022).

⁹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждена указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения 01.03.2022).

ров развития (наиболее перспективных субтехнологий) на основе данных по международной публикационной активности в сфере ИИ за 2016–2021 гг.

4. Применить систему классификации технологий ИИ для решения задач кадрового прогнозирования и определения фронтиров развития РФ в сфере ИИ в перспективе до 2025 года.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в создании системы классификации, которая структурирует существующие знания о технологиях в сфере ИИ и обладает потенциалом для получения новых знаний. Практическая значимость результатов раскрывается применительно к задачам кадрового прогнозирования в сфере ИИ.

Информационной базой исследования являются федеральные документы стратегического планирования в сфере искусственного интеллекта, международные библиографические базы данных WoS и Scopus, научные публикации. Конкретные наименования и ссылки приводятся по мере их упоминания в тексте статьи.

Анализ существующих подходов к классификации технологий в сфере искусственного интеллекта

Существует множество научных работ в сфере искусственного интеллекта, и их число с каждым годом растет. Однако необходимо отметить, что большинство как российских, так и зарубежных исследований связаны именно с технологиями искусственного интеллекта, их разработкой, внедрением и улучшением. Есть работы по отдельным направлениям ИИ, например, можно отметить ряд трудов российских исследователей в сфере ИИ – компьютерное зрение (Khokhlova et al., 2019; Vokovoy et al., 2020), биометрическое распознавание (Vartanov et al., 2020), предиктивная аналитика (Buevich et al., 2021) и др.

Отдельный блок формируют работы, раскрывающие сущность понятия «искусственный интеллект» и его этические составляющие (Разин, 2019; Любимов, 2020). В ряде исследований затрагиваются взаимосвязи когнитивных функций человека и технологий искусственного интеллекта (Gust, Kühnberger, 2006; Lu, Li, 2019; Jin, 2020).

Сфера искусственного интеллекта рассматривается и через призму экономических исследований. Тематика цифровой трансформа-

ции и искусственного интеллекта поднимается О.А. Романовой и А.О. Пономаревой (Романова, Пономарева, 2020), роль искусственного интеллекта в экономике представлена в цикле статей В.Н. Лексина (Лексин, 2020). Также есть работы, посвященные кадровому обеспечению цифровой трансформации (Колин, 2019; Кузнецов и др., 2020).

Существуют отдельные аналитические материалы, которые затрагивают более широкий спектр проблем этой сферы. В международном сообществе авторитетным является цикл аналитических отчетов «AI Index Report» (2017–2022 гг.), издаваемый Стэнфордским университетом¹⁰. Отчеты содержат анализ исследований и разработок, состояния рынка труда и системы образования в сфере ИИ, а также стратегии развития ИИ в отдельных странах. В России аналогичные по тематике отчеты публикуются Центром Национальной технологической инициативы на базе МФТИ – «Альманах ИИ»¹¹. Масштабные исследования состояния сферы ИИ проводятся международными консалтинговыми компаниями «IDC»¹² и «Gartner»¹³. Ряд стран выпускает «Белые книги» по проблемам технологий ИИ, одна из них была опубликована в России¹⁴.

Однако почти не разрабатываются подходы для классификации технологий ИИ, в том числе не затрагивается проблематика кадрового обеспечения в рамках реализации планов по развитию сферы ИИ.

Среди существующих наработок можно выделить схему технологий ИИ, используемую в Центре Национальной технологической ини-

¹⁰ THE AI INDEX REPORT. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения 22.03.2022).

¹¹ Искусственный интеллект: альманах. URL: <https://aireport.ru/> (дата обращения 22.03.2022).

¹² Исследование международной консалтинговой компании International Data Corporation «Worldwide Artificial Intelligence Spending Guide». URL: https://www.idc.com/tracker/showproductinfo.jsp?containerId=IDC_P33198 (дата обращения 22.03.2022).

¹³ Исследование международной консалтинговой компании Gartner «Hype Cycle for Artificial Intelligence», 2021. URL: <https://www.gartner.com/doc/reprints?id=1-27ILFEVT&ct=210923&st=sb#cppdip.747735> (дата обращения 22.03.2022).

¹⁴ Белая книга: Развитие отдельных высокотехнологических направлений, 2020. 188 с. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aaee99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (дата обращения 16.03.2022).

циативы на базе МФТИ — в «Альманахе ИИ»¹⁵. Разработана базовая модель профессий и компетенций «Альянса ИИ»¹⁶. Карты ИИ разработаны компанией «АйПи Лаборатория»¹⁷ и изданием о технологиях и бизнесе «RB.RU»¹⁸. В то же время предложенные подходы к классификации позволяют сформировать лишь общую картину состояния технологий ИИ, неприменимую напрямую к задачам прогнозирования кадров.

В рамках классификации технологий ИИ, представленной авторами «Альманаха ИИ»¹⁹, выстроена цепочка технологий ИИ вида «когнитивная функция — актуальные прикладные направления разработок». В классификации отсутствуют возможности выстраивания связи технологий с профессиями в экономике и с образовательными направлениями подготовки специалистов.

Наиболее близкой для задач прогнозирования кадров выступает базовая модель профессий и компетенций «Альянса ИИ». В ней выделены шесть профессиональных ролей и необходимый уровень владения каждой из 36 ключевых компетенций. Данная модель описывает необходимые компетенции для профессий: иллюстрирует, что должны уметь выпускники вузов в области разработки и применения технологий ИИ. В то же время модель не достаточна для планирования объемов подготовки и прогнозирования кадровой потребности экономики, т. к. технологии в ней представлены с точки зрения инструментов. Нет привязки к

другим составным элементам любой технологии — к методам и областям применения.

Базовая модель профессий и компетенций «Альянса ИИ» также определяет шесть основных групп профессий, необходимых для разработки технологий ИИ. Однако готовить нужно не только разработчиков продукта ИИ, но и тех, кто использует отдельные технологии или инструменты ИИ в своей профессиональной деятельности.

Классификация технологий ИИ, используемая в «Карте искусственного интеллекта России», как отмечают сами авторы, состоит из двух параллельных классификаторов — по функциям (зрение, речь и т. д.) и по областям применения (финансы, промышленность и т. д.)²⁰, и пока не сведена в единую систему. Представлено качественное описание состояния технологий, но возможностей модели недостаточно для получения количественных показателей развития технологий.

В «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»²¹ технологии ИИ определены как «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта». Несомненно, развитие любой технологии существенно зависит от составляющих эту технологию перспективных методов. В то же время прогнозирование кадров требует понимания перспективности и потенциала развития связанных с технологией инструментов и областей применения.

Резюмируя, можно сделать вывод, что представленные системы классификации технологий искусственного интеллекта достаточно проработанные и решают отдельные отраслевые задачи, однако они не подходят для задач кадрового прогнозирования. Так, например, классификации не обладают способами коли-

¹⁵ Искусственный интеллект. Текущее состояние в России и мире. Стратегия России (2019): альманах / Центр Национальной технологической инициативы на базе МФТИ по направлению «Искусственный интеллект». № 1. М. URL: <https://aireport.ru/review> (дата обращения 03.03.2022).

¹⁶ Базовая модель профессий и компетенций // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://a-ai.ru/education/#methodology-profession-model> (дата обращения 03.03.2022).

¹⁷ Карта искусственного интеллекта России «airussia». URL: <http://airussia.online/> (дата обращения 22.03.2022).

¹⁸ Карта искусственного интеллекта издания «RB.RU». URL: <https://rb.ru/ai/> (дата обращения 22.03.2022).

¹⁹ Искусственный интеллект. Текущее состояние в России и мире. Стратегия России (2019): альманах / Центр Национальной технологической инициативы на базе МФТИ по направлению «Искусственный интеллект». № 1. М. URL: <https://aireport.ru/review> (дата обращения 03.03.2022).

²⁰ URL: <http://airussia.online/#opis> (дата обращения 22.03.2022).

²¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждена указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения 01.03.2022).

чественной оценки существенных признаков технологии, которые позволили бы относить к той или иной технологии профессии или виды экономической деятельности.

Структурная модель технологий искусственного интеллекта

В целях разработки системы классификации, требуемой в задачах прогнозирования кадров в сфере ИИ, предлагается структурная модель, основанная на следующих свойствах.

1. Иерархия технологий ИИ от общего (когнитивная функция) к частному (специализированные технологии), аналогично цепочкам вида «когнитивная функция – актуальные прикладные направления разработок» из «Альманаха ИИ».

2. Качественный состав каждой технологии определяется входящими в нее методами, инструментами и областями применения.

3. Количественная оценка существенных признаков каждой технологии соответствует потенциалу развития технологии и определяется перспективностью используемых методов, инструментов и областей применения.

Иерархия технологий искусственного интеллекта

В настоящее время термин «искусственный интеллект» имеет множество определений. Так, в «Дорожной карте развития ИИ» искусственный интеллект определяется как «*комплекс технологических решений, имитирующий когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и позволяющий при выполнении задач достигать результаты, как минимум сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, в котором в том числе используются методы машинного обучения, процессы и сервисы по обработке данных и выработке решений*»²². Хусейн Аббас, редактор журнала «IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence», определяет ИИ как «*социальные и когнитивные явления,*

которые позволяют машине социально интегрироваться в общество для выполнения конкурентных задач, требующих когнитивных процессов, и общаться с другими субъектами общества путем обмена сообщениями с высоким содержанием информации и более короткими представлениями» (Abbass, 2021).

Из этого следует, что технологии ИИ позволяют делегировать машине задачи, которые ранее выполнял человек. Отличительное свойство таких задач – наличие когнитивных функций, а отдельные технологии искусственного интеллекта в представленных дефинициях определяются информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ). Таким образом, каждая технология ИИ обладает следующими характеристиками:

- 1) обеспечение реализации когнитивных функций человека;
- 2) реализация этих функций выполняется на основе использования ИКТ.

Следовательно, на верхнем уровне иерархии должна быть классификация по признакам, связанным с когнитивными функциями, а на следующих уровнях выполняется классификация по ИКТ-ориентированному способу реализации. Выделим три уровня в иерархии технологий ИИ.

1. Первый уровень: замещаемая когнитивная функция.
2. Второй уровень: области технологий ИИ.
3. Третий уровень: частные технологии (субтехнологии) ИИ.

Выделяют три вида реализации когнитивных функций человека (Баксанский, 2005):

- 1) распознавание как восприятие информации;
- 2) осмысление как обработка и анализ информации, запоминание и хранение, обмен информацией;
- 3) действие как построение и осуществление программы действий.

Они представляют собой вложенную структуру, где каждый следующий вид включает в себя функции предыдущего.

Применительно к сфере ИИ представленные виды реализации когнитивных функций обуславливают степень делегирования ИИ (замещения) тех функций, которые ранее выполнял человек. Определяется, от выпол-

²² Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Утверждена 10 октября 2019 г. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6658> (дата обращения 01.03.2022).

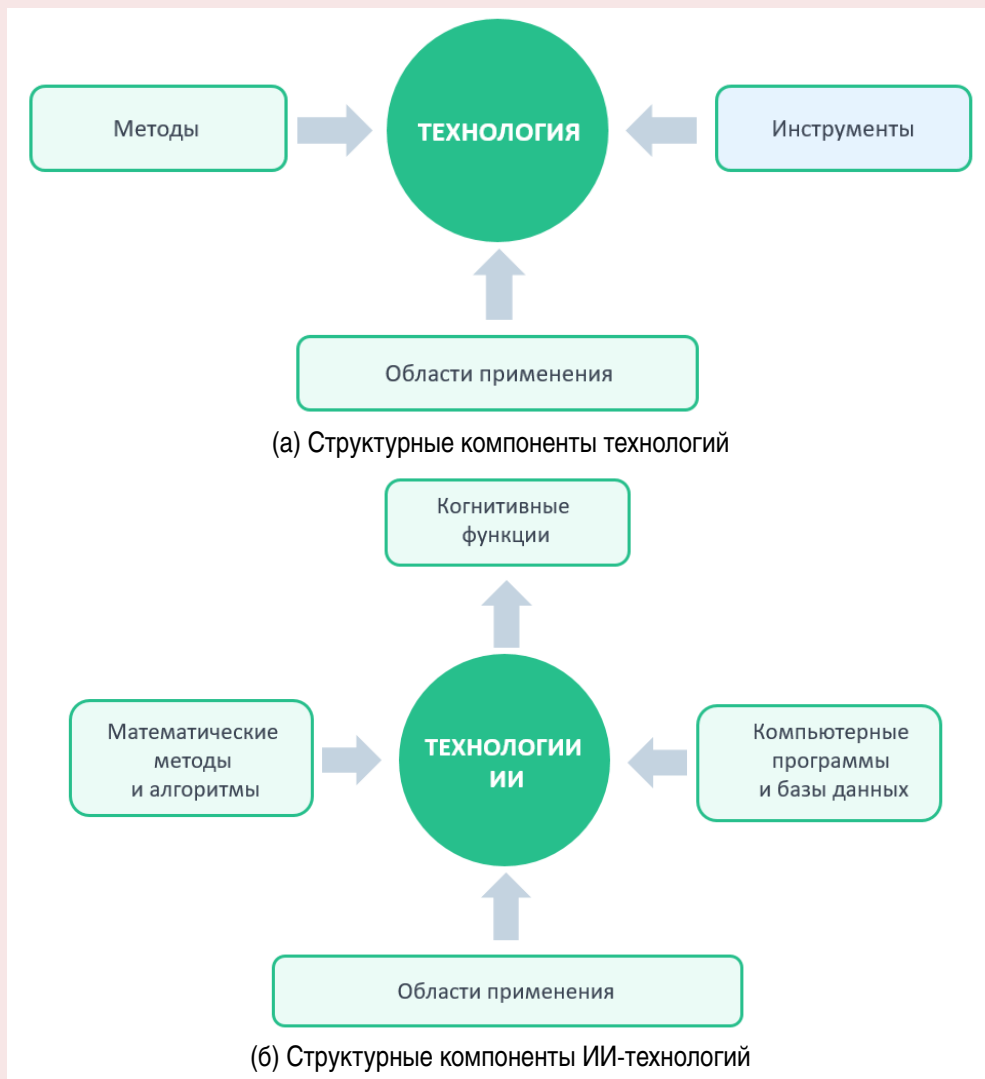
нения каких функций (компетенций) может быть освобожден человек за счет использования отдельных технологий ИИ. В общем случае компетенция – это способность специалиста решать класс профессиональных задач (знания, опыт, навыки). Следовательно, компетенции входят и в методы, и в инструменты, и в области применения (Мигуренко, 2016; Калиновская, 2021), что определяется на втором и третьем уровнях предлагаемой иерархии технологий ИИ.

Качественная структура технологий искусственного интеллекта

В общем случае технология содержит три компонента (Ушаков, 2017): методы (научные

знания, обеспечивающие решение задачи); инструменты (средства для применения метода при решении задачи); области применения (источник практических задач). Общая компонентная структура технологии представлена на *рис. 1(а)*. Применительно к технологиям ИИ эти три компонента, определяющие состав ее методов, инструментов и областей применения, будут следующими: методы – это математические методы и алгоритмы; инструменты – компьютерные программы и базы данных / базы знаний; области применения ИИ – отрасли экономики. Компонентная структура технологий искусственного интеллекта отражена на *рис. 1(б)*.

Рис 1. Структура компонентов технологии и компонентов ИИ-технологии



Источник: составлено авторами.

Области технологий ИИ (второй уровень иерархии) обеспечивают наборы методов и алгоритмов, инструментов и областей применения для сферы ИИ. Для каждого вида реализации когнитивных функций экспертно были определены наборы технологий ИИ (названия, в т. ч. синонимичные), попадающие в этот вид. Для компоненты «Математические методы и алгоритмы» выделено 10 наименований; для компоненты «Компьютерные программы и базы данных» – 18 наименований; для «Областей применения» – 21 наименование. Они представлены в виде справочников, которые имеют двухуровневую структуру ключевых слов.

1. Название объекта из набора (на русском и английском языках), включая эквивалентные названия.

2. Ключевые слова для каждого объекта из набора (на русском и английском языках), детализирующие элементы специализации соответствующего объекта.

В итоге разработано 4 справочника наименований: а) области технологий ИИ; б) математические методы и алгоритмы; в) компьютерные программы и базы данных / базы знаний; г) области применения ИИ. Справочники являются вспомогательными внутренними материалами, они предназначены для количественной оценки существенных признаков субтехнологий ИИ (третий уровень иерархии); были сформированы на основе экспертного анализа основополагающих документов в сфере ИИ, а также научных публикаций в ведущих изданиях.

Оценка признаков технологий ИИ на основе научных публикаций

Для задач прогнозирования кадров основным признаком технологии ИИ является ее потенциал развития, поэтому требуется оценить перспективность областей технологий ИИ на основе перспективности входящих в область субтехнологий ИИ. Перспективность субтехнологии определяется перспективностью используемых методов, инструментов и областей применения. Необходимо выявить, какие конкретно методы, инструменты и области применения определяют субтехнологии.

Для этого выбран метод Systematic Literature Review (Snyder, 2019), базирующийся на основе анализа научных публикаций по тематике ИИ, в нашем случае в журналах, индексируемых в международных базах данных (МБД) Scopus

и Web of Science, а также в изданиях, индексируемых в системе российского научного цитирования РИНЦ. В рамках этого метода для выделения приоритетных направлений развития (фронтиров) искусственного интеллекта использовался перечень журналов, содержащий только ведущие издания (журналы первого квартиля Q1 и конференции уровня А/А*) в сфере ИИ. Перечень таких изданий утвержден Минэкономразвития России в рамках конкурса центров ИИ в 2021 году²³.

Методика анализа публикационной активности состоит в следующем. Эксперты в области ИИ выбирали за каждый год в период 2016–2021 гг. все статьи в журналах Q1 и первые 100 статей из трудов конференций в сфере ИИ А/А*. Выполняя анализ текста в названии, аннотации и ключевых словах публикации, эксперты формировали перечень частных технологий ИИ (субтехнологий ИИ) – первый уровень справочника по технологиям. Затем формировался список ключевых слов второго уровня справочника по технологиям. Аналогично формировались наборы использующихся методов и инструментов, а также ключевые слова для справочников по методам и инструментам. Первый уровень (названия) в справочнике по областям применения создан на основе общероссийского классификатора видов экономической деятельности²⁴. Таким образом, справочники представляют собой перечни ключевых слов для каждой из компонент областей технологий.

Для получения количественных характеристик степени использования различных компонент (методов, инструментов, областей применения) и их отдельных субкомпонент применялся следующий алгоритм на основе запросов к МБД Scopus / WoS:

1) находится K_c количество публикаций, в которых используются какие-либо слова из множества ключевых слов конкретных компонент;

²³ Документация отбора получателей поддержки исследовательских центров в сфере искусственного интеллекта, в том числе в области «сильного» искусственного интеллекта, систем доверенного искусственного интеллекта и этических аспектов применения искусственного интеллекта. URL: https://ac.gov.ru/uploads/_Projects/AI_otbor/DocumentsWord.docx (дата обращения 01.02.2022).

²⁴ ОКВЭД 2. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014. URL: <https://classinform.ru/okved2.html> (дата обращения 01.02.2022).

2) находится K_{sc} количество публикаций, в которых используются ключевые слова конкретных субкомпонент;

3) находится доля публикаций субкомпонент в публикациях компонент K_p :

$$K_p = K_{sc} / K_c.$$

Данный алгоритм носит общий характер, не требует экспертного анализа. Конкретный вариант реализации алгоритма будет представлен в статье далее на основе МБД Scopus за период 2016–2022 гг.

Система классификации технологий искусственного интеллекта

С помощью методики экспертного анализа научных публикаций проведено выборочное исследование ведущих изданий (журналы первого квартиля Q1 и конференции уровня А/А*) в сфере ИИ за 2016–2021 гг. (2426 публикаций). По результатам анализа экспертами названий и ключевых слов сформировано 96 частных технологий (субтехнологий) ИИ, составляющих третий (нижний) уровень классификации. Для каждой субтехнологии выполнена оценка алгоритмом ее встречаемости (число публикаций) по запросам к МБД Scopus (69571 публикация). При этом экспертами также выполнена работа по формулировке названий субтехнологий с учетом других источников, в частности Стратегии развития ИИ²⁵.

Далее эксперты выполнили группировку субтехнологий ИИ для формирования второго уровня классификации – укрупнение до областей технологий ИИ. Каждая такая область представляет собой определенное магистральное направление развития ИИ. Оценка перспективности области технологий вычисляется как сумма оценок, входящих в область субтехнологий. Такое группирование субтехнологий экспертами основано на российских и зарубежных отраслевых источниках и документах. В результате с сохранением устоявшейся терминологии сформированы 15 наименований областей технологий ИИ.

Для формирования первого уровня классификации эти пятнадцать областей структурированы по трем базовым когнитивным функциям. Четыре области технологий отнесены к распознаванию (восприятию), шесть областей – к осмыслению, пять областей – к действию.

В *таблице 1* показано наличие пятнадцати областей технологий ИИ в основополагающих российских документах в сфере ИИ. Отметим, что представленные области технологий не покрывают всю сферу ИИ. Они определяют перспективные области развития, где перспективность оценивается на основе упоминаний в ведущих научных изданиях в сфере ИИ.

Как уже отмечалось, количественным показателем, характеризующим значимость области технологий (перспективность с точки зрения развития), является число публикаций по тематике технологий ИИ в журналах Q1 и трудах конференций А/А* в сфере ИИ за 2016–2022 гг. В целом исследовано 2426 публикаций (экспертный анализ) и 69571 публикация (автоматический анализ встречаемости). На основе их анализа сформировано 96 частных технологий (субтехнологий) ИИ и 15 областей технологий ИИ. Для иллюстрации взаимосвязи трех уровней «когнитивная функция – область технологии – субтехнологии» в *таблице 2* представлен пример области технологий ИИ «Машинный перевод, диалог на естественном языке».

На *рисунке 2* дано распределение доли публикаций по когнитивным функциям и областям технологий ИИ. Обнаружено, что доля выявленных публикаций по каждой из когнитивных функций значительно отличается, уменьшаясь по мере возрастания сложности реализации когнитивной функции.

Около половины исследованных публикаций приходится на базовую когнитивную функцию «Распознавание», отвечающую за восприятие информации. К этой функции относятся технологии биометрического распознавания, компьютерного зрения, анализа и синтеза речи. Следующий уровень возрастания сложности – «Осмысление», включающий обработку, анализ, хранение и обмен полученной информации. На технологическом уровне сюда относятся области технологий онтология знаний, машинное обучение, предиктивная аналитика и др. Доля публикаций по этой функции составляет 40%. Максимальный уровень слож-

²⁵ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждена указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения 01.03.2022).

Таблица 1. Пересечение областей технологий искусственного интеллекта с ключевыми документами и источниками в сфере ИИ

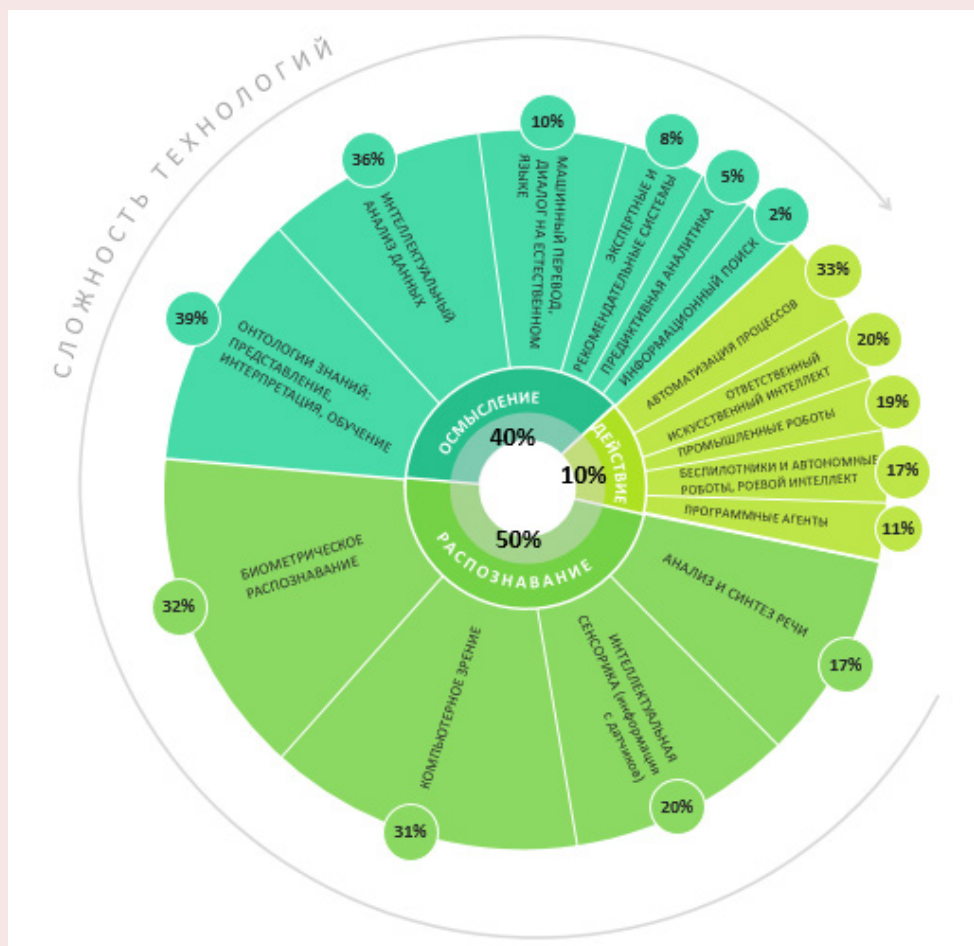
Области технологий искусственного интеллекта	Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года	Приказ Министерства экономического развития РФ от 14 июля 2021 г. «Документация отбора получателей поддержки исследовательских центров в сфере искусственного интеллекта, в том числе в области «сильного» искусственного интеллекта, систем доверенного искусственного интеллекта и этических аспектов применения искусственного интеллекта»	Приказ Министерства экономического развития РФ от 29 июня 2021 г. № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта»	Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехника и сенсорика»	Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект»	Аналитический сборник «Альманах искусственный интеллект, № 1. Обзор рынка ИИ России и мира» (МФТИ)	Аналитический сборник «Альманах искусственный интеллект, № 8. Индекс 2020 года» (МФТИ)	Отчет исследовательской и консалтинговой компании Gartner «Hype Cycle for Artificial Intelligence» (July 2021)
Компьютерное зрение	Да	Да	Да		Да	Да	Да	Да
Биометрическое распознавание		Да				Да		
Интеллектуальная сенсорика (информация с датчиков)		Да		Да		Да	Да	
Анализ и синтез речи	Да	Да	Да		Да	Да	Да	
Информационный поиск						Да		Да
Машинный перевод, диалог на естественном языке	Да	Да	Да		Да	Да		Да
Экспертные и рекомендательные системы	Да	Да	Да		Да	Да	Да	Да
Онтологии знаний: представление, интерпретация, обучение	Да		Да		Да	Да		Да
Предиктивная аналитика		Да				Да		
Интеллектуальный анализ данных		Да	Да			Да		Да
Автоматизация процессов	Да		Да				Да	Да
Программные агенты						Да		Да
Промышленные роботы		Да				Да		
Беспилотники и автономные роботы, роевой интеллект		Да		Да		Да	Да	Да
Ответственный искусственный интеллект (Этика и философия, Правовые нормы, Безопасность)		Да						Да

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Схема «когнитивная функция – область технологий – субтехнологии»

Когнитивная функция: осмысление (обработка и анализ информации; запоминание и хранение; обмен информацией)	
Области технологий ИИ	Субтехнологии (частные технологии)
Машинный перевод, диалог на естественном языке – Machine translation, natural language dialogue	<ol style="list-style-type: none"> 1. Многоязыковые системы автоматического машинного перевода 2. Машинное представление текстов (нейросимвольная модель, тематическое моделирование, языко-нейтральные модели, мультязыковые модели) 3. Диалоговые системы с персонализированной генерацией ответов на естественном языке 4. Генерация программного кода 5. Генерация изображений по тексту 6. Аннотирование (реферирование, суммаризация) текстов 7. Текст-майнинг для классификации текстов (атрибуция, распознавание спама, анализ тональности (сентимент-анализ), авторство, соответствие стилю, проверка на ошибки и др.) 8. Предметно-ориентированные виртуальные ассистенты, реализующие разговорный ИИ 9. Перефразирование текста 10. Аугментация (синтез) текстов (Text Augmentation) для решения задач машинного обучения
Источник: результаты проведенного исследования.	

Рис. 2. Распределение числа публикаций по когнитивным функциям и областям технологий ИИ



Доля публикаций рассчитана по отношению к общему числу публикаций, для субтехнологий – по отношению к числу публикаций по когнитивной функции.

Источник: составлено авторами.

ности – «Действие», эта функция базируется на «распознавании» и «осмыслении» информации. Области технологий, которые относятся к этой функции, составляют всего 10% от выявленных публикаций.

Отметим, что наиболее «продвинутыми» (с позиции создания продукта) областями технологий ИИ согласно модели «Хайп-цикла технологий искусственного интеллекта за 2021 год»²⁶ являются компьютерное зрение и семантический поиск, соответствующие когнитивной функции «Распознавание». Другими словами, области технологий ИИ, которые больше исследованы по критерию «число публикаций» и относятся к базовой когнитивной функции «Распознавание», также оказываются технологически более зрелыми²⁷.

Каждая из выделенных пятнадцати областей технологий ИИ характеризуется уникальным набором методов (математические методы и алгоритмы), инструментов (компьютерные программы и базы данных / базы знаний) и областей применения (отрасли экономики). Для выявления этого набора проводился автоматический анализ встречаемости по всему массиву публикаций в МБД Scopus за 2016–2021 гг. В запросах использовались названия искомого компонент и ключевые слова в соответствии с разработанными справочниками. Всего было проанализировано 2,6 млн публикаций. Переход от выборки публикаций в ведущих научных изданиях Q1/A* к полной выборке из МБД Scopus обусловлен необходимостью иметь статистически значимые показатели при детализации компонентов технологий ИИ.

Известно, что весь массив публикаций в МБД Scopus характеризуется наличием большого числа публикаций, не имеющих существенного значения для развития в сфере ИИ. Для оценки корректности использования всего массива МБД Scopus в сравнении с публикациями в ведущих изданиях Q1 и A* проведен сравнительный анализ публикационной активности

по областям технологий ИИ при выборках публикаций из обеих баз – полной и только Q1 и A* – для России, Китая и США.

На основе собранных данных (используя информацию о всех областях технологий ИИ) были рассчитаны коэффициенты корреляции Пирсона *corr* между общим количеством публикаций в БД Scopus и общим количеством публикаций в ведущих изданиях Q1 и A*:

$$corr = \frac{\sum_{i=0}^n (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_{i=0}^n (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_{i=0}^n (y_i - \bar{y})^2}},$$

где x_i – количество публикаций по i -й ($i = 1, 2, \dots, n$) из n областей технологий ИИ в БД Scopus, y_i – количество публикаций по i -й ($i = 1, 2, \dots, n$) из n областей технологий ИИ в ведущих изданиях Q1 и A*, \bar{x}, \bar{y} – соответствующие средние значения. Для России значение такого коэффициента корреляции равно 0,89, для США – 0,86, для Китая – 0,96, что позволяет сделать вывод о наличии сходства между двумя источниками публикаций и использовать выборки по всему массиву публикаций МБД Scopus наряду с выборками по публикациям в ведущих научных изданиях Q1/A*.

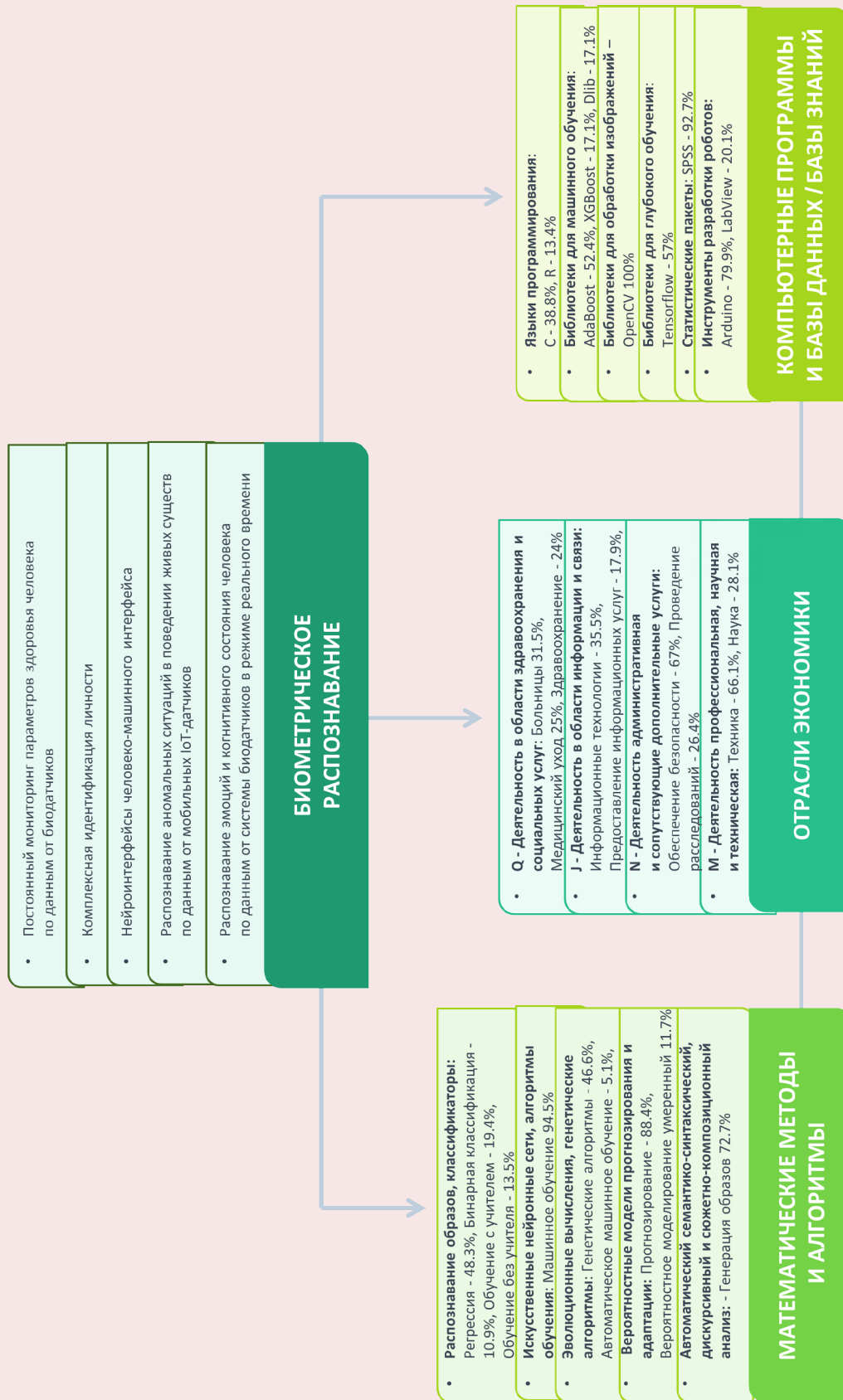
Для каждой области технологий ИИ сформирован набор публикаций, в которых затрагивается заданная область. В сформированном наборе публикаций выполнялся поиск по ключевым словам, каждое из которых характеризует одну из составляющих компонент технологии ИИ: «Математические методы и алгоритмы» (методы), «Компьютерные программы и базы данных / базы знаний» (инструменты), «Отрасли экономики» (области применения).

На рисунке 3 приведен пример выявленного состава такой области технологий ИИ, как «Биометрическое распознавание» с точки зрения входящих в ее состав методов, инструментов, областей применения и субтехнологий ИИ (*представленный пример детализирует рисунок 1(б)*). Отметим, что компонента включается в состав при условии ее высокой встречаемости в научных публикациях. Таким образом, предлагаемая система классификации не только определяет уникальный качественный состав технологии ИИ, но и предоставляет способ количественной оценки существенных признаков технологии, исходящих из ее комплекс-

²⁶ Hype Cycle for Artificial Intelligence (2021) // Гартнер (Gartner). Июль. URL: <https://www.gartner.com/doc/reprints?id=1-271LFEVT&ct=210923&st=sb#cppdip.747735> (дата обращения 16.03.2022).

²⁷ Белая книга: Развитие отдельных высокотехнологичных направлений (2022). С. 42. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ba6a7585c4b23c85931aaee99682ad30/belaya_kniga_2022.pdf (дата обращения 16.03.2022).

Рис. 3. Детализированные компоненты для области технологии ИИ «Биометрическое распознавание»



Доля публикаций рассчитана по отношению ко всем проанализированным публикациям.
Источник: составлено авторами.

ного состава. Такая возможность необходима для решения задач кадрового прогнозирования.

Всего для этой области технологий ИИ проанализировано 50650 публикаций. В центральной части рисунка 3 указан перечень субтехнологий, включающий сенсорику человека, анализ эмоций, идентификацию личности, анализ поведения людей и животных, нейроинтерфейсы человеко-машинного интерфейса.

В левой части рисунка 3 «Математические методы и алгоритмы» даны ключевые методы для технологии «Биометрическое распознавание», для каждого из них указана доля публикаций, в которых они упоминались. В частности, среди этих методов наиболее важными являются вероятностные модели прогнозирования и адаптации; автоматический семантико-синтаксический, дискурсивный и сюжетно-композиционный анализ; распознавание образов; классификаторы.

В правой части рисунка 3 отражены ключевые инструменты – «Компьютерные программы и базы данных / базы знаний» для области технологий ИИ «Биометрическое распознавание», а также доля публикаций, где они упоминались. В частности, среди инструментов области технологий «Биометрического распознавания» наиболее часто встречаются программные средства «OpenCV» (обработка изображений), «AdaBoost», «XGBoost», «Dlib» (машинное обучение); языки программирования C и R, инструменты разработки роботов «Arduino». Однако стоит отметить отсутствие в этом перечне языка Python, чаще упоминаются его отдельные библиотеки (например, «OpenCV»).

В центральной части рисунка 3 перечислены виды экономической деятельности, в которых применяется область технологии ИИ «Биометрическое распознавание». Эта технология активно упоминается в публикациях в связке с такими видами экономической деятельности, как «Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги» (обеспечение безопасности, проведение расследований), «Деятельность профессиональная, научная и техническая», «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг».

Отдельно необходимо отметить, что наборы компонент для каждой из областей технологий являются уникальными, тем самым характеризую эту область. В таблице 3 приведен пример наименований компонент с максимальным вкладом для трех областей технологий; указана доля публикаций, в которых встречается та или иная компонента.

В целом предложенная новая система классификации технологий ИИ систематизирует перспективные технологии ИИ по трем уровням (когнитивные функции – области технологии – субтехнологии). Перспективность определяется степенью научного интереса к технологии и составляющим ее компонентам. Система детализирует каждый структурный уровень по трем компонентам: методы, инструменты, области применения. Детализация основана на количественных оценках перспективности, определяемых количеством научных публикаций. Система классификации допускает автоматическую регулярную актуализацию на основе учета выходящих научных публикаций. Актуализация качественной структуры

Таблица 3. Пример уникальных компонент для технологий ИИ

Область технологий ИИ	Математические методы и алгоритмы	Компьютерные программы и базы данных	Области применения – виды экономической деятельности
Компьютерное зрение	Автоматический семантико-синтаксический, дискурсивный и сюжетно-композиционный анализ – 60,6%	Языки программирования – C – 33,4%	Раздел М – Деятельность профессиональная, научная и техническая – Техника – 77,8%
Промышленные роботы	Нечеткие знания, рассуждения в условиях неопределенности – 86,2%	Языки программирования – MATLAB – 28,1%	Раздел С – Обрабатывающие производства – Производство машин – 27,2%
Интеллектуальный анализ данных	Искусственные нейронные сети, алгоритмы обучения – 97,6%	Языки программирования – Python – 38,2%	Раздел J – Деятельность в области информации и связи – Информационные технологии – 34,1%

Источник: результаты проведенного исследования.

системы классификации (названия технологий и составляющих их компонент) требует экспертного участия.

Использование системы классификации для целей кадрового прогнозирования

Далее будут представлены детализация методов, инструментов, областей применения в сфере ИИ и варианты применения системы классификации к задачам кадрового прогнозирования.

Содержание компонент: детализация методов, инструментов, областей применения

Набор содержания компонент – «Математические методы и алгоритмы» (методы), «Компьютерные программы и базы данных» (инструменты), «Отрасли экономики» (области применения) – является уникальным для каждой из областей технологий ИИ. В то же время отдельные составляющие (элементы) каждой из трех компонент могут встречаться в различных технологиях. На языке программирования Python был разработан программный комплекс, который, используя средства selenium и сформированные наборы ключевых слов, позволил автоматизировать отправку запросов к базе данных Scopus и обработку ответов с целью получения количества публикаций в базе данных

Scopus, соответствующих одновременно определенным методу или инструменту, или области применения и определенной ИИ технологии.

Для выявления приоритетности элементов компонент была проведена аддитивная свертка по каждой из трех компонент областей технологий ИИ. Например, для компоненты технологии ИИ «Математические методы и алгоритмы» при свертке подсчитывалось количество публикаций, содержащих ключевые слова, соответствующие этой компоненте.

Полученные результаты представлены в *таблицах 4, 5, 6*. В таблице 4 показан фрагмент исходной матрицы с ключевыми элементами компоненты «Методы ИИ», где для каждого метода даны ключевые слова, количество областей ИИ, в которых применяется метод, а также суммарное количество упоминаний элемента в проанализированных публикациях, которое отражает его «вес» по отношению к другим элементам. Ключевое слово «Машинное обучение» означает, что из множества других ключевых слов для элемента «Искусственные нейронные сети, алгоритмы обучения» доля упоминаний словосочетания «Машинное обучение» в публикациях наиболее высока.

Таблица 4. Методы ИИ: математические методы и алгоритмы

Наименование элементов компоненты «Математические методы и алгоритмы»	Ключевые слова для детализации	Кол-во областей ИИ, в которых применяется метод	Число упоминаний в публикациях	Доля упоминаний, %
Искусственные нейронные сети, алгоритмы обучения	Машинное обучение	15	434586	35,24
Вероятностные модели прогнозирования и адаптации	Прогнозирование	13	219336	17,79
Распознавание образов, классификаторы	Регрессия	14	137058	11,11
Графовое представление знаний, разметка данных	Онтологии	7	75260	6,10
Распознавание образов, классификаторы	Обучение с учителем	12	67738	5,49
Нечеткие знания, рассуждения в условиях неопределенности	Автономные системы	10	43450	3,52
Распознавание образов, классификаторы	Обучение без учителя	9	37949	3,08
Искусственные нейронные сети, алгоритмы обучения	Обучение с подкреплением	4	36419	2,95
Эволюционные вычисления, генетические алгоритмы	Генетические алгоритмы	15	36281	2,94
Автоматический семантический, дискурсивный и сюжетно-композиционный анализ	Генерация образов	4	35663	2,89

Источник: результаты проведенного исследования.

Анализ показателей свертки свидетельствует, что наиболее общими (часто встречающимися) являются такие математические методы, как искусственные нейронные сети, алгоритмы обучения, распознавание образов, классификаторы, вероятностные модели прогнозирования и адаптации. Фрагмент результатов аналогичной процедуры свертки для компоненты «Компьютерные программы и базы данных / базы знаний» представлены в таблице 5.

Наиболее часто встречающимися элементами компоненты «Компьютерные программы и базы данных / базы знаний» являются языки программирования (C, R, MATLAB, Python, Java) и библиотеки для машинного обучения (XGBoost, AdaBoost, Weka, LightGBM, Dlib).

Фрагмент результатов свертки для компоненты «Области применения ИИ (по видам экономической деятельности)» представлен в таблице 6.

Таблица 5. Инструменты ИИ (компьютерные программы и базы данных / базы знаний)

Наименование элементов компоненты «Компьютерные программы и базы данных / базы знаний»	Ключевые слова	Кол-во областей ИИ, в которых применяется инструмент	Число упоминаний в публикациях	Доля упоминаний, %
Языки программирования	C	15	95679	49,82
Языки программирования	R	15	53813	28,02
Библиотеки для машинного обучения	XGBoost	15	5911	3,08
Библиотеки для машинного обучения	AdaBoost	13	5865	3,05
Инструменты разработки роботов	Arduino	10	4985	2,60
Библиотеки для глубокого обучения	Tensorflow	8	4142	2,16
Языки программирования	MATLAB	4	4119	2,14
Статистические пакеты	SPSS	7	3935	2,05
Библиотеки для обработки естественного языка	Word2Vec	6	3015	1,57
Библиотеки для машинного обучения	Weka	8	2390	1,24

Источник: результаты проведенного исследования.

Таблица 6. Области применения ИИ (отрасли экономики по видам экономической деятельности)

Наименование элементов компоненты «Области применения»	Ключевые слова	Кол-во технологий ИИ, которые применяются в отрасли	Число упоминаний в публикациях	Доля упоминаний, %
M – Деятельность профессиональная, научная и техническая	Техническая	14	286781	25,37
P – Образование	Образование школьников и студентов	2	187404	16,58
M – Деятельность профессиональная, научная и техническая	Научная	13	120406	10,65
J – Деятельность в области информации и связи	Информационные технологии	15	116449	10,30
Q – Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Здравоохранение	7	70588	6,25
J – Деятельность в области информации и связи	Предоставление информационных услуг	14	57120	5,05
Q – Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	Медицинский уход	7	36954	3,27
F – Строительство	Реконструкция	2	36184	3,20
N – Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	Обеспечение безопасности	3	29206	2,58
R – Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	Библиотеки	4	12779	1,13
H – Транспортировка и хранение	Транспортировка	2	7745	0,69

Источник: результаты проведенного исследования.

Наиболее часто встречающимися элементами компоненты «Области применения ИИ» стали виды экономической деятельности «Деятельность в области информации и связи» и «Образование». Отдельно стоит отметить относительно невысокую популярность применения технологий ИИ в сфере реальной экономики.

Система классификации применительно к задачам кадрового прогнозирования

Предложенная система классификации технологий искусственного интеллекта может быть использована для детализации показателей кадрового прогноза в сфере ИИ. Детализация ежегодной дополнительной кадровой потребности (ЕДП) экономики обычно проводится по видам экономической деятельности, по профессиям и по образовательным специальностям.

Применительно к сфере искусственного интеллекта эта триада может быть дополнена детализацией по областям технологий ИИ. По авторской оценке ЕДП в сфере ИИ на 2022 год составляет 25,7 тыс. человек²⁸. Для детализации ЕДП по технологиям ИИ можно использовать долевое соотношение публикаций внутри каждого из трех уровней классификации (когнитивная функция – область технологий – субтехнология). Например, если учесть долевое распределение публикаций, представленное на рисунке 2 для области технологий «компьютерное зрение», то значение ЕДП составит 7,9 тыс. человек.

Другим важным показателем детализации кадрового прогноза является подготовка в разрезе образовательных специальностей выпускников, обладающих компетенциями в сфере искусственного интеллекта. Эти компетенции формируются в результате реализации образовательных программ (Гуртов и др., 2013). Например, в магистерских программах должно быть не менее семи дисциплин, обеспечивающих профессиональные компетенции в сфере ИИ. Примерами таких компетенций являются для компоненты «Математические методы и ал-

горитмы» – элемент «Искусственные нейронные сети, алгоритмы обучения»; для компоненты «Компьютерные программы и базы данных / базы знаний» – элемент «Языки программирования C, R».

Отметим сходство содержательной интерпретации понятий «компетенции» и «технологии». Рассматривая компетенции как совокупность знаний, умений, практического опыта, а технологии как совокупность методов, инструментов, областей применения, можно провести аналогию, где знания – это математические методы и алгоритмы, умения – компьютерные программы и базы данных / базы знаний, практический опыт – области применения (виды экономической деятельности). Таким образом, содержание областей технологий служит основой для формирования профессиональных компетенций.

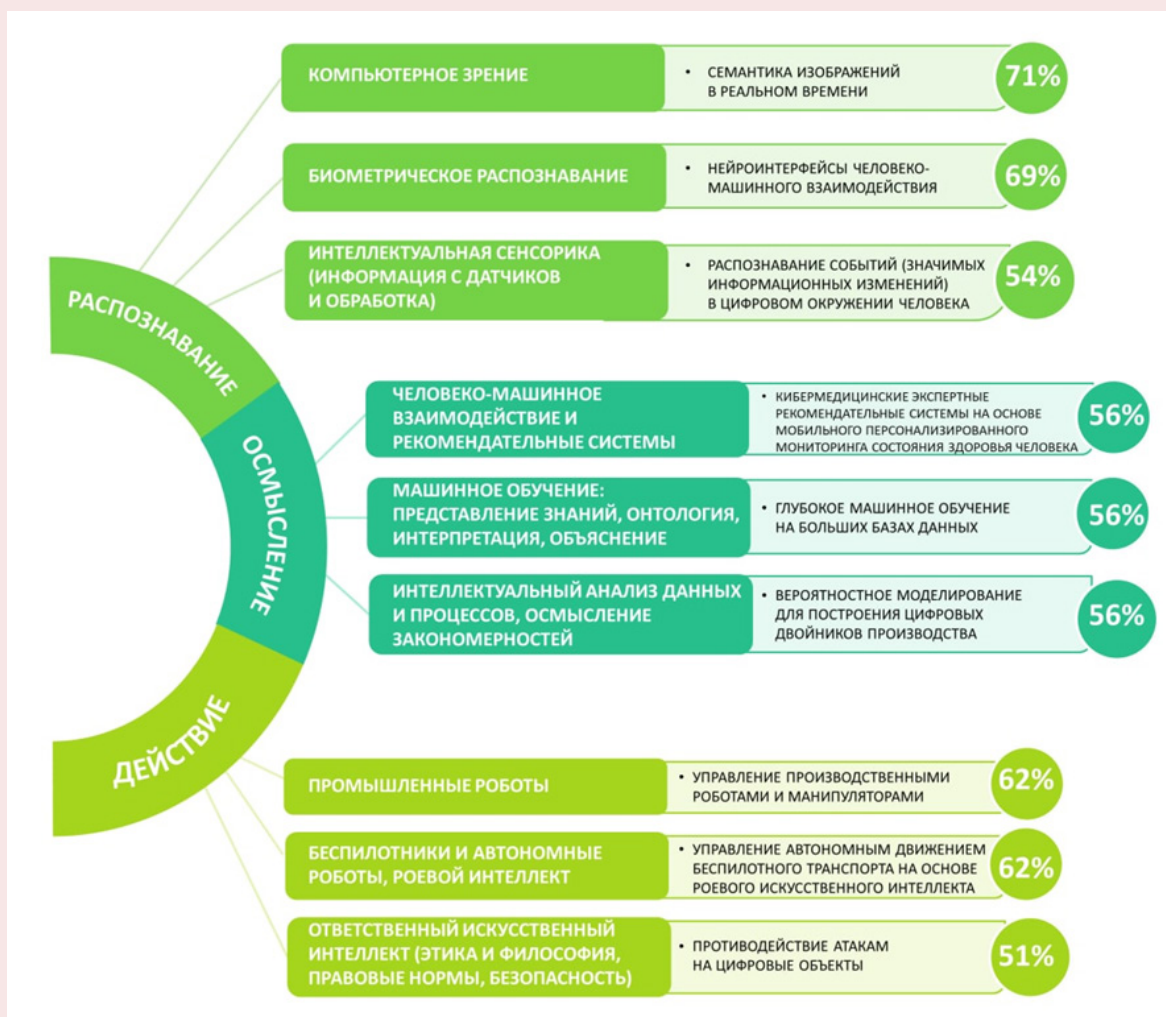
Продолжая аналогию связи технологий и компетенций, области технологий необходимо детализировать до уровня субтехнологий, а профессиональные компетенции – до узкоспециализированных профессиональных компетенций (Gurtov et al., 2015; Сигова и др., 2013).

Также предложенная классификация имеет потенциал для развития. Одним из путей является выделение приоритетных направлений развития (фронтиров) искусственного интеллекта. Фронтиры ИИ – наиболее значимые узкоспециализированные области развития технологий (субтехнологии) искусственного интеллекта, относящиеся к первому децилю (первым 10% в ранжированном ряду распределения) по уровню значимости²⁹. Как уже отмечалось в разделе «Методология», для количественной оценки при выделении приоритетных направлений развития (фронтиров) ИИ можно использовать ведущие издания, индексируемые в международных БД Scopus и Web of Science (журналы первого квартиля Q1 и конференции уровня A/A*). Анализ публикационной активности совместно с опросом экспертов из числа работодателей, разработчиков образовательных программ в сфере

²⁸ Искусственный интеллект // Кадры высшей научной квалификации: интернет-портал. URL: <http://science-expert.ru/ai> (дата обращения 30.03.2022).

²⁹ Топ-20 фронтиров мировой науки. URL: <https://issek.hse.ru/news/562631350.html> (дата обращения 30.05.2022).

Рис. 4. Фронтиры технологий искусственного интеллекта (фрагмент)



Доля ответов рассчитана от общего числа экспертов, ответивших на вопрос.

Источник: составлено авторами.

ИИ позволит формировать эти фронтиры. При экспертной оценке 95 сформированных субтехнологий эксперты из числа работодателей, разработчиков образовательных программ и продуктов в сфере ИИ выделили те, которые, по их мнению, относятся к фронтам субтехнологий³⁰.

На *рисунке 4* приведены примеры фронтиров с максимальным числом оценок экспертов (по три фронта для каждой когнитивной

³⁰ Искусственный интеллект // Кадры высшей научной квалификации: интернет-портал. URL: <http://science-expert.ru/ai> (дата обращения 30.03.2022).

функции), в процентах указана доля экспертов, которые выбрали тот или иной фронт (всего участие приняли 106 экспертов).

Отдельно отметим, что тематика фронтиров соответствует перспективным направлениям искусственного интеллекта, которые были обозначены в конкурсах РНФ-2021³¹.

³¹ Перечень поддержанных проектов по итогам конкурса 2022 года на получение грантов РНФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами». URL: <https://rscf.ru/upload/iblock/b97/u4u9s0w4fh0c1ovy6n0w40ne0niyre7e.pdf> (дата обращения 30.03.2022).

Заключение

Анализ классификаций технологий ИИ, используемых в Центре Национальной технологической инициативы на базе МФТИ, группой «Альянса ИИ», компаниями «АйПи Лаборатория» и «RB.RU», показал, что эти подходы позволяют сформировать лишь общую картину структуры технологий ИИ. Опираясь на общую концептуальную модель технологий (методы, инструменты, области применения), авторы разработали структурную модель технологий ИИ, на основе их дифференциации по составу и значимости математических методов и алгоритмов, компьютерных программ и баз данных, областей применения. Количественные показатели для этой дифференциации были получены путем анализа публикационной активности в изданиях, реферируемых в МБД Scopus. Для каждой из пятнадцати областей технологий ИИ сформирован уникальный набор компонентов, пример которого представлен на рисунке 3 для области технологий «Биометрическое распознавание».

Предложенная методология позволила структурировать технологии по уровням: когнитив-

ные функции — области технологий — субтехнологии ИИ. Технологическая зрелость областей технологий ИИ в разрезе когнитивных функций значительно отличается, уменьшаясь по мере возрастания сложности когнитивной функции.

Построенная трехуровневая система классификации технологий ИИ позволяет переходить от областей технологий к субтехнологиям ИИ, являющимся узкоспециализированными направлениями развития ИИ внутри каждой из областей технологий с сохранением её компонент. Теоретическая составляющая классификации дает возможность получить новые знания, в том числе выделить приоритетные направления развития (фронтиры) искусственного интеллекта.

Предложенная система классификации технологий ИИ практически применима в сфере кадрового прогнозирования при детализации показателей ежегодной дополнительной кадровой потребности по видам экономической деятельности, по профессиям и образовательным специальностям.

Благодарность: Исследование выполнено с использованием Уникальной научной установки (УНУ) «Многокомпонентный программно-аппаратный комплекс для автоматизированного сбора, хранения, разметки научно-исследовательских и клинических биомедицинских данных, их унификации и анализа на базе ЦОД с использованием технологий искусственного интеллекта» (рег. номер: 2075518).

Литература

- Баксанский О.Е. (2005). Когнитивные науки. От познания к действию. М.: URSS. 182 с.
- Гуртов В.А., Ершова Н.Ю., Сигова С.В. (2013). Востребованные компетенции для решения «задач будущего» по приоритетным направлениям науки, техники и технологий: встраивание в ООП // Мат-лы Междунар. науч.-метод. конф. «Высокие интеллектуальные технологии и инновации в национальных исследовательских университетах»: пленарные доклады (28 февраля – 01 марта 2013 г.). СПб.: Издательство Политехнического университета. С. 107–114.
- Калиновская И.Н. (2021). Разработка программ развития человеческих ресурсов организации с применением технологий искусственного интеллекта // Тенденции экономического развития в XXI веке: мат-лы III Междунар. науч. конф., Минск, 01 марта 2021 г. / редколл.: А.А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. Минск: Белорусский государственный университет. С. 654–657.
- Колин К.К. (2019). Новый этап развития искусственного интеллекта: национальные стратегии, тенденции и прогнозы // Стратегические приоритеты. № 2 (22). С. 4–12.
- Кузнецов Н.В., Лизяева В.В., Прохорова Т.А., Лесных Ю.Г. (2020). Подготовка кадров для реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Современные проблемы науки и образования. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29520> (дата обращения 24.03.2022). DOI: 10.17513/spno.29520
- Лексин В.Н. (2020). Искусственный интеллект в экономике и политике нашего времени. Статья 1. Искусственный интеллект как новая экономическая и политическая реальность // Российский экономический журнал. № 4. С. 3–30. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-6-3-32
- Любимов А.П. (2020). Основные подходы к определению понятия «искусственный интеллект» // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. С. 1–6. DOI: 10.36535/0548-0027-2020-09-1

- Мигуренко Р.А. (2010). Человеческие компетенции и искусственный интеллект // Известия Томского политехнического университета. № 6 (317). С. 85–89.
- Разин А.В. (2019). Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. № 1 (90). С. 57–73.
- Романова О.А., Пономарева А.О. (2020). Промышленная политика: новые реалии, проблемы формирования и реализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 2. С. 25–40. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.2
- Сигова С.В., Серебряков А.Г., Лукша П.О. (2013). Формирование перечня востребованных компетенций: первый опыт России // Непрерывное образование: XXI век. Вып. 1. URL: <http://i1121.petrso.ru/journal/article.php?id=1946>
- Ушаков Е.В. (2017). Философия техники и технологии. М.: Юрайт. 307 с.
- Abbass H. (2021). Editorial: What is artificial intelligence? *IEEE Transactions on Artificial Intelligence*, 2(2), 94–95. DOI: 10.1109/tai.2021.3096243
- Bokovoy A., Muravuev K., Yakovlev K. (2020). *Map-Merging Algorithms for Visual SLAM: Feasibility Study and Empirical Evaluation*. DOI: 10.1007/978-3-030-59535-7_4
- Buevich A., Sergeev A., Shichkin A., Baglaeva E. (2021). A two-step combined algorithm based on NARX neural network and the subsequent prediction of the residues improves prediction accuracy of the greenhouse gases concentrations. *Neural Computing and Applications*, 33. DOI: 10.1007/s00521-020-04995-4
- Gurtov V., Pitukhina M., Sigova S. (2015). Hi-tech skills anticipation for sustainable development in Russia. *International Journal of Management, Knowledge and Learning*, 3(2), 3–17.
- Gust H., Kühnberger K.-U. (2006). *The Relevance of Artificial Intelligence for Human Cognition*.
- Jin C. (2020). Relevance between Artificial Intelligence and Cognitive Science. In: *Proceedings of the 2020 International Symposium on Artificial Intelligence in Medical Sciences (ISAIMS 2020)*. DOI: 10.1145/3429889.3429917
- Khokhlova M., Migniot C., Morozov A., Sushkova O., Dipanda A. (2019). Normal and pathological gait classification LSTM model. *Artificial Intelligence in Medicine*, 94, 54–66. DOI: 10.1016/j.artmed.2018.12.007
- Lu H., Li Y. (2019). Editorial: Cognitive science and artificial intelligence for human cognition and communication. *Mobile Networks and Applications*, 25, 995–996. DOI: 10.1007/s11036-019-01265-z
- Snyder H. (2019). Literature review as a research methodology: An overview and guidelines. *Journal of Business Research*, 104, 333–339. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.07.039
- Vartanov A.V., Ivanov V., Vartanova I. (2020). Facial expressions and subjective assessments of emotions. *Cognitive Systems Research*, 59, 319–328. DOI: 10.1016/j.cogsys.2019.10.005

Сведения об авторах

Валерий Алексеевич Гуртов – доктор физико-математических наук, профессор, директор, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 31; e-mail: vgurt@petrsu.ru)

Александр Олегович Аверьянов – главный специалист, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 31; e-mail: aver@petrsu.ru)

Дмитрий Жоржевич Корзун – кандидат физико-математических наук, доцент, научный руководитель, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 31; e-mail: dkorzun@cs.karelia.ru)

Николай Васильевич Смирнов – кандидат технических наук, доцент, ведущий программист, Центр бюджетного мониторинга, Петрозаводский государственный университет (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 31; e-mail: smirnovn@petrsu.ru)

Gurtov V.A., Averyanov A.O., Korzun D.Zh., Smirnov N.V.

A System for Classification of Technologies in the Field of Artificial Intelligence for Personnel Forecasting

Abstract. The development of the Russian economy, including through large-scale introduction of digital technology and artificial intelligence technology, requires appropriate resources. Qualified personnel is one of them. The need for trained specialists poses important questions to state institutions – whom to train and in what quantity; this, in turn, demands a detailed elaboration on the issue of staffing requirement. The article presents the results of development of a classification system of artificial intelligence technology for solving personnel forecasting problems. Theoretical significance of the research findings consists in the creation of a classification system that structures existing knowledge about technologies in the field of artificial intelligence and has the potential to gain new knowledge. The novelty of the approach to the classification of artificial intelligence technologies consists in using a three-component structure of technologies “methods – tools – application areas” and adjusting the classification to suit the tasks of forecasting the demand of the economy for personnel with competencies in the field of artificial intelligence. The classification is based on the results of analysis of scientific publications on AI (journals of the first quartile Q1 and conferences of the A/A* level). “The Systematic Literature Review” method was used for their research. All thematic publications indexed in Scopus were also analyzed. Practical significance of the results is revealed in relation to the tasks of personnel forecasting in the field of artificial intelligence. The developed classification makes it possible to structure the personnel need at different levels of refinement of artificial intelligence technologies. Another direction in the development of the proposed classification is to compare competencies (knowledge, skills and practical experience) in popular groups of professions with components of artificial intelligence technologies (methods, tools, applications) to design educational programs in the relevant field. The proposed classification has the potential for development: one of the ways is an expert assessment of priority areas for the development of artificial intelligence. The article presents an overview of the results of application of the classification.

Key words: digital economy, staffing requirement, forecasting, artificial intelligence, technologies, classification, frontiers.

Information about the Authors

Valerii A. Gurtov – Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, director, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (31, Lenin Avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation; e-mail: vgurt@petsru.ru)

Aleksandr O. Averyanov – chief specialist, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (31, Lenin Avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation; e-mail: aver@petsru.ru)

Dmitrii Zh. Korzun – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, scientific supervisor, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (31, Lenin Avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation; e-mail: dkorzun@cs.karelia.ru)

Nikolai V. Smirnov – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, leading programmer, Budget Monitoring Center, Petrozavodsk State University (31, Lenin Avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation; e-mail: smirnovn@petsru.ru)

Статья поступила 04.04.2022.

Этнодемографическая структура иммиграции в Россию: возможности статистического анализа



Сергей Васильевич

РЯЗАНЦЕВ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: riazan@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5306-8875; ResearcherID: F-7205-2014



Светлана Николаевна

МИЩУК

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: svetamic79@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8117-6352; ResearcherID: B-2042-2014



Тимур Робертович

МИРЯЗОВ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: miryazov_timur@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9143-1740; ResearcherID: AAY-1530-2021

Для цитирования: Рязанцев С.В., Мищук С.Н., Мирязов Т.Р. (2022). Этнодемографическая структура иммиграции в Россию: возможности статистического анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 134–153. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.7

For citation: Ryazantsev S.V., Mishchuk S.N., Miryazov T.R. (2022). Ethnodemographic structure of immigration to Russia: Possibilities of statistical analysis. *Economic And Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 134–153. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.7

Аннотация. Процессы миграции, в отличие от естественного движения населения, более многообразны, могут совершаться по разным причинам, иметь разные направления и сроки. В связи с этим границы между видами миграции (и мигрантов) чаще всего нечеткие, что осложняет не только их классификацию, но и выбор подходящих источников получения информации о них. В современной России происходят этнодемографические изменения, что вызывает необходимость их более тщательного мониторинга, а также расширения существующих подходов к их учету. Целью исследования является разработка предложений по учету иммигрантов исходя из анализа сложившихся в российской и зарубежной практике подходов к изучению и оценке этнодемографических характеристик мигрантов. В результате исследования показано, что наиболее полную информацию об иммигрантах в России представляют данные переписей населения, однако динамичный характер миграционных потоков требует дополнительных мер, связанных с их учетом. Текущий учет миграции осуществляется с использованием различных форм, но информация чаще всего остается на уровне уполномоченных организаций и не предоставляется в открытом доступе для проведения анализа в разрезе регионов России, а также в разрезе стран, граждане которых прибыли в Россию. Выборочные обследования позволяют более подробно изучить отдельные аспекты миграционных процессов или отдельные категории мигрантов, однако не всегда их результаты могут быть сопоставимы во времени. Авторы предлагают рассмотреть возможность включения дополнительных данных о месте рождения отца и матери респондента в листы переписи населения. Для России, так же как и для других стран, гражданство является неустойчивым признаком, так как мигранты могут принять гражданство страны проживания. Запрос данных о месте рождения отца и матери респондента не противоречит конституционному праву, но позволит получить более точное представление об этнических и культурных корнях человека.

Ключевые слова: учет иммигрантов, этнодемографические изменения, перепись населения, формы учета, национальная идентичность, этническая группа, гражданство, иностранные граждане.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках Гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-53.2022.2.

Введение

Миграция представляет собой сложное социальное явление, которое отличается значительным разнообразием процессов. В связи с возникновением новых форм этнокультурных различий требуется получать необходимую информацию для эффективного управления в рамках межэтнического взаимодействия (Бубликов, Ермак, 2021). Вопросы учета этничности в зарубежных исследованиях раскрываются при изучении политического и социального аспектов, в ходе оценки эффективности реализации политики в области народонаселения (Birniir et al., 2015; Zhou, 2019).

Изменение этнодемографических характеристик населения может рассматриваться как результат реализации государственной национальной и демографической политики, а также как источник изменений, происходящих в со-

циальной, экономической и политической сферах общества (Rodrigues-Silveira, 2014). В ходе изучения этнических характеристик населения, в том числе межэтнических отношений, исследователи сталкивались с проблемами, которые можно разделить на субъективные и объективные или эндогенные и экзогенные (Barwiński, 2015). Если эндогенные ограничения связаны с индивидуальными убеждениями исследователя, его национальностью, то экзогенные барьеры во многом объясняются ограниченным доступом к достоверным статистическим данным, позволяющим оценить характер и динамику этнодемографических процессов.

В начале XXI века более 60% национальных переписей включали ту или иную форму этнической регистрации (Morning, 2008). У. О'Хара в исследовании «Дифференциальный недоучет

в переписи населения США» отмечает, что этническая и расовая принадлежность входит в список пяти демографических характеристик, которые способствуют занижению учета. При этом он делает вывод о том, что многие исследования подтверждают факт недоучета данных категорий населения, однако до сих пор нет единой точки зрения о его причинах (O'Наре, 2019).

Наличие существенного недоучета в результате переписи населения недавних иммигрантов и непостоянных жителей отмечается на примере Канады. Вероятность недоучета недавних иммигрантов может составлять более 17%, непостоянных жителей – более 40% при среднем показателе около 8%. Недоучет данных категорий коррелировал со знанием официального языка страны прибытия, возрастом и семейным положением (Bérard-Chagnon et al., 2019).

По мнению Р. Альбы, расовая и этническая принадлежность отличается от таких демографических характеристик, как пол и возраст, необходимостью индивидуального выбора, а также связана с социальными обстоятельствами жизни человека и происхождением семьи, характеризуется смещением границ, что во многом обусловлено образованием смешанных союзов (Alba, 2018). Это, в свою очередь, будет оказывать влияние на прогнозирование этнодемографических процессов в обществе, их учет при выборе управленческих подходов.

В связи с тем что трудовые иммигранты играют значимую роль в экономике России, вопросы учета их этнодемографических характеристик актуальны. В России в качестве источников информации выделяют переписи населения и выборочные обследования, формы административного учета, а также данные, собираемые на границах государств (при паспортном контроле, обработке миграционных карточек). Однако до сих пор нет универсального источника информации. Несмотря на существующее мнение о том, что результаты переписи населения не всегда объективно отражают этногеографические процессы в регионе из-за усиления информационного воздействия, вызывающего межэтническую напряженность и нагнетание негативных стереотипов (Габдрафиков, 2021), в России результаты переписи

населения представляют более полную характеристику о демографической структуре постоянного населения и мигрантов, включая этническую составляющую.

Целью исследования является разработка предложений по учету иммигрантов в России исходя из анализа сложившихся в российской и зарубежной практике подходов к изучению и оценке этнодемографических характеристик мигрантов, включающих гражданство, этническое и культурное происхождение.

В отличие от проводимых ранее исследований (Мищук, 2013; Чудиновских, 2015; Воробьева и др., 2016; Рязанцев, Письменная, 2019; Рывкина, Османова, 2021) в нашей работе проанализированы подходы к учету этнодемографических характеристик населения на примере России и ряда зарубежных стран, что определяет ее новизну. В соответствии с подходом о возможной подвижности этнической самоидентификации, с одной стороны, и неустойчивости гражданства, которое может измениться в связи с принятием мигрантом гражданства страны проживания, с другой стороны, набор переменных для уточнения социально-культурных особенностей иностранных граждан может включать несколько показателей. Принимая во внимание опыт зарубежных стран, авторы предлагают включить в переписные листы вопросы о месте рождения отца и матери респондента, что позволит получить более точное представление об этнических и культурных корнях иностранных граждан и граждан России. Кроме того, авторы предлагают внести графу «Национальность» в форму листов выбытия и карту миграционного учета, что даст возможность получать оперативную информацию об этнодемографической структуре иммигрантов в периоды между переписями населения.

Методы и методика исследования

За последние десятилетия в России в результате миграционных процессов, а также так называемого национального возрождения, подразумевающего рост самосознания представителей малых и больших народов, произошли существенные этнодемографические изменения (Габдрахманова, Сагдиева, 2019), обусловившие необходимость внесения уточнений в подход к исследованию и учету этнической

структуры населения и потоков международной миграции. Очевидно, что в настоящее время необходимо уделять внимание в равной степени постоянной и трудовой миграции.

В качестве объекта исследования авторы рассматривают иммиграционные потоки в Российской Федерации. Предметом выступает этнодемографическая структура иммиграции в контексте методов учета и доступных источников статистики.

Методика исследования заключается в обобщении и сопоставлении существующих подходов к анализу национальной структуры мигрантов в российской и зарубежной практике, а также в сравнительном анализе доступных статистических и ведомственных данных. В работе проанализировано содержание форм учета мигрантов, выделены вопросы, позволяющие оценить этническую или национальную принадлежность мигрантов. В результате предложена сравнительная таблица существующих подходов учета иммигрантов с указанием наличия отдельных пунктов о национальности или этничности.

С использованием материалов МВД Российской Федерации составлены две карты, отражающие территориальное распределение иммигрантов по регионам России, включая иммигрантов, заключивших трудовой договор, а также зарегистрированных по месту жительства.

Исследование основано на официальных источниках, позволяющих анализировать этническую составляющую миграционных потоков: данные форм и отчетов Росстата, выборочных наблюдений труда мигрантов, Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также социологические опросы, затрагивающие вопросы этничности и межнационального взаимодействия в России и ее регионах. Краткий обзор зарубежного опыта, связанного с учетом этнодемографических характеристик мигрантов, основан на официальных источниках переписей населения зарубежных стран. Для анализа территориального распределения мигрантов использовался картографический метод.

В первой части работы обсуждается российский опыт учета этнодемографической структуры иммиграционных потоков, включая особен-

ности текущего учета миграции, данные Всероссийской переписи населения, выборочных обследований мигрантов, а также результаты социологических исследований, раскрывающих вопросы значимости учета этнодемографической составляющей в структуре иммиграционных потоков для принимающего общества. Во втором разделе рассматривается распределение иностранных граждан по территории субъектов Российской Федерации, что позволяет оценить сложившиеся территориальные особенности размещения иммигрантов. Третий раздел посвящен анализу и возможности применения в российской практике опыта зарубежных государств, принимающих иммигрантов из стран со схожими социокультурными характеристиками. В рамках дискуссии авторы предлагают возможные направления оптимизации существующих подходов к системе учета этнодемографических характеристик иммигрантов.

Российский опыт учета этнодемографической структуры иммиграции

Сложившаяся система сбора информации о миграции в России в настоящее время представлена текущим (административным) и переписным учетом (проведение Всероссийской переписи населения, или ВПН, 1 раз в 10 лет). Между периодами проведения ВПН может проходить микроперепись, содержание переписных листов которой совпадает с вопросами основной переписи населения. Кроме того, дополнительным источником информации являются выборочные статистические наблюдения за использованием труда мигрантов, которые проводились в России в 2014 и 2019 гг. Остановимся подробнее на обозначенных формах учета мигрантов.

Текущий учет миграции

Важным преимуществом текущего (административного) учета является возможность оценить происходящие краткосрочные изменения в определенный момент времени или их динамику. В настоящее время каждый иностранный гражданин при въезде на территорию РФ в обязательном порядке должен заполнить миграционную карту, которая выдается на границе. В карте указывается только гражданство иммигранта (место рождения, как в некоторых документах, не запрашивается). Сделанные вручную

записи впоследствии должны быть перенесены в центральную базу данных. Эта форма статистического наблюдения, несмотря на длительную практику (в России миграционные карточки для иностранцев, въезжающих в страну, были введены в 2004 году), не имеет статистического отражения в связи с неорганизованной процедурой свода и обобщения информации, содержащейся в иммиграционных картах (Воробьева и др., 2016).

Сбор информации в рамках текущего учета мигрантов, включая международных мигрантов, осуществляют территориальные органы Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (УМВД РФ)¹. Они предоставляют информацию в территориальные органы Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Сводные результаты представлены в бюллетене «Численность и миграция населения Российской Федерации» и других федеральных и региональных статистических сборниках.

С 2008 года Росстат прекратил обработку данных и публикацию информации о национальном составе мигрантов. После этого шага российская статистика полностью лишилась источника информации о национальном составе миграционных потоков (Рязанцев, Мищук, 2020). Для осуществления трудовой или образовательной деятельности в России, а также оформления других заявлений иностранные граждане заполняют документы, содержащие

вопросы об их гражданстве, месте рождения и/или национальности².

Всероссийская перепись населения (ВПН) и миграция

Программа Всероссийской переписи населения 2002 года, в отличие от предыдущих переписей населения, включала форму опросного листа «В» «Переписной лист для лиц, временно находящихся на территории России и постоянно проживающих за рубежом», которая была предназначена для опроса лиц, временно находившихся на территории России на момент счета населения, но постоянно проживающих за границей. В прошлых переписях населения лица, временно находящиеся на территории страны, учитывались на общих переписных листах с отметкой о временном проживании. Однако в связи с частыми отказами иностранных граждан отвечать на отдельные вопросы программы был разработан сокращенный список вопросов³. В последующих переписях населения такая форма опросного листа была сохранена.

В ходе ВПН 2002 года переписывались, во-первых, постоянно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане (т. е. лица, имеющие гражданство зарубежного государства) и лица без гражданства по месту их жительства в общем порядке. Во-вторых, лица (независимо от их гражданства), прибывшие в Российскую Федерацию на работу по контрактам российских и иностранных организаций

¹ Об утверждении форм федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению для организации федерального статистического наблюдения за миграцией населения: Приказ Росстата от 15 сентября 2020 г. № 545.

² Об утверждении форм заявлений, представляемых в связи с оформлением патента, его переоформлением, выдачей его дубликата или внесением изменений в сведения, содержащиеся в патенте: Приказ МВД России от 14 августа 2017 г. № 635; Об утверждении формы ходатайства иностранного гражданина (лица без гражданства) о привлечении его в качестве высококвалифицированного специалиста и порядка его заполнения, а также форм и порядков уведомления Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа об осуществлении иностранными гражданами (лицами без гражданства) трудовой деятельности на территории Российской Федерации (приложение 13): Приказ МВД России от 4 июня 2019 г. № 363; Приложение № 1 к Административному регламенту Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по предоставлению статуса вынужденного переселенца и продлению срока его действия; Об утверждении формы заявления об участии в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2013 г. № 196-р (ред. от 27.07.2017); Приложение № 1 к Административному регламенту Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство, замене иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации, утвержденному приказом МВД России от 11 июня 2020 г. № 417.

³ Методологические вопросы Всероссийской переписи населения 2002 года (2005) / Федеральная служба государственной статистики. М. 129 с.

Таблица 1. Перечень вопросов для лиц, временно находящихся в России

ВПН-2002		ВПН-2010, 2020*	
1.	Пол	1.	Пол
2.	Год рождения	2.	Год рождения
3.	Страна рождения	3.	Страна постоянного проживания
4.	Страна постоянного проживания	4.	Цель приезда в Россию
5.	Гражданство	5.	Продолжительность проживания на территории России
6.	Национальная принадлежность (по желанию)	6.	Страна проживания
7.	Цель приезда в Россию	7.	Гражданство (только одно гражданство)

* Вопросы 5–7 предназначены для лиц, указавших целью приезда работу или учебу.
Составлено авторами по: данные ВПН 2002, 2010, 2020 гг.

(кроме иностранных граждан, работающих в представительствах иностранных государств и международных организаций) или учебу на срок 1 год и более, учитывались как постоянные жители России там, где они обычно проживают в Российской Федерации (независимо от того, когда они прибыли). Третья категория — лица (независимо от их гражданства), прибывшие из зарубежных стран (включая страны СНГ) в Российскую Федерацию на постоянное жительство или в поисках убежища, (независимо от того, получили они разрешение на жительство или нет)⁴.

Графа «национальность» могла быть заполнена по самоопределению гражданина согласно ст. 26 Конституции РФ, которая гласит: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности»⁵.

При осуществлении Всероссийской переписи населения 2010 года учету подлежало все население, постоянно (обычно) проживающее в Российской Федерации, а также лица, временно (до 1 года) находящиеся на территории Российской Федерации, место постоянного жительства которых находилось за рубежом⁶.

⁴ Руководство для переписчика о порядке проведения Всероссийской переписи населения 2002 года и заполнения переписных документов. 66 с.

⁵ Статья 26. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

⁶ Основные методологические и организационные положения Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/meta_2010/Main.htm/ (дата обращения 22.11.2021).

Использовались три формы переписных листов⁷. В отличие от постоянного населения РФ для мигрантов дополнительно были указаны вопросы о стране рождения, стране постоянного проживания. Пункт о национальности в данном переписном листе отсутствовал. Перечень вопросов переписных листов ВПН 2002, 2010, 2020 гг. представлен в *таблице 1*.

Результаты переписи населения можно рассматривать как некий демографический срез на определенный период времени, однако мы согласимся с мнением В.А. Тишкова о том, что учет иностранных мигрантов во время переписи ведется весьма приблизительно (Тишков, 2011). Кроме того, при анализе иностранных мигрантов обобщаются данные о трудовых мигрантах, гражданах, проживающих в России, но имеющих иностранное гражданство.

Преимуществом переписи населения перед административными источниками данных, сбор которых опирается на ту или иную административную процедуру, является широкий круг охвата трудовых мигрантов, независимо от легальности их положения. Однако, несмотря на очевидные достоинства (охват всего населения и разнообразие собираемых сведений), перепись имеет важнейший недостаток — межпереписные интервалы, которые, как правило, составляют десятилетие (Рязанцев, Мишук, 2020).

Изменения миграционного законодательства, важные экономические или политические перемены, на которые достаточно быстро и чутко реагируют миграционные потоки, происхо-

⁷ Об утверждении форм бланков переписных листов Всероссийской переписи населения 2010 года: Распоряжение Правительства РФ от 16 декабря 2009 г. № 1990-р.

дят гораздо более часто, поэтому собранные в ходе переписи данные могут быстро устаревать. При всей полноте и точности данных, которые предоставляют переписи населения, они не позволяют наблюдать постоянные изменения в миграционной обстановке. Дополнять недостающую информацию, исправлять эти недостатки отчасти помогают специализированные выборочные обследования, которые представляют собой более гибкий, чем переписи населения, инструмент для сбора таких данных (Воробьева и др., 2014).

Выборочное наблюдение труда мигрантов

Дополнительное обследование иностранных трудовых мигрантов проводится в рамках выборочного статистического наблюдения за использованием труда мигрантов. Наблюдение осуществляется с 2014 года, 1 раз в пять лет. В настоящее время доступны материалы наблюдений 2014 и 2019 гг. Исходя из методологических и организационных положений, разработанных для проведения наблюдения в 2019 году, в исследовании использовались следующие термины: международные мигранты, международные трудящиеся мигранты, иностранные трудящиеся, иностранные трудовые мигранты. Остановимся на значениях данных терминов, так как они не в полной мере совпадают с распространенным подходом к понятию «международный мигрант».

В данном наблюдении, согласно Руководящим принципам в отношении статистики международной трудовой миграции, утвержденным на 20-й Международной конференции статистиков труда в октябре 2018 года, «международные мигранты — это все жители страны (постоянное население), которые когда-либо меняли страну обычного проживания»⁸. Международные трудящиеся-мигранты — это также лица в возрасте 15 лет и старше, постоянно проживающие в России, но рожденные за границей.

В сферу интересов в рамках нашего исследования попадает категория иностранные трудящиеся или иностранные трудовые мигранты — это нерезиденты, временно находящиеся на

территории России, граждане других государств, которые были наняты домохозяйствами или предпринимателями и выполнявшие оплачиваемую работу в Российской Федерации⁹.

Информация о гражданстве иностранных трудовых мигрантов в разрезе регионов Российской Федерации за 2019 год содержится в таблицах о численности иностранных граждан, привлекаемых на работу в домохозяйства (табл. 2.13 в итогах Выборочного наблюдения труда мигрантов¹⁰). В то же время, сопоставить данные 2014 и 2019 гг. в полной мере невозможно, так как в 2014 году информация о гражданстве иностранных трудовых мигрантов была представлена лишь в целом по Российской Федерации. В разрезе регионов гражданство иностранных трудовых мигрантов указано в случае их привлечения на работу домохозяйствами, но нет данных о гражданстве иностранных трудовых мигрантов, привлекаемых предпринимателями по регионам РФ.

Сравнительный анализ данных о численности иностранных трудовых мигрантов, привлекаемых на работу в Российскую Федерацию с 2014 по 2019 год, позволяет сделать следующие выводы:

- численность привлекаемых предпринимателями и домохозяйствами мигрантов сократилась, при этом доля трудовых мигрантов, привлекаемых домохозяйствами, составляет 81%;
- в разрезе стран большая часть мигрантов, привлекаемых на работу в домохозяйства в 2014 и 2019 гг., прибывала из Узбекистана; число прибывающих из всех стран мигрантов сократилось, за исключением Киргизии и Турции;
- в 2014 году максимальная доля мигрантов, привлекаемых предпринимателями, прибыла из Украины, в 2019 году — из Узбекистана; при общем сокращении по всем странам увеличилось число мигрантов из Беларуси.

Анализ распределения иностранных трудовых мигрантов, нанимаемых предпринимателями, по федеральным округам РФ в 2019 году показал, что более 43% всех привлекаемых трудовых мигрантов заняты в Центральном

⁸ Основные методологические и организационные положения проведения выборочного наблюдения труда мигрантов в 2019 г. С. 11. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/imigr18/index.html/ (дата обращения 21.12.2021).

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Там же.

федеральном округе. При бесспорном лидерстве ЦФО по привлечению мигрантов из разных стран обращает на себя внимание высокая доля мигрантов из Киргизии и Китая, занятых в Дальневосточном федеральном округе. Северо-Западный федеральный округ занимает второе место по привлечению мигрантов из Беларуси, Республики Молдовы и Таджикистана.

Социологические исследования

Социологические исследования, направленные на изучение отношений разных этнических групп в регионах, отношений принимающего сообщества к мигрантам, позволяют расширить статистическую информацию, получаемую в результате текущего учета и переписей населения.

Материалы собираются в рамках мониторингов, опросов общественного мнения, осуществляемых исследовательскими организациями: аналитический центр «Левада-Центр»¹¹, Фонд общественного мнения¹², Всероссийский центр изучения общественного мнения¹³ (ВЦИОМ). В ноябре 2011 года Фонд общественного мнения проводил опрос об отношении к возвращению в паспорта россиян строчки «национальность». Положительно отнеслись к данному предложению 26% респондентов, безразлично — 48%¹⁴.

Весной 2016 года Федеральное агентство по делам национальностей перешло к новой системе реализации социального мониторинга этноконфессиональных отношений. Исследования проводятся на уровне субъектов и муниципалитетов, кроме того, в качестве объекта изучаются этнические группы (национальность) и конфессиональные группы.

В декабре 2018 года ВЦИОМ представил данные опроса общественного мнения о влиянии иммиграции на Россию. По результатам

опроса можно сделать вывод о том, что россияне в большей мере поддерживают идею привлечения русских и русскоязычных иммигрантов из Республики Беларусь, Украины, Казахстана и Германии. Наибольшую «антипатию» вызывает вероятность въезда граждан Таджикистана, Узбекистана, Украины, США и Китая¹⁵.

В сентябре 2019 года «Левада-Центр»* представил результаты мониторинга ксенофобских настроений населения России, отражающие повышение внимания населения к межнациональной и мигрантской тематикам. Однако авторы мониторинга отмечают, что такая динамика может быть обусловлена внешними (политическими) причинами¹⁶.

В научном сообществе, среди трудов специалистов, занимающихся вопросами межнационального взаимодействия на федеральном и региональном уровнях, отметим работы Л.Т. Дробижевой (Дробижева, 2019) и В.И. Мукомеля (Мукомель, 2018). Большой вклад в изучение теоретических и практических направлений межэтнических отношений внесли ученые Института этнологии и антропологии РАН¹⁷. Вопросы этнического и религиозного многообразия в России, этнической политики и истории межэтнических отношений раскрыты в работах академика РАН В.А. Тишкова (Тишков, Степанов, 2017).

Региональные исследования проводятся по разным методикам, в разные временные периоды, что делает их результаты несопоставимыми в рамках страны (Хайкин, Бережкова, 2016). Кроме того, в большинстве из них цели и задачи зависят от специфики социально-экономического развития и происходящих в них этнических процессов, что также не позволяет проводить сравнение между регионами. В региональных исследованиях затрагиваются вопросы межнациональных отношений в Крыму

¹¹ Автономная некоммерческая организация Аналитический центр Юрия Левады «АНО Левада-Центр»*. URL: <https://www.levada.ru/nopisanie/o-tsentre/> (дата обращения 24.12.2021).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

¹² Фонд общественного мнения (ФОМ). URL: <https://fom-gk.ru/> (дата обращения 25.12.2021).

¹³ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://www.wciom.ru/> (дата обращения 25.12.2021).

¹⁴ URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/10262#page=22/> (дата обращения 15.11.2021).

¹⁵ Иммиграция в Россию: благо или вред? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigraciya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred/> (дата обращения 28.10.2021).

¹⁶ Мониторинг ксенофобских настроений, 2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/18/monitoring-ksenofobskih-nastroenij-2/> (дата обращения 28.10.2021).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

¹⁷ Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России (2019) / под ред. В.А. Тишкова. М. 261 с.

(Кульбачевская, 2019), Республике Татарстан (Козлов и др., 2016; Габдрахманова, Сагдиева, 2019), Республике Бурятия (Петрова и др., 2019), Республике Саха (Якутия) (Давыдова и др., 2015; Маклашова, 2019). Вопросы интеграции мигрантов в Москве рассматривают Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева (Варшавер, Рочева, 2015), В.М. Пешкова (Пешкова, 2015). Этнокультурному разнообразию в городах России, особенностям управления культурным разнообразием в многоэтничных городах посвящены работы О.И. Вендиной (Вендина, 2016; Вендина, Паин, 2018).

Сравнительный анализ подходов к учету этнодемографических характеристик мигрантов в РФ

Проведенный анализ подходов к учету этнодемографических характеристик миграционных потоков позволяет отметить, что при сборе данных путем заполнения различных форм (миграционных листов, ходатайств, заявлений) заявители могут указывать свою национальность и вероисповедание.

Как свидетельствуют экспертные оценки сотрудников Росстата, пункт «Национальность» заполнялся в середине 2000-х гг. очень плохо, в большей мере из-за того, что сотрудники паспортных столов не уделяли должного внимания качеству заполнения листов миграционного учета. Оценить долю ответов на данные вопросы в настоящее время могут отдельные ведомства, имеющие доступ к со-

ответствующим формам документов. По итогам ВПН-2010 национальность указали 96% переписанного населения, в 2018 году – 82,2%. Необходимо учитывать, что преобладающее большинство населения, участвующего в переписи, – постоянные жители РФ, а доля мигрантов невысока. В 2010 году 7,8% опрошенного населения ВПН-2010 указали местом рождения зарубежные страны.

Существует проблема отечественных переписей населения: иностранных граждан в переписи фиксируют по их гражданской принадлежности, а российских граждан – по этнической, однако все эти данные обобщаются термином «национальность»¹⁸. То есть на этапе опубликования данных об этнодемографических характеристиках мигрантов для оценки научным сообществом информация сужается до пункта «Гражданство». Иная собираемая информация не анализируется. В *таблице 2* представлен анализ наличия или отсутствия отдельных этнодемографических характеристик мигрантов в РФ в заявительных формах.

Территориальное распределение иностранных граждан по национальности и гражданству: результаты ВПН и текущего учета в России

Изменение в текущем учете подходов, форм учета миграции в разрезе национальностей не позволяет проводить сравнительный временной анализ происходящих процессов. В большинстве источников информация представлена по странам, гражданами которых являются

Таблица 2. Наличие этнодемографических характеристик мигрантов при разной форме учета

	Гражданство	Национальная принадлежность	Вероисповедание	Родной язык	Страна рождения	Страна постоянного проживания
ВПН-2002 (лист В)	+	+	-	-	+	+
ВПН-2010, 2020 (лист В)	+	-	-	-	+	+
Текущий учет	+	+	+	+	+	+
Выборочные обследования*	+	+	...
Социологические опросы**	+	+

* В выборочных обследованиях в зависимости от целей и задач заданные характеристики мигрантов могут меняться. Наиболее часто встречаются вопросы о гражданстве и стране рождения мигрантов.
 ** В социологических исследованиях включение той или иной характеристики зависит от цели исследования. В большинстве исследований в рамках этнической тематики включаются вопросы о гражданстве или национальности респондентов.
 Источник: Рязанцев С.В., Мищук С.Н. (2020). Подходы к учету гражданства и этничности мигрантов в России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 5. С. 18–31.

¹⁸ Этнокультурный облик России: перепись 2002 года (2007) / отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука. 516 с.

мигранты. Дополнительные сложности возникают при анализе международной трудовой миграции в разрезе стран. В открытых источниках Росстата доступны данные о численности иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу или патент на осуществление трудовой деятельности, которые представлены по регионам России, но не позволяют проанализировать распределение по странам, из которых прибыли мигранты. По данным Федеральной миграционной службы России, в 1995 году в структуре иностранной рабочей силы (ИРС) по странам происхождения первое место занимали граждане Украины (34% от числа привлекаемой ИРС в Россию). Второе и третье места – граждане Турции (13%) и Китая (9%). В 1998 году структура экспортеров ИРС не изменилась, лидерами остались Украина, Турция и Китай.

В информационно-справочном бюллетене № 5, подготовленном сводно-аналитическим управлением ФМС России, представлен национальный состав международных мигрантов в Российской Федерации за 1997 год. Результаты анализа миграционного прироста (убыли) по национальному составу мигрантов отражают превышение числа прибывших над числом выбывших, что сформировало миграционный прирост населения в 1997 году. Согласно данным вышеназванного бюллетеня, народы и этнические группы Российской Федерации составляли в миграционном приросте 73%, из них 90,5% – русские. Значительный миграционный прирост был отмечен в группе татар. Значимое превышение числа выбывших мигрантов над числом прибывших отмечалось среди евреев.

Миграционный прирост зафиксирован среди всех коренных национальностей стран СНГ и Балтии, при максимальном приросте украинцев. На них пришлось 39% числа прибывших в Российскую Федерацию народов и этнических групп, проживающих в основном за пределами РФ. Второе место как по объему миграционного прироста (23,6%), так и по числу прибывшего населения (13,2%) занимали армяне.

В отличие от положительного сальдо миграции со странами СНГ и Балтии, с другими странами в 1997 году фиксировалась миграционная убыль населения, во многом сформированная оттоком немцев, доля которых составила 75% от общего числа выбывшего населения.

В сборниках и информационных бюллетенях, выпущенных после 1998 года, мигранты представлены по странам, из которых они прибыли, без указания национальности. Анализ распределения трудовых мигрантов основан на данных из нескольких источников: Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции, выпускавшийся в 2006–2008 гг. ФМС России, сборник Росстата «Труд и занятость в России», который издается с 1995 года с периодичностью один раз в два года¹⁹, сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели»²⁰.

Подробный анализ с включением табличных статистических данных по легальной международной миграции был представлен в сборниках, выпускаемых Управлением внешней трудовой миграции ФМС России в 2004–2007 гг. Аналогов подобных материалов в настоящее время нет.

В сборник «Труд и занятость в России» включены таблицы по международной трудовой миграции. Общее число иностранных граждан, осуществлявших трудовую деятельность в России, представлено в нем до 2010 года, с 2011 года данные об иностранных трудовых мигрантах фиксируются отдельно по числу граждан, получивших патенты, имеющих действующие патенты и имеющих действующее разрешения на работу.

Изменение законодательства и подписание межправительственных договоренностей отражаются на формах учета трудовой миграции в России, в том числе учета их гражданства. Например, в результате подписания Договора о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.) граждане стран – участниц ЕАЭС, осуществляющие трудовую деятельность в России, статистически не учитываются.

¹⁹ Труд и занятость в России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210/> (дата обращения 16.01.2022).

²⁰ В сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» представлено число выданных разрешений и действующих (и выданных в отдельной таблице) патентов по регионам России, однако без указания стран, откуда приехали иностранные трудовые мигранты. Данные таблицы позволяют лишь оценить распределение в разрезе регионов доли трудовых мигрантов из стран СНГ и других стран, при этом с 2015 года не учитываются мигранты из стран – участниц ЕАЭС. По России в целом имеются открытые данные.

ся в числе иностранных граждан, получивших разрешительные документы на работу в России. Граждане данных стран учитываются исходя из числа полученных от работодателей уведомлений о заключении трудового договора или гражданско-правового договора с иностранными гражданами и лицами без гражданства.

С 1994 по 2018 год постоянно возрастала численность иностранных граждан, имеющих разрешительные документы на работу в России. Несмотря на отсутствие данных о числе граждан стран – участниц ЕАЭС в численности иностранных трудовых мигрантов, доля граждан из стран СНГ к концу 2020 года составила порядка 96% от общей численности иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России²¹. Начиная с 2007 года и по настоящее время в России увеличивается число граждан Узбекистана и Таджикистана, осуществляющих трудовую деятельность. Доля граждан этих стран в 1994 году составляла 1,1 и 0,4% от общего числа иностранных трудовых мигрантов, в 2018 году – 57,6 и 25,3% соответственно. В конце 2020 года из-за ограничений в связи с COVID-19 число таджикских мигрантов сократилось на 25% к уровню 2018 года, узбекских – на 33%, китайских – на 70%²².

Рассмотрим более подробно территориальное распределение граждан Узбекистана и Таджикистана по регионам России в 2020 году на основе данных, предоставленных МВД России.

Наибольшее число трудящихся – мигрантов из Узбекистана и Таджикистана – было зарегистрировано в Ленинградской области, Санкт-Петербурге и Москве. Территориальное распределение мигрантов из вышеуказанных стран, первично зарегистрированных по месту жительства, от общей численности занятого населения, иное и характеризуется наличием высоких значений в западных и восточных регионах России. Представленный картографический материал (рис. 1, 2) позволяет визуализировать особенности территориального распределения данных категорий мигрантов по регионам России.

²¹ Труд и занятость в России. 2021: стат. сб. / Росстат. М., 2021. 177 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2021.pdf (дата обращения 22.11.2021).

²² Там же. С. 107.

По результатам Всероссийской переписи населения в 2002 и 2010 гг. Росстатом представлены таблицы о численности мигрантов, временно находящихся на территории России и постоянно проживающих в других странах²³. В ходе сравнительного анализа данных ВПН-2002 и ВПН-2010 выявлен рост числа граждан других стран, находящихся в момент переписи на территории России, в два раза. При этом доля иностранных граждан, указавших целью приезда работу, в 2002 и 2010 гг. в среднем составила около 65%. Обращает на себя внимание высокая доля опрошенных, не указавших страну постоянного проживания. В 2002 году доля данной категории мигрантов составляла 9,5%, в 2010 году – 41,6% (на 1,1% ниже, чем число мигрантов, прибывших из стран СНГ в 2010 году). Если рассматривать распределение мигрантов, не указавших страну постоянного проживания, по цели приезда, то доля трудовых мигрантов в 2002 году составила 59% от числа указавших причину приезда. В 2010 году доля трудовых мигрантов, не указавших страну постоянного проживания, равнялась 82% от числа мигрантов, указавших цель приезда.

Преобладающая доля мигрантов прибывала из стран СНГ. Доля общего числа мигрантов, прибывших из стран СНГ, в 2002 году составила 63,9%, в 2010 году – 42,7%. Доля трудовых мигрантов из стран СНГ была ниже среднего показателя по данной группе стран: в 2002 году – 69,8%, 2010 – 76,8% от общего числа мигрантов из стран СНГ.

В структуре мигрантов в 2002 году отмечалась максимальная доля трудовых мигрантов (указавших в качестве цели приезда работу) от общего числа мигрантов, прибывших в Россию из Киргизии (81,6%), Таджикистана (87,5%) и Турции (91,9%). В 2010 году в относительных показателях лидирующее место занимали граждане Вьетнама, 90,5% которых указали цель приезда «работа». Кроме того, высокие значения отмечались по гражданам Таджикистана, Турции, Узбекистана.

²³ Всероссийская перепись населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul/ (дата обращения 23.10.2021).

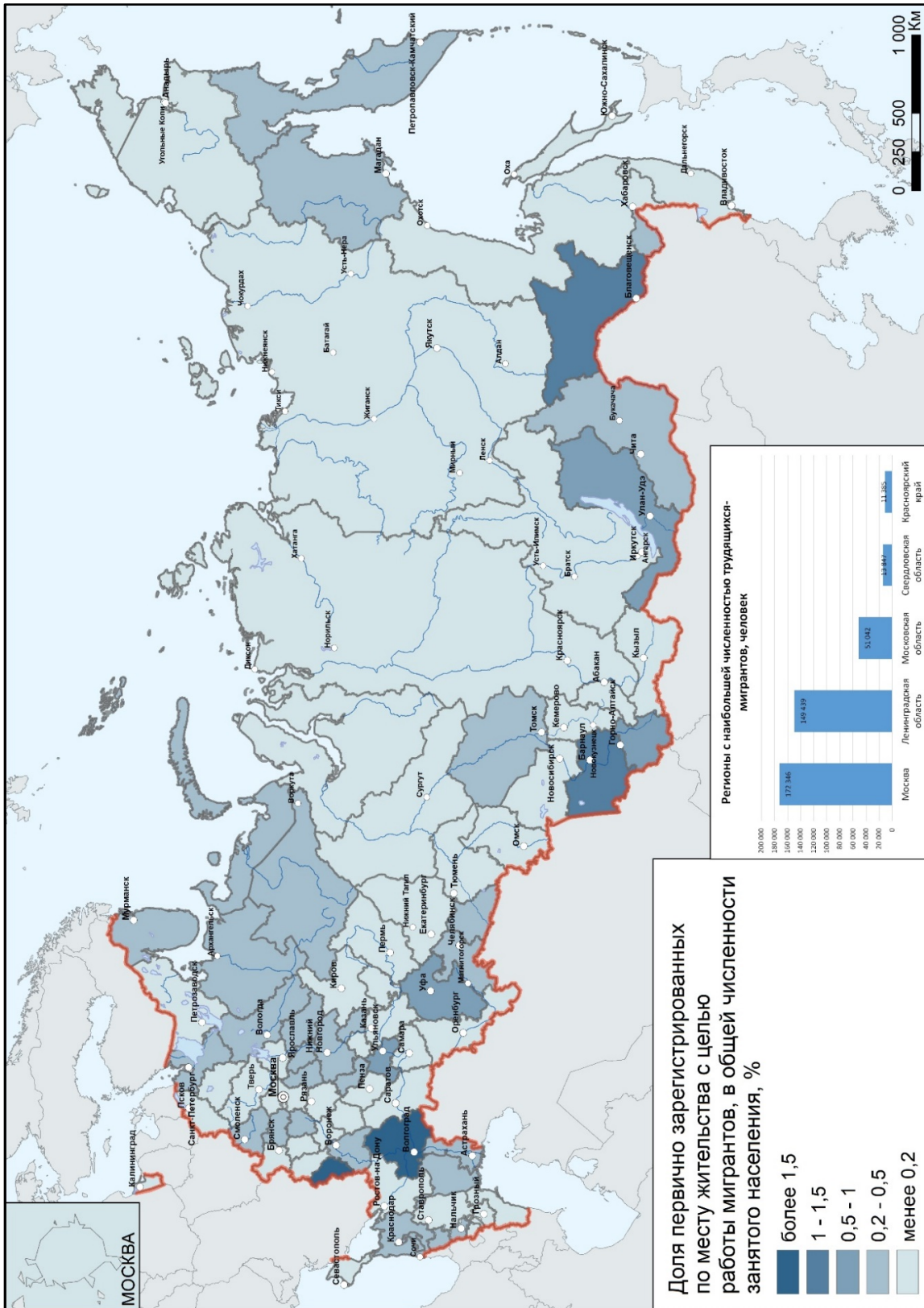


Рис. 1. Распределение трудовых мигрантов из Таджикистана по регионам России в 2020 году, %

Источник: составлено авторами на основе данных МВД Российской Федерации.

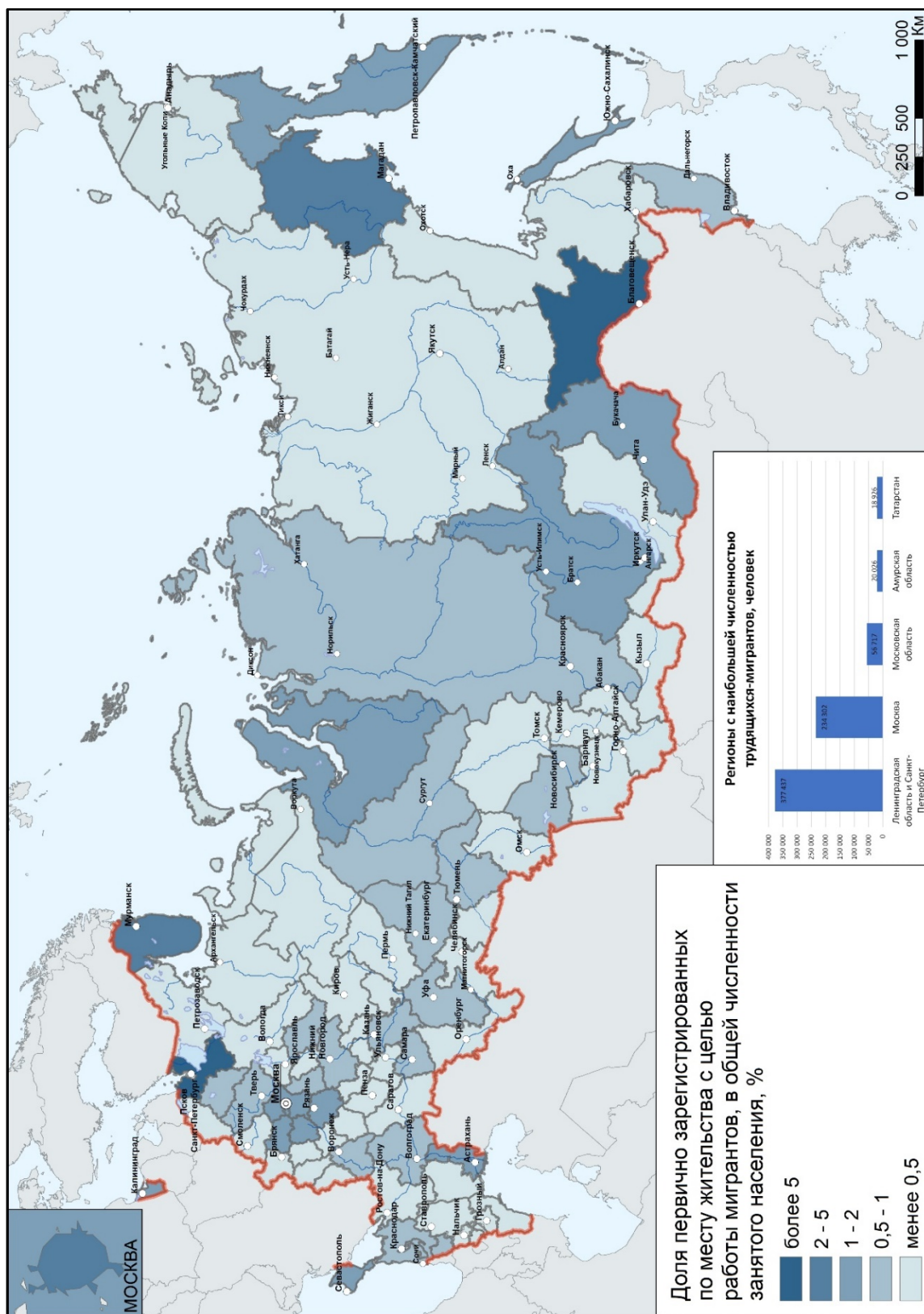


Рис. 2. Распределение трудовых мигрантов из Узбекистана по регионам России в 2020 году, %

Источник: составлено авторами на основе данных МВД Российской Федерации.

Обратим внимание на тот факт, что независимо от используемой формы учета статистика отражает рост числа мигрантов, прибывающих из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии. Безусловно, в абсолютных значениях вероятны несовпадения данных, однако тенденции имеют общее направление.

Подчеркнем, что для планирования социально-экономического развития, формирования миграционной и национальной политики государства необходимо иметь возможность доступа к более точной информации. При соблюдении конституционных прав граждан РФ и международных правил учета национальности и этничности населения можно перенять опыт зарубежных стран по учету данных характеристик (например, место рождения родителей). Рассмотрим более подробно опыт зарубежных стран в учете этничности и национальности мигрантов.

Учет этнодемографической структуры иммиграции в зарубежных странах

Во многих странах мира вопросы об этнической принадлежности включены в перечень вопросов переписи населения. До сих пор существуют значительные различия в используемой терминологии и подходах к учету этнического многообразия населения.

В исследовании нами выбраны государства, исторически принимающие иммигрантов из стран со схожими социокультурными характеристиками, в первую очередь широким распространением единого языка. Иммиграционные потоки в Россию на протяжении постсоветского периода в большей мере поступают из стран, население которых владеет русским языком. Таким образом, зарубежный опыт в сфере учета этнодемографических характеристик иммигрантов может быть интересен и актуален для России.

В странах с длительным опытом привлечения мигрантов, например Австралии, Канаде и др., учет этнической идентичности и этнических корней, национальности включен в обследование населения стран в рамках переписей населения. В настоящее время в переписных листах расширяется перечень культурных и этнических групп населения, уточняются вопросы о национальности. Этническая принадлежность определяется респондентами путем

самоидентификации. Кроме того, более подробно исследуются этнические корни населения. Например, в Австралии в переписные листы 2016 года внесли вопросы по уточнению страны рождения матери, страны рождения отца, страны рождения респондента. Ранее в качестве страны рождения указывалась либо Австралия, либо прочие страны без указания названия.

В Великобритании информация о стране рождения респондентов тоже считается более важной и объективной, чем гражданство. Этническая принадлежность, национальность также входят в перечень вопросов при переписи населения²⁴. Предыдущая перепись населения в Великобритании проходила в 2011 году²⁵. Весной 2021 года состоялась очередная перепись населения, в которой для сбора данных использовались вопросы о национальной принадлежности, этнической группе, религии, главном языке, знании английского языка (способность говорить по-английски), знании валлийского языка²⁶.

В Канаде в 2002 году осуществлялось исследование этнического разнообразия, где были широко представлены вопросы о культурной, языковой, этнической, религиозной и др. принадлежности респондентов. В рамках группы вопросов о социально-культурной информации вносились данные о месте рождения матери и отца. При указании гражданства уточняется, как оно было получено (по рождению, путем

²⁴ Перечень данных о миграции в Великобритании в переписи 2011 г. URL: https://www.nomisweb.co.uk/census/2011/uk_migration/ (дата обращения 19.12.2021).

²⁵ Переписи населения Великобритании прошли 27 марта 2011 года. Они проводились Агентством статистики и исследований Северной Ирландии (NISRA), Национальным архивом Шотландии (NRS) и Управлением национальной статистики (ONS) как для Англии, так и для Уэльса. В состав Великобритании входят такие страны, как Англия, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия. ONS отвечает за распространение статистических данных переписи населения Великобритании. URL: <https://www.ons.gov.uk/census/2011census/2011ukcensuses/> (дата обращения 19.12.2021).

²⁶ Разработка вопросов национальной идентичности, этнической группы, языка и религии для переписи 2021 года. URL: <https://www.ons.gov.uk/census/censustransformationprogramme/questiondevelopment/nationalidentityethnicgrouplanguageandreligionquestiondevelopmentforcensus2021/> (дата обращения 20.01.2022).

натурализации с указанием даты, указать другую страну). Кроме того, с учетом возрастающей потребности в расширении информации о мигрантах в Канаде с 1997 года ведется лонгитюдный опрос иммигрантов²⁷. Данное исследование длится 4 года после прибытия в страну, так как за это время иммигранты устанавливают экономические, социальные и культурные связи с канадским обществом.

Перепись населения в Канаде проводится каждые пять лет. Очередная перепись населения состоялась в марте 2021 года. В результате проведенного в 2019 году предварительного опроса населения с целью тестирования количества и новых формулировок вопросов, были внесены изменения по следующим пяти разделам: семейные и демографические концепции и повседневная деятельность; иммиграция, этнокультурное разнообразие и языки в Канаде; коренные народы, образование, труд, поездки на работу и ветераны; доходы и расходы; жилье.

В разделе «Иммиграция, этнокультурное разнообразие и языки в Канаде» рассматривались вопросы об иммиграции и гражданстве, месте рождения человека и его родителей, этническом или культурном происхождении, группах населения, религии, языке, правах на образование на языке меньшинств.

В целях отразить растущее этническое разнообразие населения Канады в переписи 2021 года из вопросника удалены примеры этнических групп, чтобы исключить их влияние на ответы. Вместо этого, для того чтобы помочь респондентам понять вопрос, предоставлено описание типов происхождения, а также ссылка на обширный список примеров этнического и культурного происхождения, что, по мнению разработчиков, поощряет канадцев к самоидентификации, не предлагая конкретных ответов, и позволяет лучше отразить растущее разнообразие населения Канады²⁸.

²⁷ URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2011/ref/92-135/surveys-enquetes/longitudinalsurvey-enquetelongitudinale-eng.cfm/> (дата обращения 13.12.2021).

²⁸ Updated content for the 2021 Census of Population: Immigration, ethnocultural diversity and languages in Canada. Release date: July 17, 2020. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/2021/ref/98-20-0001/982000012020002-eng.cfm/> (accessed 30.11.2021).

Краткий обзор существующих в зарубежных странах подходов к разработке вопросов о гражданстве, этничности, национальности показал важность данного аспекта при статистической оценке населения государства. Усиление интенсивности международных миграционных потоков только подчеркивает необходимость учета этих характеристик постоянного населения и иммигрантов. В зарубежной практике используются вопросы об этнической принадлежности (на основе самоидентификации), стране рождения матери и отца, стране рождения респондента.

Дискуссия

Среди источников информации о мигрантах выделяют переписи населения и выборочные обследования, разнообразные формы административного учета, а также данные, собираемые на границах государств (при паспортном контроле, обработке миграционных карточек). Из-за сложностей учета не существует универсального источника информации о миграции. Каждый источник является необходимым для получения обобщенной и полной информации о мигрантах²⁹. Если результаты административного учета могут использоваться как элемент рутинного и даже ежедневного управления, то результаты переписи населения могут рассматриваться как источник планирования будущего и средство анализа прошлого³⁰.

Возвращаясь к вопросу учета этнодемографической структуры мигрантов, согласимся с мнением О.С. Чудиновских о том, что для России характерен ускоренный процесс натурализации мигрантов, который может занимать не более трех лет. После натурализации и приобретения гражданства РФ многие мигранты становятся «невидимыми» и «растворяются» в местном населении. Такая ситуация осложняет оценку опыта интеграции мигрантов в принимающем сообществе, территориальных особенностей их размещения и структуры экономической деятельности, уровня безработицы (Чудиновских, 2015).

²⁹ Обобщение мирового опыта по измерению трудовой миграции на основе выборочных обследований населения (2015) / Статкомитет СНГ. М. 82 с. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=39716&p=attachment/> (дата обращения 02.12.2021).

³⁰ Этнокультурный облик России: перепись 2002 года (2007) / отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука. 516 с.

Отсутствие информации о распределении постоянного населения и мигрантов, в контексте их этнической идентичности ограничивает управленческие функции в сфере регулирования этнических и миграционных процессов. Для планирования социально-экономического развития, формирования миграционной и национальной политики государства необходимо иметь возможность доступа к более подробной информации посредством включения уточняющих вопросов в различные формы учета ВПН, выборочных обследований мигрантов, а также в административные формы учета. Гибкая этнополитика может основываться на полноценной информации об объекте управления для применения эффективных практик и механизмов управления, оперативно отвечая на возможные и реальные нарушения прав человека и группы (Дробижева, 2019).

На наш взгляд, для расширения информации, позволяющей учитывать и анализировать вопросы этнической ситуации в России и ее регионах, возможны следующие направления оптимизации существующих подходов к системе учета мигрантов:

1. При сохранении существующего перечня вопросов в переписных листах Всероссийских переписей населения о социально-демографической характеристике, включая вопрос о национальности, следует проводить предварительную разъяснительную работу о важности предоставления данной информации как постоянному населению, так и мигрантам. Возможна подготовка специальных памяток, раскрывающих необходимость учета национального фактора при принятии управленческих решений в сфере миграции, проведения анализа и разработки рекомендаций о направлениях адаптации и интеграции мигрантов в российском обществе.

2. Согласно подходу о возможной подвижности этнической самоидентификации набор переменных для уточнения социально-культурных особенностей иностранных граждан может включать несколько показателей. Принимая во внимание опыт зарубежных стран, считаем необходимым в переписные листы включить вопросы о месте рождения отца и матери респондента, что позволит получить более точное представление о его этнических и культурных

корнях³¹. Национальность на основе самоопределения входит в перечень вопросов в рамках ВПН, однако считаем уместным включить этот пункт в форму листов выбытия и карту миграционного учета, так как текущий (административный) учет в настоящее время не позволяет учитывать происходящие изменения в национальном составе страны и отдельных ее регионов. При этом наличие актуальной информации об этнической ситуации в стране является необходимым условием реализации этнополитики.

3. Другой вариант вопросов, направленных на углубление информации о миграционном прошлом респондентов, связан с уточнением, является ли респондент гражданином России по рождению или в результате натурализации, а также о месте рождения и годе переезда в Россию на постоянное жительство (Чудиновских, 2015).

Предложенные варианты вопросов направлены на решение задачи, касающейся формирования системного подхода к получению всесторонней информации об этнодемографической структуре и мигрантах, что позволит приблизиться к получению более точных знаний об этнической ситуации в стране и регионах.

Заключение

Наиболее полную информацию о мигрантах в России предоставляют данные переписей населения, однако очевидно, что динамичный характер миграционных потоков требует соответствующих мер учета. В российской практике текущий учет миграции осуществляется с использованием различных форм, но информация по ним чаще всего остается на уровне уполномоченных организаций, впоследствии не предоставляется в открытом доступе для проведения анализа в разрезе регионов России, а также в разрезе стран, граждане которых прибыли в Россию. Выборочные обследования позволяют более подробно изучить отдельные аспекты миграционных процессов или отдельные категории мигрантов, но не всегда их результаты могут быть сопоставимы во времени.

Относительно учета интересующих нас показателей отметим, что в рамках текущего уче-

³¹ Возможно, данный пункт может быть внесен в листы для опросов постоянного населения.

та мигрантов вопрос этничности не рассматривается. Во всех формах для заполнения указывается гражданство (подданство) иностранного гражданина, часто — место рождения, по желанию — национальность и вероисповедание в одной форме. Национальность на основе самоопределения может быть указана гражданами во время переписи населения. В настоящее время в статистических формах учета миграции, а также в других формах, применяемых в органах исполнительной власти, осуществляющих сбор и систематизацию данных о миграции, в обязательном порядке необходимо указывать гражданство. Информация о национальности и вероисповедании иностранных граждан предоставляется по желанию в ряде заявлений. При этом в текущих статистических формах данная информация

не представлена, что делает практически невозможным проведение анализа этнического состава трудовых мигрантов в России.

Принимая во внимание все сложности сбора информации об этничности мигрантов, считаем необходимым рассмотреть возможность включения дополнительных данных о месте рождения отца и матери респондента в листы переписи населения. Запрос этой информации не будет противоречить конституционному праву, однако позволит получить более точное представление об этнических и культурных корнях человека. Зачастую информация о стране рождения является более важной и объективной, нежели гражданство. В России, так же как и в других странах, гражданство выступает неустойчивым признаком, т. к. мигранты могут принять гражданство страны проживания.

Литература

- Бубликов В.В., Ермак Г.Г. (2021). Полиэтничность: от теоретических концепций к практике // Вестник антропологии. № 3. С. 7–16. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/7-16
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. (2015). Вглядываясь в «этническое» сообщество: отличия характеристик интеграции в «земляческородственные» и «национальные» круги на примере мигрантов из Кыргызстана в Москве // Социальная политика и социология. № 4. С. 24–37. DOI: 10.17922/2071-3665-2015-14-3-1-24-37
- Вендина О.И. (2016). Городские ответы на вызов этнокультурного разнообразия (Пермь, Уфа, Ростов-на-Дону) // Государственная служба. № 6 (104). С. 74–80. DOI: 10.22394/2070-8378-2016-18-6-74-80
- Вендина О.И., Паин Э.А. (2018). Многоэтнический город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупнейших городах. М.: Сектор. 184 с.
- Воробьева О.Д., Топилин А.В., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. (2014). Методологические подходы к организации выборочных статистических обследований трудовой миграции. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/79d/trudovaya-migraciya.pdf> (дата обращения 18.11.2020).
- Воробьева О.Д., Топилин А.В., Гребенюк А.А., Лебедева Т.В. (2016). Анализ миграционных процессов по данным переписей населения в России // Экономика региона. Т. 12. Вып. 1. С. 175–188. DOI: 10.17059/2016-1-13
- Габдрафиков И.М. (2021). Переписи населения в татаро-башкирском пограничье: политизация этностатистики // Вестник антропологии. № 3. С. 17–23. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/17-23
- Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А. (2019). Социокультурные условия приживаемости «новых» этнических групп Республики Татарстан // Вестник Института социологии. Т. 10. № 1. С. 62–81. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.556
- Давыдова В.Я., Егорова А.И., Савинова К.П., Шукина К.Е. (2015). Исследование социальной дистанции к трудовым мигрантам у представителей различных этнических групп // Казанская наука. № 11. С. 330–332.
- Дробижина Л.М. (2019). Политика интеграции полиэтнического российского общества в доктринальных документах, политологическом дискурсе и массовом сознании // Общественные науки и современность. № 4. С. 134–146. DOI: 10.31857/S086904990005821-5
- Козлов В.Е., Фролова Е.В., Вятчина М.В. (2016). Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. Ч. III. Казань: Глаголь. 255 с.

- Кульбачевская О.В. (2019). Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. № 4 (48). С. 106–118. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-48-4/106-118
- Маклашова Е.Г. (2019). Трансформация этнической структуры населения Якутии (территориальный срез) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4 (51). С. 98–105. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-4/98-105
- Мишук С.Н. (2013). Миграция и национальный состав населения на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. № 2-2. С. 210–221.
- Мукомель В.И. (2018). Региональные особенности интеграции внутрироссийских иноэтнических мигрантов // Федерализм. № 2. С. 141–160.
- Петрова Е.В., Жалсанова В.Г., Бильтрикова А.В. (2019). Мигранты в Бурятии: оценки принимающего сообщества // Социальная компетентность. Т. 4. № 3. С. 292–298.
- Пешкова В.М. (2015). Среднеазиатские этнические кафе Москвы: мигрантская инфраструктура в городском пространстве // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Изд-во ИГУ. С. 186–202.
- Рывкина О.Л., Османова Э.У. (2021). Перепись населения: зарубежный опыт и современные тенденции // Экономика строительства и природопользования. № 1 (78). С. 83–94. DOI: 10.37279/2519-4453-2021-1-83-94
- Рязанцев С.В., Мишук С.Н. (2020) Подходы к учету гражданства и этничности мигрантов в России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 5. С. 18–31. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-02
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. (2019). Международная трудовая миграция в Россию // Международные процессы. Т. 17. № 4 (59). С. 65–83. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.5
- Тишков В.А. (2011). О Всероссийской переписи населения 2010 года: разъяснения для ретроградов и националистов и предупреждения для чиновников и политиков // Этнологический мониторинг переписи населения / под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН. С. 15–30.
- Тишков В.А., Степанов В.В. (2017). Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской академии наук. Т. 87. № 10. С. 879–890. DOI: 10.7868/S0869587317100024
- Хайкин С.Р., Бережкова С.Б. (2016). Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 5. С. 96–109. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.07
- Чудиновских О.С. (2015). Сбор данных о трудовой миграции в ходе выборочных обследований населения // Вопросы статистики. № 9. С. 12–22.
- Alba R. (2018). What majority-minority society? A Critical analysis of the census bureau's projections of America's demographic future. *Socius*, 4. DOI: 10.1177/2378023118796932. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2378023118796932?icid=int.sj-abstract.similar-articles.2>
- Barwiński M. (2015). The ethnic structure of Poland in geographical research. *Geographia Polonica*, 88, 41–63. DOI: 10.7163/GPol.0005
- Bérard-Chagnon J., Hallman S., Caron G. (2019). Recent immigrants and non-permanent residents missed in the 2011 Census. *Statistics Canada=Statistique Canada*. DOI:10.13140/RG.2.2.22420.55682
- Birnir J., Wilkenfeld J., Fearon J. et al. (2015). Socially relevant ethnic groups, ethnic structure, and AMAR. *Journal of Peace Research*, 2, 110–115. DOI: 10.1177/0022343314536915
- Morning A. (2008). Ethnic classification in global perspective: A cross-national survey of the 2000 census round. *Population Research and Policy Review*, 27, 239–272. DOI: 10.1007/s11113-007-9062-5
- O'Hare W.P. (2019). *Differential Undercounts in the US Census: Who Is missed?* Springer Nature.
- Rodrigues-Silveira R. (2014). *The Politics of Demography: Censuses as Resources for Political Analysis*. DOI: 10.13140/RG.2.2.30912.94729
- Zhou Y. (2019). Question of ethnic group formulation in the Chinese census. *China Popul. Dev. Stud.*, 3, 67–83. Available at: <https://doi.org/10.1007/s42379-019-00034-5>

Сведения об авторах

Сергей Васильевич Рязанцев — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: riazan@mail.ru)

Светлана Николаевна Мищук — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Тимур Робертович Мирязов — младший научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: miryazov_timur@mail.ru)

Ryazantsev S.V., Mishchuk S.N., Miryazov T.R.

Ethnodemographic Structure of Immigration to Russia: Possibilities of Statistical Analysis

Abstract. Migration processes, unlike natural population movement, are more diverse, can be caused by different reasons and have different directions and deadlines. In this regard, the boundaries between the types of migration (and migrants) are often unclear, which complicates not only their classification, but also the choice of suitable sources for obtaining information about them. Ethnodemographic changes are taking place in modern Russia; this makes it necessary to monitor them more closely and expand approaches to their accounting. The purpose of the study is to develop proposals for the registration of immigrants based on the analysis of approaches developed in Russian and foreign practice aimed at studying and assessing the ethnodemographic characteristics of migrants. As a result of the study, we show that the most complete information about immigrants in Russia is provided by population census data, but the dynamic nature of migration flows requires additional measures related to their accounting. Current migration accounting is carried out using various forms, but the information most often remains at the level of authorized organizations and is not publicly available for analysis in the context of Russia's regions and in the context of the countries whose citizens have arrived in Russia. Sample surveys allow us to study in more detail certain aspects of migration processes or certain categories of migrants, but their results may not always be comparable in time. We suggest the possibility of including additional data on the place of birth of the respondent's father and mother in the population census sheets. For Russia, as well as for other countries, citizenship is an unstable feature, since migrants can become citizens of the country of residence. Requesting data on the place of birth of the respondent's father and mother does not contradict constitutional law and helps to obtain a more clear idea concerning the ethnic and cultural roots of the individual.

Key words: registration of immigrants, ethnodemographic changes, population census, registration forms, national identity, ethnic group, citizenship, foreign citizens.

Information about the Authors

Sergei V. Ryazantsev – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, director, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: riazan@mail.ru)

Svetlana N. Mishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: svetamic79@mail.ru)

Timur R. Miryazov – Junior Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: miryazov_timur@mail.ru)

Статья поступила 15.02.2022.

Особенности цифрового гражданского участия в ракурсе современных исследований



**Елена Олеговна
СМОЛЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: riolenas@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-6452-1441; ResearcherID: I-8343-2016



**Андрей Васильевич
ПОПОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ai.popov@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-4803-1354; ResearcherID: I-8785-2016

Аннотация. Возникновение и развитие цифрового гражданского участия является неизбежным следствием проникновения глобальной сети Интернет в различные сферы жизнедеятельности. Несмотря на новизну самого феномена, практики онлайн-активизма прочно вошли в общественную жизнь, оказывая существенное воздействие на те или иные события, а порой и вовсе выступая в качестве основного триггера последующих изменений, что особенно характерно для политической системы. Вместе с тем существует немало опасений, связанных с распространением цифрового гражданского участия, в результате чего весьма сложно говорить о долгосрочных последствиях таких преобразований. В связи с этим цель работы заключается в обобщении опыта изучения цифрового гражданского участия и выделении особенностей его проявления в

Для цитирования: Смолева Е.О., Попов А.В. (2022). Особенности цифрового гражданского участия в ракурсе современных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 154–166. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.8

For citation: Smoleva E.O., Popov A.V. (2022). Digital civic participation in the context of modern research. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 154–166. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.8

современном мире. Методология исследования строится на принципах систематического научного обзора. В ходе анализа были определены сущностные основы и рассмотрены отличительные черты онлайн-активизма по сравнению с традиционным офлайн-форматом, которые находят отражение в формах проявления, способах привлечения и составе самих участников, а также условиях, необходимых для осуществления коллективных действий. Широта цифрового гражданского участия во многом обеспечивается легкостью точки входа в общественные дела, а также вариативностью направлений деятельности и типов сетевого взаимодействия. Несмотря на распространенность тезиса о сугубо внешней видимости онлайн-активизма и его разрушительных последствиях, конкретные эмпирические исследования не подтверждают данный вывод. Тем не менее угрозы распространения информационно-коммуникативных технологий вполне реальны и выходят далеко за рамки виртуального пространства. В заключение сформулировано несколько дискуссионных положений о возможных способах преодоления существующих противоречий в этой области. Проведенное исследование вносит вклад в развитие научных представлений о специфике цифрового гражданского участия и раскрытие потенциала его применения в ракурсе современных вызовов и угроз.

Ключевые слова: цифровое гражданское участие, онлайн-активизм, цифровой активизм, социальные сети, слактивизм, гражданское участие, диджитализация.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31702.

Введение

Тенденции современного развития позволяют с уверенностью говорить о полноправном вступлении мирового сообщества в цифровую эпоху. За последние 20 лет удельный вес пользователей сети Интернет увеличился с буквально нескольких процентов до более чем половины жителей планеты¹. В условиях пандемии коронавируса COVID-19, когда спрос на цифровые сервисы продемонстрировал рекордный рост, значения показателя достигли 66%, а в отдельных регионах мира – 90% и выше². Очевидно, что в ближайшем будущем использование глобальной сети примет повсеместный характер. Уже сейчас она проникла практически во все сферы человеческой деятельности, преобразуя традиционные практики участия населения в жизни общества. В этом плане сеть Интернет выступает не только средством осуществления привычных для нас действий, но и пространством, закрепляющим принципиально новые

модели поведения. Особенно наглядно это проявляется в области гражданского активизма, где на место пикетов, забастовок и демонстраций приходит онлайн-активность: от написания и репостов сообщений в социальных сетях до разработки специальных приложений, направленных на выявление и решение социальных проблем. В то же время открытость, а в большинстве своем и анонимность интернет-пространства не только способствует расширению возможностей участия в общественных инициативах, но и становится площадкой для ведения деструктивной деятельности (распространение дезинформации, интернет-травля, хакерские атаки и т. д.).

В результате восприятие цифрового гражданского участия, несмотря на закономерность его возникновения, сложно назвать однозначным. В академической среде зачастую говорится о позитивных сторонах данного феномена, который нередко только зарождается в цифровом пространстве, а реализуется уже офлайн (Башева, 2020, с. 45). При этом исследователи подчеркивают, что цифровое гражданское участие скорее не замещает традиционные практики, а способствует раскрытию их потен-

¹ Individuals using the Internet (% of population) // World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (accessed 15.10.2021).

² Internet usage statistics // Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed 15.10.2021).

циала и повышению разнообразия форм социальной активности, в особенности для молодых поколений³ (Pettingill, 2008). Однако существуют и противоположные взгляды на этот счет. Так, использование цифровых медиа нередко оборачивается слактивизмом (кликтивизмом), то есть имитацией деятельности, когда действия в сети удовлетворяют лишь собственные потребности вследствие иллюзорности представлений о причастии к решению той или иной проблемы (подписание онлайн-петиций, вступление в интернет-сообщества и т. д.) (Lane et al., 2018). Вместе с тем конкретные эмпирические исследования, как правило, не подтверждают данную гипотезу (Lee, Hsieh, 2013; Howard et al., 2016; Boulianne, Theocharis, 2020), хотя в отдельных работах внимание акцентируется на том, что в случае анонимной поддержки инициатив вероятность реального участия в них заметно снижается (Yessenbekova, 2020).

Цифровое гражданское участие является весьма чувствительной темой для органов власти. С одной стороны, в развитых странах имеются объективные предпосылки для обеспечения принципов делиберативной демократии, подразумевающей вовлечение институтов гражданского общества в сферу реализации государственной политики (Ермолаева и др., 2020, с. 388), поскольку уровень участия молодежи в традиционных практиках (в частности, голосование и вступление в политические партии) неуклонно снижается (Xenos et al., 2014). Отсюда и заинтересованность правительства в создании благоприятных условий для цифрового активизма. Наряду с этим имеется немало причин для беспокойства в связи с его распространением. Одной из них является отсутствие прозрачности в Интернете (Mandarano et al., 2010, р. 132), что позволяет, например, скрывать авторство экстремистских публикаций, доступных для широкой аудитории, и не нести за это ответственность. Похожим образом обстоят дела и в случае с виртуальной агрессией, бороться с которой достаточно сложно (Макарова и др., 2016, с. 298–299). Другая немаловажная проблема заключается в распространении фаль-

шивых новостей, получивших второе дыхание в цифровую эпоху как инструмент манипулирования массовым сознанием. Бесконтрольное распространение информации в глобальной сети способно обернуться серьезными последствиями для государства и общества. В качестве примеров можно назвать президентские выборы в США в 2016 году, в ходе которых каждая четвертая новость в социальной сети Twitter носила ложный или крайне предвзятый характер (Bovet, Makse, 2019), а также пандемию коронавируса COVID-19, породившую огромное количество дезинформации (Vagua et al., 2020). В связи с этим во многих странах предпринимаются серьезные меры, направленные на урегулирование и контроль гражданской активности в сети Интернет.

Несмотря на все возможности и угрозы, феномен цифрового гражданского участия проявляется на различных уровнях сетевого взаимодействия. Как правило, формирование горизонтальных связей происходит, когда инициативные люди заявляют о своей позиции и объединяются друг с другом для достижения тех или иных целей. В этом случае могут использоваться самые разнообразные интернет-площадки, созданные как для простого общения и обмена информацией, так и непосредственно побуждающие граждан к созидательной деятельности (например, краудфандинговые платформы). На вертикальном уровне взаимодействия преимущественно происходит диалог между обществом и органами власти, где в качестве базиса выступает электронное правительство, получившее развитие практически во всех странах мира⁴. Данная концепция представляет собой организацию государственного управления на основе применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые, в частности, расширяют возможности обратной связи и предоставления электронных услуг.

⁴ Исследование ООН: Электронное правительство 2020. Цифровое правительство в десятилетии действий по достижению устойчивого развития / Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2020-Survey/2020%20UN%20E-Government%20Survey%20-%20Russian.pdf> (дата обращения 10.10.2021).

³ Smith A. Civic Engagement in the Digital Age // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2013/04/25/civic-engagement-in-the-digital-age/> (accessed 15.10.2021).

Принимая во внимание противоречивость и широкое распространение онлайн-активизма, важно подчеркнуть, что в этой области сохраняется множество лакун, препятствующих раскрытию его потенциала. Представленная в научной литературе информация носит во многом разрозненный характер, в результате чего весьма сложно говорить о формировании целостного понимания сущности и перспектив развития данного феномена с точки зрения возможностей взаимодействия государства и общества. В связи с этим в статье поставлена цель обобщить опыт изучения цифрового гражданского участия и выделить особенности его проявления в современном мире. Особое внимание также уделено сравнению практик, реализуемых в виртуальном и реальном мире, поскольку данный дискурс имеет принципиальное значение для определения контуров будущего гражданского общества.

Материалы и методы

Для того чтобы более четко обозначить дизайн исследования, раскроем сущность понятия «цифровое гражданское участие» и смежных с ним категорий. Однако сразу оговоримся, что в рамках настоящего исследования мы используем термины «цифровое гражданское участие», «онлайн-активизм», «онлайн-участие», «цифровой активизм», а также ряд более широких формулировок (например, онлайн-формат гражданского участия) в качестве синонимов. Несмотря на некоторые различия в трактовках, это позволило нам сократить количество излишне громоздких речевых конструкций и повторов, затрудняющих восприятие излагаемого материала.

В многочисленных работах при определении цифрового гражданского участия отправной точкой служит утверждение о том, что *это форма гражданского участия, в ходе реализации которой задействован инструментарий ИКТ* (Vegh, 2003; Yang, Kang, 2014; Gerbaudo, 2017). Если следовать такой логике, то в первую очередь необходимо соотносить понятия «гражданское участие» и «цифровое гражданское участие» как общее и частное. Для этого обратимся к дефиниции первого термина, ограничив его предметное поле и выделив сущностные признаки (Milbrath, 1965, p. 5).

Анализ научной литературы позволил задать следующие концептуальные рамки гражданского участия:

- к участию относятся добровольные коллективные действия (Демакова и др., 2014, с. 148);
- цель действий – оказание влияния / давления на власть (Ермолаева и др., 2020; Teocharis, 2015), кооперация с другими гражданами и структурами гражданского общества (Никовская, 2017) или повышение осведомленности (Lonkila et al., 2021);
- действия реализуются в ходе коммуникативного взаимодействия с другими гражданами и социальными институтами (Lonkila et al., 2021);
- в качестве результата действий предполагается решение социальной проблемы (Ермолаева и др., 2020), удовлетворение общественных интересов (Скалабан, 2011a).

Опираясь на вышеперечисленные положения, *под гражданским участием мы будем понимать различные виды добровольного взаимодействия граждан или их объединений с целью оказания влияния на власть, кооперации или повышения осведомленности, направленные на решение социальных проблем и удовлетворение общественных интересов*. Поскольку понятийный аппарат в этой области еще не сформирован, провести четкую границу между смежными категориями едва ли представляется возможным. Так, в научной литературе говорится о том, что социальное участие в большей степени основано на горизонтальных связях, которые устанавливаются в рамках повседневной жизни, в то время как гражданское участие акцентирует внимание на взаимодействии людей с различными структурами и демократическими институтами и может включать в себя политическое участие (Скалабан, 2011b, с. 136–137). Мы разделяем данную точку зрения, однако она не является единственной, и каждый автор в конечном итоге подразумевает под обозначенными терминами что-то свое. Все это накладывает определенные ограничения на наше исследование, поскольку в ходе анализа научной литературы зачастую понятийный аппарат остается за рамками повествования, в результате чего сформировать целостное представление об используемом подходе бывает весьма сложно.

Далее возникает закономерный вопрос: действительно ли переход к цифровому гражданскому участию ограничивается использованием ИКТ? С позиции выделения сущностных признаков это действительно так, что подтверждает вышеназванная литература, при этом виртуальное пространство вносит серьезные коррективы в поведение людей. Одной из таких особенностей становятся *соединительные действия, которые подразумевают отсутствие четкой координации «сверху-вниз» лидерами движений* (Bennett, Segerberg, 2015). Относительная легкость входа в онлайн-активизм делает необязательным наличие формальной организации и лидерства, а также формирование гражданской идентичности и коллективной идеологии (Bennett, 2012). Не случайно в научный дискурс даже вводится понятие «персонализированные коллективные действия» (personalized collective action) (Micheletti, 2003). Вместе с тем нельзя не отметить, что среди сетевых пользователей существует разделение на *лидеров мнений* (коммуникаторов в линейной модели коммуникации Г. Лассуэлла) и *реципиентов информации*. Так, лишь 6% пользователей Twitter были классифицированы как «активные политические твитеры», тогда как остальные участники протестных групп ограничивались прочтением, «лайками», иногда комментированием и репостами (Ахременко и др., 2020).

Само по себе цифровое гражданское участие неразрывно связано с традиционными коллективными действиями и зачастую выполняет роль бустера, усиливая или расширяя их прежде всего за счет налаживания коммуникативных цепочек и распространения информации в социальных сетях и мессенджерах. В таком случае основные эффекты достигаются в реальном мире, что *требует дополнительных усилий за пределами виртуального пространства* (голосование на выборах, участие в митингах и т. д.). Однако онлайн-активизм может быть весьма самодостаточным и осуществляться только в сети Интернет. На первый план здесь выходят целевые установки индивида, которые могут ограничиваться, например, информированием населения о социально значимых проблемах. В то же время существует немало возможностей, позволяющих в полной мере реализовывать потенциал цифрового гражданского участия. Главным образом речь идет об интернет-

платформах (digital participatory platforms), которые могут использоваться для сбора денежных средств на благотворительность, поддержки различных гражданских инициатив, создания цифровых решений и даже электронного голосования по актуальным для государства и общества вопросам. Спектр возможных направлений растет с каждым днем, хотя и зависит от особенностей той или иной страны. В самом обобщенном виде такие действия подразделяют на информирование/пропаганду (awareness/advocacy), организацию/мобилизацию (organization/mobilization) и действие/реакцию (action/reaction) (Vegh, 2003, p. 72).

Важной особенностью нашего исследования является выстраивание логики изложения *с точки зрения действий активистов*, т. е. рассмотрение сугубо односторонних связей, поскольку даже в этом случае тематика остается достаточно широкой, хотя мы и ставим перед собой цель лишь обозначить общие контуры развития цифрового гражданского участия. Согласно принятому подходу при решении общественно значимых проблем индивид может обращаться как в органы власти, так и к другим социальным институтам. Исходя из этого, мы предполагаем, что цифровое гражданское участие характеризуется следующими основными типами взаимодействия: *граждане и правительство* (C2G, citizen-to-government), *граждане и общество* (C2S, citizen-to-society), *граждане и бизнес* (C2B, citizen-to-business) (Смолева, 2021).

В ходе анализа мы использовали методологические принципы построения систематического научного обзора, включающего постановку цели и разработку дизайна исследования, отбор литературы, обобщение и представление результатов (Tranfield et al., 2003, p. 214). Информационную базу работы составили статьи, опубликованные в отечественных и зарубежных базах данных, монографии, отчеты международных организаций и иные источники, размещенные в сети Интернет. Поиск литературы осуществлялся в базах данных Web of Science, Scopus, Google Scholar, РИНЦ по ключевым словам «цифровое гражданское участие», «онлайн-активизм», «цифровой активизм», «слактивизм» на русском и английском языках. Несмотря на отсутствие акцентов в отношении конкретных областей жизнедеятельности, многие работы были *посвящены активности в по-*

литическом поле, что отразилось на характере изложения материала и приведенных нами примерах. Впрочем, это не противоречит сущностным основам цифрового гражданского участия, которые мы обозначили ранее.

Результаты исследования

Результаты анализа научной литературы в области цифрового гражданского участия свидетельствуют о тенденции к суживанию предмета исследования. Зачастую под онлайн-активизмом понимают деятельность, связанную с социальными сетями: размещение оригинального контента и ссылок на пользовательские материалы, обсуждение общественно значимых проблем и побуждение других людей к активным действиям (Theocharis et al., 2021). Реальный же перечень практик цифрового гражданского участия заметно шире и включает в себя *подачу и подпись петиций, благотворительность, создание онлайн-сообществ, электронное голосование* и т. п.

Более широкий подход к цифровому гражданскому участию может быть охарактеризован как «новая концепция гражданства, основанная на альтернативных способах участия» (Ахременко и др., 2020). При этом акты участия в виртуальном пространстве зачастую могут быть чем-то большим, чем просто онлайн-версиями автономных гражданских действий (Theocharis, 2015). Одновременно встречаются высказывания о том, что только перевод онлайн-активности в реальный мир способствует реализации общественными движениями своих предназначений (Menteş, 2019). Именно переход из одного формата в другой вызывает особый интерес. В частности, потенциал протестных движений может накапливаться в Интернете и уже впоследствии выплескиваться «наружу» (движения «Захвати Уолл-стрит», «Арабская весна» и др.) (Ахременко и др., 2020). Поэтому оба формата участия граждан тесно связаны между собой. Ученые приводят данные, согласно которым вероятность обращения к онлайн-формату какого-либо вида гражданской активности возрастает, если человек уже задействован в нем традиционным способом (Theocharis et al., 2021). И наоборот, онлайн-участие в политических дискуссиях положительно влияет на внесетевую активность, например на электоральное поведение (Boulianne, 2009).

Как уже было сказано ранее, цифровое гражданское участие имеет свои особенности в зависимости от типа взаимодействия. В исследовательской среде большое внимание отводится онлайн-активизму, оказывающему непосредственное влияние на деятельность органов власти (C2G): участие в выборах и референдумах, работа заявительных сервисов и т. д. Ключевым механизмом здесь выступает электронное правительство, содержащее различные инструменты для диалога с населением: от государственных информационных ресурсов до порталов государственных и муниципальных услуг. В качестве конкретного примера можно назвать интернет-ресурс «Российская общественная инициатива»⁵, на котором граждане России могут проголосовать за уже существующие инициативы либо выдвинуть свою. Немаловажная роль отводится и неформальным каналам коммуникации, где «пальма первенства» принадлежит социальным сетям, в основном используемым для взаимодействия внутри общества, как между отдельными индивидами, так и при их обращении к различным объединениям (C2S). При этом во втором случае граждане имеют возможность прибегать к более формализованным видам взаимодействия: участие в подготовке информационных материалов, дистанционное обучение, онлайн-волонтерство, управление цифровыми проектами и сетевыми сообществами и т. д. Онлайн-волонтерство здесь рассматривается как элемент краудсорсинга, когда несколько человек работают вместе для решения социально значимой задачи на добровольной основе. В рамках совместной деятельности также выделяются следующие подтипы: краудфандинг (сбор средств или ресурсов), краудвиздом (экспертиза), краудрекрутинг (поиск волонтеров), краудкриэйшн (коллективная разработка идеи).

Поскольку гражданское участие чаще всего трактуется в ракурсе политики и помощи государству в преодолении социальных проблем, некоторый скепсис может вызывать выделение типа взаимодействия «граждане и бизнес» (C2B). Однако мы считаем, что коллективные действия людей в отношении какой-либо

⁵ О проекте // РОИ. URL: <https://www.roi.ru/page/about/> (дата обращения 10.03.2022).

организации, будь то рекламации или отзывы о ее деятельности, оказывают существенное воздействие не только на развитие принципов корпоративной социальной ответственности, но и на функционирование целых отраслей экономики. В качестве примера можно привести движение MeToo, обернувшееся серьезными последствиями для киноиндустрии⁶, разработчиков компьютерных игр⁷ и т. д. В результате многие компании были вынуждены пересмотреть свою политику по вопросам занятости женщин и формирования благоприятных условий труда в целом.

В процессе организации и становления общественных движений цифровая среда способствует реализации важнейших задач по информированию, координации и мобилизации людей (Boyd, 2008). Однако едва ли можно говорить о существовании консолидированной позиции относительно влияния Интернета на гражданское участие. С одной стороны, многие делают акцент на развлекательном характере деятельности пользователей глобальной сети, что отвлекает их от гражданских действий (Wu, Weaver, 1997) и уменьшает социальный капитал (Etzioni, Etzioni, 1999; Putnam, 2000). С другой стороны, виртуальное пространство предоставляет людям, которые уже вовлечены в онлайн-активизм, дополнительные возможности для самореализации (Norris, 2001), а также способствует привлечению новых участников посредством расширения информационного горизонта и обеспечения легкой точки входа в общественные дела (например, переход от подписания петиции до участия в митинге) (Weber et al., 2003; Edgerly et al., 2018).

Так же как и в случае с Интернетом в целом, в научной литературе сформировались полярные подходы к оценке роли социальных сетей в гражданском активизме: *позитивный* (позволяют людям быть более информированными,

находить единомышленников и участвовать в жизни общества) и *негативный* (концентрируют внимание на межличностном общении в онлайн-пространстве, отвлекая от реальных дел и способствуя слактивизму) (Kristofferson et al., 2014; Smith et al., 2019). Представляется, что занимать одну из обозначенных сторон может быть преждевременно в силу не только отсутствия достаточного количества конкретных эмпирических исследований в этой области, но и специфики протекания процесса цифровизации гражданского участия и его регулирования в разных странах. Тем не менее уже сейчас встречаются работы, согласно которым подавляющее большинство респондентов считает, что соцсети эффективны с точки зрения повышения осведомленности общественности о политических или социальных проблемах (80%), создания устойчивых социальных движений (77%), влияния на управленческие решения (63%)⁸. При этом такие платформы, как Facebook и Twitter, воспринимаются в качестве востребованных инструментов для организации протестов (Wolfsfeld et al., 2013) и площадок для политических дискуссий (Howard et al., 2011), а также альтернативных источников информации в условиях контроля со стороны власти традиционных СМИ (Khondker, 2011).

Популярность социальных сетей в данном контексте во многом связана с их массовостью, что позволяет более четко отслеживать те или иные процессы. Так, согласно отчетам Pew Research Center, в 2018 году 53% американцев принимали участие в политической деятельности, сопряженной с действиями в социальных сетях (рост на 14% по сравнению с 2013 годом). Примерно четверть взрослых пользователей соцсетей в США в 2020 году изменили свои взгляды на проблему из-за размещенной там информации (например, о движениях MeToo и BlackLivesMatter). Отсюда вытекает важнейшая роль социальных сетей в формировании политического самосознания людей и их политической самопрезентации (Lane et al., 2019).

⁶ #MeToo and Hollywood: what's changed in the industry a year on? // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/oct/08/metoo-one-year-on-hollywood-reaction> (accessed 10.10.2021).

⁷ #MeToo Topples Activision Blizzard Exec After Huge Staff Revolt—\$10 Billion In Market Value Lost // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/jonathanponciano/2021/08/03/metoo-topples-activision-blizzard-exec-after-huge-staff-revolt-10-billion-in-market-value-lost/?sh=28e3d02fb480> (accessed 10.10.2021).

⁸ Auxier B., McClain C. Americans think social media can help build movements, but can also be a distraction // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/09/09/americans-think-social-media-can-help-build-movements-but-can-also-be-a-distraction/> (accessed 10.10.2021).

Говоря об интернет-пространстве, важно понимать, что цифровое неравенство накладывает серьезный отпечаток на отдельные слои общества, вовлеченные в онлайн-активизм. При равном доступе к информации о возможностях участия представительность различных групп значительно смещена в сторону людей, обладающих знаниями и ресурсами (Rottinghaus, Escher, 2020). Часто на первый план выходят молодые люди с низким уровнем доверия к политической системе и высоким уровнем политического интереса (Theocharis et al., 2021). Участие лиц старшего возраста, как правило, осложняется недостатком цифровых компетенций и проблемами при взаимодействии с веб-ресурсами (Seddighi, Salmani, 2018). В связи с этим социально-демографические портреты последователей офлайн и онлайн форматов гражданского участия различаются. Похожим образом обстоят дела с мотивацией, побуждающей людей к активности в сети Интернет. Например, онлайн-волонтеры наряду с альтруизмом, социальным признанием, саморазвитием испытывают большую потребность в гибкости и свободе (прежде всего в отношении времени и места работы) (Silva et al., 2018).

Как и в случае с традиционными практиками, страновые и региональные различия в цифровом гражданском участии во многом зависят от экономических, институциональных и социокультурных особенностей. На примере Facebook было показано, что протестная мобилизация прежде всего происходит в следующих странах: технологически развитых, с ростом общественного недовольства или отсутствием иных возможностей для координации действий против властей (Fergusson, Molina, 2021). При этом, как показывают исследования, относительно разрозненные сети с превалированием дальних связей у активистов будут скорее способствовать распространению информации о протесте, а сети с более плотными кластерами и сильными связями — протестному поведению (при увеличении рисков формирования замкнутого сообщества, за пределы которого протест не выходит (Jost et al., 2018)). В связи с этим большое значение отводится типу населенного пункта. Так, в сельской местности активность граждан зависит в основном не от

присутствия в Интернете лидеров мнений или сетевого характера распространения информации, а от поведения ближайшего окружения. Хотя здесь имеются и свои исключения, когда, например, речь заходит о политических выборах на уровне государства (Eubank, 2021). В свою очередь в городских округах, характеризующихся более высоким социальным капиталом и участием людей в онлайн-сообществах, усилия по координации коллективных действий заметно снижаются (Enikolopov et al., 2020).

Особенностью цифрового гражданского участия является низкий порог для входа. Подтверждением этому выступают последствия коронавируса COVID-19. Так, через три недели после объявления о введении ограничительных мер и блокировки деятельности официальных учреждений социального профиля в Дании было образовано 247 групп поддержки в Facebook с количеством участников в сотни тысяч человек, а в Германии каждый четвертый волонтер, оказывающий помощь в период пандемии, до этого не принимал участия в гражданских инициативах (Hjalmar et al., 2021).

В конечном итоге на вовлечение людей в цифровое гражданское участие влияют характеристики *интернет-подключения* (как правило, более активны пользователи с широкополосным доступом) и *веб-сайтов* (их популярность и ангажированность, предвзятость подачи информации), а также *пользовательский опыт*. Результаты исследования электорального поведения взрослого населения в США показали, что популярность и очевидная предвзятость сетевых ресурсов сказываются не только на отношении к получаемой информации, но и на последующей активности (Al-Hasan, Khalil, 2021). Вместе с тем оценить реальный эффект от использования глобальной сети для вовлечения людей в гражданское участие весьма сложно, что во многом обусловлено необходимостью учета такого фактора, как наличие интереса, определяющего общий настрой в отношении онлайн-активизма (Boulianne, 2009). Исходя из этого, персонализированные приглашения выступают эффективным инструментом мобилизации, который увеличивает уровень участия в четыре-семь раз (Rottinghaus, Escher, 2020).

К недостаткам и негативным проявлениям ИКТ в контексте цифрового гражданского участия можно отнести переизбыток информации, возможность контроля информационного поля со стороны власти, подмену реальной среды/действий виртуальной. Год выборов Президента США сопровождался политическими атаками в социальных сетях, что заставило более половины взрослых пользователей (55%) сообщать об информационной «усталости»⁹. Кроме того, большинство американцев (72%) не находят точек соприкосновения в ходе онлайн-дискуссий о политике. Также исследователи обращают внимание на использование авторитарными правительствами социальных сетей для контроля демократических движений (Gunitsky, 2015). В связи со сказанным тревожным представляется тот факт, что около 70% пользователей социальных сетей в США никогда не публикуют информацию (или весьма редко) и не рассказывают о политических и социальных проблемах из-за нежелания подвергаться нападкам из-за своих взглядов¹⁰.

В результате можно ли считать цифровое гражданское участие эффективным способом преодоления социальных вызовов? По нашему мнению, сама постановка вопроса содержит в себе ответ, который может быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от позиции государства и общества на этот счет. С одной стороны, онлайн-активизм прочно вошел в общественную жизнь, преобразуя окружающую нас действительность, чему способствует развитие технологий (например, использование блокчейн для проведения электронного голосования). Вследствие этого спектр возможных направлений деятельности постоянно расширяется. Учитывая низкий порог входа, все больше людей могут раскрыть свой гражданский потен-

циал как минимум на базовом уровне (репосты сообщений, подписание петиций, онлайн-волонтерство и т. д.), поскольку отдельные действия в сети требуют наличия определенных компетенций. С другой стороны, существует немало примеров, когда власти пытаются жестко регламентировать цифровое гражданское участие, очерчивая весьма узкие границы дозволенного (в основном в рамках формальных механизмов взаимодействия). Даже в странах, приверженных принципам делиберативной демократии, нередко звучат идеи о борьбе с чрезмерной свободой Интернета, особое место отводится деанонимизации пользователей, блокировке нежелательного контента и противодействию хакерским атакам.

В условиях стремительной цифровизации всех сфер жизнедеятельности кажется очевидным, что дальнейшее повышение значимости виртуального пространства приведет к сращиванию онлайн и офлайн миров. Это позволит преодолеть ряд сложностей, связанных с недоверием к цифровому гражданскому участию, хотя и породит новые вызовы, которые не раз упоминались в художественной литературе. В связи с этим ситуация во многом кажется патовой, а единственным рациональным вариантом разрешения противоречий служит пристальный контроль за развитием онлайн-активизма со стороны государства и общества, поиск взаимных компромиссов.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что цифровое гражданское участие, получившее широкое распространение в последние десятилетия, вносит серьезный вклад в развитие общественной и политической жизни. В этом плане Интернет не только является средством массовой коммуникации и поиска информации, посредством которого заметно проще вести социальный диалог и реализовывать традиционные практики активизма, но и способствует формированию принципиально новых моделей поведения, характерных прежде всего для молодого поколения. Особая роль в этом процессе отводится социальным сетям как одному из важнейших каналов для выражения собственной позиции и взаимодействия (преимущественно межличностного и неформального). Во многом дополняя друг друга, офлайн

⁹ Anderson M., Auxier B. 55% of U.S. social media users say they are 'worn out' by political posts and discussions // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/08/19/55-of-u-s-social-media-users-say-they-are-worn-out-by-political-posts-and-discussions/> (accessed 10.10.2021).

¹⁰ Auxier B., McClain C. Americans think social media can help build movements, but can also be a distraction // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/09/09/americans-think-social-media-can-help-build-movements-but-can-also-be-a-distraction/> (accessed 10.10.2021).

и онлайн форматы гражданского участия имеют множество отличий с точки зрения форм проявления, способов привлечения и состава активистов, а также условий, необходимых для осуществления коллективных действий.

Обобщая накопленный опыт в этой области, достаточно сложно сформулировать однозначную позицию об эффектах онлайн-активизма. Тезис о его негативных последствиях, где центральное место занимают риски слактивизма, хотя и является предметом широкого обсуждения, лишь отчасти находит эмпирическое подтверждение. В основном же речь идет о недостатках широкого распространения ИКТ в целом (дезинформация, интернет-травля, хакерские атаки и т. д.), которые наносят серьезный ущерб и отдельным инициативам, и развитию всего общества, т. к. выходят далеко за рамки виртуального пространства. В связи с этим во многих странах предпринимаются

серьезные меры, направленные на урегулирование Интернета и формализацию онлайн-активизма.

Вопрос о перспективах цифрового гражданского участия во многом носит риторический характер, поскольку возникновение данного феномена выступает объективным следствием перехода стран к информационному обществу. Однако контуры и степень дозволенности проявления коллективных действий в глобальной сети будут зависеть как от доминирующей повестки в отношении обеспечения принципов делиберативной демократии (например, функционирование электронного правительства), так и от самих технологий, позволяющих людям свободно высказывать свою позицию и влиять на общественные процессы. В настоящее время очертить эту грань едва ли представляется возможным.

Литература

- Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. (2020). Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
- Башева О.А. (2020). Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. Т. 6. № 1. С. 41–57. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4
- Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. (2014). Неполитический активизм в России // Pro et Contra. № 3–4. С. 148–163.
- Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В., Башева О.А. (2020). Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408(388)
- Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. (2016). Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. № 13 (3). С. 293–311. DOI: [https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.17\(298-299\)](https://doi.org/10.21702/rpj.2016.3.17(298-299))
- Никовская Л.И. (2017). Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Вып. I (Труды XX Международной объединенной научной конференции Интернет и современное общество, IMS-2017, Санкт-Петербург, 21–23 июня 2017 г. Сборник научных статей). СПб.: Университет ИТМО. С. 144–158.
- Скалабан И.А. (2011a). Общественное участие: теоретико-методологические проблемы интерпретации // Современные исследования социальных проблем. Т. 6. № 2. С. 216–220.
- Скалабан И.А. (2011b). Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». № 1 (13). С. 131–139.
- Смолева Е.О. (2021). Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Проблемы развития территории. Т. 25. № 2. С. 90–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.6
- Al-Hasan A., Khalil O., Yim D. (2021). Digital information diversity and political engagement: The impact of website characteristics on browsing behavior and voting participation. *Information Polity*, 26(1), 21–37. DOI: 10.3233/IP-190183

- Barua Z., Barua S., Aktar S., Kabir N., Li M. (2020). Effects of misinformation on COVID-19 individual responses and recommendations for resilience of disastrous consequences of misinformation. *Progress in Disaster Science*, 2020, 8. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590061720300569> (accessed: October 10, 2021). DOI: 10.1016/j.pdisas.2020.100119
- Bennett L.W. (2012). The personalization of politics: Political identity, social media, and changing patterns of participation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 644, 20–39. DOI: 10.1177/0002716212451428
- Bennett L.W., Segerberg A. (2015). The logic of connective action. Digital media and the personalization of contentious politics. *Information, Communication & Society*, 15(5), 739–768.
- Boulianne S. (2009). Does Internet use affect engagement? A meta-analysis of research. *Political Communication*, 26(2), 193–211. DOI: 10.1080/10584600902854363
- Boulianne S., Theocharis Y. (2020). Young people, digital media, and engagement: A meta-analysis of research. *Social Science Computer Review*, 38(2), 111–127. DOI: 10.1177/0894439318814190
- Bovet A., Makse H.A. (2019). Influence of fake news in Twitter during the 2016 US presidential election. *Nature Communications*, 10. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41467-018-07761-2> (accessed: October 10, 2021). DOI: 10.1038/s41467-018-07761-2
- Boyd D. (2008). Facebook’s privacy trainwreck: Exposure, invasion, and social convergence. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 14, 13–20.
- Edgerly S., Vraga E.K., Bode L., Thorson K., Thorson E. (2018). New media, new relationship to participation? A closer look at youth news repertoires and political participation. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 95, 192–212. DOI: 10.1177/1077699017706928
- Enikolopov R., Makarin A., Petrova M., Polishchuk L. (2020). Social image, networks, and protest participation. *SSRN Electronic Journal*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2940171
- Etzioni A., Etzioni O. (1999). Face-to-face and computer-mediated communities, a comparative analysis. *The Information Society*, 15(4), 241–248. DOI: 10.1080/019722499128402
- Eubank N., Grossman G., Platas M.R., Rodden J. (2021) Viral voting: Social networks and political participation. *Quarterly Journal of Political Science*, 16(3), 265–284. DOI:10.1561/100.00019092
- Fergusson L., Molina C. (2021). *Facebook Causes Protests*. Lacea Working Paper Series No. 0041.l. 112 p.
- Gerbaudo P. (2017). From cyper-autonomism to cyber-populism: an ideological history of digital activism. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*, 15(2), 477–489. DOI: 10.31269/triplec.v15i2.773
- Gunitsky S. (2015). Corrupting the cyber-commons: Social media as a tool of autocratic stability. *Perspect. Polit.*, 13(1), 42–54.
- Hjalmar B.C., Jonas T., Benedikte B. (2021). On solidarity and volunteering during the COVID-19 crisis in Denmark: The impact of social networks and social media groups on the distribution of support. *European Societies*, 23(1), 122–140. DOI: 10.1080/14616696.2020.1818270
- Howard P.N., Duffy A., Freelon D., Hussain M., Mari W., Mazaid M. (2011). *What Was the Role of Social Media During the Arab Spring?* PITPI Work. Pap. 30 p.
- Howard P.N., Savage S., Flores Saviaga C., Toxtli C., Monroy-Hernández A. (2016). Social media, civic engagement, and the slacktivism hypothesis: Lessons from Mexico’s “El Bronco”. *Journal of International Affairs*, 70(1), 55–74.
- Jost J.T., Barber P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A. (2018). How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks. *Political Psychology*, 39, 85–118. DOI: 10.1111/pops.12478
- Khondker H.H. (2011). Role of the new media in the Arab Spring. *Globalizations*, 8(5), 675–679. DOI: 10.1080/14747731.2011.621287
- Kristofferson K., White K., Pelozo J. (2014). The nature of slacktivism: How the social observability of an initial act of token support affects subsequent prosocial action. *Journal of Consumer Research*, 40(6), 1149–1166. DOI: 10.1086/674137
- Lane D.S., Dal Cin S. (2018). Sharing beyond slacktivism: The effect of socially observable prosocial media sharing on subsequent offline helping behavior. *Information, Communication & Society*, 21(11), 1523–1540. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1340496
- Lane D.S., Lee S.S., Liang F., Kim D.H., Shen L., Weeks B.E., Kwak N. (2019). Social media expression and the political self. *Journal of Communication*, 69(1), 49–72. DOI: 10.1093/joc/jqy064

- Lee Y.-H., Hsieh G. (2013). Does slacktivism hurt activism? the effects of moral balancing and consistency in online activism. In: *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '13)*. Association for Computing Machinery, New York. DOI: 10.1145/2470654.2470770
- Lonkila M., Shpakovskaya L., Torchinsky P. (2021). Digital activism in Russia: The Evolution and forms of online participation in an authoritarian state. In: Gritsenko D., Wijermars M., Kopotev M. (Eds.). *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-42855-6_8
- Mandarano L., Meenar M., Steins C. (2010). Building social capital in the digital age of civic engagement. *Journal of Planning Literature*, 25(2), 123–135. DOI: 10.1177/0885412210394102 (132)
- Menteş S.A. (2019). Online environmental activism: The case of Iğneada floodplain forest. *SAGE Open*, 9, 1–10. DOI: 10.1177/2158244019877877
- Micheletti M. (2003). *Political Virtue and Shopping: Individuals, Consumerism and Collective Action*. New York: Palgrave-Macmillan.
- Milbrath L. (1965). *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics*. Chicago, IL: Rand McNally.
- Norris P. (2001). *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*. New York: Cambridge University Press. 303 p.
- Pettingill L. (2008). Engagement 2.0? How the new digital media can invigorate civic engagement. *Gnovis Journal*, 8(3), 155–161.
- Putnam R. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Rottinghaus B., Escher T. (2020). Mechanisms for inclusion and exclusion through digital political participation: Evidence from a comparative study of online consultations in three German cities. *Z Politikwiss*, 30, 261–298. DOI: 10.1007/s41358-020-00222-7
- Seddighi H., Salmani I. (2018) Online volunteering, a way to reduce health inequalities: A review study. *Journal of Community Health Research*, 7(4), 256–264.
- Silva F., Proença T., Ferreira M.R. (2018). Volunteers' perspective on online volunteering – a qualitative approach. *International Review on Public and Nonprofit Marketing*, 15, 531–552. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12208-018-0212-8>
- Smith B.G., Krishna A., Al-Sinan R. (2019). Beyond slacktivism: Examining the entanglement between social media engagement, empowerment, and participation in activism. *International Journal of Strategic Communication*, 13(3), 182–196. DOI: 10.1080/1553118X.2019.1621870
- Teocharis Y. (2015). The conceptualization of digitally networked participation. *Social Media Society*, 2(1), 5. DOI: 10.1177/2056305115610140
- Theocharis Y., de Moor J., van Deth J.W. (2021). Digitally networked participation and lifestyle politics as new modes of political participation. *Policy & Internet*, 13(1), 30–53. DOI: 10.1002/poi3.231
- Tranfield D., Denyer D., Smart P. (2003). Towards a methodology for developing evidence-informed management knowledge by means of systematic review. *British Journal of Management*, 4, 207–222.
- Vegh S. (2003). Classifying forms of online activism: The case of cyberprotests against the World Bank. In: McCaughey M., Ayers M. (Eds.). *Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice*. New York: Routledge.
- Weber L., Loumakis A., Bergman J. (2003). Who participates and why? An analysis of citizens on the Internet and the mass public. *Social Science Computer Review*, 21, 26–42.
- Wolfsfeld G., Segev E., Sheafer T. (2013). Social media and the Arab Spring: Politics comes first. *Int. J. Press.*, 18(2), 115–137.
- Wu W., Weaver D. (1997). On-line democracy or on-line demagoguery? Public opinion “polls” on the Internet. *Harvard International Journal of Press/Politics*, 2 (4), 71–86.
- Xenos M., Vromen A., Loader B.D. (2014). The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies. *Information, Communication & Society*, 17(2), 151–167. DOI: 10.1080/1369118X.2013.871318
- Yang K.C., Kang Y. (2017). Social media, political mobilization, and citizen engagement: A case study of the March 18, 2014, Sunflower Student Movement. In: Adria M., Mao Y. (Eds.). *Handbook of Research on Citizen Engagement and Public Participation in the Era of New Media*. IGI Global. Available at: <http://doi:10.4018/978-1-5225-1081-9.ch020>
- Yessenbekova U.M. (2020). Social media and slacktivism in young people's life. *Media Watch*, 11(3), 515–525.

Сведения об авторах

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Smoleva E.O., Popov A.V.

Digital Civic Participation in the Context of Modern Research

Abstract. The emergence and development of digital civic participation is an inevitable consequence of Internet penetration into various spheres of life. Despite the novelty of the phenomenon itself, the practices of online activism have become engrained in public life; and they have a significant impact on certain events, and sometimes even act as the main trigger of subsequent changes, which is especially typical of the political system. At the same time, there are many concerns related to the spread of digital civics, so that it is very difficult to talk about the long-term implications of such transformations. In this regard, the purpose of our research is to summarize the experience of studying digital civic participation and highlight the features of its manifestation in a modern world. The research methodology is based on the principles of making a systematic scientific review. During the analysis, we identify essential foundations and distinctive features of online activism compared to the traditional offline format, which are reflected in the forms of manifestation, methods of attracting and composition of the participants themselves, as well as the conditions necessary for collective action. The scope of digital civic participation is largely ensured by the ease of entry into public affairs, and the variability of activities and types of networking. Despite the prevalence of the thesis about the purely external visibility of online activism and its destructive consequences, specific empirical studies do not confirm this conclusion. Nevertheless, the threats of the spread of ICT are quite real and go far beyond the virtual space. In conclusion, we formulate several polemic provisions on possible ways to overcome the contradictions in this area. Our research contributes to the development of scientific ideas about the specifics of digital civic participation and the disclosure of the potential of its application from the standpoint of modern challenges and threats.

Key words: digital civic participation, online activism, digital activism, social media, slacktivism, civic participation, digitalization.

Information about the Authors

Elena O. Smoleva – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Andrei V. Popov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ai.popov@yahoo.com)

Статья поступила 03.12.2021.

Методология оценки эффективности электронного участия граждан в социально-политических процессах



Мария Владимировна

БАТЫРЕВА

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: batyreva@list.ru

ORCID: 0000-0001-6588-5469



Егине Араратовна

КАРАГУЛЯН

Тюменский государственный университет

Тюмень, Российская Федерация

e-mail: memb@list.ru

ORCID: 0000-0001-6418-5786; ResearcherID: AAW-8738-2021

Аннотация. Развитие и активное внедрение информационно-коммуникационных технологий способствует возникновению новых форм электронного участия граждан в социально-политических процессах и расширению круга участвующих в этих процессах лиц. В связи с этим становится актуальной разработка методики оценки эффективности использования существующих информационно-коммуникационных технологий для активизации социально-политического участия граждан. В настоящее время в научной литературе и управленческой практике не сложился единый комплексный подход для осуществления подобной оценки. Вопрос требует дальнейшего изучения и проработки, поскольку существующие методики предполагают одностороннюю оценку, в большинстве случаев сконцентрированную на количественных показателях. В статье представлен четырехаспектный подход к разработке комплексного показателя эффективности

Для цитирования: Батырева М.В., Карагулян Е.А. (2022). Методология оценки эффективности электронного участия граждан в социально-политических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 167–183. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.9

For citation: Batyreva M.V., Karagulyan E.A. (2022). Methodology for assessing the effectiveness of citizen electronic participation in socio-political processes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 167–183. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.9

социально-политической активности граждан посредством информационно-коммуникационных технологий. Предложенная методика базируется на том, что эффективность информационно-коммуникационных технологий в повышении социально-политического участия определяется возможностью граждан, вовлеченных с их помощью в социально-политические процессы, участвовать в проводимой властями политике, влиять на нее и даже ее определять. Эффективность такого социально-политического участия зависит от четырех аспектов (технического, экономического, социального и политического), каждый из которых определяется набором показателей. Все эти аспекты влияют на восприятие информационно-коммуникационных технологий, используемых гражданами для проявления социально-политической активности, а также оценки уровня их доступности, удовлетворенности ими и доверия им. Методика была апробирована в рамках исследования социально-политического участия граждан Тюменской области с помощью современных технологий. Исследование будет интересно для представителей власти и бизнеса, занимающихся разработкой, внедрением, совершенствованием существующих информационно-коммуникационных технологий в целях социально-политического участия граждан.

Ключевые слова: социально-политическая активность, социально-политическое участие граждан, электронное участие граждан, роль информационно-коммуникационных технологий в социально-политическом участии граждан.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-31407 «„Умные” технологии как средство вовлечения граждан в социально-политические процессы: ожидания и реальность».

В последние десятилетия вопросы электронного участия в социально-политических процессах остаются весьма актуальными. Это связано с развитием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), позволяющих как расширять формы участия, так и увеличивать число участвующих граждан, а также с тем, что социально-политическое участие рассматривается властями в качестве способа снижения общего недовольства проводимой политикой и повышения доверия к властям. Вместе с тем вопросы, связанные с оценкой эффективности современных цифровых форм участия, требуют дополнительного исследования, а существующие методики оценки остаются предметом дискуссий специалистов. По мнению ряда ученых, оценка электронного участия требует дальнейшего исследования, поскольку существующие методики предполагают одностороннюю оценку, в большинстве случаев сконцентрированную на количественных показателях численности участвующих и их восприятию существующих технологий. Ряд работ фокусируется на факторах, ограничивающих использование современных технологий отдельными социальными группами.

Эффективность использования современных цифровых сервисов в социально-политических процессах определяется не только их удобством, доступностью, но и возможностью с их помощью оказывать влияние на политические процессы. Ш. Арнстейн отмечает, что граждане не всегда рассчитывают на истинное участие, дающее возможность повлиять на проводимую властями политику (Arnstein, 1969, p. 217). Большинство из них ограничиваются самыми низкими степенями участия, соответствующими уровню «информирования», оставаясь пассивными участниками социально-политических процессов. Причем пассивное участие может быть связано с разного рода факторами (социальными, экономическими, техническими, культурными, правовыми), которые следует принимать во внимание при оценке эффективности использования ИКТ для социально-политического участия.

В статье поставлена цель на основе анализа и синтеза наиболее популярных информационно-коммуникационных технологий разработать методологию оценки эффективности их использования для социально-политического участия граждан, включающую в себя принципы и набор количественных и каче-

ственных методов. Эти принципы и методы позволяют оценить эффективность ИКТ с позиций возможности их использования гражданами для социально-политического участия и влияния на существующую политику.

Теоретической базой исследования стали следующие работы: Ш. Арнстейн (Arnstein, 1969), Я. ван Дет и др. (van Deth, 2014; Hooghe et al., 2014; Vráblíková, van Deth, 2017), Е. Теохарис (Theocharis, van Deth, 2018; Theocharis et al., 2021), Дж. Габер (Gaber, 2019), Э. Макинтош и А. Уайт (Macintosh, Whyte, 2006), А.В. Анттиройко (Anttiroiko, 2003; Anttiroiko, 2004), Л. Пратчетт и др. (Pratchett et al., 2011), М. Хендерсон (Henderson, Hogarth, 2011), Х. Кубичек и Г. Айхольцер (Kubicek, Aichholzer, 2016), Д. Кипенис и Д. Асконис (Kipenis, Askounis, 2016), Р. Линднер (Lindner, Aichholzer, 2020), Д. Фрайс (Friess et al., 2021) и др.

Мы исходим из широкой трактовки социально-политического участия, рассматривая его как любую деятельность граждан, влияющую на политику, которая включает в себя как традиционные формы участия (участие в голосовании, членство в партии, в предвыборной агитации), так и нетрадиционные, призванные оказывать влияние на политических субъектов (протесты и политический активизм, в т. ч. в сети Интернет, и др.), а также деятельность, направленную на решение конкретных проблем сообщества (гражданская активность и волонтерство), формы участия, которые проистекают из индивидуальных мотивов (политическое выражение собственных взглядов) (van Deth, 2014).

В ходе исследования проведена оценка существующих в Тюменской области цифровых сервисов и платформ, которые могут быть использованы гражданами для проявления своей социально-политической активности.

Краткий обзор методик оценки электронного участия граждан

В зарубежной литературе представлен достаточно широкий круг исследований, касающихся социально-политического участия граждан, в том числе методики оценки эффективности современных информационных технологий для электронного участия, тогда как в российском научном дискурсе есть лишь отдельные исследования электронного участия граж-

дан на федеральном и региональном уровнях (Демушина, 2017; Белый, 2019; Василенко, 2020; Мухаметов, 2020), а также можно встретить работы, посвященные оценке доверия, восприятия ИКТ, используемых для социально-политического участия населения (Видясова, Тензина, 2020).

Х. Кубичек и Г. Айхольцер указывают, что в начале 2000-х гг. появилось много методик, описывающих различные подходы к оценке электронного участия граждан в социально-политических процессах. Их разработкой были заняты международные или межправительственные организации. Как отмечают авторы, в большинстве случаев разрабатываемые методики касались электронного правительства и были нацелены на оценку внедряемых технологий электронного правительства и электронного участия, но не на расширение политического участия граждан с позиции влияния на принятие политических решений (Kubicek, Aichholzer, 2016).

В международной практике в настоящее время представлено несколько устоявшихся методик оценки электронного участия граждан в социально-политических процессах. Поскольку понятие «электронное участие» тесно связано с понятием «электронное правительство», то одной из первых методик, позволяющих оценить уровень внедрения цифровых технологий для социально-политического участия, стала методика ООН «Индекс развития электронного правительства» (EGDI). В ее рамках в большей степени оцениваются возможности правительства страны по реализации инициатив онлайн-участия. В частности, этот индекс позволяет оценить объем и качество онлайн-услуг, состояние и развитие IT-инфраструктуры, а также уровень развития человеческого капитала в стране. Его достоинством является охват большинства стран мира, а следовательно — возможность проводить межстрановые сравнения.

В дополнение к нему рассчитывается индекс электронного участия граждан. Он предполагает количественную и качественную оценку существующих цифровых сервисов для социально-политического участия на основе социологических опросов. Опрос направлен на то, чтобы дать оценку электронного участия

в соответствии с уровнем вовлеченности граждан в социально-политические процессы (на основе данных официальных сайтов органов власти). В ходе исследования оценивается предоставление электронной информации, электронных консультаций, а также возможность электронного принятия решений в шести различных сферах (здравоохранение, образование, занятость, социальная защита, окружающая среда и правосудие).

Еще одним индексом для оценки электронного участия граждан является Комплексная система измерения и оценки участия общественности в процессах управления с использованием цифровых ИКТ (МЕТЕР). Он рассчитывается Департаментом ООН по экономическим и социальным вопросам. Методика нацелена на то, чтобы оценить успех внедрения ИКТ для политического участия граждан по трем блокам: политическому, социальному и техническому. Она позволяет оценить реализованные инициативы правительства в области электронного участия на местном, региональном и национальном уровнях на основе мнения различных категорий участников социально-политических процессов.

Глобальный индекс открытых данных (GODI), рассчитываемый «Open Knowledge Foundation», также можно считать индексом, позволяющим частично оценить уровень электронного участия граждан. Его особенность — акцентирование внимания на уровне информирования граждан относительно отдельных данных, публикуемых правительством. В ходе подсчета индекса внимание уделяется доступности информации для граждан, усилиям, требующимся для нахождения информации, удобству ее использования и обработки, необходимости дополнительной регистрации для ее получения, а также тому, кто занимается сбором и аккумуляцией информации.

Внимания заслуживает индекс местных онлайн-услуг, который рассчитывается ООН для отдельных муниципалитетов. Этот индекс учитывает 4 аспекта: технологии; предоставление контента; предоставление услуг; участие и вовлеченность граждан в процессы управления на местном уровне. Технологический аспект связан с доступностью и привлекательностью сайтов, порталов и платформ для граж-

дан, а также с качеством и функциональностью цифровых сервисов. Предоставление контента определяет степень доступности информации и ресурсов в интернете, предоставление услуг подразумевает ориентацию на предоставление государственных услуг населению, а последний аспект — активное вовлечение граждан в процессы управления на местном уровне.

Следует отметить, что Европейский союз в середине 2000-х гг. реализовал несколько исследовательских проектов, направленных на оценку электронных форм участия граждан в социально-политических процессах. Среди подобных проектов особо следует отметить проект DEMO-NET¹, нацеленный на исследование эффективности электронных форм участия граждан для поддержания демократии, а также инициативу Специального комитета по электронной демократии Совета Европы в области электронной демократии² по созданию стандартов электронного участия (CANDE, 2006–2008 гг.). Реализация этих проектов позволила властям ЕС совместно с учеными оценить большое количество существующих практик и инструментов электронного участия и утверждать, что «оценка электронного участия находится в зачаточном состоянии и имеется необходимость в разработке согласованной системы оценки, охватывающей различные методы» (Macintosh, Whyte, 2006, p. 4).

Э. Макинтош и А. Уайт указывали на необходимость пересмотра используемых методов оценки и отмечали, что для получения релевантной оценки эффективности использования ИКТ для вовлечения в социально-политические процессы требуется сочетание полевых исследований (опросов, интервью, фокус-групп) и анализа статистических данных о пользователях и ИКТ-инфраструктуре. А саму оценку электронного участия граждан нужно проводить с учетом трех аспектов: политического, социального и технологического.

По мнению Э. Макинтош, политический аспект оценки электронного участия предполагает получение ответов на вопросы: «Было

¹ The democracy network. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/027219>

² Council of Europe activities in the field of e-democracy. URL: https://www.coe.int/t/dgap/goodgovernance/Activities/CANDE/Default_en.asp

ли электронное взаимодействие эффективным вкладом в процесс принятия решений?», «В какой степени взаимодействие повлияло на проводимую властями политику?», «Каким образом в системе достигается консенсус?» и др. (Macintosh, Whyte, 2006, p. 4). Социальный аспект оценки позволяет определить, связаны ли полученные гражданами результаты именно с электронным участием, насколько эффективным оно оказалось, позволило ли достичь намеченных целей, внести реальный вклад в решение проблемы, какие обстоятельства помогли или помешали решению проблем.

Технологический аспект оценки дает возможность понять, в какой степени дизайн ИКТ способствует участию, учитывает ли он навыки и опыт целевых участников, способствует ли система повышению удовлетворенности населения от использования современных цифровых систем и платформ участия; позволяют ли современные цифровые платформы достичь намеченных результатов (Macintosh, Whyte, 2006).

Трехаспектная оценка электронного участия расценивается научным сообществом сегодня как эталонная. Вместе с тем ряд авторов сделали попытки дополнить и расширить видение Э. Макинтош в оценке эффективности использования цифровых технологий в социально-политическом участии граждан.

Х. Кубичек и Г. Айнхольцер пишут, что большинство исследований электронного участия фокусируется на технических аспектах, упуская из внимания процедурные и институциональные. Не учитывается факт, что одни и те же инструменты могут в разных странах использоваться в совершенно разных контекстах, отличающихся правовых режимах, формализованных правилах участия, культурных традициях (Kubicek, Aichholser, 2016). По мнению Х. Кубичека и Г. Айнхольцера, «эффективность онлайн-инструментов не определяется их технической функциональностью и удобством использования, но в гораздо большей степени контекстом, в котором они используются», а также сложившейся институциональной и социальной средой. Кроме того, авторы подчеркивают необходимость применения разных подходов к оценке пассивных и активных форм участия (Kubicek, Aichholser, 2016; Karakaya Polat, Pratchett, 2014; Macintosh, Whyte, 2006).

А.В. Анттиройко была предложена система оценки внедрения ИКТ в систему электронного правительства, основывающаяся на четырех «I», предполагающая анализ:

- в какой степени существующие институты и учреждения используют ИКТ, как влияет внедрение современных ИКТ на фактические процессы принятия решений (*Institutions*);
- насколько оптимально используется потенциал современных технологий для интеграции основных элементов электронного демократического процесса, включая установление повестки дня, планирование, подготовку и принятие решений, реализацию, оценку и контроль (*Integration*);
- позволяет ли существующая в стране практика электронной демократии гражданам влиять на принятие решений (*Influence*);
- насколько используется потенциал технологий в распространении информации, содействии взаимодействию в проведении политических сделок, в повышении прозрачности, эффективности, гибкости, экономической эффективности и инклюзивности демократической системы (*Interaction*) (Anttiroiko, 2003; Anttiroiko, 2004).

По мнению А.В. Анттиройко, электронная демократия должна развиваться так, чтобы дать людям действительную возможность влиять на проводимую политику. Автор считает, что в настоящее время «формируется гибридная модель демократии, в которой используемые новые технологии развиваются вместе с общественными и правительственными структурами» (Anttiroiko, 2003, p. 127). Внедрение цифровых технологий и их сочетание с традиционными формами участия способствуют повышению прозрачности, облегчению информационных и коммуникационных процессов, демократизации общества.

М. Хендерсон и др. также указывают, что существующая система оценки эффективности использования электронных сервисов для социально-политического участия граждан должна основываться на принципах эффективности, справедливости, качества, действенности, уместности, устойчивости процесса (Henderson, Hogarth, 2011).

Обобщив существующие исследования, можно утверждать, что эффективность использования цифровых сервисов в социально-поли-

тическом участии граждан должна оцениваться в соответствии с возможностью не только участвовать в проводимой политике, но и влиять на нее. Таким образом, методика оценки эффективности должна включать в себя количественные и качественные показатели, отражающие возможности граждан использовать существующие технологии для социально-политического участия, а также показатели возможности влиять на существующую политику.

Методика оценки эффективности использования электронных сервисов в социально-политическом участии граждан

Оценка эффективности использования ИКТ в социально-политическом участии граждан должна учитывать технологический, социальный, экономический и политический аспекты внедрения цифровых сервисов и платформ для социально-политического участия (рисунк).

Технический аспект отражает уровень развития IT-инфраструктуры, качество мобильной связи, удобство и доступность современных сервисов электронного участия для граждан. При оценке технического аспекта следует учитывать степень развития инфраструктуры ИКТ на территории проживания населения. Кроме того, этот аспект должен отражать удобство существующих сервисов для пользователей, простоту их использования, ясность функционала. По сути, дизайн существующих сервисов и их функционал будут влиять на уровень доступности этих сервисов и удовлетворенности ими

граждан. Доступность цифровых сервисов для социально-политического участия также будет определяться социально-экономическими факторами, характеризующими уровень доходов, образования, информационной компетентности граждан, их информационной культурой в рамках сложившихся сообществ. При оценке технического аспекта эффективность включала такие показатели, как наличие точек доступа к бесплатному wi-fi и высокоскоростному интернет-соединению, стационарной и мобильной связи для граждан и организаций, а также удобство существующих сервисов для пользователей (функциональность, простота использования, необходимость дополнительной регистрации, получения паролей от ЕСИА; гибкость; возможность исправления ошибок).

Экономический аспект использования современных технологий отражает затраты средств, необходимые для доступа к ним, а также экономию времени. При оценке экономического аспекта рассматривалась доступность услуг связи для населения (стоимость услуг связи для потребителей по отношению к прожиточному минимуму), а также привлекательность использования ИКТ для граждан через экономию времени в ходе применения электронных форм участия по сравнению с традиционной формой. Таким образом, экономические и технические факторы в совокупности влияют на уровень доступности современных технологий для политического участия.

Составляющие комплексной оценки социально-политического участия граждан посредством ИКТ



Источник: составлено авторами.

Социальный аспект электронного участия отражает уровень доверия граждан современным информационным технологиям, оценку безопасности их применения, возможный уровень участия и взаимодействия с властями. Оценка социального аспекта предполагает анализ таких показателей, как социальная приемлемость (доверие и безопасность, актуальность и легитимность), полезность и удовлетворенность существующими сервисами и платформами, а также возможность взаимодействия граждан с властями и оперативность реагирования на их обращения.

Политический аспект включает уровень вовлеченности участников, возможность влиять на проводимую политику. Он отражает уровень прозрачности принимаемых решений, равенство всех участников, качество общественного контроля. Политический аспект социально-политического участия предполагает характе-

ристику сложившегося посредством ИКТ типа взаимодействия граждан и власти (информирование; консультирование; активное участие), оценку сферы обсуждения и взаимодействия власти и граждан (социальная/экономическая/политическая, представления субъектов о демократии), уровня вовлеченности участников в социально-политические процессы. Кроме того, должна быть проведена оценка прозрачности существующей системы электронного участия граждан, качества имеющейся системы, качества управления / удовлетворенности участников общественного контроля, политического равенства и интеграции с традиционной системой участия.

Каждый аспект включает ряд характеризующих его показателей, которые следует учитывать при комплексной оценке эффективности социально-политического участия граждан посредством современных ИКТ (табл. 1).

Таблица 1. Комплексная методика электронного участия граждан в социально-политических процессах

Индекс	Индикатор	Методы, используемые для оценки индикаторов
<i>Itech_{об}</i>	ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Itech₁</i>	Наличие точек доступа к бесплатному wi-fi Высокоскоростной интернет Наличие стационарной связи Мобильная связь Наличие интернета в организациях (в т. ч. точек доступа для населения)	Анализ статистических данных об уровне развитости ИТ-инфраструктуры в регионе
<i>Itech₂</i>	Удобство сервисов для пользователей (функциональность, простота использования, необходимость дополнительной регистрации, получения паролей от ЕСИА; гибкость; возможность исправления ошибок)	Опрос пользователей/анализ платформ, сервисов на возможность внести правки
<i>Iec_{об}</i>	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Iec₁</i>	Стоимость услуг связи для потребителей по отношению к прожиточному минимуму	Анализ фактических данных
<i>Iec₂</i>	Экономия времени при использовании электронных форм участия по сравнению с традиционной формой (привлекательность использования)	
<i>Isoc_{об}</i>	СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	
<i>Isoc₁</i>	Социальная приемлемость (доверие и безопасность, актуальность и легитимность)	Социологический опрос
<i>Isoc₂</i>	Полезность (доступность, удовлетворенность, привлекательность использования)	Социологический опрос
<i>Isoc₃</i>	Возможность взаимодействия, оперативность реагирования	Социологический опрос / анализ регламентов взаимодействия / нормативной базы
<i>Isoc₄</i>	Содержание и качество (удовлетворенность участников откликами)	Социологический опрос
<i>Ipol_{об}</i>	ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
<i>Ipol₁</i>	Тип взаимодействия: информирование; консультирование; активное участие	Социологический опрос
<i>Ipol₂</i>	Сфера обсуждения и взаимодействия (социальная/экономическая/политическая, представления субъектов о демократии)	Социологический опрос

Окончание таблицы 1

Индекс	Индикатор	Методы, используемые для оценки индикаторов
$Ipol_3$	Вовлеченность участников: половозрастная и территориальная (город, село, регионы) структура участников	Социологический опрос, анализ фактических данных об участвующих (использующих технологии)
$Ipol_4$	Предоставление информации: о правилах участия, знаниях, количестве участников и уровне вовлеченности, наращивании социального капитала и т. д.	Анализ изменений перечня предлагаемых на платформах и сайтах сервисов, проведенных на основе запроса требований граждан / анализе недочетов в работе
$Ipol_5$	Качество процесса: области совершенствования, анализ пробелов, согласование методов работы	Экспертный опрос, анализ законодательства в области электронного участия граждан, мониторинг сайтов, платформ
$Ipol_6$	Прозрачность / Конфликтность и консенсус: прозрачность принимаемых промежуточных и финальных решений, публикации результатов, выявление «за» и «против», обсуждение финальных результатов, модерация; публикация промежуточных и окончательных результатов, информации о том, как согласовывались решения, публичное обсуждение окончательных результатов	Экспертный опрос
$Ipol_7$	Качество управления / Удовлетворенность участников общественного контроля: удовлетворенность участников; влияние на процесс принятия решений, т. е. уровень административной интеграции, подотчетность, документирование результатов, результаты политики, влияние на разных этапах принятия решений	Экспертный опрос
$Ipol_8$	Политическое равенство / Плюрализм: количество релевантных целевых групп по отношению к общей сумме участников, открытость, т. е. выявление барьеров для активной гражданской позиции Интеграция с традиционной системой участия: соответствие с действующей правовой базой, интеграция с офлайн-участием	Анализ законодательства
Источник: составлено авторами.		

В таблице представлено 4 группы показателей, которые должны найти отражение при проведении комплексной оценки социально-политического участия посредством ИКТ. Методика оценки предполагает расчет четырех субиндексов:

$$IEEP = Itech_{об} + Isoc_{об} + Iec_{об} + Ipol_{об},$$

где $IEEP$ – комплексный индекс эффективности электронного участия граждан в социально-политических процессах;

$Itech_{об}$ – субиндекс, отражающий технологический аспект социально-политического участия;

$Isoc_{об}$ – субиндекс, отражающий социальный аспект;

$Iec_{об}$ – субиндекс, отражающий экономический аспект;

$Ipol_{об}$ – субиндекс, отражающий политический аспект.

Первые два субиндекса в большей степени определяют доступность существующих ИКТ для социально-политического участия, последние два – отражают уровень вовлеченности граждан в социально-политические процессы и их доверие к существующей системе в плане возможности влиять на проводимую в стране политику.

Методы исследования

Разработка и апробация методики по оценке эффективности использования ИКТ для социально-политического участия проводилась в несколько этапов. На первом этапе изучались работы, касающиеся понятия и сущности социально-политического участия граждан, а также того, как вписываются в социально-политическое участие современные информационные технологии. Далее, на втором этапе, изучались наиболее цитиру-

емые работы, посвященные оценке эффективности электронного участия граждан в социально-политических процессах. Анализ теорий позволяет утверждать, что эффективность использования современных технологий в социально-политических процессах заключается в способности ИКТ давать гражданам возможность влиять на реализуемую властями политику.

На этом этапе на основе анализа работ были определены основные аспекты, каждый из которых представлен в виде индекса. Сумма индексов составляет комплексный индекс электронного участия граждан в социально-политических процессах (*IEEP*). Далее для расчета каждого из субиндексов комплексного показателя определялись перечень показателей, требующих оценки, и используемые для этого методы, также была разработана шкала оценки для каждой группы показателей. Поскольку социальный и политический аспекты являются основополагающими в оценке эффективности использования ИКТ для социально-политического участия, два соответствующих индекса получили больший удельный вес и оценивались в диапазоне от 0 до 40 баллов. Субиндексы, отражающие технологический и экономический аспекты социально-политической активности (*Itech_{об}* и *Iec_{об}*), оценивались по шкале от 0 до 20 баллов каждый.

Таким образом, максимальное значение *IEEP* в баллах равно 100. Значение индекса в диапазоне от 0 до 20 баллов свидетельствует о низком уровне эффективности; от 21 до 40 баллов – о среднем; от 41 до 60 баллов – о высоком; от 61 до 100 баллов – об очень высоком.

На третьем этапе была разработана методика анкетного опроса для оценки использования гражданами современных ИКТ в целях социально-политического участия, а также уровня их вовлеченности в социально-политические процессы. В ходе опроса также выявлены социальные, экономические и технические барьеры для активного социально-политического участия посредством ИКТ.

На четвертом этапе проведен анализ уровня развития ИТ-инфраструктуры на юге Тюменской области, а также социально-экономических факторов развития региона и факторов,

ограничивающих использование ИКТ респондентами. Полученные данные сравнивались и корректировались в соответствии с общероссийскими показателями, представленными в исследовании «Инфраструктура России: индекс развития 2020».

На пятом этапе исследования в ходе анкетного опроса были измерены социальная приемлемость и восприятие современных технологий; их полезность и удобство использования для граждан; определен тип взаимодействия с властями; сфера обсуждаемых вопросов; удовлетворенность существующими технологиями, качеством процесса, а также основные проблемы, возникающие в ходе взаимодействия с властями посредством ИКТ. В ходе опроса респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале каждый из показателей, а также высказаться относительно основных факторов, ограничивающих использование современных ИКТ для социально-политического участия.

На шестом этапе была проведена оценка субиндекса, отражающего политический аспект социально-политического участия граждан (*Ipol_{об}*). В основе его расчета лежат данные социологического опроса, характеризующие уровень участия граждан, а также анализ фактических данных, отражающих вовлеченность, прозрачность существующей системы электронного участия населения страны.

Для более точной оценки доступности и уровня вовлеченности граждан проанализированы статистические данные сайтов, платформ, используемых для проявления социально-политической активности. Оценка демократических аспектов эффективности электронного участия в социально-политических процессах дана на основе опроса респондентов об их восприятии возможности влиять на принятие социально-политических решений, а также быть услышанными властями.

Результаты оценки

Данные для комплексной оценки эффективности использования ИКТ для социально-политического участия получены на основе статистики, отражающей уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры региона, а также уровень социально-

экономического развития городов и сел юга Тюменской области, и в ходе социологического опроса³.

Оценка уровня развития IT-инфраструктуры Тюменской области была проведена на основе доступной официальной статистики, а также данных геопортала Тюменской области (информация об охвате территорий мобильной связью, количестве точек коллективного доступа к интернету, бесплатного wi-fi и др.). Результаты оценки в баллах приведены в *таблице 2*.

Тюменскую область можно охарактеризовать как регион с достаточно высоким уровнем развития IT-инфраструктуры. В общероссийском рейтинге уровня развития телекоммуникационной инфраструктуры Тюменская область занимает 14 место⁴, хотя определенные проблемы, связанные с обеспечением высокоскоростным интернетом, для отдаленных районов существуют. Так, опрос позволил установить, что около 6% респондентов не удовлетворены качеством связи в своих населенных пунктах.

В ходе исследования на основе анализа теории социально-политического и электронного участия граждан был отобран список электронных сервисов, платформ, доступных к использованию жителями Тюменской области для проявления социально-политической активности. В выборку для оценки доступности, востребованности и восприятия попали наиболее популярные сервисы и платформы социально-политического участия, большинство из которых созданы властями (портал «Госуслуги», сайты госорганов, блоги, страницы в социальных сетях представителей власти, партий, сервисы для подачи петиций). При оценке также учитывалось наличие сервисов, платформ для социально-политического участия, созданных

частными лицами, местными сообществами и организациями в целях социального или политического участия граждан (неофициальные сайты городов, сел, страницы местных сообществ в социальных сетях, используемые для проявления своей социальной и политической активности). На первом этапе исследования была дана оценка востребованности данных сервисов, осведомленности о них и их доступности. Респонденты оценивали сервисы по пятибалльной шкале, что позволило вывести средние значения по каждому из показателей первого блока методики.

Для оценки удобства и удовлетворенности техническими аспектами респондентам был предложен перечень доступных и наиболее популярных цифровых сервисов, которые вначале оценивались по отдельности. Далее определялись средние значения показателя, отражающего удобство используемых сервисов. Также была дана оценка общего уровня удовлетворенности цифровыми сервисами и платформами. 82% респондентов заявили о том, что они удовлетворены существующими сервисами, но 14% отметили, что испытывают затруднения при работе с ними из-за того, что сервисы сложны и непонятны в использовании. В большинстве случаев затруднения испытывали граждане старшей возрастной группы (60 лет и старше).

Максимальная оценка данного показателя может составлять 10 баллов, но, учитывая, что уровень удовлетворенности цифровыми сервисами составляет 82%, то есть каждый пятый гражданин не удовлетворен работой сервиса, а каждый седьмой заявляет о том, что сервисы непонятны, была проведена корректировка на минус 2 балла.

Значение *Iec* оценивалось комплексно с учетом данных опроса относительно социально-экономического положения респондентов, а также фактических данных, отражающих уровень доходов жителей Тюменской области. В ходе опроса большинство респондентов отметили, что стоимость услуг связи для них не является фактором, ограничивающим использование ИКТ в целях социально-политического участия. Минимально возможный тариф для абонентов сотовой связи составляет 250–300 рублей в зависимости от оператора, что составляет от 0,45 до 0,54% от среднемесячного дохода.

³ Опрос реализован в онлайн-формате с использованием сервиса «SurveyMonkey» в июне – августе 2021 года. Объект исследования – жители всех городов и муниципальных районов юга Тюменской области в возрасте от 18 лет. Объем выборки – 1200 человек. Выборка репрезентирует население юга области по полу, возрасту и месту жительства (г. Тюмень, другие городские поселения юга области, сельские муниципальные районы). Ошибка выборки не превышает 3% по одному признаку.

⁴ По данным аналитического отчета InfraOne research «Инфраструктура России: индекс развития 2020». URL: https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2020/index_razvitiia_infrastruktury_rossii_2020_infraone_research.pdf

Таблица 2. Комплексная методика оценки информационно-коммуникационных технологий в проявлении социально-политической активности граждан

Индекс	Максимальное значение показателя	Расчетное значение
<i>Itech_{об}</i>	20	15,2
<i>Itech₁</i>	10	7
<i>Itech₂</i>	10	8,2
<i>Iec_{об}</i>	20	13
<i>Iec₁</i>	10	7
<i>Iec₂</i>	10	6
<i>Isoc_{об}</i>	20	12,36
<i>Isoc₁</i>	5	2,1
<i>Isoc₂</i>	5	3,26
<i>Isoc₃</i>	5	3
<i>Isoc₄</i>	5	4
<i>Ipol_{об}</i>	40	18,45
<i>Ipol₁</i>	5	1,45
<i>Ipol₂</i>	5	2
<i>Ipol₃</i>	5	3
<i>Ipol₃¹</i>	3	2
<i>Ipol₃²</i>	2	1
<i>Ipol₄</i>	5	2
<i>Ipol₅</i>	5	2
<i>Ipol₆</i>	5	3
<i>Ipol₇</i>	5	2
<i>Ipol₈</i>	5	3
<i>IEEP</i>	100	59,01

Источник: составлено авторами.

По индексу доступности мобильной связи Тюменская область во втором полугодии 2020 года занимала 17 место, а в первом полугодии 2021 года – 11 место в России⁵. Но при этом цены на домашний интернет за последний год выросли на 3–4%, средняя стоимость безлимитного интернета в России составила 830 рублей в месяц. Совокупные расходы граждан на оплату услуг связи (мобильная связь, домашний интернет, стационарный телефон) составляют более 1500 рублей, что в целом ощутимая сумма для пенсионеров и граждан с низкими доходами. Так, например, средняя зарплата в Ишиме – 45015 рублей, а медианная – 28105 рублей. Учитывая, что в исследовании участвовали жители малых городов и сел Тюменской области, где

уровень средних доходов значительно меньше, по показателю стоимости услуг связи по отношению к средним доходам была сделана корректировка на минус 3 балла.

Кроме того, исследование позволило установить, что 11% респондентов не имеют технических средств связи, у них нет компьютера или смартфона, что не позволяет им использовать современные технологии для проявления своей социально-политической активности. Анализ результатов исследования показал, что в целом граждане с более высокими доходами демонстрируют более высокий уровень социально-политической активности.

Большинство респондентов в ходе опроса отметили, что использование ИКТ позволяет им значительно экономить время и средства на взаимодействие с властями, ускорять процесс принятия решений. В целом детальный

⁵ Самая доступная мобильная связь в России. URL: <https://www.content-review.com/articles/53245/>

количественный анализ экономии времени и средств в данном исследовании не проводился, но данные опроса свидетельствуют, что, поскольку среди используемых сервисов наибольшую популярность имеют те, что позволяют решить текущие насущные проблемы граждан, подать жалобы, обращения, проинформировать власти, то для оценки таких сервисов можно применять показатели, характеризующие электронное участие в рамках электронного правительства. Для подобных сервисов экономия времени оценивается до 20 часов в год, что в денежном эквиваленте для жителей Тюменской области составляет порядка 6900 рублей в год. Но при этом 24% респондентов заявили, что иногда использование сервисов бесполезно — в любом случае приходится лично посещать органы власти. Это свидетельствует о том, что не все сервисы помогают эффективно осуществлять социально-политическое участие, в отдельных случаях экономия времени для граждан не очевидна. Данный факт также позволяет скорректировать показатель экономии времени на минус 4 балла, поскольку в случае получения государственных услуг, отправки жалоб посредством цифровых сервисов, приложений она существенна, но при желании участвовать в происходящих социально-экономических процессах на более высоком уровне граждане не будут ее ощущать, эта деятельность будет требовать затрат времени на осмысление процессов и само участие.

Показатели, характеризующие полезность отдельных сервисов, оценивались на основе данных опроса и значительно варьировались, наибольшую оценку полезности среди всех сервисов получил портал «Госуслуги» — 4,6 балла из 5 возможных, но средняя оценка по всем видам цифровых сервисов оказалась равной 3,26. Уровень социальной приемлемости существующих ИКТ для проявления социально-политической активности оказался низким и был оценен в 2 балла.

Низкое доверие цифровым сервисам со стороны жителей Тюменской области связано с недоверием современным технологиям, боязнью потерять приватность, стать объектом манипуляций и мошенничества. При этом уровень удовлетворенности существующими сервисами довольно высок, более 80% респондентов за-

являют о том, что их потребности в политическом участии полностью удовлетворены. Однако часть респондентов отметила, что основной проблемой остается отсутствие обратной связи при взаимодействии с властями, а в некоторых случаях низкая скорость реагирования на обращения.

Далее была дана оценка показателей политического блока на основе данных опроса и анализа нормативно-правовой базы, связанной с электронным правительством, электронным участием граждан. Наиболее важным показателем, характеризующим эффективность существующих сервисов для социально-политического участия, является тип взаимодействия населения и власти. Было установлено, что большинство граждан остаются на самой низкой ступени взаимодействия (информирование — 70% респондентов, консультирование — 25%, только 5% респондентов ощущают подлинное участие). Поэтому значение показателя, характеризующего типы участия, оказалось равным 1,45 балла⁶.

Относительно сферы обсуждаемых вопросов опрос показал, что жители обсуждают наиболее насущные проблемы для региона, чаще всего их обращения связаны с социальным обеспечением, сферой ЖКХ, здравоохранением, но при этом большинство респондентов отмечают, что обращаются к цифровым сервисам с целью решения каких-то жизненных проблем. Более 70% граждан заявили, что использование ими сервисов не носит политический характер.

Вовлеченность участников оценивалась в рамках половозрастной и территориальной структуры. В частности, мужчины продемонстрировали большую, по сравнению с женщинами, вовлеченность в политическую жизнь. Молодежи характерен наиболее низкий уровень участия в социально-политических процессах, чем пожилым респондентам. Уровень электронного социально-политического участия жителей столицы оказался наивысшим, а в селах — наиболее низким. Оба эти критерия были оценены в 2 балла.

⁶ Доля участников первого типа × 1 + доля участников второго типа × 2 + доля участников третьего типа × 3 = 0,7×1+0,25×2+0,05×3=1,45.

Последние 5 показателей оценивались на основе анализа законодательства РФ, а также экспертных оценок, касающихся уровня открытости, прозрачности системы электронного социально-политического участия, удовлетворенности участников общественного контроля, исследований, проведенных научным сообществом (исследование «Открытость государства в России – 2021»⁷, Индекс открытости правительства регионов России⁸).

Учитывая данные ранее проведенных исследований, можно сделать вывод о том, что показатели Тюменской области, характеризующие прозрачность, качество удовлетворенности участников общественного контроля, политическое равенство могут быть оценены в 3 балла каждый, т. к. по рейтингам открытости регион занимает 19 место из 82, причем самые низкие оценки имеет по показателю инструментов открытого правительства органов исполнительной власти субъектов РФ и использованию социальных сетей⁹, что свидетельствует о взаимодействии властей с гражданами по типу «информирование». Что касается общественного контроля, то для проведения более точной оценки данного параметра требуются дополнительные исследования. В целом анализ деятельности общественной палаты свидетельствует, что общественный контроль осуществляется, но под него попадают не все вопросы, волнующие граждан, а лишь имеющие наибольший резонанс. Вопросы, связанные с цифровыми сервисами и технологиями социально-политического участия, Тюменская областная общественная палата пока не рассматривала.

Интеграция существующей системы социально-политического участия с традиционной была оценена в 3 балла. Население Тюменской области, в отличие от столичных жителей, ограничено в возможностях электронного участия, в области нет доступа к электронному голосованию на выборах, граждане в меньшей степени включены в систему подачи онлайн-петиций, краудфандинга и т. п. Что касается политиче-

ского плюрализма, то на сегодня в Тюменской области представлено 28 региональных отделений различных политических партий из 32 зарегистрированных в России¹⁰. Однако политический состав Тюменской областной думы включает в себя 4 партии: «Единая Россия», ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия», большинство представлено членами партии «Единая Россия». Это не может свидетельствовать о высоком уровне политического плюрализма в регионе.

Суммировав 4 субиндекса, мы получили значение комплексного индекса электронного участия граждан в социально-политических процессах – 59,01 ($IEEP = Itech_{об} + Iec_{об} + Isoc_{об} + Ipol_{об} = 15,2 + 13 + 12,36 + 18,45 = 59,01$), что в соответствии с предложенной шкалой говорит о высоком уровне эффективности использования ИКТ для социально-политического участия граждан. Достаточно высокий показатель субиндекса $Itech_{об}$ свидетельствует о высоком уровне развития IT-инфраструктуры региона и высокой удовлетворенности респондентов ею и дизайном существующих сервисов. Субиндекс, отражающий экономический аспект социально-политической активности граждан ($Iec_{об}$), равен 13 баллам, следовательно, экономическая составляющая не является существенным ограничивающим фактором для большинства респондентов при использовании современных ИКТ для проявления социально-политической активности.

Значение субиндекса $Isoc_{об}$ равно 12,33 балла, то есть в целом жители региона удовлетворены существующими сервисами для проявления своей социально-политической активности, но использование сервисов в основном носит неполитический характер. Большинство из опрошенных, используя сервисы и платформы для социально-политического участия, остаются на самом низшем его уровне «информирования», лишь небольшая часть переходит на уровень «консультаций» и уровень реального участия в социально-политических процессах, что также отчасти объясняет низкое значение субиндекса $Ipol_{об}$ (18,45 балла).

⁷ Электронный регион. URL: <http://eregion.ru/opengov>

⁸ Открытость государства в России-2021. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2021.pdf>

⁹ Электронный регион. URL: <http://eregion.ru/opengov#methodology>

¹⁰ Избирательная комиссия Тюменской области. URL: <http://tyumen.izbirkom.ru/regionalnye-otdeleniya-pp-v-ra/informatsiya-o-tyumenskikh-regionalnykh-otdeleniyakh-politicheskikh-partiy/index.php>

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют нам сделать вывод о важности развития современных цифровых сервисов для социально-политического участия граждан. Участие населения посредством ИКТ должно быть эффективным, давать возможность выступать не только пассивным потребителем цифровых услуг, но и посредством этих технологий влиять на проводимую политику, быть услышанными властями. Дальнейшее совершенствование платформ и сервисов для социально-политического участия невозможно без разработки методики оценки эффективности их использования. Наличие методики позволит разработчикам и властям проводить мониторинг уровня вовлеченности граждан в социально-политические процессы, уровня их удовлетворенности существующими сервисами.

В. Лаундес и Л. Пратчетт писали, что люди готовы к социально-политическому участию, когда «им позволяет это делать инфраструктура, у них есть ресурсы, необходимые для аргументации, когда они чувствуют себя частью чего-то целого, когда их просят об этом, спрашивают их мнение. Наконец, люди участвуют, когда система участия позволяет взаимодействовать и воздействовать на социально-политические процессы, когда система отзывчива по отношению к ним и их потребностям» (Lowndes et al., 2011, p. 553). Это высказывание характерно как для традиционных форм участия, так и для современных форм, предполагающих использование ИКТ.

С учетом наиболее популярных исследований, проведенных в области оценки эффективности социально-политического участия граждан посредством ИКТ, предложенная методика направлена на оценку четырех основных компонентов, определяющих эффективность инструментов социально-политического участия с помощью современных технологий: технологического, экономического, социального и политического. Каждый из этих компонентов имеет весомое значение для оценки итогового значения показателя эффективности

социально-политического участия посредством современных ИКТ.

Эффективность используемых ИКТ в социально-политическом участии зависит от политической системы и демократических основ, законодательства страны, определяющего уровень цензуры в сети Интернет, от культурно-исторического наследия, обуславливающего модель гражданства в стране и развитие формальных и неформальных политических институтов, а также от уровня экономического и технологического развития страны/региона.

Предложенная методика показывает, что качественная оценка эффективности использования ИКТ для социально-политического участия невозможна без сочетания количественных и качественных методов исследования различных его аспектов. Наиболее сложной представляется оценка политического аспекта, которая должна быть комплексной, включать в себя анализ законодательной базы в различных областях, связанных с прозрачностью и открытостью системы государственного управления, с безопасностью, уровнем цензуры и контроля в сетях, а также экспертными оценками в отношении потенциала различных сервисов и платформ для проявления гражданами социально-политической активности.

Полученные результаты оценки для Тюменской области не являются окончательными, требуют дальнейшего исследования. Во многом это связано с тем, что сегодня нет единой базы, которая могла бы стать основой для уточнения оценок существующих в различных регионах сервисов и платформ для социально-политического участия. Кроме того, первичные результаты исследования свидетельствуют о том, что данные необходимо дополнить экспертным опросом представителей бизнеса, занятых разработкой платформ и сервисов; политических партий и общественных организаций; органов власти, активно внедряющих различного рода ИКТ для социального и политического участия; граждан как пользователей и участников социально-политических процессов.

Литература

- Белый В.А. (2019). К вопросу о перспективах развития электронного участия граждан в государственном управлении // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: мат-лы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г. / под ред. О.В. Гаман, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: МПГУ. С. 63–64.
- Василенко И.А. (2020). Особенности формирования концепции «цифрового правительства» в политической науке и перспективы ее реализации в России // Государственное управление. Электронный вестник. № 82. С. 218–244. DOI: <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10099>
- Видясова Л.А., Тензина Я.Д. (2020). Исследование доверия жителей Санкт-Петербурга к использованию информационных технологий для взаимодействия с органами власти // International Journal of Open Information Technologies. Т. 8. № 1. С. 42–46. DOI: <https://doi.org/10.17586/2541-979X-2019-3-93-101>
- Демушина О.Н. (2017). Электронное участие граждан: региональный уровень (на примере Волгоградской области) // Мир экономики и управления. № 17 (4). С. 190–200. DOI: <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2017-17-4-190-200>
- Мухаметов Д.Р. (2020). Модели платформ вовлечения граждан для создания в России «умных городов» нового поколения // Russian Journal of Innovation Economics. № 10 (3). С. 1605–1622. DOI: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110683>
- Aichholzer G., Kubicek H., Torres L. (Eds.). (2016). Evaluating e-participation. Frameworks, practice, evidence. *Public Administration and Information Technology*, 19. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-25403-6>
- Anttiroiko A.-V. (2003). Building strong e-democracy. *Communications of the ACM*, 46(9), 121–128. Available at: <https://doi.org/10.1145/903893.903926>
- Anttiroiko A.-V. (2004). Introduction to democratic e-governance. In: *ETransformation in Governance: New Directions in Government and Politics*. Available at: <https://doi.org/10.4018/9781591401308.CH002>
- Arnstein S.R. (1969). A ladder of citizen participation. *Journal of the American Institute of Planners*, 35(4), 216–224. Available at: <https://doi.org/10.1080/01944366908977225>
- Friess D., Escher T., Gerl K., Baumann M. (2021). Political online participation and its effects: Theory, measurement, and results. *Policy & Internet*, 13(3), 345–348. Available at: <https://doi.org/10.1002/POI3.270>
- Gaber J. (2019). Building “a ladder of citizen participation”: Sherry Arnstein, citizen participation, and model cities. *Journal of the American Planning Association*, 85(3), 188–201. Available at: <https://doi.org/10.1080/01944363.2019.1612267>
- Henderson M., Hogarth F. (2011). Evaluation framework for assessing e-democracy policy. In: *Encyclopedia of Digital Government*. Available at: <https://doi.org/10.4018/978-1-59140-789-8.CH120>
- Hooghe M., Hosch-Dayican B., Van Deth J.W. (2014). Conceptualizing political participation. *Acta Politica*, 49(3), 337–348. Available at: <https://doi.org/10.1057/AP.2014.7>
- Karakaya Polat R., Pratchett L. (2014). Citizenship in the age of the Internet: A comparative analysis of Britain and Turkey. *Citizenship Studies*, 18(1), 63–80. Available at: <https://doi.org/10.1080/13621025.2013.780765>
- Kipenis L., Askounis D. (2016). Assessing e-participation via user’s satisfaction measurement: The case of Ourspace platform. *Annals of Operations Research*, 247(2), 599–615. Available at: <https://doi.org/10.1007/S10479-015-1911-8>
- Kubicek H., Aichholzer G. (2016). Closing the evaluation gap. *E-Participation Research and Practice. Public Administration and Information Technology*, 19, 11–45. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-319-25403-6_2
- Lindner R., Aichholzer G. (2020). E-democracy: conceptual foundations and recent trends. In: Hennen L., van Keulen I., Korthagen I. et al. (Eds.). *European E-Democracy in Practice. Studies in Digital Politics and Governance*. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-27184-8_2
- Lowndes V., Pratchett L., Stoker G. (2006). Local political participation: The impact of rules-in-use. *Public Administration*, 84(3), 539–561. Available at: <https://doi.org/10.1111/J.1467-9299.2006.00601.X>
- Macintosh A., Whyte A. (2006). Evaluating how e-participation changes local democracy. *eGOV06*. Available at: <http://www.edemocracy.gov.uk/default.htm>
- Pratchett L., Wingfield M., Polat R.K. (2011). Local democracy online: An analysis of local government web sites in England and Wales. In: *E-Government Research: Policy and Management*. Available at: <https://doi.org/10.4018/978-1-59904-947-2.CH267>

- Theocharis Y., de Moor J., van Deth J.W. (2021). Digitally networked participation and lifestyle politics as new modes of political participation. *Policy & Internet*, 13(1), 30–53. Available at: <https://doi.org/10.1002/POI3.231>
- Theocharis Y., Van Deth J.W. (2018). The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European Political Science Review*, 10(1), 139–163. Available at: <https://doi.org/10.1017/S1755773916000230>
- Van Deth J.W. (2014). A Conceptual Map of Political Participation. *Acta Politica*, 49(3), 349–367. Available at: <https://doi.org/10.1057/AP.2014.6/TABLES/1>
- Vráblíková K., van Deth J.W. (2017). Conducive contexts: The impact of collective and individual social capital on democratic citizenship. *Acta Politica*, 52(1), 23–42. Available at: <https://doi.org/10.1057/AP.2015.25/FIGURES/1>

Сведения об авторах

Мария Владимировна Батырева – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: batyreva@list.ru)

Егине Араратовна Карагулян – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: memb@list.ru)

Batyreva M.V., Karagulyan E.A.

Methodology for Assessing the Effectiveness of Citizen Electronic Participation in Socio-Political Processes

Abstract. The development and active introduction of information and communication technologies contributes to the emergence of new forms of citizen electronic participation in socio-political processes and the expansion of the circle of persons involved in these processes. In this regard, it becomes urgent to develop a method for evaluating the effectiveness of the use of existing information and communication technologies to enhance citizen socio-political participation. Currently, the scientific literature and management practice do not possess a single integrated approach to carry out such an assessment. The issue requires further study and elaboration, since the existing methods assume a one-sided assessment, in most cases focused on quantitative indicators. The article presents a four-aspect approach to the development of a comprehensive indicator of the effectiveness of citizens of socio-political activity through information and communication technologies. The proposed methodology is based on the fact that the effectiveness of information and communication technologies in increasing socio-political participation is determined by the ability of citizens, involved with their help in socio-political processes to participate in the policy pursued by the authorities, influence it and even determine it. The effectiveness of such socio-political participation depends on four aspects (technical, economic, social and political), each of which is determined by a set of indicators. All these aspects affect the perception of information and communication technologies, used by citizens for the manifestation of socio-political activity, as well as assessing the level of their accessibility, satisfaction with them and trust in them. The methodology was tested as part of a study of the socio-political participation of the Tyumen Oblast citizens using modern technologies. The study will be interesting for government and business representatives involved in the development, implementation, improvement of existing information and communication technologies **for the purpose of citizens' socio-political participation.**

Key words: socio-political activity, citizen socio-political participation, citizen electronic participation, role of information and communication technologies in the citizen socio-political participation.

Information about the Authors

Mariya V. Batyreva – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, associate professor of department, University of Tyumen (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: batyreva@list.ru)

Egine A. Karagulyan – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, University of Tyumen (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: memb@list.ru)

Статья поступила 25.01.2022.

Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи



**Тамара Керимовна
РОСТОВСКАЯ**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1629-7780; ResearcherID: F-5579-2018



**Ольга Анатольевна
ЗОЛОТАРЕВА**

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: OAMahova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7339-7510; ResearcherID: ABC-2847-2021



**Екатерина Николаевна
ВАСИЛЬЕВА**

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Российская Федерация
e-mail: vasillevaen@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0460-5539; ResearcherID: K-6216-2013

Для цитирования: Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Васильева Е.Н. (2022). Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 184–199. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.10

For citation: Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Vasilieva E.N. (2022). Models of matrimonial and reproductive behavior of Russian youth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 184–199. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.10

Аннотация. Федеральная служба государственной статистики на основе статистических показателей представила демографический прогноз РФ до 2035 года. Во всех трех вариантах прогноза (низком, среднем, высоком) естественный прирост населения является отрицательным, изменяется лишь его интенсивность. Рост населения представлен только в высоком прогнозе и корректируется снижением темпов естественной убыли и интенсификацией миграционного прироста. Переломить негативные тенденции и реализовать высокий вариант прогноза можно, если формировать благоприятные условия для реализации брачного и репродуктивного поведения молодежи как основного демографического ресурса. Целью работы является аналитическое моделирование брачного и репродуктивного поведения молодежи в возрасте до 35 лет на базе данных авторского социологического исследования. Использовались методы оценки средних величин по распределениям ответов респондентов, их ранжирования для определения приоритетности факторов. Обширно применялись статистические методы измерения и анализа социальной информации: χ^2 – критерий для проверки гипотез, таблицы сопряженности (кросс-табуляция), коэффициенты взаимной сопряженности Пирсона и Чупрова, а также коэффициент конкордации (множественной ранговой корреляции). Результаты позволили реализовать аналитическое моделирование матримониального и репродуктивного поведения молодежи в возрасте до 35 лет в зависимости от самооценки уровня жизни, в частности достоверно определить влияние уровня жизни молодежи на принятие решения о начале супружеской жизни и рождении ребенка, выявить мнения респондентов о значимости мотивов отложить рождение ребенка для разных групп в зависимости от самооценки уровня жизни.

Ключевые слова: молодежь, благополучная семья, матримониальное поведение, репродуктивные установки, модели поведения, уровень жизни, коэффициенты взаимной сопряженности.

Благодарность

Исследование выполнено за счет проекта Российского научного фонда № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Введение

Демографическая ситуация в РФ остается напряженной, численность населения сокращается. Введенные правительством меры поддержки российских семей (материнский капитал, жилищные субсидии, льготная ипотека семьям с детьми) положительно влияли на рождаемость в РФ до 2016 года. В последние годы актуализируются научные исследования, целью которых выступает анализ матримониального и репродуктивного поведения современной российской молодежи, а также ценностей и целей, лежащих в основе данных типов поведения. Выявление социальных факторов и описание социальных практик будут способствовать разработке управленческих решений, направленных на повышение общего коэффициента рождаемости и рост демографических показателей в целом, разработку мер поддержки в соответствии с потребностями молодежи, состоящей в браке, имеющей детей, а также планирующей или откладывающей заключение брака и деторождение.

Существенно корректировать брачное и репродуктивное поведение молодежи, особенно в короткие сроки, не представляется возможным, т. к. в этом случае речь может идти только об изменении ценностей и формировании новых установок. Скорее, подразумевается создание условий, способствующих более полной реализации репродуктивных планов молодежи. Ряд эмпирических исследований показывает, что разрыв между желаемым и ожидаемым количеством детей сохраняется (Beaujouan, Berghammer, 2019; Архангельский и др., 2021), следовательно, именно реализация планов по рождению желаемого количества детей является наиболее перспективным сценарием. Сформированная в российском обществе тенденция откладывания деторождения на более старшие возраста (Калачикова, Короленко, 2018), бесспорно, не способствует достижению соответствия желаемого количества детей их ожидаемому числу. Откладываемые в молодых семьях «на потом»

рождения первого ребенка не только снижают вероятность рождения последующих детей, но и могут явиться препятствием к реализации репродуктивной функции в будущем, так как с возрастом фертильность снижается и у женщин, и у мужчин, при этом тенденция наиболее выражена у женщин (Leridon, 2004; Землянова, Чумарина, 2018). В связи со сказанным практической полезностью обладают результаты исследования на основе аналитического моделирования, помогающие оценить воздействие факторов (брачности и самооценки уровня жизни) на принятие решения отложить рождение ребенка.

Операционализация понятия «благополучная семья» позволяет определить основные метрики, необходимые для решения поставленной цели: провести аналитическое моделирование брачного и репродуктивного поведения молодежи в возрасте до 35 лет на базе данных авторского социологического исследования.

Обоснование понятия «благополучие» представлено в стратегических документах, регулирующих реализацию государственной семейной политики в России: в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.¹ и Концепции государственной политики в отношении молодой семьи². В последней утверждена модель благополучной молодой семьи – зарегистрированный брак, полная семья, наличие детей, экономическая самостоятельность, благоприятный психологический климат, выполнение основных функций. Представленная модель является идеальным типом семьи, и сравнение идеального типа с реальными практиками позволяет формировать меры социальной поддержки, механизмы, помогающие решать основные проблемы семей, формировать благополучие.

¹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/>

² Концепция государственной политики в отношении молодой семьи. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902060617>

Степень разработанности проблемы

Методологической базой исследования является концепция благополучия семьи, разработанная под руководством д-ра социол. наук, проф. Т.К. Ростовской (Ростовская и др., 2021a; Ростовская и др., 2021b). Построение данной концепции осуществлялось на основании классических и современных теорий, раскрывающих факторы, влияющие на реализацию семейных функций; систематизирующих истоки и ресурсы преодоления проблем в семье; посвященных отдельным аспектам брачно-семейных отношений, поиску ценностей, лежащих в основе матримониального, брачного и репродуктивного поведения; а также с помощью эмпирических данных, собранных российскими и зарубежными учеными в результате оценки индикаторов благополучия. Концепция благополучной семьи развивается на основе анализа эмпирической информации, собранной авторским коллективом, и обогащается новыми данными, полученными в результате теоретического обсуждения исследуемых процессов современными социологами, экономистами, демографами. Учитываются современные тенденции, классифицированные А.Г. Вишневым в соответствии с первым, вторым и третьим «демографическими переходами»: снижение смертности, в том числе младенческой, переход к контролируемому рождению, секуляризация, разрыв сексуального, брачного и репродуктивного поведения и др. (Вишневский, 2014).

В целом современные стратегии матримониального и репродуктивного поведения перспективно рассматривать как итоги повышения рационализации поведения акторов. А.И. Антонов, В.М. Карпова, С.В. Ляликова, изучая потребности семьи (желаемый и фактический доход), делают выводы на основе опроса обоих супругов и сопоставления полученных данных. Введение индикатора «желаемый» доход показывает уровни притязаний супругов, влияющие на количество детей в семье, при этом не только исследуется соотношение «желаемого» и «реального» дохода у обоих супругов, но доход сравнивается с благосостоянием окружающих (социальная норма). Исследование частично раскрывает такой индикатор благополучия, как «экономическая самостоятельность». Выявле-

ны негативные тенденции: доля многодетных семей с душевым доходом ниже прожиточного минимума в 2,5 раза больше, чем однодетных семей (Антонов и др., 2021). Таким образом, материальное благополучие семей уменьшается с рождением каждого последующего ребенка, если карьерные или финансовые стратегии родителей не эффективны. В этом отношении молодые люди ориентированы на поиск баланса между количеством детей и материальным благополучием, что приводит к отложенному родителству, отказу от рождения детей. Многодетность реализуется, если ценность детей выше, чем ценность материальных благ (низкие притязания родителей); если ценность детей высокая и есть необходимые материальные возможности. Обе стратегии формирования многодетной семьи не являются типичными в современном российском обществе.

О.Н. Калачикова, М.А. Груздеева исследуют тенденции изменения в РФ брачного поведения, на основе статистических данных за 1994–2017 гг. фиксируют увеличение возраста вступления в первый брак, рост доли незарегистрированных браков. В ходе выборочных исследований репродуктивных планов населения Росстата (2012 и 2017 гг.) выявлено, что около трети тех, кто живет без регистрации брака, не считают необходимым регистрировать супружеские отношения и при рождении ребенка (Калачикова, Груздева, 2018). Государственная семейно-демографическая политика направлена на стимулирование юридического оформления союзов, т. к. участие в жилищных программах для проживающих без регистрации брака невозможно, исключая детные неполные семьи с достаточным доходом для одобрения ипотечных займов. Однако, как отмечают А.В. Артамонова и Е.С. Митрофанова, давление государства и церкви оказывает все меньшее влияние вследствие изменения социальных норм, легитимации незарегистрированных отношений (Артамонова, Митрофанова, 2018).

А.В. Артамонова, Е.С. Митрофанова моделируют вступление в первые матримониальные союзы и возможные сценарии: отсутствие союза; сожителство как первый союз; брак как первый союз. Они выявили статистические зависимости повышения шансов на вступление

в сожителство и шансов вступления в брак: место проживания (город и сельская местность), уровень образования (общее или профессиональное и среднее), возраст, отсутствие беременности. Снижают шансы вступления в сожителство проживание с родителями, благополучие родительской семьи, откладывание трудовой карьеры (Артамонова, Митрофанова, 2018).

Благополучие семьи не только влияет на готовность заключить брак, но и содействует оптимальному выполнению основных функций (репродукция, социализация, экономическое обеспечение и т. д.). Благоприятному психологическому климату способствует ответственное отцовство. О.Н. Безрукова исследует практики ответственного отцовства (Безрукова, 2012): эмоциональная близость с детьми, включенность в уход, общение, забота о физическом и личностном развитии ребенка. В России формирование ответственного отцовства идет медленно, в то же время зарубежные исследования показывают эффективность поддержки ответственного отцовства в рамках семейно-демографической политики (Rehel, 2014; Duvander et al., 2020). Повышенная ответственность родителей также приводит к рационализации поведения молодежи, следовательно, откладыванию брака, неуверенности в том, что родители справятся с воспитанием ребенка, тем более нескольких детей (Lebano, Jamieson, 2020).

Методологическое обоснование

В целях формирования моделей матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи можно выделить комплекс детерминант, приводящих к изменению матримониального и репродуктивного поведения: повышение уровня образования, увеличение занятости женщин, изменение ценностной матрицы и др. (Багирова, Илышев, 2009; Wood, Neels, 2019; Исупова, 2020). В данном исследовании остановимся на следующих факторах: материальное положение, возраст и брачность – влияющих на модель поведения и являющихся индикаторами благополучной семьи.

Построение моделей матримониального и репродуктивного поведения современной российской молодежи в исследовании реализовано на базе данных, учтенных в результате

Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России»³, проведённого на территории 10 субъектов Российской Федерации (г. Москва, Московская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Ставропольский край, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Нижегородская и Свердловская области).

Из общей совокупности респондентов в соответствии с задачами исследования выделены лица в возрасте 18–35 лет (границы включаются), не состоящие в браке. Таковых оказалось 1541 человек.

Формирование аналитических моделей брачного и репродуктивного поведения осуществлено на основе выявления зависимостей от факторов уровня жизни и ряда других мотивов, побуждающих начать супружескую жизнь (семейных ценностей, личностных факторов): кросс-табуляции, проверки гипотез с помощью критерия χ^2 , оценки тесноты связи коэффициентами взаимной сопряженности Пирсона и Чупрова, коэффициентом множественной ранговой корреляции – коэффициентом конкордации, а также построенными регрессионными моделями.

Предварительный этап анализа определил значимость и влияние на вероятность вступления в брак молодежи – респондентов в возрасте до 35 лет включительно – следующих 5 фак-

торов: приоритетным для создания семьи является желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким (первое место); второе место занимает желание иметь постоянного сексуального партнёра; третье и четвертое места разделяют желание стать по-настоящему взрослым, самостоятельным человеком и желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства; и на пятом месте стоит желание в ближайшее время иметь ребёнка (табл. 1).

Демографическим ценностям создания семьи, основанным на рождении в семье детей, как следует из таблицы 1, в молодежной среде сегодня не отводится должного внимания, приоритетными выступают социально-психологические факторы (прежде всего в контексте существенно весомой значимости желания иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким).

Указанное определяет значимость более детального/глубокого анализа детерминант брачного и репродуктивного поведения молодежи (Brown et al., 2015). Интерес представляет моделирование зависимостей факторов, влияющих на намерения вступить в брак и родить ребенка в семьях, с учетом разных оценок респондентами своего уровня жизни.

Таблица 1. Значимость факторов, влияющих на намерение начать будущую супружескую жизнь, средний балл по ответам респондентов, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак в возрасте до 35 лет

Мотив вступления в брак	Средний балл (по 5-балльной шкале)	Ранг
Желание стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком	3,4	3,5
Желание в ближайшее время иметь ребенка	2,7	5
Желание иметь постоянного сексуального партнера	3,5	2
Желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства	3,4	3,5
Желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким	4,7	1
Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».		

³ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 – начале 2020 года в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. N = 5616, представители различных групп населения в возрасте от 18 до 50 лет. Рук. – д-р соц. наук, проф. Т.К. Ростовская.

Результаты исследования в контексте аналитического моделирования брачного и репродуктивного поведения молодежи в возрасте до 35 лет

Характеристика сопряженности ответов молодежи в возрасте до 35 лет по оценке зависимости уровня жизни семьи респондента в настоящее время и намерений респондента вступить в брак (табл. 2) сводится к следующему: намерены вступить в брак 54,38% ответивших, при этом 3/5 из них характеризуют свой уровень жизни как довольно хороший (от 8 до 10 баллов по 10-балльной шкале); 25,63% от всех ответивших не собираются вступать в брак, 19,99% затруднились с ответом. При этом как среди тех, кто указал, что не собирается вступить в брак, так и среди тех, кто не определился в вопросе вступления в брак, каждый второй оценил уровень жизни своей семьи в настоящее время в баллах от 5 до 7.

Проверка гипотезы о зависимости между намерениями респондента вступить в брак и уровнем жизни его семьи в настоящее время показала наличие связи: критерий хи-квадрат

(chi-square statistic) χ^2 равен 143,439 (при 5%-м уровне значимости $\chi^2_{\text{табл.}} = 28,869$). Следовательно, уровень жизни семьи респондента является детерминантой вступления в брак.

Данные таблицы 3, характеризующие сопряженность ответов молодежи в возрасте до 35 лет, определивших свой уровень жизни как довольно хороший (от 8 до 10 баллов по 10-балльной шкале), по оценке зависимости намерений вступить в брак и рождения ребенка показывают: из 63,94% ответивших, что собираются вступить в брак, далеко не все заинтересованы в рождении ребенка в ближайшее время, наблюдается откладывание рождения ребенка. При этом два респондента из тех, кто собирается вступить в брак, уже ждут ребенка.

Среди респондентов, кто охарактеризовал свой уровень жизни как довольно хороший (8–10 баллов) и указал на намерение вступить в брак, 63,52% собираются несколько позже родить ребенка (пока откладывают) и только 6,71% выразили желание родить ребенка в ближайшее время (рис. 1).

Таблица 2. Сопряженность ответов респондентов в возрасте до 35 лет, не состоящих в браке, по оценке зависимости их намерения начать будущую супружескую жизнь от уровня жизни их семьи в настоящее время, %

Собираетесь ли Вы вступить в брак?	Уровень жизни Вашей семьи в настоящее время в баллах (по 10-балльной шкале, где 10 баллов – очень хороший; 1 балл – очень плохой)										Итого
	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	
Да	6,99	10,77	14,95	9,05	4,94	5,07	1,71	0,48	0,00	0,41	54,38
Нет	2,40	4,32	4,04	4,66	5,62	2,81	0,41	0,96	0,27	0,14	25,63
Трудно сказать	1,16	2,72	3,74	4,15	1,84	3,74	1,84	0,61	0,14	0,07	19,99
Итого	10,55	17,80	22,73	17,86	12,39	11,62	3,96	2,05	0,41	0,62	100,00

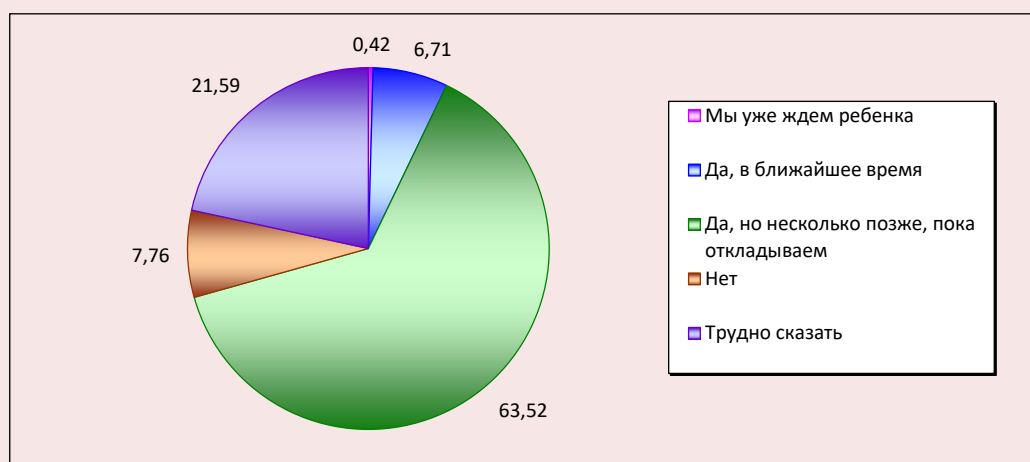
Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

Таблица 3. Сопряженность ответов респондентов в возрасте до 35 лет, не состоящих в браке и указавших свой уровень жизни как довольно хороший (8–10 баллов), по оценке зависимости их намерения начать будущую супружескую жизнь и рождения в их семье ребенка, %

Собираетесь ли Вы вступить в брак?	Собираетесь ли Вы иметь ребенка?					Итого
	Мы уже ждем ребенка	Да, в ближайшее время	Да, но несколько позже, пока откладываем	Нет	Трудно сказать	
Да	0,27	4,29	40,62	4,96	13,81	63,94
Нет	0,00	0,40	2,68	13,14	4,83	21,05
Трудно сказать	0,00	0,27	5,76	2,68	6,30	15,01
Итого	0,27	4,96	49,06	20,78	24,93	100,00

Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

Рис. 1. Структура ответов молодежи на вопрос «Собираетесь ли Вы иметь ребенка?» среди оценивших свой уровень жизни в 8–10 баллов и изъявивших желание начать супружескую жизнь, %



Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

Анализируя зависимости мнений респондентов в возрасте до 35 лет, назвавших свой уровень жизни довольно хорошим (8–10 баллов), по их намерению вступить в брак и желанию родить ребенка, отметим наличие связи между рассматриваемыми факторами: критерий хи-квадрат (chi-square statistic) χ^2 равен 260,268 (при 5%-м уровне значимости $\chi^2_{табл.} = 15,507$). Связь между намерением создать семью и желанием родить ребенка подтверждена критериями сопряженности: коэффициент взаимной сопряженности Пирсона равен 0,519; коэффициент взаимной сопряженности Чупрова равен 0,351 (умеренная взаимосвязь между анализируемыми признаками).

Таким образом, у молодежи, оценивающей свой уровень жизни в 8–10 баллов из 10 возможных, присутствует выраженность желания как вступить в брак, так и родить ребенка (пусть в будущем, отложив рождение на определенное время).

Данные *таблицы 4*, характеризующие сопряженность ответов респондентов в возрасте до 35 лет, указавших свой уровень жизни как средний и выше среднего (от 5 до 7 баллов по 10-балльной шкале), по оценке зависимости намерений вступить в брак и рождения ребенка показывают: из 45,42% ответивших, что собираются вступить в брак, далеко не все заинтересованы в рождении ребенка в ближайшее

Таблица 4. Сопряженность ответов респондентов в возрасте до 35 лет, не состоящих в браке и оценивших свой уровень жизни на 5–7 баллов, по оценке зависимости их намерения начать будущую супружескую жизнь и рождения в их семье ребенка, %

Собираетесь ли Вы вступить в брак?	Собираетесь ли Вы иметь ребенка?					Итого
	Мы уже ждем ребенка	Да, в ближайшее время	Да, но несколько позже, пока откладываем	Нет	Трудно сказать	
Да	0,82	3,59	23,37	3,92	13,73	45,42
Нет	0,98	1,14	3,92	16,18	8,99	31,21
Трудно сказать	0,00	0,49	7,19	3,92	11,76	23,37
Итого	1,80	5,23	34,48	24,02	34,48	100,00

Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

время, наблюдается откладывание рождения ребенка. При этом фиксируется большая доля тех, кто собирается вступить в брак и уже ждет ребенка (0,82%, или 5 респондентов). Среди молодежи, оценивающей свой уровень жизни в 5–7 баллов из 10 возможных, наблюдается равенство между теми, кто откладывает рождение ребенка (34,48%), и теми, кто затрудняется с ответом на вопрос о возможности рождения ребенка (34,48%). 24,02% данной совокупности респондентов не планируют рождение ребенка.

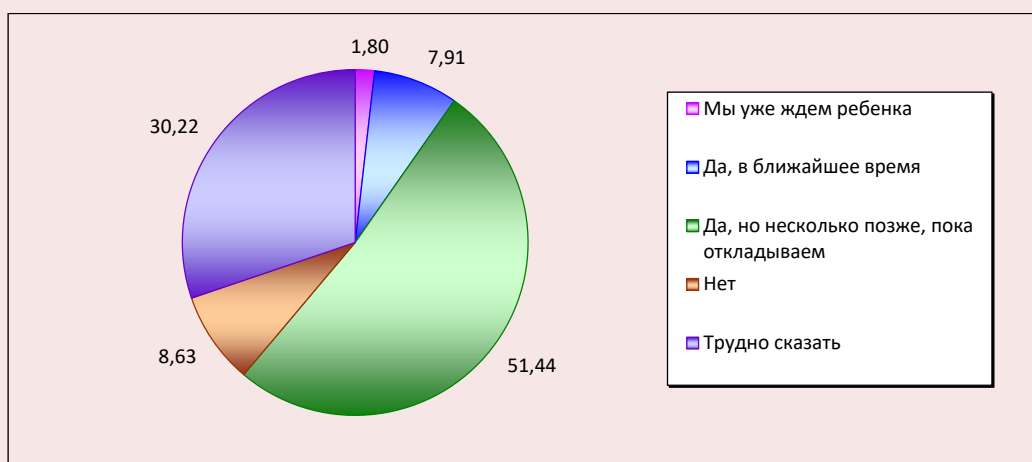
Из тех респондентов, кто характеризует свой уровень жизни в 5–7 баллов (по 10-балльной шкале) и указал на намерение вступить в брак, 51,44% собираются несколько позже родить ребенка (пока откладывают), что на 12,08 процентных пункта меньше, чем среди респондентов, более высоко оценивающих свой уровень жизни. Однако перераспределение процентов хоть и увеличило долю выразивших желание вступить в брак и родить ребенка в ближайшее время среди респондентов с характеристикой уровня жизни в 5–7 баллов (по 10-балльной шкале), но ненамного (на 1,21 п. п.). В существенно большей степени возросла доля тех, кто при намерении вступить в брак затрудняется с ответом на вопрос о рождении ребенка (рис. 2).

Учитывая зависимости мнений респондентов в возрасте до 35 лет, оценивших свой уровень жизни как средний и выше среднего (5–7 баллов), в отношении намерения вступить в брак и желания родить ребенка, отметим наличие связи между рассматриваемыми факторами: критерий хи-квадрат (chi-square statistic) χ^2 равен 167,995 (при 5%-м уровне значимости $\chi^2_{табл.} = 15,507$). Связь между намерением создать семью и желанием иметь ребенка в соответствии с коэффициентами взаимной сопряженности Пирсона (0,462) и Чупрова (0,298) определяется как слабая и не является статистически подтвержденной взаимосвязью на уровне значимости 0,05.

Следовательно, для молодежи, оценивающей свой уровень жизни в 5–7 баллов из 10 возможных, характерна неопределенность в принятии решения как о начале семейной жизни, так и о возможности в будущем родить ребенка.

Данные *таблицы 5*, показывающие сопряженность ответов респондентов в возрасте до 35 лет, оценивших свой уровень жизни ниже среднего (от 1 до 4 баллов по 10-балльной шкале), по оценке зависимости намерений вступить в брак и рождения ребенка свидетельствуют, что 45,36% из них собираются вступить в брак. При этом среди данных респондентов

Рис. 2. Структура ответов молодежи на вопрос «Собираетесь ли Вы иметь ребенка?» среди оценивших свой уровень жизни в 5–7 баллов и изъявивших желание начать супружескую жизнь, %



Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

Таблица 5. Сопряженность ответов респондентов в возрасте до 35 лет, не состоящих в браке и оценивших свой уровень жизни в 1–4 балла, по оценке зависимости их намерения начать будущую супружескую жизнь и рождения в их семье ребенка, %

Собираетесь ли Вы вступить в брак?	Собираетесь ли Вы иметь ребенка?					Итого
	Мы уже ждем ребенка	Да, в ближайшее время	Да, но несколько позже, пока откладываем	Нет	Трудно сказать	
Да	0,55	2,19	23,50	1,09	18,03	45,36
Нет	0,00	0,55	1,09	10,93	13,11	25,68
Трудно сказать	0,00	0,55	3,83	4,92	19,67	28,96
Итого	0,55	3,28	28,42	16,94	50,82	100,00

Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

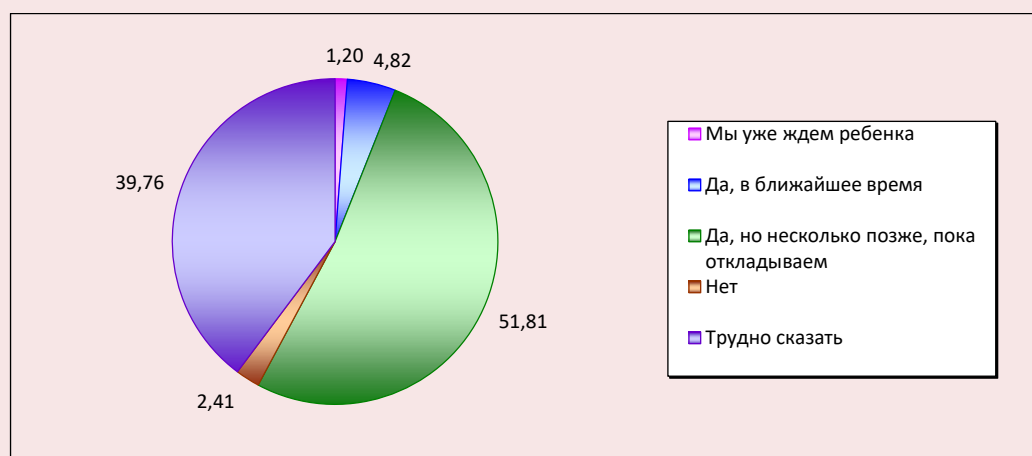
больше доля тех, кто затрудняется с ответом на вопрос о возможности рождения ребенка (50,82%).

Интересным представляется факт, что среди респондентов, оценивающих свой уровень жизни в 1–4 балла (по 10-балльной шкале) и указавших, что намерены вступить в брак, доля тех, кто намерен в будущем родить ребенка, но пока откладывает, составляет 51,81% (рис. 3), что почти совпадает с результатами анализа мнений молодежи, оценивающей свой уровень жизни в 5–7 баллов. Следовательно, сдерживающим фактором в принятии решения о рождении ребенка в каждой из этих двух групп респондентов выступает их материальное благосостояние.

С учетом зависимости мнений респондентов в возрасте до 35 лет, указавших свой уровень жизни как ниже среднего (1–4 балла), в отношении намерения вступить в брак и желаний иметь ребенка отметим наличие связи между рассматриваемыми факторами: критерий хи-квадрат (chi-square statistic) χ^2 равен 65,857 (при 5%-м уровне значимости $\chi^2_{табл.} = 15,507$). Связь между намерением создать семью и желанием иметь ребенка в соответствии с коэффициентами взаимной сопряженности Пирсона (0,515) и Чупрова (0,357) определяется как умеренная.

Таким образом, среди молодежи, оценивающей свой уровень жизни в 1–4 балла из 10 возможных, наблюдается неопределенность в

Рис. 3. Структура ответов молодежи на вопрос «Собираетесь ли Вы иметь ребенка?» среди оценивших свой уровень жизни в 1–4 балла и изъявивших желание начать супружескую жизнь, %



Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

принятии решения о начале семейной жизни. Им трудно определиться с возможностью родить в будущем ребенка (и эта неопределенность более ярко выражена, чем у молодых людей, оценивающих свой уровень жизни в 5–7 баллов).

Аналитическое моделирование взаимосвязей уровня жизни и matrimониального и репродуктивного поведения молодежи в возрасте до 35 лет показало, что со снижением самооценки уровня жизни уверенность в принятии решения о начале супружеской жизни и рождении ребенка снижается, последнее в большей степени.

В соответствии с проведенным аналитическим моделированием построены регрессионные модели репродуктивного поведения для различных групп молодежи в зависимости от самооценки уровня жизни семьи в настоящее время, позволяющие подтвердить полученные выводы (табл. 6).

Результаты моделирования представлены в таблице 7.

Результаты моделирования говорят о возможности построения адекватной модели репродуктивного поведения для молодежи, оценивающей уровень жизни своей семьи в 5–7 и 8–10 баллов.

У молодежи, оценившей свой уровень жизни как средний и выше среднего (5–7 баллов), с его повышением уменьшается неопределенность в вопросе возможности рождения ребенка при вступлении в брак. Однако для респондентов, оценивающих уровень жизни более высоко (8–10 баллов), с его увеличением фиксируется смещение от намерений родить ребенка в ближайшее время к «откладыванию», что в свою очередь может говорить о сложностях совмещения выполнения репродуктивной и трудовой функций.

В целом в ходе проведенного анализа выявлена склонность молодежи к откладыванию

Таблица 6. Описание переменных в моделях

Переменная	Название	Описание	Статистики
y (результативная)	Собираетесь ли Вы иметь ребенка?	Переменная принимает значения: 1 – мы уже ждем ребенка; 2 – да, в ближайшее время; 3 – да, но несколько позже, пока откладываем; 4 – нет; 5 – трудно сказать	Средние значения для групп молодежи в зависимости от самооценки уровня жизни: 0–4 балла: $\bar{y}_1 = 3,747$ 5–7 баллов: $\bar{y}_2 = 3,575$ 8–10 баллов: $\bar{y}_3 = 3,434$
x_1	Уровень жизни Вашей семьи в настоящее время?	Переменная принимает значения в баллах (по 10-балльной шкале, где: 10 баллов – очень хорошо; 1 балл – очень плохо)	Средние значения для групп молодежи в зависимости от самооценки уровня жизни: 0–4 балла: $\bar{x}_1 = 1,530$ 5–7 баллов: $\bar{x}_2 = 6,209$ 8–10 баллов: $\bar{x}_3 = 8,757$
x_2	Собираетесь ли Вы вступить в брак?	Переменная принимает значения: 1 – да 2 – нет 3 – трудно сказать	Статистика основана только на случаях, для которых $x_2 = 1$

Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

Таблица 7. Сводные данные по моделям регрессии

Уровень жизни Вашей семьи в настоящее время	Константа	β	F (значимость уравнения)	t (значимость параметра β)	Регрессионная модель
0–4 балла	3,807	-0,04	0,366 (незначимо)	-0,604 (незначим)	-
5–7 баллов	4,516	-0,152	4,023 (значимо)	-2,006 (значим)	$\hat{y} = 4,516 - 0,152x_1$
8–10 баллов	2,223	0,138	6,73 (значимо)	2,594 (значим)	$\hat{y} = 2,223 - 0,138x_1$

Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

рождения ребенка при вступлении в брак, что определяет важность оценки причин подобного репродуктивного поведения.

В результате анализа факторов, влияющих на решение отложить рождение ребенка, было выяснено, что в большинстве своем мнения респондентов в возрасте до 35 лет схожи и не зависят от самооценки уровня жизни, однако по некоторым, наиболее значимым, есть существенные разногласия.

Отметим, что на первое место среди причин, побуждающих отложить рождение ребенка, молодежь вне зависимости от оценки своего уровня жизни в настоящее время поставила необходимость найти более оплачиваемую работу. Фактор является приоритетной детерминантой, но отличающейся по силе влияния на решение отложить рождение ребёнка — средний балл из 5 возможных повышается с понижением уровня жизни (рис. 4):

- молодежь с самооценкой уровня жизни в 8–10 баллов оценивает значимость необходимости найти более оплачиваемую работу в среднем на 3,89 балла;
- молодежь с самооценкой уровня жизни в 5–7 баллов оценивает значимость необходимости найти более оплачиваемую работу в среднем на 4,07 балла;
- молодежь с самооценкой уровня жизни в 1–4 балла оценивает значимость необходимости найти более оплачиваемую работу в среднем на 4,33 балла.

Следовательно, даже те молодые люди, которые оценивают свой уровень жизни как достаточно хороший (8–10 баллов), все равно стремятся к получению большего дохода. При этом такие причины откладывания рождения ребенка, как отсутствие материальных возможностей и собственного жилья, для данной категории молодежи по значимости не являются лидирующими — средний балл соответственно по факторам равен 3,41 (5 место) и 3,30 (6 место). Среди факторов, влияющих на принятие решения отложить рождение ребенка, наибольшая значимость отводится получению законченного образования (2 место, средний балл 3,64) и наличию брака (3 место, средний балл 3,45).

В то же время для молодежи с самооценкой уровня жизни в 5–7 баллов и 1–4 балла на вто-

ром и третьем местах по значимости стоят причины, связанные с материальным благополучием: рождение ребёнка откладывается, так как пока не позволяют материальные возможности или отсутствует собственное жилье, в котором можно растить ребёнка. Средний балл по факторам — более 4 из 5 возможных.

Необходимость закончить образование занимает 6 и 7 место, однако значимость этого фактора снижается по мере понижения самооценки уровня жизни: средний балл равен 3,37 — 6 место (самооценка уровня жизни в 5–7 баллов); средний балл равен 3,21 — 7 место (с самооценкой уровня жизни в 1–4 балла).

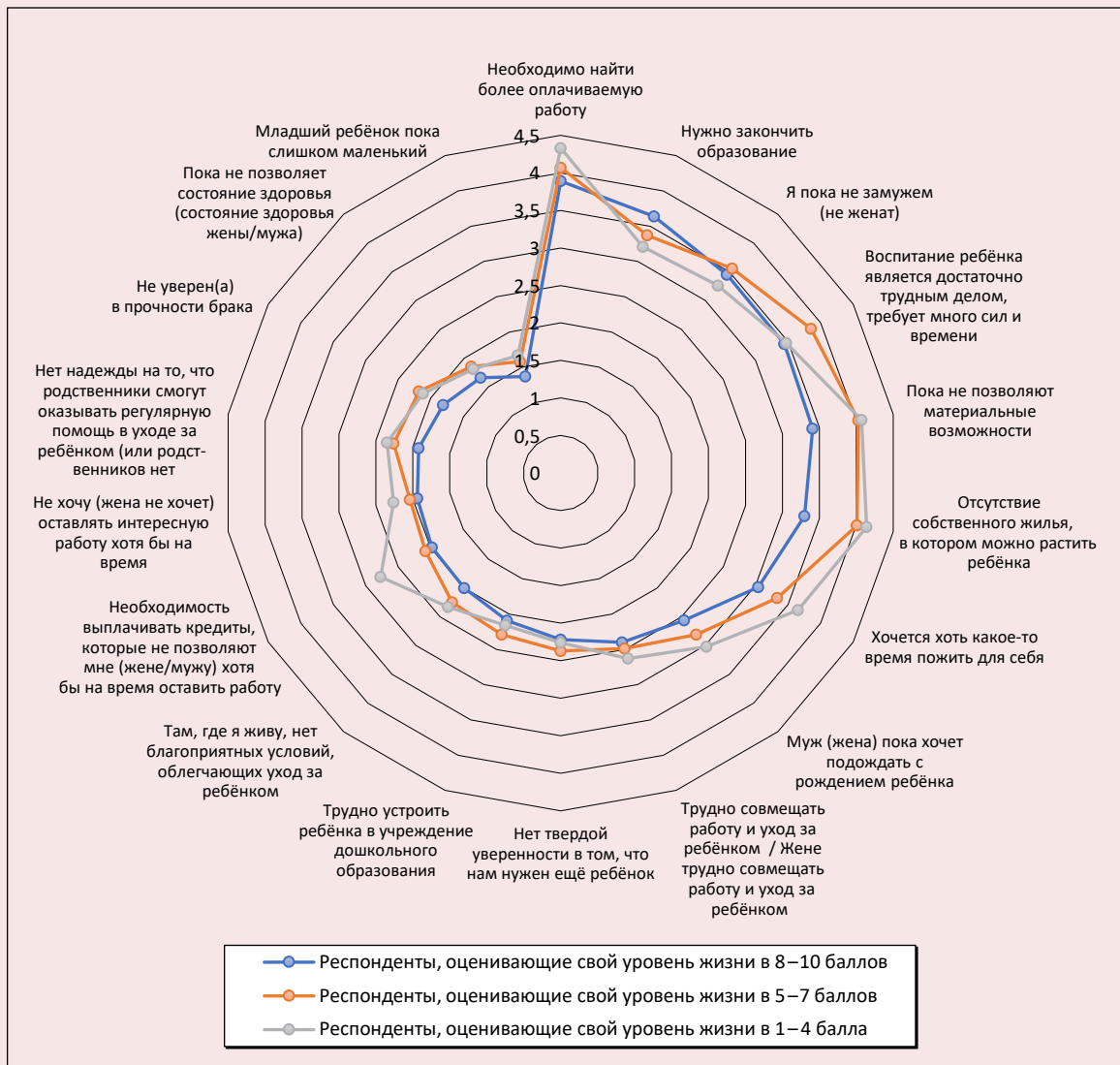
Стоит отметить, что молодые люди, которые оценивают свой уровень жизни как достаточно хороший (8–10 баллов) и средний или выше среднего (5–7 баллов), в равной степени осознают социальную ответственность за ребенка, фактор «воспитание ребёнка является достаточно трудным делом, требует много сил и времени» стоит у них на четвертом месте по значимости; в то время как молодежь с самооценкой уровня жизни в 1–4 балла является менее социально ответственной и на четвертое место ставит фактор «хочется хоть какое-то время пожить для себя», отодвигая сознательность сложности воспитания ребенка на пятое место.

По мнению молодежи с самооценкой своего уровня жизни в 8–10 и 5–7 баллов, значимость фактора «желание пожить для себя хоть какое-то время» занимает седьмое место.

Начиная с 8 места наблюдается полное соответствие по распределению значимости причин, способствующих принятию решения отложить рождение ребенка (по убыванию важности): муж (жена) пока хочет подождать с рождением ребёнка; трудно совмещать работу и уход за ребёнком (основная работа по дому лежит на мне) / жене трудно совмещать работу и уход за ребёнком (основная работа по дому лежит на ней) и т. д. (см. рис. 4).

В целом, несмотря на различия респондентов в возрасте до 35 лет по самооценке своего уровня жизни, их мнения о причинах откладывания рождения ребенка достаточно согласованны. Расчет множественной ранговой корреляции показал достаточно тесную связь: коэффициент конкордации (W) равен 0,973 и подтверждается на уровне значимости 0,05.

Рис. 4. Мнения молодежи о значимости мотивов отложить рождение ребенка для разных групп в зависимости от самооценки уровня жизни, средний балл



Составлено по: данные Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России».

Заключение

В настоящее время молодой семьей признается супружеская пара, состоящая из лиц, возраст каждого из которых не достигает 36 лет, то есть верхняя граница определена возрастом 35 лет включительно. Эта граница молодого возраста установлена в соответствии с принятым в 2020 году Законом о молодежной политике,

согласно которому произошло расширение категории с 30 до 35 лет включительно⁴. В связи с этим исследование базировалось на данных, характеризующих матримониальное и репродуктивное поведение молодежи – респондентов в возрасте от 18 до 35 лет включительно. Именно данная категория включает репродуктивные возраста, в которых наблюдается наибольшая

⁴ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

возрастная рождаемость, что говорит о практической значимости проведенного анализа.

Обобщая результаты реализуемой методологии исследования, можно сформулировать следующие основные выводы. Первое, молодежь отдает явное предпочтение рождению ребенка в браке, что требует понимания значимости факторов брачности. При этом у молодежи вероятность вступления в брак зависит от самооценки уровня жизни. Среди молодежи, оценивающей свой уровень жизни в 8–10 баллов из 10 возможных, выявлена наибольшая склонность к принятию решения о заключении брака. Молодежь с самооценкой уровня жизни в 5–7 баллов и 1–4 балла в существенно меньшей степени в сравнении с предыдущей группой, но примерно в равной степени между собой склонна к принятию решения о заключении брака. Второе, аналитическое моделирование взаимосвязей уровня жизни и матримониального и репродуктивного поведения молодежи показало, что со снижением самооценки уровня жизни уверенность в принятии решения о начале супружеской жизни снижается лишь до определенного уровня, в то время как уверенность в принятии решения о рождении ребенка приобретает ярко выраженную неопределенность. Это указывает на существенно большее влияние уровня жизни молодежи на рождаемость, а не на брачность. Третье, но наиболее важное заключение по результатам анализа: откладывание рождения ребенка при решении заключить брак становится бичом для демографического развития России. Молодежь, даже с наиболее высокой самооценкой уровня жизни в 8–10 баллов, при принятии решения о заключении брака предпочитает не рожать ребенка в ближайшее время, а отложить рождение на более поздний срок. В связи с этим полученные результаты регрессионного моделирования представляются бесспорно значимыми и в научном, и в практическом аспекте, так как позволили выявить особенности изменений репродуктивных установок для разных социальных групп молодежи. Так, для категории молодежи с достаточно высокой самооценкой уровня жизни (8–10 баллов) выявлен рост вероятности принятия решения отложить рождение ребенка при повышении уровня жизни. Можно предположить, что высокий доход связан с сильной загруженностью на работе и осознанием отсутствия времени и нехватки сил на

воспитание ребенка (причина входит в первую пятерку по значимости среди всех мотивов, побуждающих отложить рождение ребенка). Подобные гипотезы требуют проведения дальнейших социологических исследований, которые учитывали бы также, например, вопросы, позволяющие охарактеризовать респондентов по профессиям и должностям.

Репродуктивные установки молодежи, характеризующиеся откладыванием рождения ребенка при вступлении в брак, являются угрозой не просто росту рождаемости, но и сохранению имеющегося на сегодня уровня естественного воспроизводства населения (крайнее предположение — возможный переход к однодетной модели семьи и распространению / росту доли бездетных семей), что увязывается со способностью пары к зачатию, снижением с возрастом фертильности (Сыркашева и др., 2016).

В настоящее время важно на уровне государства уделять должное внимание молодой семье и проблемам ее функционирования. Необходимо изменить приоритетную демографическую установку молодежи: устоявшуюся в последние десятилетия тенденцию откладывания рождения ребенка «на потом» (подтверждается в динамике данными Росстата по увеличению среднего возраста матери при рождении детей⁵) требуется переломить.

Решение данного вопроса основано на понимании причин, из-за которых молодежь принимает решение отложить рождение ребенка. Приоритетной детерминантой является рационализация поведения молодежи и ее ориентация на формирование благополучной семьи — семьи, основанной на зарегистрированном браке, с детьми, характеризующейся экономической самостоятельностью. Однако стремление достичь экономической самостоятельности, выражающейся в высокооплачиваемой работе, вне зависимости от самооценки уровня жизни выступает основным мотивом, влияющим на решение отложить рождение ребенка.

В целом мнения молодежи с разной самооценкой своего уровня жизни о причинах откладывания рождения ребенка достаточно согласованны, о чем свидетельствует полученное

⁵ Демографический ежегодник России. 2021: стат. сб. / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dem21.pdf>

значение коэффициента конкордации, равное 0,973. При этом стоит отметить, что проведенная оценка множественной ранговой корреляции обладает элементами научной новизны применительно к проблеме исследования.

Значимость тех или иных причин, побуждающих отложить рождение ребенка, нужно учитывать, принимая во внимание, что по некоторым из них, наиболее важным, у молодежи с разной самооценкой своего уровня жизни имеются существенные отличия. Например, у молодежи с наиболее высокой самооценкой уровня жизни (в 8–10 баллов) среди приоритетных факторов, влияющих на принятие решения отложить рождение ребенка, зафиксирована необходимость завершения образования, в то время как значимость данного фактора менее явная у молодежи с самооценкой уровня жизни в 5–7 баллов и 1–4 балла. Этот вывод также определяет практическую значимость прове-

денного исследования. Разрабатываемые механизмы демографической политики в области стимулирования рождаемости должны быть основаны как на комплексе общих мер, так и на целевом подходе, в основе которого лежит выработка и внедрение узконаправленных, избирательных мер по многосторонней поддержке молодых семей, от материальных дополнительных выплат до расширения потенциала самоорганизации и самореализации членов семей, включая возможности достижения сбалансированности триады: семья, образование и занятость.

Все представленные результаты исследования целесообразно учитывать при выработке управленческих решений, направленных на достижение стратегических национальных целей в области демографического развития, в том числе роста рождаемости, а также на развитие института благополучной молодой семьи.

Литература

- Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликоса С.В. (2021). Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 17. № 1. С. 121–131. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.9
- Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. (2018). Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // *Демографическое обозрение*. Т. 5. № 1. С. 106–137. DOI: 10.17323/demreview.v5i1.7711
- Архангельский В.Н., Васильева Е.Н., Васильева А.Е. (2021). Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // *Logos et Praxis*. Т. 20. № 3. С. 93–111. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10
- Багирова А.П., Ильшев А.М. (2009). Факторы репродуктивного поведения населения (анализ межстрановых и межрегиональных различий) // *Социологические исследования*. № 2 (298). С. 37–45.
- Безрукова О.Н. (2012). Практики ответственного отцовства: «папа-школа» и социальный капитал // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Вып. 3. С. 266–275.
- Вишневский А.Г. (2014). Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo Sapiens // *Демографическое обозрение*. Т. 1. № 1. С. 6–33.
- Землянова Е.В., Чумарина В.Ж. (2018). Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях // *Социальные аспекты здоровья населения*. № 64 (6). DOI: 10.21045/2071-5021-2018-64-6-9
- Исупова О.Г. (2020). Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики // *Демографическое обозрение*. Т. 7. № 3. С. 51–83. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11636
- Калачикова О.Н., Груздева М.А. (2018). Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // *Социальное пространство*. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.1
- Калачикова О.Н., Короленко А.В. (2018). Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // *Народонаселение*. Т. 21. № 4. С. 109–121. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-10
- Ростовская Т.К., Золотарева О.А., Князькова Е.А. (2021). Образ благополучной семьи глазами жителей российских регионов: социологический анализ // *Социальное пространство*. Т. 7. № 4. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.2

- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. (2021). Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 21. № 4. С. 805–824. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-805-824
- Сыркашева А.Г., Ильина Е.О., Долгушина Н.В. (2016). Бесплодие у женщин старшего репродуктивного возраста: причины, тактика ведения, перспективы использования преимплантационного генетического скрининга (обзор литературы) // Гинекология. № 18 (3). С. 40–43.
- Beaujouan E., Berghammer C. (2019). The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: A cohort approach. *Population Research and Policy Review*, 38, 507–535. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11113-019-09516-3>
- Brown S.L., Manning W.D., Stykes J.B. (2015). Family structure and child well-being: Integrating family complexity. *Journal of Marriage and Family*, 77(1). DOI: 10.1111/jomf.12145
- Duvander A.-Z., Lappégard T., Johansson M. (2020). Impact of a reform towards shared parental leave on continued fertility in Norway and Sweden. *Population Research and Policy Review*, 39, 1205–1229. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11113-020-09574-y>
- Lebano A., Jamieson L. (2020). Childbearing in Italy and Spain: Postponement narratives. *Population and Development Review*, 46(1), 121–144. Available at: <https://doi.org/10.1111/padr.12313>
- Leridon H. (2004). Can assisted reproduction technology compensate for the natural decline in fertility with age? A model assessment. *Human Reproduction*, 19(7). DOI: <https://doi.org/10.1093/humrep/deh304>
- Rehel E.M. (2014). When dad stays home too: Paternity leave, gender, and parenting. *Gender & Society*, 28(1), 110–132. Available at: <https://doi.org/10.1177/0891243213503900>
- Wood J., Neels K. (2019). Does mothers' parental leave uptake stimulate continued employment and family formation? Evidence for Belgium. *Social Sciences*, 8, 292. Available at: <https://doi.org/10.3390/socsci8100292>

Сведения об авторах

Тамара Керимовна Ростовская — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Ольга Анатольевна Золотарева — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6; e-mail: OAMahova@yandex.ru)

Екатерина Николаевна Васильева — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры, Волгоградский государственный университет (400062, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100; e-mail: vasillevaen@yandex.ru)

Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A., Vasilieva E.N.

Models of Matrimonial and Reproductive Behavior of Russian Youth

Abstract. Based on statistical indicators, the Federal State Statistics Service presented the demographic forecast of the Russian Federation until 2035. In all three forecast options (low, medium, high), natural population growth is negative, only its intensity changes. Population growth is presented only in a high forecast and is corrected by a decrease in the rate of natural decline and intensification of migration growth. It is possible to reverse the negative trends and implement the high version of the forecast if favorable conditions are created for the implementation of the marriage and reproductive behavior of young people as the main demographic resource. The aim of the study is the analytical modeling of the marriage and reproductive behavior of young people under the age of 35 based on the data of the author's sociological research. The article is based on the methods of estimating average values according to the distributions of respondents' answers, their ranking to determine the priority of factors. Statistical methods for measuring and analyzing social information are widely used: chi-square

statistic for testing hypotheses, contingency tables (cross-tabulation), Pearson and Chuprov's mutual contingency coefficients, as well as the concordance coefficient (multiple rank correlation). The results made it possible to implement analytical modeling of the matrimonial and reproductive behavior of young people under the age of 35, depending on the self-assessment of their standard of living, in particular, to reliably determine the impact of the standard of living of young people on their decision to start married life and have a child, to identify young people's opinions about the significance of motives to postpone the birth of a child for different groups depending on the self-assessment of the standard of living.

Key words: youth, prosperous family, matrimonial behavior, reproductive attitudes, behavior patterns, standard of living, mutual contingency coefficients.

Information about the Authors

Tamara K. Rostovskaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, deputy director, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru)

Olga A. Zolotareva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: OAMahova@yandex.ru)

Ekaterina N. Vasilieva – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, professor of department, Volgograd State University (100, Universitetskiy Prospekt, Volgograd, 400062, Russian Federation; e-mail: vasilevaen@yandex.ru)

Статья поступила 26.04.2022.

DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.11

УДК 330.16, 316.4; 614.2, ББК 65.495; 51.1

© Медведева Е.И., Александрова О.А., Крошилин С.В.

Телемедицина в современных условиях: отношение социума и вектор развития



**Елена Ильинична
МЕДВЕДЕВА**

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и
медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы
Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: e_lenam@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4200-1047; ResearcherID: B-8964-2018



**Ольга Аркадьевна
АЛЕКСАНДРОВА**

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и
медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы
Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Российская Федерация
e-mail: a762rab@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9243-9242; ResearcherID: B-1306-2017



**Сергей Викторович
КРОШИЛИН**

Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и
медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы
Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
Рязанский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова
Рязань, Российская Федерация
e-mail: krosh_serгей@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6070-1234; ResearcherID: J-2184-2018

Для цитирования: Медведева Е.И., Александрова О.А., Крошилин С.В. (2022). Телемедицина в современных условиях: отношение социума и вектор развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 200–222. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.11

For citation: Medvedeva E.I., Aleksandrova O.A., Kroshilin S.V. (2022). Telemedicine in modern conditions: The attitude of society and the vector of development. *Economic And Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 200–222. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.11

Аннотация. Интенсивное развитие информационных технологий и внешние вызовы, прежде всего пандемия коронавируса, стали причиной для пересмотра отношения к телемедицине. Статья посвящена исследованию проблем, касающихся особенностей развития российской телемедицины, анализу существующих трендов и возможностей ее применения с учетом развития коммуникационных технологий и правового поля. Изучение данного вопроса связано, с одной стороны, с анализом современных возможностей телемедицинских технологий и необходимостью их применения в связи со сложной эпидемиологической обстановкой в ряде регионов России, с другой – с оценкой уровня доверия к телемедицине со стороны конечных потребителей: кто, как, когда и где может прибегать к телемедицинским услугам. Объектом исследования являются телемедицинские технологии, предметом – динамика восприятия российским социумом новых форм оказания медицинских услуг. Авторы используют классический подход к исследованию изучаемых проблем: на первом этапе проводят комплексное кабинетное исследование и анализируют вторичную информацию, на втором – осуществляют сбор первичных данных: на основе разработанного инструментария проводят разведывательное исследование отношения российского социума к телемедицине. Уникальность и новизна результатов обусловлены сопоставлением данных, касающихся отношения россиян к телемедицине, полученных до начала пандемии, с данными, полученными на этапе значительного снижения заболеваемости COVID-19 в регионах, ставших в определенной степени «пилотными» по применению телемедицинских технологий в первичном звене оказания медицинской помощи в самый разгар эпидемии. При проведении сбора и анализа данных применялись статистические, математические и социологические методы, в том числе контент-анализ для изучения правовых вопросов возможности применения телемедицинских технологий. Исследование позволило выявить основные причины недоверия россиян к телемедицине, а также возможные способы и сферы ее применения в будущем для оказания медицинской помощи населению. Полученные результаты могут быть использованы для изучения вопросов применения телемедицины в России в системе подготовки и переподготовки медицинских кадров, а также организаторами здравоохранения, правоведами и другими специалистами, которые занимаются вопросами применения телемедицинских технологий, в том числе на уровне законодательной и исполнительной власти.

Ключевые слова: качество жизни, организация здравоохранения, телемедицина, телемедицинские технологии, отношение к телемедицине, пандемия COVID-19, медицинское обслуживание, правовые основы телемедицины.

Введение

В настоящее время телемедицинские технологии – неотъемлемая часть оказания медицинской помощи населению по всему миру¹, которая дает возможность обеспечить людям равный доступ к медицине. При оказании медицинских услуг населению в первичном звене активное использование информационных технологий (ИТ) в работе медицинских учреждений стало практически стандартом в большинстве стран мира. Применение таких технологий активно развивается и в России. Дистанцион-

ная запись на прием к врачу, электронная очередь и другие достижения ИТ уже используются в российских поликлиниках. Основная цель данного направления заключается в улучшении качества обслуживания пациентов и повышении эффективности работы медицинского персонала, а также сокращении затрат на медицинские услуги.

Востребованность телекоммуникационных технологий значительно увеличилась в период пандемии COVID-19 в силу возможности дистанционного обслуживания и консультирования пациентов. На современном этапе средства телемедицины позволяют и многое другое: продвинутая диагностика и лечение целого спектра заболеваний, дистанционный биомониторинг, востребованный не только у старшего

¹ Телемедицина: возможности и развитие в государствах-членах: доклад о результатах второго глобального обследования в области электронного здравоохранения (2012) // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/112505> (дата обращения 10.03.2022).

поколения, имеющего, как правило, несколько хронических заболеваний, но и у молодежи, которая все чаще применяет электронные гаджеты для контроля здоровья и диагностики главных показателей жизнедеятельности. В разгар пандемии известны случаи, когда «Watch-часы» спасли жизнь человеку, вовремя определив снижение показателя сатурации крови, тем самым способствовали ранней диагностике ковид-инфекции.

Очевидно, что в вопросах применения телемедицинских технологий в современных условиях важную роль играют правовые и морально-этические аспекты. Прежде всего это законодательная база, которая должна обеспечить легитимность и правовую основу для использования информации, касающейся результатов анализов, показателей, снятых с помощью медицинского оборудования и т. п., которые в конечном итоге влияют на самое главное — диагноз. Становится актуальным вопрос (как и во всех других системах, которые сейчас используют элементы «искусственного интеллекта», таких как самоуправляемые автомобили, системы для принятия решений, электронные консультанты (Kim et al., 2018), экспертные оценки (Morozov et al., 2018) и т. п.), кто будет нести ответственность за принятие подобных решений? Очень важно на всех этапах обработки информации обеспечить информационную безопасность (врачебную тайну) и соответствующую законодательству конфиденциальность личной информации. Очевидно, что электронное взаимодействие «врач — пациент» должно производиться по защищенным каналам связи с использованием специальных систем, имеющих сертифицированную и гарантированную безопасность (Зингерман и др., 2017). Задача настоящего материала — определить доминирующие факторы, которые способствуют активному развитию телемедицинских технологий в мире, а также оценить соответствующие тренды в России.

В статье приводятся результаты комплексного исследования и анализа специфики трендов применения телемедицинских технологий в мире и в российской системе здравоохранения, а также авторские данные, полученные при проведении разведывательного социологического исследования, целью которого являлось изучение перспектив развития теле-

медицины в российских условиях. Основной задачей исследований стал анализ современных возможностей телемедицинских технологий, а также особенностей и вынужденной необходимости их применения в связи со сложившейся эпидемиологической обстановкой. На первом этапе был проведен анализ не только трендов развития телемедицины, но и уровня доверия к ней со стороны конечных потребителей. Второй этап предполагал сравнительный анализ полученных ранее (до пандемии) эмпирических данных с результатами авторского разведывательного исследования, проведенного в ряде регионов России с помощью разработанного инструментария.

Основная задача разведывательного исследования заключалась в определении отношения различных возрастных когорт россиян к применению телемедицинских технологий в выбранных регионах: Москва, крупные и средние города юго-востока Подмосковья и Рязань. Выбор регионов прежде всего был обусловлен возможностями реализации телемедицинских технологий, а также с позиций лидеров в организации борьбы с COVID-19. Так, некоторые поликлиники в Подмосковье в период активной фазы заболеваемости населения коронавирусом штаммом омикрон были вынуждены перейти на дистанционную форму работы с пациентами (в российской практике подобная мера применялась впервые).

Уникальность и новизна результатов работы обусловлены возможностью сопоставления данных, касающихся отношения россиян к телемедицине, полученных до начала пандемии, с показателями снижающегося тренда заболеваемости COVID-19.

Теоретический обзор и опыт применения телемедицины

Несмотря на то, что история использования телемедицинских технологий в мире насчитывает уже более 120 лет (Bashshur, Shannon, 2009), современные тенденции, вызовы и особенно развитие информационно-коммуникационных технологий заставляют по-новому взглянуть на многие вопросы.

Большая роль в исследовании истории, тенденций и ключевых факторов развития телемедицины в мире и России принадлежит А.В. Владзимирскому В своих многочисленных трудах он осветил весь спектр относящихся

к этому феномену вопросов (Владимирский, 2017; Владимирский, 2019; Владимирский и др., 2019; Владимирский и др., 2020 и др.). Ю.Д. Волинский рассматривал телемедицину как составляющую часть информационного общества (Волинский, 1999), А.И. Григорьев, О.И. Орлов, В.А. Логинов изучали особенности клинической телемедицины (Григорьев и др., 2001). Н.А. Восколович приводит примеры реализации телемедицины с точки зрения развития платных услуг (Восколович, 2021). И.А. Железнякова, Т.А. Хелисупали, В.В. Омеляновский, С.Н. Тишкина анализировали адаптацию зарубежного опыта оказания телемедицинских услуг в России (Железнякова и др., 2020), а Б.В. Зингерман, Н.Е. Шкловский-Корди, А.И. Воробьев – особенности реализации в телемедицине концепции «пациент – врач» (Зингерман и др., 2017). Все названные авторы исследовали конкретные направления или специфические вопросы, связанные с особенностями применения в России подобных технологий. Зарубежные эксперты сконцентрировали свое внимание на прикладных вопросах. Например, R.L. Bashshur и G.W. Shannon занимались историей телемедицины и проблемами ее трансформации (Bashshur, Shannon, 2009); N. Charrier, K. Zarca, I. Durand-Zaleski, C. Calinaud исследовали экономическую эффективность и доступность телемедицинской помощи для населения (Charrier et al.); D. Giansanti, S. Morelli, V. Macellari, A.G. Ekeland, A. Grütland осуществили оценку телемедицинских технологий и предложили инструменты для системы контроля качества медицинских услуг. Вопросами качества телемедицины также занимались российские ученые А.В. Владимирский, С.П. Морозов, С.С. Сименюра, которые в период пандемии COVID-19 издали несколько статей по оценке качества телемедицинских консультаций. Все эти материалы носили специфический характер, исследуя узкую проблему в определенный период времени. В нашей статье используется более комплексный подход.

На сегодняшний день телемедицину можно считать принятым в академическом сообществе конвенциональным термином (Weinstein, 2018). Телемедицина (греч. tele – дистанция, лат. meder – излечение), по мнению ряда ученых, это «... инструмент здравоохранения, использующий телекоммуникационные и электронные

информационные (компьютерные) технологии для предоставления медицинской помощи и услуг в точке необходимости (в тех случаях, когда географическое расстояние между медицинским работником и пациентом является критическим фактором)» (Владимирский, Лебедев, 2018). На современном этапе основным направлением развития телемедицины является реализация системы коммуникации «пациент – врач», к которой можно отнести консультации (в режиме online), домашнюю телемедицину, а также дистанционный биомониторинг. Происходит клиническое дистанционное взаимодействие медицинских организаций (Камаев, 2001) и/или отдельных уполномоченных медицинских работников (врачей, среднего медицинского персонала) (Ярашева и др., 2020) между собой с применением телемедицинских технологий.

Телемедицина в российском здравоохранении рассматривается и как некий компонент информационного обеспечения в медицинской сфере. Такие технологии призваны обеспечить реализацию конституционного права любого российского гражданина на медицинскую помощь (Леванов и др., 2017). Также это современный инструмент, который используется при создании государством условий для эффективного и доступного медицинского обслуживания россиян в соответствии с конституционными правами (Столбов, 2015). В условиях изоляции это актуально и для мегаполисов: при сопровождении пожилых пациентов, а также пациентов с хроническими заболеваниями. В этом случае телемедицинские технологии позволяют минимизировать риски и угрозы состоянию здоровья, а также более эффективно использовать ресурсы системы здравоохранения (Charrier et al., 2016). Врачам становятся доступны функции медицинских видеоконференций, телеконсилиумов, телесеминаров для проведения любых форм консультаций и обучения посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий (Железнякова и др., 2020).

Методология исследования

Авторский подход к исследованию проблем применения телемедицины в современных условиях, а также в области изучения отношения социума к возможности применения новых технологий в медицине был построен на класси-

ческом варианте проведения социологических исследований. Дизайн структуры получения данных включал в себя два этапа: первый – кабинетные исследования результатов анализа вторичной информации по вопросам векторов развития телемедицины, а также отношения социума к возможности использования технологий телемедицины при оказании медицинских услуг в мире и России, в том числе в период пандемии коронавируса. Информационную базу составили данные Росстата, аналитические материалы, отчеты Министерства здравоохранения РФ, данные международной статистики здравоохранения, мониторинг показателей здоровья в рамках целей в области устойчивого развития ВОЗ, результаты исследований общественных организаций.

Второй этап – проведение авторского разведывательного социологического исследования, основной целью которого являлось изучение отношения различных возрастных когорт россиян к применению телемедицинских технологий. Первичные данные собирались с помощью анкеты, размещенной в Google-форме. Для опроса использовался метод CAWI (Computer Assisted Web Interviewing) – компьютерный опрос без личного участия интервьюера в ходе интервью, когда респондент заполняет анкету самостоятельно. Всего опрошено 252 респондента. Выборка квотируемая согласно распределению по возрасту. По оценке специалистов, ошибка выборки при такой организации опроса соответствует требованиям репрезентативности. Охват исследования: Москва, города юго-востока Подмосковья (Коломна, Воскресенск, Егорьевск, Луховицы, Озёры, Зарайск), Рязань. Представленные регионы могут быть названы типичными с точки зрения возможностей реализации телемедицинских технологий и лидирующими с точки зрения организации борьбы с новыми инфекционными заболеваниями (в данном случае – COVID-19). Часть поликлиник в Подмосковье в период самой активной фазы заболеваемости новым штаммом COVID-19 (омикрон), исходя из сложившейся эпидемиологической обстановки, была вынуждена перейти на дистанционную форму работы с пациентами (в российской практике подобная мера применялась впервые).

Опрос проводился марте 2022 года – в период, когда уже можно констатировать отрица-

тельный тренд пандемии коронавируса. Распределение респондентов по полу незначительно смещено в сторону преобладания женщин (56,4%). Общеизвестно, что данная часть респондентов традиционно более внимательно относится к своему здоровью и принятию решений, касающихся лечения себя и членов своей семьи. Для удобства дальнейшего анализа респонденты были разделены на 4 возрастные группы: I – в возрасте от 14 до 18 лет (9,5% от всех опрошенных), II – 19–29 лет (35,4%), III – 30–49 лет (42,3%) и IV – старше 50 лет (12,8%). Ранее респонденты не имели опыта использования телемедицинских технологий либо сталкивались лишь с некоторыми элементами применения информационных технологий при оказании медицинских услуг населению. Кроме того, опрошенные не относятся к медицинским специалистам или среднему медперсоналу, что обеспечивает отсутствие профессионально обусловленной предвзятости в ответах.

Первоначально было выдвинуто две гипотезы: первая, будет ли российское общество в связи с распространением коронавирусной инфекции и введением строгих ограничительных мер «самоизоляции» доверять телемедицинским технологиям. Вторая, склонно ли молодое поколение в большей степени к применению информационных телемедицинских технологий, чем люди более старших возрастов, так как имеет больший опыт применения информационно-коммуникационных технологий в повседневной жизни.

Результаты кабинетного исследования

В настоящее время наблюдается существенный рост объема рынка телемедицинских услуг в России. Но аналитики, медики, статистические службы и Министерство здравоохранения по-разному подходят к его оценке. Одни берут за основу только платные медицинские услуги, оказанные на основе телемедицинских технологий; другие учитывают затраты на приобретение техники для коммуникаций и поддержания информационно-коммуникационных технологий, ее внедрение и сопровождение медицинских учреждений; третьи рассчитывают потенциал рынка и исходят из реальной и прогнозной потребности в таком направлении развития медицины под воздействием внешних вызовов, например пандемии. В связи с этим оценки разнятся.

Рис. 1. Динамика объёма рынка телемедицинских услуг в РФ, 2015–2019 гг.



Источник: Наблюдается существенный рост объема рынка телемедицины в России // Магазин исследований. РБК. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/11863/> (дата обращения 10.03.2022).

Один из вариантов расчета динамики объема рынка телемедицинских услуг в России представлен на *рисунке 1*.

Приведенная оценка сделана аналитиками ГидМаркет на основе данных российской статистики, экспертных оценок в области телемедицины и данных компании ООО «Мобильные медицинские технологии». Согласно приведенным расчетам, объем рынка в 2019 году (до пандемии) составил 4,4 млрд руб. Рост относительно предыдущего года – 18%. Наибольший прирост относительно предыдущего года можно наблюдать в 2016 году – почти полторы тысячи процентов. За весь представленный период наблюдается заметный положительный тренд в изменении объемов рынка телемедицинских технологий (в текущих ценах)².

В России рынок телемедицины, как и во всем мире³, стал крайне важен в эпоху пандемии COVID-19. Инвестиции в данную сферу

резко выросли. По оценкам специалистов из VEB Ventures, приведенным на аналитическом портале CNews, в ближайшие несколько лет среднегодовой рост телемедицинского рынка может составить около 100%⁴ (*рис. 2*).

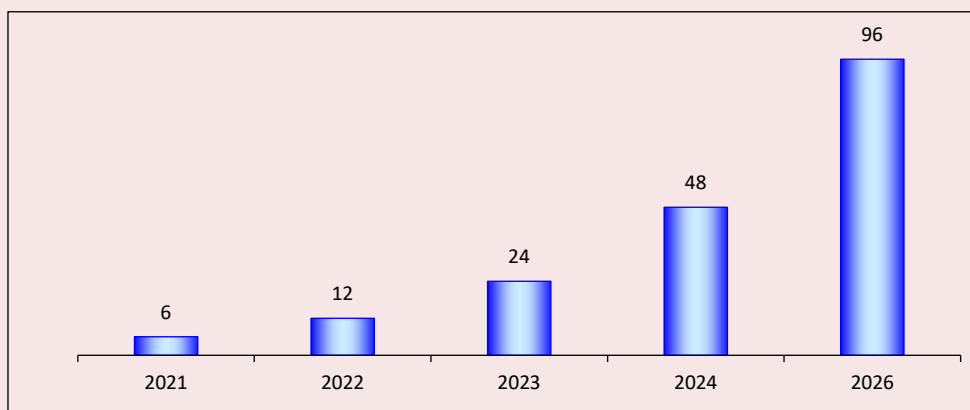
Несмотря на заметные изменения, российский телемедицинский рынок находится на этапе вялотекущего роста. Внедрение телемедицины в других странах началось гораздо раньше. Этому способствовало не только наличие каналов финансирования (частные клиники и медицинские учреждения, страховые фирмы и т. п.), но и значительное опережение в области коммуникаций и развитости информационных технологий. Например, в США около 70% страховых компаний предлагают именно телемедицинские услуги, так как они позволяют экономить от 30 до 40% средств. По оценке американских экспертов (Ekeland, Grütland, 2015; Kidholm et al., 2017; Halpren-Ruder et al., 2019), телемониторинг больных, у которых имеются хронические заболевания, позволяет сократить расходы почти в два раза по сравнению с возможной госпитализацией для аналогичного наблюдения.

² Наблюдается существенный рост объема рынка телемедицины в России // Магазин исследований. РБК. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/11863/> (дата обращения 10.03.2022).

³ Мировая статистика здравоохранения, 2020 г.: мониторинг показателей здоровья в отношении ЦУР, целей в области устойчивого развития. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. URL: <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/3.0/igo> (дата обращения 10.03.2022).

⁴ Сулов К. Минздрав выпустил рекомендации «по телемедицине». Насколько они выполнимы? // Аналитические материалы Портала C-News. URL: https://www.cnews.ru/articles/2021-05-12_minzdrav_vypustil_rekomendatsii_po (дата обращения 10.03.2022).

Рис. 2. Прогноз динамики рынка телемедицины в России, млрд руб.

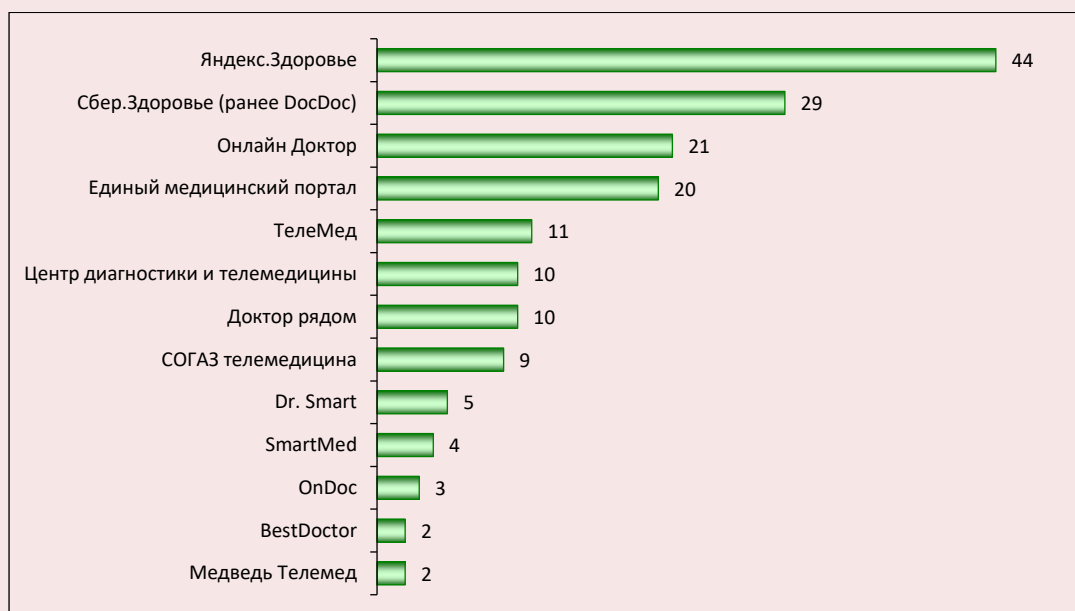


Источник: CNews на основе данных VEB Venteres, 2020; ИТ в здравоохранении 2020 // Аналитические материалы Портала C-News. URL: https://www.cnews.ru/reviews/it_v_zdravooxranenii_2020/cases/telemeditsina_protiv_pandemii_kak (дата обращения 10.03.2022).

В 2021 году специалисты холдинга «Ромир» в рамках инициативного исследования изучили отношение россиян к телемедицине. Лишь четверть граждан России (26%) знакомы с подобной системой онлайн-консультаций, 42% имеют примерное представление, а треть ничего не

знает о телемедицине (рис. 3). Согласно полученным данным, наиболее известным телемедицинским сервисом можно считать Яндекс.Здоровье, на втором месте – Сбер.Здоровье, на третьем – Онлайн Доктор, с Единым медицинским порталом знаком каждый пятый.

Рис. 3. Какие сервисы телемедицины Вы знаете?, % от числа опрошенных



Источник: Лишь четверть россиян доверяет телемедицине // Аналитические материалы портала Ромир. URL: <https://romir.ru/studies/lish-chetvert-rossiyan-doveryaet-telemedicine> (дата обращения 10.03.2022).

В самый разгар пандемии, в мае 2020 года, исследование в области телемедицины было проведено Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ)⁵. Основная цель опроса состояла в выяснении степени осведомленности россиян о возможности получения дистанционной консультации у врача с помощью интернета или телефона и их отношения к подобным консультациям. О существовании телемедицинских технологий и возможности получения телемедицинских консультаций знали более половины опрошенных (62%). Традиционно в двух столицах осведомленность о телемедицине выше: знали о возможности консультации с врачом по телефону 71% респондентов, по интернету — 73%. Уже имели опыт получения телемедицинской услуги в виде консультации 8% опрошенных, больше половины (53%) потенциально рассматривали для себя такую возможность. Согласно результатам исследования ВЦИОМ, в целом 48% россиян рассматривали возможность обращения к врачу посредством интернет-технологий, из них наибольшую долю (57%) составили молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет. Причинами получения телемедицинской консультации назывались следующие: при признаках болезни — каждый четвертый; если «совсем плохо» или, напротив, «ничего серьезного» — каждый десятый. Также возможность дистанционного посещения врача рассматривается в ситуации, если нет возможности прийти лично (5%) или нужна «просто консультация» (5%). В то же время треть россиян (33%) уверена, что нельзя прибегать к телемедицинским технологиям, так как при обращении к врачу «необходим личный осмотр». 13% сомневаются в качестве таких медицинских услуг, а каждый десятый уверен, что в этом вообще нет необходимости и проще сходить на обычный прием⁶.

В период пандемии COVID-19 спрос на врачебные телеконсультации (Леванов и др., 2014)

⁵ Телемедицина в России: сегодня и завтра // ВЦИОМ. Пресс-релиз № 4246. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/most-serious-problems/article/telemedicina-v-rossii-segodnja-i-zavtra.html> (дата обращения 10.03.2022).

⁶ Лишь четверть россиян доверяет телемедицине // Аналитические материалы Портала Ромир. URL: <https://romir.ru/studies/lish-chetvert-rossiyan-doveryaet-telemedicine> (дата обращения 10.03.2022).

резко увеличился. В силу сложной эпидемиологической обстановки во многих регионах (например, в Москве и Московской области) первичная помощь заболевшим ковидом была перестроена: поликлиники оказались вынуждены перейти на дистанционный режим работы. Были созданы дополнительные call-центры. Таким образом, пандемия ещё более заострила внимание на использовании информационных технологий в сфере здравоохранения. В данный период возник высокий спрос на аппаратные и программные решения в области телемедицины. Использовалась абсолютно любая возможность для уменьшения количества очных контактов врачей с пациентами. В феврале 2022 года глава Минздрава РФ оценил ситуацию следующим образом: «...Прежде всего, нагрузка приходится на амбулаторно-клинический этап, и фактически 92,5% получают помощь именно в поликлиниках. Беспрецедентно высокая нагрузка, высочайшая нагрузка на все амбулаторно-поликлиническое звено и на систему в целом»⁷. В тот период количество заболевших медиков в два раза превышало число зараженных осенью. Отсюда — решение о возможности субъекта РФ перевести поликлиники на «удаленку».

Проблема нехватки оборудования для информационно-коммуникационного обмена существовала в российском здравоохранении и до начала пандемии, но резкий рост числа пациентов ее существенно обострил. Процесс оказания медицинской помощи замедлялся, что не могло не сказаться на ее эффективности и качестве. В данный период появилась необходимость в сервисах для проведения удаленных обследований пациентов с целью, кроме прочего, снижения риска заразиться у самих врачей. Именно поэтому развитие российского здравоохранения на уровне Министерства здравоохранения РФ стали напрямую связывать с телемедицинскими технологиями.

Взросший запрос пациентов на телемедицинские консультации запустил процесс быстрого развития этого направления. По данным субъектов Российской Федерации, было

⁷ Минздрав РФ отметил возросшую нагрузку на поликлиники РФ из-за COVID-19 // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/822481> (дата обращения 10.03.2022).

оказано свыше 1,7 млн телемедицинских консультаций пациентам с диагнозом COVID-19 или пневмония, ОРВИ, грипп. Более 197 тыс. пациентов находились на дистанционном наблюдении за состоянием здоровья с применением телемедицинских технологий. Национальными медицинскими исследовательскими центрами Минздрава России по запросам врачей региональных медицинских организаций проведено более 72 тыс. телемедицинских консультаций и консилиумов по сложным случаям. По сведениям государственного статистического наблюдения по форме № 30 в 2020 году в субъектах Российской Федерации проведено с применением телемедицинских технологий⁸ более 567 тыс. консультаций «врач – врач»; более 6,437 млн консультаций «врач – пациент»; более 800 тыс. консультаций с целью вынесения заключения по результатам диагностических исследований; более 1,72 млн пациентов находились на дистанционном наблюдении за состоянием здоровья; Федеральными дистанционными консультационными центрами анестезиологии-реаниматологии проведено 27,6 тыс. телемедицинских консультаций по обращениям региональных дистанционных консультативных центров по сложным случаям.

Как видно из отчета Министерства здравоохранения Российской Федерации об итогах работы в 2020 году и задачах на 2021 год, большинство направлений развития и уже оказанных медицинских услуг в период пандемии COVID-19 в значительной степени связаны с возможностью применения телемедицинских технологий. Именно поэтому отношение российского социума к телемедицине представляет значительный интерес в рамках исследований.

Основная проблема связана с вопросом тождественности диагностических решений, принятых дистанционно и при очном приеме (Владимирский, 2015). Есть и другие, требующие оценки проблемные аспекты, такие как техническая надежность, информационная безопасность, экономическая целесообразность и

⁸ Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2020 году и задачах на 2021 год // Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/055/642/original/MZRF_2021_All_08-04-2021-Preview.pdf?1619014721 (дата обращения 10.03.2022).

обеспечение доступности медицинской помощи. Кроме того, в 2000–2010 гг. многие методики стали включать в себя оценку удовлетворенности пациентов, а также эффективности и результативности (Владимирский, 2020).

В настоящее время все методы оценки качества телемедицинских услуг разделились в соответствии с направлениями телемедицины: дистанционное взаимодействие «врач – пациент» (Зингерман и др., 2017) и консультирование «врач – врач» (Кобринский, 2016). Важным шагом стало появление методологических подходов к оценке систем телемедицины (Hersh et al., 2006), которые публиковались в экспертных обзорах (Hailey et al., 2002), условием чего стал значительный опыт применения телемедицинских технологий (Bergmo, 2009). Систематизация опыта и методическая база позволили обеспечить высокий уровень доказательности, который является наиболее критичным для здравоохранения (Aoki et al., 2003). Проблема оценки качества осложняется разносторонностью помощи, которая может быть оказана в формате «пациент – врач» с помощью телемедицинских технологий, а также из-за рисков специфики (Halpren-Ruder et al., 2019) предметной области применения дистанционных форматов общения (консультирования) (Wootton et al., 2011). Сегодня проводится достаточно много исследований в аспекте качества (Shi et al., 2018) и результативности телемедицинских консультаций «пациент – врач» (Taylor, 2005) и дистанционного мониторинга (Resneck et al., 2016), систематизируются подходы к методологии анализа (Martin-Khan et al., 2011).

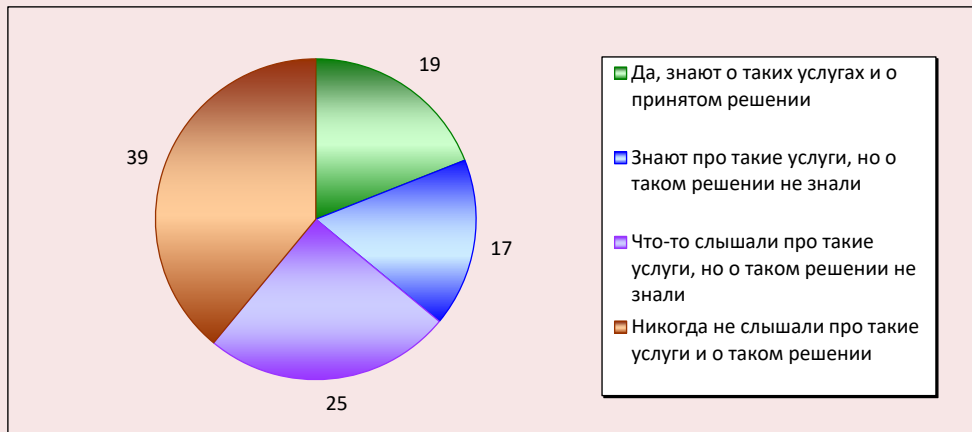
Помимо совершенствования концептуальных подходов к оценке качества работы телемедицинских технологий необходимо учитывать мнение конечного потребителя медицинских услуг. В последние годы с использованием социологических методов был проведен ряд исследований, направленных на выявление отношения российского социума к телемедицинским технологиям. Например, по оценке IPT Group⁹ (2017 г.) возможность дистанционной

⁹ 75% населения приветствуют телемедицинские услуги в коммерческой медицине // Юридический и финансовый консалтинг IPT Group. URL: <https://iptg.ru/press/smi/75-naseleniya-privetstvuyut-telemeditsinskie-uslugi-v-kommercheskoy-meditsine-issledovanie-ipt-group/> (дата обращения 10.03.2022).

связи с врачом как часть медицинского обслуживания положительно оценивали около 75% россиян, 68% рассматривали в будущем такую возможность для себя и/или членов своей семьи (рис. 4).

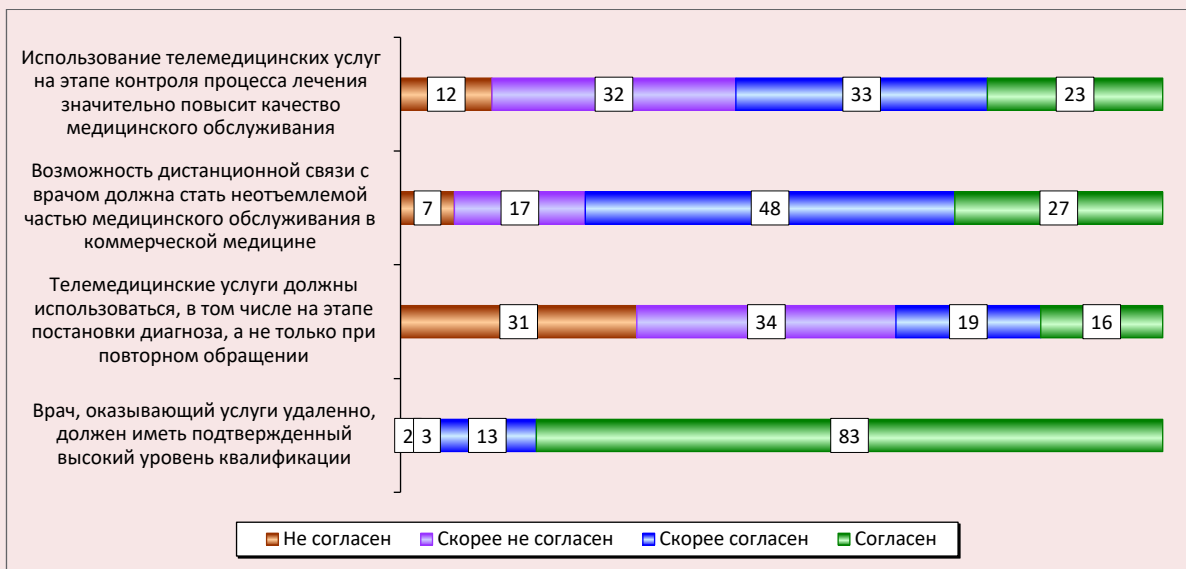
В 2017 году почти каждый пятый (19%) россиянин знал о существовании таких услуг, четверть (25%) что-то слышали про них, а 39% — вообще не имели никакого представления об этом (рис. 5).

Рис. 4. Результаты ответов на вопрос «Знаете ли Вы о том, что теперь есть возможность получать телемедицинские услуги в РФ?», % от числа опрошенных



Источник: 75% населения приветствуют телемедицинские услуги в коммерческой медицине (2017) // Юридический и финансовый консалтинг IPT Group. URL: <https://iptg.ru/press/smi/75-naseleniya-privetstvuyut-telemeditsinskie-uslugi-v-kommercheskoj-meditsine-issledovanie-ipt-group/> (дата обращения 10.03.2022).

Рис. 5. Результаты ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, насколько Вы согласны с приведенными высказываниями?», %



Источник: 75% населения приветствуют телемедицинские услуги в коммерческой медицине (2017) // Юридический и финансовый консалтинг IPT Group. URL: <https://iptg.ru/press/smi/75-naseleniya-privetstvuyut-telemeditsinskie-uslugi-v-kommercheskoj-meditsine-issledovanie-ipt-group/> (дата обращения 10.03.2022).

56% опрошенных согласны и 44% не согласны с утверждением, что использование телемедицинских услуг на этапе контроля процесса лечения значительно повысит качество медицинского обслуживания. 75% респондентов уверены, что возможность дистанционной связи с врачом должна стать неотъемлемой частью медицинского обслуживания в коммерческой медицине. Чуть больше трети (35%) согласны с тем, что телемедицинские услуги вполне возможно использовать, в том числе на этапе постановки диагноза, а не только при повторном обращении к врачу. И абсолютное большинство опрошенных (96%) согласились, что врач, оказывающий услуги удаленно, должен иметь подтвержденный высокий уровень квалификации (Крошилилин и др., 2020).

В 2017 году 68% опрошенных были согласны рассмотреть вариант использования телемедицины для себя или членов своей семьи в ближайшие два года. При этом потенциальными пациентами в равной степени воспринималась возможность оказания такого рода услуг как в государственных лечебных учреждениях (41%), так и в частных медицинских клиниках и центрах (42%). Некоторые респонденты (17%) подразумевали использование телемедицинских услуг в формате общения (консультации) исключительно со своим лечащим врачом (знакомым медиком). 11% опрошенных были готовы получать телемедицинские услуги на платной основе¹⁰.

Таким образом, по результатам исследования уровня доверия телемедицине в 2017 году можно было утверждать, что 75% населения готовы воспользоваться платными телемедицинскими услугами в коммерческой медицине, а больше 40% не видят препятствий для использования данных технологий и в государственных лечебных учреждениях.

Исследование специалистов холдинга «Ромир» в 2021 году, посвященное изучению отношения россиян к телемедицине, показало, что полностью доверяют подобным технологиям

¹⁰ 75% населения приветствуют телемедицинские услуги в коммерческой медицине // Юридический и финансовый консалтинг IPT Group. URL: <https://iptg.ru/press/smi/75-naseleniya-privetstvuyut-telemeditsinskie-uslugi-v-kommercheskoy-meditsine-issledovanie-ipt-group/> (дата обращения 10.03.2022).

лишь 4% опрошенных, чуть больше пятой части (21%) дали ответ «скорее доверяю», у 57% респондентов нет доверия к телемедицине, причем полностью не доверяет ей каждый пятый россиянин (19%). 69% россиян не планируют и в будущем использовать технологии телемедицины при получении медицинской помощи. Регулярно пользуются телемедициной лишь 3% опрошенных¹¹.

Сотрудники Научно-практического клинического центра диагностики и телемедицинских технологий Департамента здравоохранения Москвы в начале 2020 года осуществили исследования по оценке качества проведения консультаций с применением телемедицинских технологий для пациентов с симптомами ОРВИ (COVID-19). Как эксперимент они провели 20 консультаций симулированных пациентов с признаками острого респираторного заболевания в 10 популярных телемедицинских сервисах. Было установлено, что в половине случаев при оказании медицинской услуги имел место некачественный сбор анамнеза (аллергологического – в 60% случаев, эпидемиологического – в 35%), а уточнение информации о хронических заболеваниях (которые создавали колоссальные риски с точки зрения заражения и протекания коронавирусной инфекции) зафиксировано только в половине случаев. На основе полученных результатов исследователи сделали вывод о том, что телемедицинские сервисы не сработали: ими не было обеспечено оказание медицинской помощи на надлежащем уровне (в частности, в 60% случаев неверно назначено медикаментозное лечение). По мнению исследователей, в рамках применения рассмотренных телемедицинских сервисов в системе «пациент – врач» их работа может быть оценена как неудовлетворительная (Владимирский и др., 2020).

Более глубокое исследование отношения к телемедицине было проведено НИИ Организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы в октябре 2019 года (до начала пандемии коронавируса). Опрос касался внедрения в

¹¹ Лишь четверть россиян доверяет телемедицине // Аналитические материалы Портала Ромир. URL: <https://romir.ru/studies/lish-chetvert-rossiyan-doveryaet-telemedicine/> (дата обращения 10.03.2022).

здравоохранение г. Москвы технологий телемедицины. В отличие от рассмотренных ранее исследований, в данном случае изучалось мнение не только пациентов, но и врачей. С точки зрения медиков, в телемедицинских услугах нуждаются прежде всего пациенты отдаленных регионов, маломобильные пациенты и родители малышей. По мнению врачей, дистанционные услуги могут быть связаны с консультацией, например, по питанию или уходу, с различными наблюдениями и телеметрией, а также с выпиской рецептов и других электронных документов (Богдан и др., 2020).

Основные достоинства телемедицинских технологий, по мнению опрошенных медицинских специалистов, это, во-первых, возможность оперативного оказания помощи (26%), во-вторых, дистанционный характер помощи, что наиболее важно для маломобильных граждан (25%), в-третьих, повышение уровня доступности специалистов, сокращение ожидания очереди (17%). С точки зрения опрошенных пациентов, использование телемедицины приемлемо в работе врачей общей практики или терапевтов (78%), только треть (27%) рассматривает возможность использования таких технологий врачами узкой специализации, а 15% – средним медицинским персоналом. В основном все видят возможности подобных сервисов в получении медицинских за-

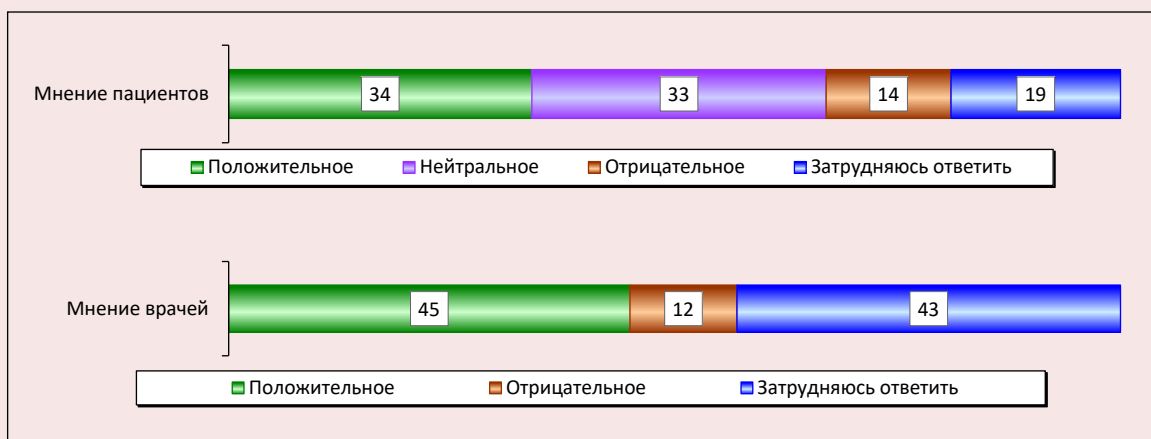
ключений и справок (45%), рецептов (39%), медицинских консультаций на предмет необходимости обследования (36%), а также при корректировке ранее назначенного лечения (25%). В качестве средств коммуникации в рамках телемедицины пациенты рассматривают мессенджеры (61%), видеоконференции (45%), отдельные приложения (23%) (Богдан и др., 2020).

При изучении отношения к телемедицине в целом аналитики НИИОЗММ ДЗМ получили следующие результаты (рис. 6).

Как видим, врачи заметно чаще положительно относятся к возможности использования телемедицинских технологий, то же касается и затруднившихся с ответом: среди врачей таких почти в два раза больше; доли же негативно настроенных по отношению к телемедицине среди пациентов и врачей примерно одинаковы (Богдан и др., 2020).

Подводя итог вторичному анализу данных, касающихся отношения россиян к внедрению, развитию и распространению телемедицинских технологий, можно сказать, что среди врачей больше трети высказываются положительно, 45% потенциальных и реальных пациентов соглашались с ними; лишь 14% врачей и 12% пациентов не разделяют оптимизма по поводу оказания медицинских услуг в дистанционном формате.

Рис. 6. Отношение к телемедицине (мнение пациентов и врачей), % от числа опрошенных



Источник: Телемедицина приходит в московское здравоохранение // НИИОЗММ ДЗМ. URL: https://niioz.ru/news/telemeditsina-prihodit-v-moskovskoe-zdravookhranenie/?sphrase_id=65885 (дата обращения 10.03.2022).

Результаты разведывательного социологического исследования

В рамках продолжения изучения условий и перспектив применения телемедицинских технологий авторами было проведено собственное разведывательное социологическое исследование, цель которого заключалась в определении отношения россиян к телемедицине.

В результате проведенного исследования установлено, что 61,1% опрошенных считает возможным использовать телемедицинские услуги только для предварительной консультации; немногим более половины допускают применение технологий телемедицины при обращении к терапевту или врачу общей практики; треть уверена, что можно применить дистанционный формат общения и при взаимодействии с врачами узкой специализации. Каждый десятый респондент не исключает возможности воспользоваться телемедициной для контакта со средним медицинским персоналом (рис. 7).

Что касается влияния возраста, то применение телемедицины только для предварительной консультации признают три четверти опрошенных из возрастной когорты 19–29 лет. С ними согласны чуть более половины респондентов в возрасте 50 лет и старше, столько же из данной возрастной группы указали на возможность дистанционного обращения к терапевтам

и врачам общей практики. Следует отметить, что молодое поколение (14–18 лет) в меньшей степени, чем остальные, хотят пользоваться возможностями телемедицины: на треть меньше (25%) согласны на виртуальный прием у терапевта, еще меньше (16,7%) стали бы использовать телемедицинские возможности узких специалистов. В то же время молодежь согласна пользоваться телемедицинскими технологиями для получения консультаций: 75,0% опрошенных из возрастной группы 14–18 лет и 54,5% из группы 19–29 лет дали утвердительный ответ. Старшее поколение (50 и более лет) совсем не готово к использованию телемедицины при взаимодействии со средним медицинским персоналом, а среди респондентов в возрасте 30–49 лет таких лишь 5,8%. У более молодых (19–29 лет) в этой части предубеждений меньше: 18,2% доверяют консультациям среднего медицинского персонала (рис. 8).

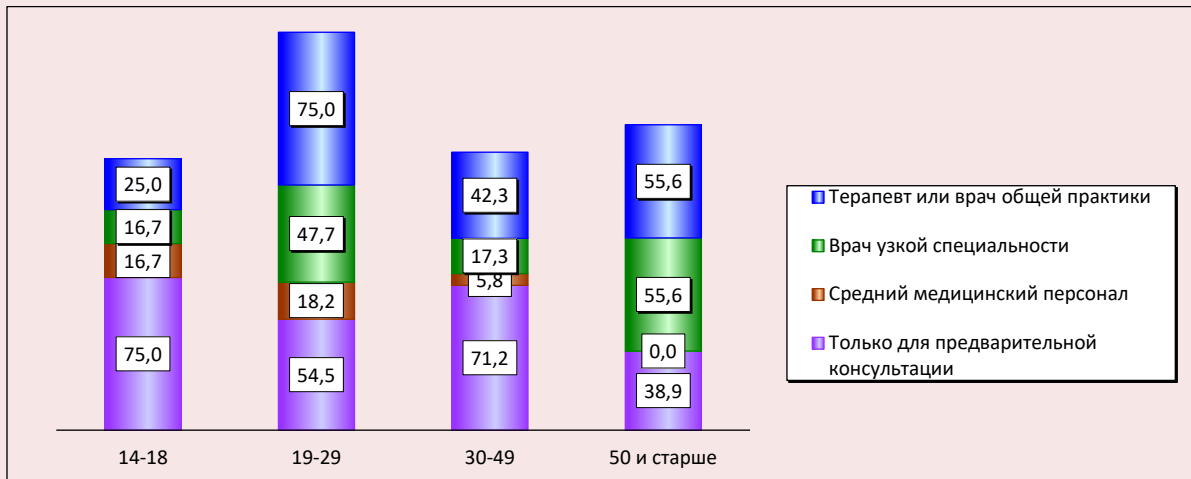
По мнению респондентов, наиболее приемлемый вариант оказания услуг с использованием телемедицины — это прежде всего выписка справок и листков нетрудоспособности, на втором месте — организация телеконсультаций и телеконсилиумов, на третьем — предварительная запись на прием к врачу, на четвертом — получение электронных рецептов на лекарства. Вариант «первичные консультации» набрал менее половины голосов (рис. 9).

Рис. 7. Мнение респондентов по вопросу возможности оказания медицинских услуг с использованием телемедицинских технологий (можно выбрать несколько вариантов ответа), % от числа опрошенных



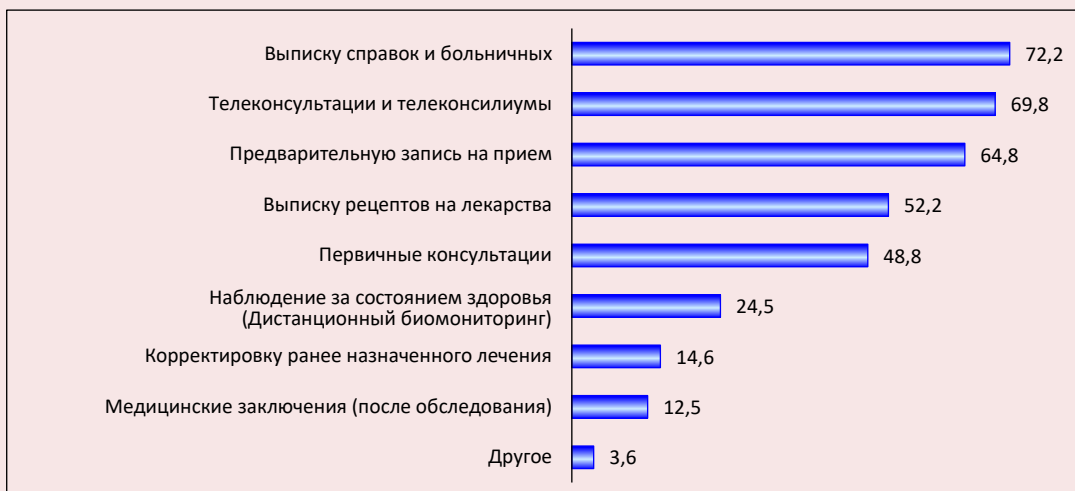
Источник: результаты авторских исследований 2022 года.

Рис. 8. Мнение респондентов различных возрастных групп об услугах, которые можно было бы получить с использованием телемедицины (можно выбрать несколько вариантов ответа), % от каждой возрастной когорты



Источник: результаты авторских исследований 2022 года.

Рис. 9. Какие медицинские услуги можно было бы оказывать с использованием телемедицины (можно выбрать несколько вариантов ответа), % от числа опрошенных



Источник: результаты авторских исследований 2022 года.

В существенно меньшей степени респонденты готовы к использованию телемедицинских технологий для дистанционного наблюдения за состоянием здоровья (биомониторинг), корректировки ранее назначенного лечения, получения медицинского заключения после обследования.

По мнению трех четвертей опрошенных, лучше всего осуществлять коммуникации при

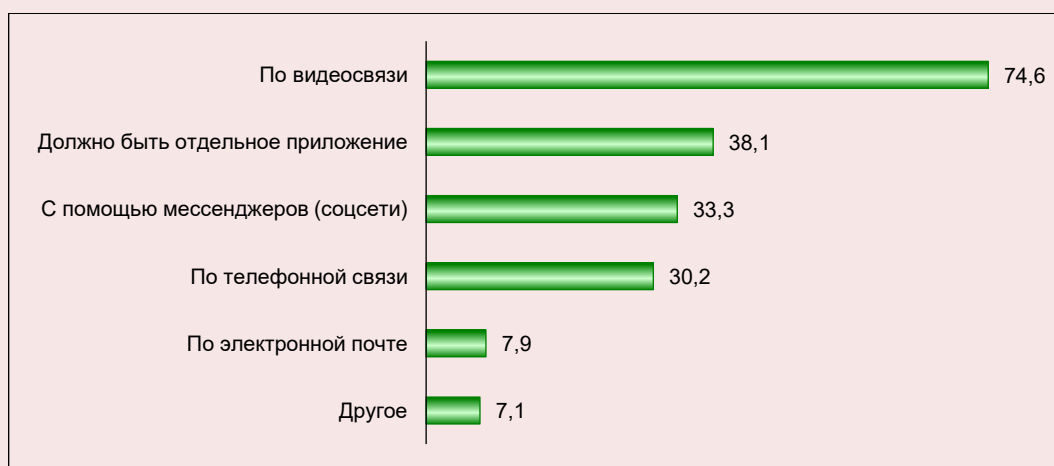
оказании телемедицинских услуг посредством видеосвязи (т. к., по всей видимости, в условиях самоизоляции на фоне пандемии коронавирусной инфекции количество людей, которые успешно освоили данный способ коммуникации, существенно возросло). В то же время заметно более трети уверены, что должно быть отдельное приложение, причем аргументируется это прежде всего необходи-

мостью защиты персональных данных, которую не могут обеспечить «обыкновенные» мессенджеры (соцсети). В пользу последних высказалась треть опрошенных, чуть меньше согласны консультироваться по телефону (рис. 10).

Что касается зависимости от возраста, то для опрошенных всех возрастов более предпочтительна видеосвязь. По телефону получать телемедицинские рекомендации удобнее 38,9%

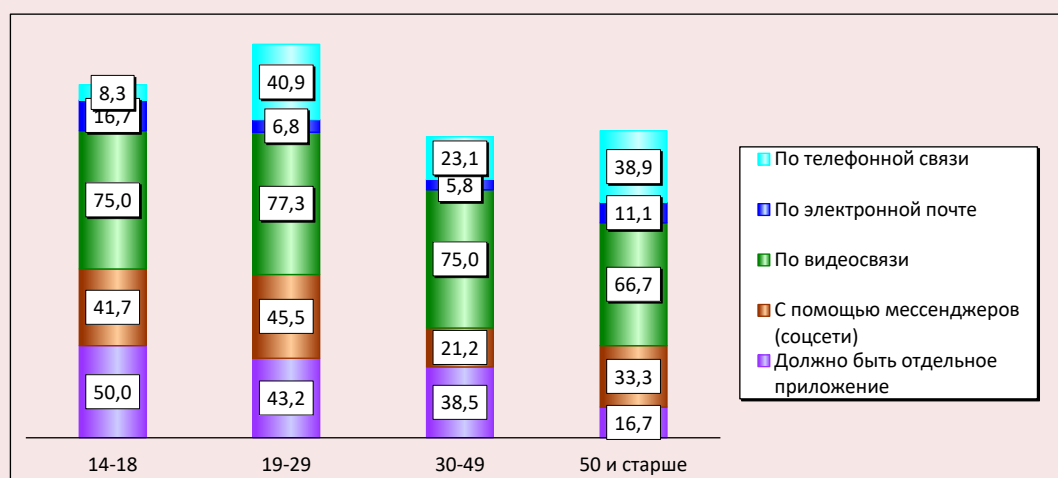
опрошенных в возрасте 50 лет и старше, еще больше таких среди тех, кому 19–29 лет. Молодые люди чаще говорят об отдельном приложении: на это указали 50% 14–18-летних и 43,2% 19–29-летних. В меньшей степени все заинтересованы в использовании электронной почты: молодое поколение отмечает ее излишнюю перегруженность, представители старших возрастных когорт – проблемы с ее использованием (рис. 11).

Рис. 10. Распределение мнений респондентов о том, каким образом лучше всего осуществлять коммуникации при оказании медицинских услуг (можно выбрать несколько вариантов ответа), % от числа опрошенных



Источник: результаты авторских исследований 2022 года.

Рис. 11. Мнение респондентов различных возрастных когорт о способах коммуникации при оказании телемедицинских услуг (можно выбрать несколько вариантов ответа), % от каждой возрастной когорты



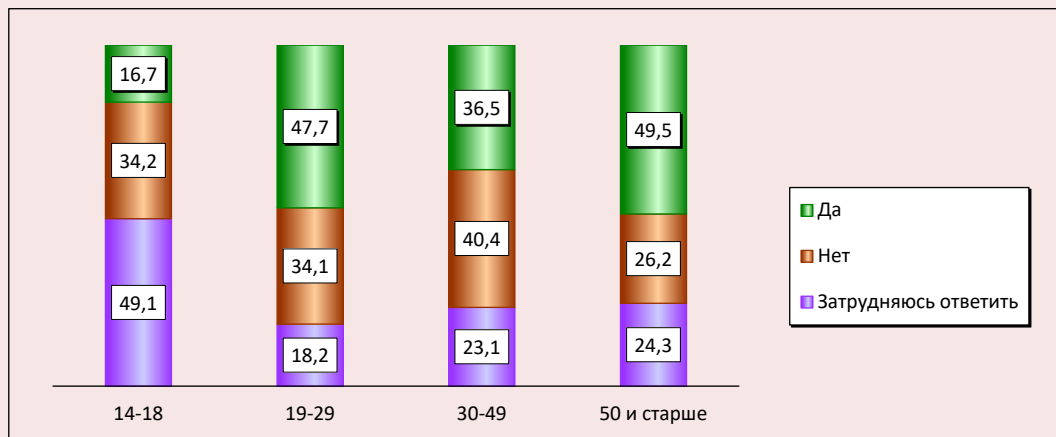
Источник: результаты авторских исследований 2022 года.

Одной из основных задач исследования являлось определение степени доверия населения новым возможностям получения медицинских услуг. Для этого был задан вопрос «Если бы Вам сейчас предложили вместо посещения терапевта оказание помощи с применением телемедицинских технологий, Вы бы согласились?». В целом по выборке 40,5% респондентов выразили согласие, пятая часть (22,2%) затруднилась с ответом, а остальные – отказались. Распределение полученных ответов в привязке к возрастам представлено на рисунке 12.

Как видим, наибольшая доля готовых воспользоваться дистанционным приемом у терапевта оказалась среди представителей старшего поколения; чуть меньше – в возрастной группе 19–29 лет, еще меньше, хотя и более трети – в группе 30–49-летних. Следует отметить, что почти половина 14–18-летних респондентов вообще не определилась с выбором, среди них меньше всего тех, кто дал положительный ответ (16,7%).

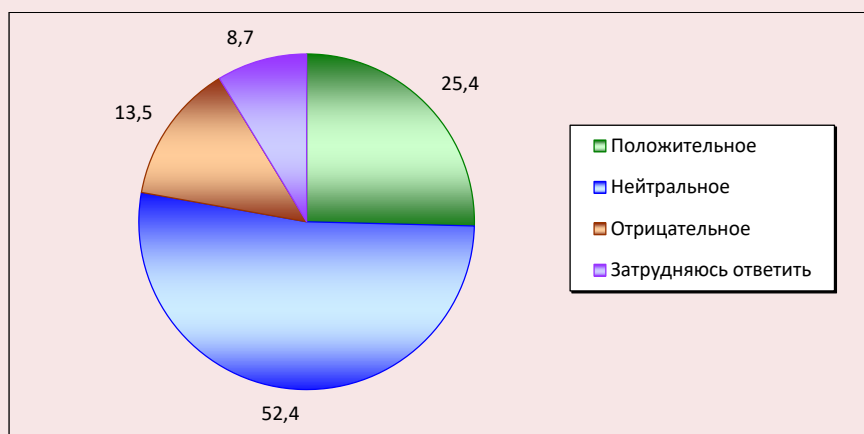
В целом же исследование показало, что четверть респондентов относится к телемедицине положительно, больше половины – нейтрально и каждый десятый – отрицательно (рис. 13).

Рис. 12. Результаты ответов на вопрос «Если бы Вам сейчас предложили вместо посещения терапевта оказание помощи с применением телемедицинских технологий, Вы бы согласились?», % от каждой возрастной когорты



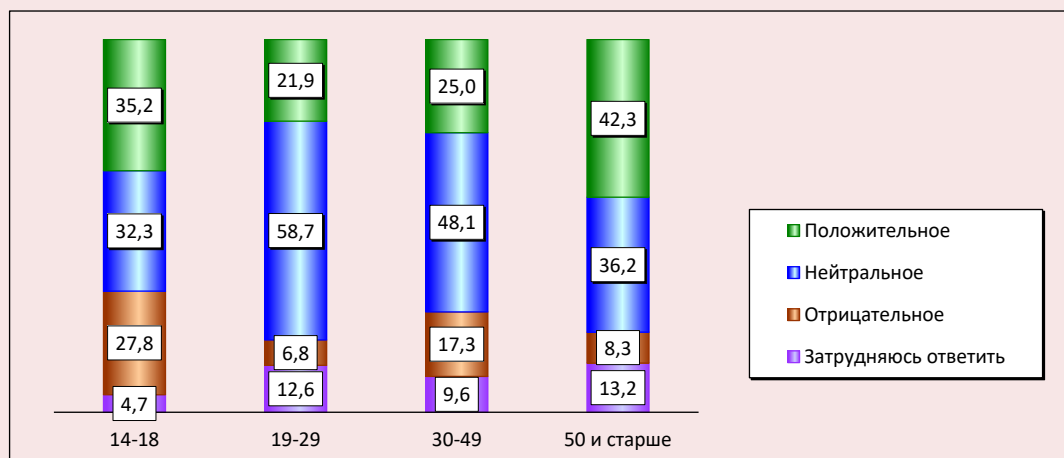
Источник: результаты авторских исследований 2022 года.

Рис. 13. Отношение респондентов к телемедицине, % от числа опрошенных



Источник: результаты авторских исследований 2022 года.

Рис. 14. Отношение респондентов к телемедицине, % от каждой возрастной когорты



Источник: результаты авторских исследований 2022 года.

В ходе анализа распределения ответов по возрастам (рис. 14) выявлено, что положительно относятся к телемедицинским технологиям в большей степени люди в возрасте 50–70 лет и самая молодая возрастная когорта.

Меньше всего лояльно воспринимающих телемедицину оказалось среди респондентов в возрастной когорте 19–29 лет: они чаще других относятся к ней нейтрально. Вероятнее всего в силу отсутствия хронических заболеваний и редкого посещения врачей они не видят реальных проблем при записи в поликлинике и больнице. Более всего отрицательное отношение выражено в самой молодой группе и у респондентов среднего возраста.

Обсуждение

Проведенное разведывательное исследование позволило получить данные, касающиеся отношения россиян к получению медицинских услуг с помощью телемедицинских технологий в регионах, типичных не только с точки зрения возможностей реализации телемедицинских технологий, но и лидирующих с точки зрения организации работы по борьбе с коронавирусной инфекцией. Опрос проводился в период заметного снижения влияния пандемии на общество (именно в это время заболеваемость пошла на спад, в том числе благодаря принятым взвешенным решениям в области профилактики и лечения коронавирусной инфекции). Полученные результаты можно сравнить с более ранни-

ми исследованиями отношения россиян к телемедицине, которые провел НИИОЗММ ДЗМ незадолго до начала пандемии (октябрь 2019 г.) (Богдан и др., 2020). Таким образом, есть уникальная возможность сравнить результаты двух опросов, осуществленных до начала пандемии и после завершения ее активной фазы – спада количества зафиксированных больных и практически полного снятия всех ограничений в изучаемых регионах.

До начала пандемии использование телемедицины представлялось возможным 67% респондентов, после пандемии таких стало на 10% больше. Дистанционные технологии воспринимались до пандемии положительно 34% респондентов, а после пандемии – 25%, зато доля тех, кто относится к ним нейтрально, увеличилась до 52% (до пандемии – 33%). На один процент стало меньше тех, кто относится к подобным технологиям «отрицательно», и на 5% меньше тех, кто не может определиться.

До пандемии 45% респондентов были согласны получать медицинские заключения и справки посредством телемедицинских технологий, а после завершения острой фазы пандемии их доля увеличилась в 1,6 раза (до 72,2%). Телеконсультации до пандемии положительно воспринимались 36% респондентов, после – 69,8% (рост почти в два раза). Получение рецептов с помощью телемедицинских технологий также стало более востребованным (рост в

1,3 раза). Доля готовых использовать телемедицину для наблюдения за состоянием здоровья выросла в 1,4 раза (с 17,0 до 24,5%).

До пандемии воспользоваться дистанционным приемом у врачей узкой специальности были готовы 27,0%, после пандемии чуть больше – 33,3%. Показатель готовности к потенциальной возможности посещения врача общей практики или терапевта с помощью телемедицинских технологий после пандемии снизился с 78,0 до 54,8%. Однако в исследовании 2022 года 40,5% опрошенных респондентов согласились прямо сейчас «отправиться» на дистанционный прием к терапевту (подобный вопрос не задавался ранее), а пятая часть на настоящий момент не определилась. Представляется, что во многом причина таких колебаний кроется в удобстве организации подобной коммуникации с врачом. После пандемии в качестве основного средства связи для организации телемедицинских консультаций «врач – пациент» респонденты указывали видеосвязь (74,6%); до пандемии такой вид связи выбирали 45% (в 1,6 раза реже). За отдельное приложение (прежде всего в целях защиты персональных данных) после пандемии высказались 38,1% опрошенных; до пандемии – 23%. Треть респондентов отметили, что проще будет использовать мессенджеры (соцсети), до пандемии желающих воспользоваться соцсетью для коммуникации с врачом было в два раза больше, что связано с неразвитостью в тот момент систем видеосвязи.

Выводы

Таким образом, в рамках сравнительного анализа результатов двух исследований можно заключить, что российские граждане стали более лояльно относиться к применению телемедицинских технологий для получения различных видов медицинской помощи. Основные вопросы, которые возникают у потенциальных и реальных пациентов, в основном связаны с верностью рекомендаций и диагнозов, которые врачи ставят и дают, общаясь с пациентами исключительно в дистанционной форме. Однако внешние вызовы (например, пандемия коронавируса), с которыми сталкивается общество, заставляют применять подобные технологии. Лучшие практики и методики, наработанные в период пандемии и доказавшие свою состоятельность и востребованность, будут и дальше

тиражироваться в системе здравоохранения. Вторая составляющая настороженного отношения к телемедицине со стороны пациентов связана с морально-этическими аспектами организации коммуникации с врачами. С одной стороны, период пандемии позволил многим получить опыт использования видеосвязи, с другой – существуют не до конца решенные вопросы безопасности, соблюдения Федерального закона о персональных данных, медицинской этики и т. п.

Результаты работы подтвердили выдвинутые в начале исследований гипотезы: во-первых, действительно, в связи с распространением коронавирусной инфекции и введением строгих ограничительных мер российское общество стало в большей степени, чем до пандемии, доверять телемедицинским технологиям. Во-вторых, молодое поколение более предрасположено к использованию информационных телемедицинских технологий (выше уровень доверия к ИКТ): по мнению его представитель, данный подход позволяет экономить время пребывания в медицинском учреждении и получать надлежащий уровень качества медицинских услуг.

Заключение

В настоящее время телемедицина в России, как и во всем мире, стала неотъемлемой частью работы медицинских учреждений практически всех уровней. Информационные технологии теперь используются и для консультирования пациентов на дому, удаленной телеметрии за состоянием жизненно важных показателей, при сопровождении тяжелобольных. Оказание удаленной медицинской помощи на основе применения современных коммуникационных технологий стало чрезвычайно востребованным в период пикового распространения COVID-19. В таких условиях из-за критической обстановки в системе здравоохранения и по эпидемиологическим показателям поликлиники некоторых регионов страны были вынуждены перейти на дистанционный формат оказания медицинской помощи населению с целью сохранения работоспособности и более эффективной работы первичного звена. Было привлечено беспрецедентное количество операторов call-центров, которые в круглосуточном режиме оказывали помощь населению. Это потребовало измене-

ний не только в организации непосредственного оказания медицинской помощи, но и значительных корректировок в законодательстве. Такие изменения были осуществлены в первую очередь в регламентации применения телемедицинских технологий, выписки рецептов на лекарства в электронной форме, больничных листов и т. п. Все эти меры позволили снизить уровень заболеваемости и в конечном итоге помогли выстоять первичному звену в сложившейся ситуации.

Очевидно, что сегодня имеется еще много проблем, касающихся применения телемедицинских технологий. Есть необходимость регламентации нагрузок на врачей при осуществлении таких консультаций. Сохраняют остроту вопросы оплаты подобных услуг (в разных регионах степень развитости и распространенности информационно-коммуникационных технологий различна, плотность населения и его пространственное расселение неравномерны). Необходимо максимально упростить идентификацию пациентов, поскольку в основном это люди преклонного возраста, которые не владеют информационными технологиями на необходимом уровне. Врачам нужен понятный механизм работы телемедицины, который позволял бы консультировать пациентов не только из кабинета. Необходимо на стадии принятия решений отталкиваться от опыта тех, кто принимает непосредственное участие в оказании медицинской услуги «врач – пациент», что даст возможность организовать процесс с использованием лучших практик телемедицины.

Таким образом, проведенное исследование доказывает, что в период пандемии технологии телемедицины необходимы, а лучшие наработки и практики можно и нужно использовать даже в отсутствие подобного форс-мажора. Российские врачи и пациенты уже в определенной мере согласны с этим и готовы использовать инструменты телемедицины при оказании медицинской помощи, а система здравоохранения в определенной степени обладает необходимыми технологиями и на уровне регионов, и на федеральном уровне. Есть положительные перемены и в правовом поле: в период пандемии приняты поправки к законам, постановлениям и приказам, регламентирующие телемедицинскую деятельность. Телемедицина – это явный

тренд в будущем развитии российского здравоохранения, который с учетом, с одной стороны, дальнейшего совершенствования ИКТ, а с другой – вероятности новых внешних вызовов будет только усиливаться.

Наиболее перспективными телемедицинскими технологиями сегодня выступают удаленный мониторинг состояния здоровья пациентов, позволяющий значительно снизить потери рабочего времени и повысить эффективность оказания медицинских услуг (в том числе за счет снижения транспортных издержек как медицинских учреждений, так и пациентов), а также дистанционная диагностика и лечение сложных клинических случаев. Подобные технологии уже используются в создании единой базы показателей КТ легких людей, заболевших коронавирусной инфекцией. Такая телемедицинская система на основе элементов искусственного интеллекта позволяет достаточно точно и оперативно ставить диагноз и определять степень поражения легких при заболевании COVID-19. Еще одно направление использования телемедицины – контроль состояния здоровья населения на основе всеобщей диспансеризации на рабочем месте с применением телемедицинских мобильных комплексов и систем. Наконец, нельзя не сказать о перспективе глобального распространения и консолидации передовых профессиональных знаний и навыков на основе телемедицинских консилиумов и консультаций.

В заключение, с учетом существующих как у населения, так и медицинской общественности определенных сомнений в отношении телемедицины, хотелось бы привести высказывание доктора Кеннета Т. Берда (Bashshur, 2007), которое как нельзя лучше описывает видение телемедицинских технологий на заре их распространения и столь же актуально сегодня: «...Телемедицина зависит от врача и его специальных возможностей. Она не заменяет его и не является альтернативой врачу. Фактически, телемедицина повышает эффективность специалиста и расширяет его возможности находиться в самом центре медицинской деятельности». Именно это должны ощутить на себе российские врачи и их пациенты в процессе дальнейшего развития телемедицины в отечественном здравоохранении.

Литература

- Богдан И.В., Гурылина М.В., Чистякова Д.П. (2020). Перспективы и риски телемедицины: результаты социологического опроса // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сб. докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.). Москва: РОС; ФНИСЦ РАН. С. 2543–2549. DOI: 10.19181/kongress.2020.307
- Владимирский А.В., Морозов С.П., Урванцева И.А., Коваленко Л.В., Воробьев А.С. (2019). Применение телемедицинских технологий в кардиологии. Сургут: СурГУ. 115 с.
- Владимирский А.В. (2015). История телемедицины – первые 150 лет // Журнал международного общества телемедицины и электронного здравоохранения – Россия. № 1 (1). С. 10–16.
- Владимирский А.В. (2017). Первичная телемедицинская консультация «пациент-врач»: первая систематизация методологии // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. № 2. С. 109–120.
- Владимирский А.В., Лебедев Г.С. (2018). Телемедицина: монография. М.: ГЭОТАР-Медиа. 576 с.
- Владимирский А.В. (2019). История телемедицины: стоя на плечах гигантов (1850–1979). М.: Де`Либри. 410 с.
- Владимирский А.В. (2020). Матрица оценки качества телемедицинского консультирования «пациент-врач» // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. № 6 (4). С. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.29188/2542-2413-2020-6-4-34-44>
- Владимирский А.В., Морозов С.П., Сименюра С.С. (2020). Телемедицина и COVID-19: оценка качества телемедицинских консультаций, инициированных пациентами с симптомами ОРВИ // Врач и информационные технологии. № 2. С. 52–63. DOI: 10.37690/1811-0193-2020-2-52-63
- Волынский Ю.Д. (1999). Телемедицина – составляющая часть информационного общества // Информационное общество. Вып. 5. С. 15–21.
- Восколович Н.А. (2021). Экономика платных услуг. М.: Юрайт. 441 с.
- Григорьев А.И., Орлов О.И., Логинов В.А. [и др.]. (2001). Клиническая телемедицина: монография. М.: Слово. 144 с.
- Железнякова И.А., Хелисупали Т.А., Омеляновский В.В., Тишкина С.Н. (2020). Анализ возможности применения зарубежного опыта оказания телемедицинских услуг в Российской Федерации // Медицинские технологии. Оценка и выбор. № 2. С. 26–34. DOI: <https://doi.org/10.17116/medtech20204002126>
- Зингерман Б.В., Шкловский-Корди Н.Е., Воробьев А.И. (2017). О телемедицине «пациент – врач» // Врач и информационные технологии. М. С. 61–79.
- Камаев И.А., Леванов В.М., Сергеев Д.В. (2001). Телемедицина: клинические, организационные, правовые, технологические, экономические аспекты: монография. Нижний Новгород: НГМА. 100 с.
- Кобринский Б.А. (2016). Телемедицина в системе практического здравоохранения. М. – Берлин: Directmedia. 238 с.
- Крошилин С.В., Медведева Е.И., Александрова О.А., Аликперова Н.В. (2020). Анализ профессиональной подготовки и востребованности среднего медицинского персонала в условиях современной политики здравоохранения // Экономика и предпринимательство. № 8 (121). С. 1148–1161. DOI: 10.34925/ЕІР.2020.121.8.230
- Леванов В.М., Кирпичёва И.С., Яшин А.А., Денисенко А.Н., Софронов К.А. (2014). Типичные ошибки при проведении телеконсультаций // Медицинский альманах. № 1 (31). С. 15–18.
- Леванов В.М., Переведенцев О.В., Сергеев Д.В., Никольский А.В. (2017). Нормативное обеспечение телемедицины: 20 лет развития // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. № 3.
- Морозов С.П., Владимирский А.В., Сименюра С.С. (2020). Качество первичных телемедицинских консультаций «пациент-врач» (по результатам тестирования телемедицинских сервисов) // Врач и информационные технологии. № 1. С. 51–62.
- Столбов А.П. (2015). Об определении и классификации телемедицинских услуг // Врач и информационные технологии. № 2. С. 12–27.
- Ярашева А.В., Александрова О.А., Медведева Е.И., Крошилин С.В., Аликперова Н.В. (2020). Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 1. С. 174–190. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.10

- Aoki N., Dunn K., Johnson-Throop K.A., Turley J.P. (2003). Outcomes and methods in telemedicine evaluation. *Journal of Telemedicine and E-Health*, 9(4), 393–401.
- Bashshur R. (2007). Telemedicine, history, challenges and transformation. In: *Presentation at the Second eHealth Congress, October*. Turkey, Antalya. Pp. 18–20.
- Bashshur R.L., Shannon G.W. (2009). *History of Telemedicine: Evolution, Context, and Transformation*. New York: New Rochelle.
- Bergmo T.S. (2009). Can economic evaluation in telemedicine be trusted? A systematic review of the literature. *Cost Effectiveness Resource Allocation*, 7(18). DOI: 10.1186/1478-7547-7-18
- Charrier N., Zarca K., Durand-Zaleski I., Calinaud C. (2016). Efficacy and cost effectiveness of telemedicine for improving access to care in the Paris region: Study protocols for eight trials. *BMC Health Service Research*, 8, 16–45. DOI: 10.1186/s12913-016-1281-1
- Ekeland A.G., Grütland A. (2015). Assessment of mast in European patient-centered telemedicine pilots. *International Journal of Technology Assessment in Health Care*, 31(5), 304–311. DOI: 10.1017/S0266462315000574
- Hailey D., Roine R., Ohinmaa A. (2002). Systematic review of evidence for the benefits of telemedicine. *Journal of Telemedicine and Telecare*, 8(1), 1–30.
- Halpren-Ruder D., Chang A.M., Hollander J.E., Shah A. (2019). Quality assurance in telehealth: Adherence to evidence-based indicators. *Telemedicine Journal and E-Health*, 25(7), 599–603. DOI: 10.1089/tmj.2018.0149
- Hersh W.R., Hickam D.H., Severance S.M. et al. (2006). Diagnosis, access and outcomes: Update of a systematic review of telemedicine services. *Journal of Telemedicine and Telecare*, 12(1), 3–31.
- Kidholm K., Clemensen J., Caffery L.J., Smith A.C. (2017). The Model for Assessment of Telemedicine (MAST): A scoping review of empirical studies. *Journal of Telemedicine and Telecare*, 23(9), 803–813. DOI: 10.1177/1357633X17721815
- Kim E.J. et al. (2019). Cardiology electronic consultation (e-consult) use by primary care providers at VA medical centres in New England. *Journal of Telemedicine and Telecare*, 25(6), 370–377. DOI: 10.1177/1357633X18774468
- Martin-Khan M. et al. (2011). A systematic review of studies concerning observer agreement during medical specialist diagnosis using videoconferencing. *Journal of Telemedicine and Telecare*, 17(7), 350–357.
- Morozov S.P. et al. (2018). Telemedicine-based system for quality management and peer review in radiology. *Insights into Imaging*, 9(3), 337–341.
- Resneck J.S. Jr., Abrouk M., Steuer M. et al. (2016). Choice, transparency, coordination, and quality among direct-to-consumer telemedicine websites and apps treating skin disease. *JAMA Dermatology*, 152(7), 68–75. DOI: 10.1001/jamadermatol.2016.1774
- Shi Z., Mehrotra A., Gidengil C.A. et al. (2018). Quality of care for acute respiratory infections during direct-to-consumer telemedicine visits for adults. *Health Affairs (Millwood)*, 37(12), 20–23. DOI: 10.1377/hlthaff.2018.05091
- Taylor P. (2005). Evaluating telemedicine systems and services. *Journal of Telemedicine and Telecare*, 1, 167–177.
- Weinstein R.S. et al. (2018). Clinical examination component of telemedicine, telehealth, mhealth, and connected health medical practices. *Medical Clinics of North America*, 102(3), 533–544.
- Wootton R., Vladzmyrskyy A., Zolfo M., Bonnardot L. (2011). Experience with low-cost telemedicine in three different settings. Recommendations based on a proposed framework for network performance evaluation. *Global Health Action*, 4. DOI: 10.3402/gha.v4i0.7214

Сведения об авторах

Елена Ильинична Медведева – доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента, Департамент здравоохранения г. Москвы (115088, Российская Федерация, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9; e-mail: e_lenam@mail.ru); ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32)

Ольга Аркадьевна Александрова – доктор экономических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента, Департамент здравоохранения г. Москвы (115088, Российская Федерация, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9; e-mail: a762rab@mail.ru); заместитель директора, Институт социально-экономических проблем народонаселения, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32); профессор департамента, Финансовый университет при Правительстве РФ (125993, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49)

Сергей Викторович Крошилин – кандидат технических наук, доцент, научный сотрудник, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента, Департамент здравоохранения г. Москвы (115088, Российская Федерация, г. Москва, ул. Шарикоподшипниковская, д. 9; e-mail: krosh_sergey@mail.ru); старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32); доцент кафедры, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова (390026, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9)

Medvedeva E.I., Aleksandrova O.A., Kroshilin S.V.

Telemedicine in Modern Conditions: The Attitude of Society and the Vector of Development

Abstract. The intensive development of information technology and the external challenges, primarily the coronavirus pandemic, have caused a revision of attitudes toward telemedicine. The article is devoted to the study of problems concerning the development of Russian telemedicine, analysis of existing trends and the possibilities of its application, taking into account the development of communication technology and the legal field. Research on this issue is connected, on the one hand, with analyzing modern capabilities of telemedicine technologies and the need for their application in connection with the complex epidemiological situation in a number of Russia's regions, on the other hand, with the assessment of the level of trust in telemedicine on the part of end users: who, how, when and where can use telemedicine services. The object of our research is telemedicine technology, the subject is the dynamics of perception of new forms of medical services by Russian society. We use a classical approach to studying the problems under consideration: at the first stage, we conduct a comprehensive desk study and analyze secondary information; at the second stage, we collect primary data: on the basis of the developed tools, we conduct an exploratory study of the attitude of Russian society toward telemedicine. The uniqueness and novelty of our findings are due to the comparison of the data concerning the attitude of Russians toward telemedicine, obtained before the outbreak of the pandemic, with the data obtained at the stage of a significant reduction in the incidence of COVID-19 in regions that have become "pilot" ones in the use of telemedicine technologies in primary care in the midst of the epidemic. During data collection and analysis, we applied statistical, mathematical and sociological methods, including content analysis to study legal issues of the possibility of using telemedicine technologies. The study has revealed the main reasons for Russians' distrust of telemedicine, as well as possible ways and areas of its application in the future to provide medical care to the population. The results obtained can be used to study the application of telemedicine in Russia in the system of training and retraining of medical personnel, as well as by health care organizers, lawyers and other specialists who deal with the application of telemedicine technologies, including at the level of legislative and executive authorities.

Key words: quality of life, healthcare organization, telemedicine, telemedicine technologies, attitude toward telemedicine, COVID-19 pandemic, medical care, legal foundations of telemedicine.

Information about the Authors

Elena I. Medvedeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, Russian Federation; e-mail: e_lenam@mail.ru); leading researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation)

Olga A. Aleksandrova – Doctor of Sciences (Economics), Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, Russian Federation; e-mail: a762rab@mail.ru); deputy director, Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); professor of department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russian Federation)

Sergei V. Kroshilin – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Researcher, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department (9, Sharikopodshipnikovskaya Street, Moscow, 115088, Russian Federation; e-mail: krosh_serгей@mail.ru); Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation); associate professor of department, Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov (9, Vysokovolt'naya Street, Ryazan, 390026, Russian Federation)

Статья поступила 11.04.2022.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.12

УДК 331.556.4, ББК 65.248

© Осадчая Г.И., Варганова М.Л.

Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции



Галина Ивановна

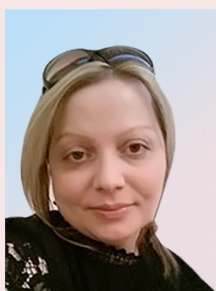
ОСАДЧАЯ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: osadchaya111@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2597-9724



Марина Львовна

ВАРТАНОВА

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: m.l.vartanova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9853-5817; ResearcherID: J-7641-2018

Аннотация. Проблема выявления динамики изменений человеческого потенциала Евразийского экономического союза находится в центре внимания стран, входящих в союз, и каждая из них самостоятельно действует против экономических и политических рисков и угроз на пути к обеспечению своей национальной демографической безопасности. В России сформулированы и функционируют собственные системы оценки и контроля демографической безопасности. Однако в связи с тем что проблема обеспечения демографической безопасности стран Евразийского экономического союза имеет комплексный характер, ее необходимо рассматривать и решать посредством реализации государственных программ не только внутри определенной страны, но и в рамках Евразийского экономического союза в целом. Авторами

Для цитирования: Осадчая Г.И., Варганова М.Л. (2022). Выявление динамики изменений человеческого потенциала России в контексте опыта евразийской интеграции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 223–235. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.12

For citation: Osadchaya G.I., Vartanova M.L. (2022). Identifying the dynamics of changes in Russia's human potential in the context of the experience of Eurasian integration. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 223–235. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.12

исследования ставится цель выявить негативные тенденции демографического развития во всех постсоветских странах в период распада СССР, повлекшего за собой снижение человеческого потенциала в России и других странах, обосновать систему показателей и индексов демографической безопасности в контексте евразийской интеграции. Рассмотрены ресурсные возможности стран Евразийского экономического союза, открывающиеся с началом функционирования единого интеграционного объединения, дана характеристика тенденций, проблем, противоречий интеграционных процессов. На основе проведенного сравнительного анализа демографической ситуации в странах – участницах союза можно говорить об общих показателях кризисных изменений: снижении рождаемости, росте смертности, активизации подвижности населения, хотя для каждой страны в эти годы были характерны свои особые доминанты. Проводимые авторами систематические измерения динамики изменений человеческого потенциала России в условиях интеграционных процессов, опирающиеся на представление об эмпирической модели интеграции, планирование и прогнозирование в рамках Евразийского экономического союза, позволили сформулировать количественные и качественные признаки функционирования демографического развития стран-участниц, разработать ряд существенных рекомендаций. Результаты работы могут быть использованы в процессе развития государственной политики России и стран Европейского экономического союза в области обеспечения стабильности демографической безопасности в условиях интеграции.

Ключевые слова: глобализация, демографическая безопасность, евразийская интеграция, индекс человеческого развития, международное сотрудничество, миграция, народонаселение, рождаемость, смертность, человеческий потенциал, человеческий капитал.

Введение

Народонаселение Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) является его реальным стратегическим ресурсом. Евразийская интеграция, безусловно, достигла серьезных успехов и продолжает развиваться, однако в связи с этим научный и практический интерес представляет выявление динамики изменений человеческого потенциала ЕАЭС в условиях интеграции. Интеграционные цели ЕАЭС требуют повышения его человеческого потенциала, обусловленного рождаемостью, смертностью и миграцией, обеспечения демографической безопасности.

Имеющийся опыт функционирования ЕАЭС в условиях глобального экономического кризиса показал важность принятия совместных мер, а также расширения интеграционного взаимодействия. Однако развитие ЕАЭС сдерживается как внешними, так и внутренними факторами (Осадчая, 2021, с. 9). Интеграционные процессы могут быть представлены множеством социальных признаков и выражены системами показателей: экономических, политических, социально-культурных и социальных, ресурсных, процессуальных и резуль-

тативности. Если фиксировать достижения евразийской интеграции, то среди них можно отметить создание единого таможенного пространства, предоставление гражданам государств – членов ЕАЭС возможностей комфортного общего рынка труда (Вартанова, 2021).

Учитывая накопленный опыт определения категории, мы полагаем под человеческим потенциалом ЕАЭС в условиях интеграционных процессов и новых вызовов глобализации «совокупность количественных и качественных показателей населения, принципиально влияющих на достижение целей евразийской интеграции, характеризующих способность обеспечения устойчивого развития Союза и благополучия жизнедеятельности людей, обеспечения демографической безопасности, предотвращения угроз в соответствии с национальными демографическими интересами каждой страны-члена Союза» (Осадчая, 2019).

С целью выявления динамики изменений человеческого потенциала ЕАЭС в условиях интеграции был проведен опрос экспертов, представляющих научное сообщество, евразийские объединения и организации. В опросе

приняли участие 50 экспертов из стран-членов и кандидатов на вступление в Евразийский экономический союз. Первый блок вопросов был посвящен общей оценке интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. В соответствии с целью в исследовании были поставлены следующие задачи:

1) дать социологическую характеристику успешности интеграционных процессов государств-членов и кандидатов на вступление в ЕАЭС;

2) оценить динамику изменений человеческого потенциала в контексте евразийской интеграции;

3) предложить регуляторам ЕАЭС выработать рекомендации по проведению более углубленных исследований изменений человеческого потенциала стран ЕАЭС в условиях интеграции и новых вызовов глобализации.

Структурно гайд экспертного интервью включал в себя три основных блока вопросов. Так, при оценке динамики изменений человеческого потенциала (Осадчая, Вартанова, 2021) отмечается, что в каждом из государств сформировалась своя особая структура регулирования процессов демографического развития, отражающая особенности политического устройства страны.

При анализе успешности интеграционных процессов (Осадчая, 2021) большинство экспертов указывали на низкие темпы протекания процесса интеграции. По оценке экспертов ЕАЭС превратился в успешное интеграционное объединение, демонстрирующее привлекательную модель сотрудничества на основе принципа добровольности. Однако в нем сохраняются дисбалансы, непросто достигаются интеграционные компромиссы. Демографическая политика как составная часть государственной политики государств СНГ была основана на принципах и нормах международного права и международных договорах (Осадчая, 2019).

Литературный обзор

Многие аспекты рассматриваемой проблемы нашли отражение в трудах ученых Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН). Теоретические и эмпирические предпосылки для разработки исследования динамики изменений челове-

ского потенциала в странах – членах ЕАЭС обсуждались в работах С.В. Рязанцева, Л.Л. Рыбаковского, В.В. Кирпичева, А.Г. Лучкина, Г.И. Осадчей, М.Л. Вартановой, Е.П. Сигаревой, В.Т. Сакаева, А.В. Топилина, А.Г. Злотникова, А.К. Смалюги, А.И. Кузьмина и др. Основная часть проанализированных источников построена на данных Евразийской экономической комиссии за последние пять лет.

Значительный вклад в развитие исследования внесли труды коллектива авторов отдела исследования социально-демографических процессов ИДИ ФНИСЦ РАН (Осадчая, Вартанова, 2021; Osadchaya et al., 2020; Osadchaya et al., 2022).

В этих работах в достаточной мере освещены вопросы изучения человеческого потенциала стран – участниц ЕАЭС. Однако проблема, связанная с формированием политического государственного механизма обеспечения демографической безопасности в условиях международного евразийского сотрудничества, пока недостаточно изучена, ее актуальность и общирность предопределили выбор темы исследования, его целей и задач.

В качестве информационной базы в работе были использованы интернет-ресурсы Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), органов государственной статистики государств – членов ЕАЭС. В статье учтена статистика ЕЭК ЕАЭС и Центробанков государств – членов ЕАЭС, проведен обзор исследований нормативно-правовых документов и современных зарубежных источников. В ходе их научного обобщения с достаточным на то основанием была дана оценка эффективности демографической политики стран СНГ, выделены наиболее приоритетные направления демографической политики Российской Федерации.

Методология и методика

Актуальность работы обеспечивает основу для выработки научно-обоснованного подхода к выявлению динамики изменений человеческого потенциала ЕАЭС в условиях интеграции стран-участниц.

В рамках подготовки исследования использовались преимущественно общенаучные методы познания в рамках исторического, логического анализа международных документов в

области прав человека в обеспечении гендерного равенства в семейных отношениях и демографической ситуации государств — членов Евразийского экономического союза и миграционных процессов стран СНГ в контексте глобализации (Зенченко, Вартанова, 2013), синтез, моделирование исторических ситуаций, аналогии с современностью.

В процессе обработки данных, изучения накопленного материала применялись следующие методы: монографический (исследование трудов зарубежных ученых по проблеме продовольственной безопасности); экономико-статистический (анализ демографической ситуации в государствах — членах ЕАЭС, уровня расходования государственного бюджета на здравоохранение); абстрактно-логический (обоснование взаимосвязи показателей по числу родившихся и продолжительности жизни) с общеэкономическими показателями естественного движения населения в государствах — членах ЕАЭС); экспертная оценка (определение приоритетных мер обеспечения демографической безопасности).

В целях качественного проведения анализа были использованы следующие методы сбора и обработки данных:

- систематизация данных;
- сбор данных из открытых официальных источников (данные ЕЭК);
- сравнительный анализ данных;
- интерпретация полученных данных, обнаруженных фактов и выявленных в странах ЕАЭС тенденций.

Применение методологических инструментов в исследовании позволило обогатить научный аппарат решения проблем обеспечения демографической безопасности, развития различных аспектов человеческого потенциала в условиях интеграции.

Особенности демографической политики стран СНГ в период социально-экономической трансформации

По итогам первого десятилетия становления независимых государств трудно говорить об эффективности государственной демографической политики, так как в это время создавалась только юридическая база во всех отраслях экономики, политики и финансов.

Оценивая эффективность демографической политики России в 1990-е гг., можно сказать, что, несмотря на принимаемые меры, в целом не удалось преодолеть естественную убыль населения, прежде всего из-за нерешенности социально-экономических проблем. Российская Федерация одной из первых среди постсоветских стран стала возвращать в повестку дня деятельности правительства вопросы демографического развития (Рыбаковский, 2003). В центре внимания находились две проблемы: депопуляция населения России и активизация миграционных потоков из постсоветских стран в Россию.

Проблема 1. Накопившиеся в 1989–1991 гг. негативные изменения в демографическом развитии страны в полной мере проявились в 1992–1995 гг. Демографический кризис приобрел критическую форму. В 1999 году снижение численности населения отмечалось в 82 из 89 субъектов РФ. В 1993 году была принята «Концепция государственной семейной политики». Указом Президента № 1696 от 18 августа 1994 г. утверждена Федеральная программа «Дети России»¹, которая действовала с 1994 по 2010 год. Основной ее целью стало обеспечение социальных гарантий для детей, их доступа к образованию и здравоохранению.

Падение уровня жизни всех слоев населения способствовало созданию в 1999 году новой федеральной программы «О государственной социальной помощи» (Федеральный закон № 178 от 17 июля 1999 г.), которая распространила специальные программы помощи на большие и бедные семьи.

В странах СНГ также принимались меры. Например, в целях дальнейшего оздоровления демографической ситуации Распоряжением Президента Азербайджана от 29 ноября 2009 г. № 186 была сформирована Концепция развития «Азербайджан-2020: взгляд в будущее». Проблемы демографического развития Армении (Еганян, 2000) в эти годы регулировались Конституцией Республики Армения, принятой в 1995 году, но преодолеть отрицательные тенденции 1990-х гг. в демографическом

¹ Федеральная программа «Дети России»: Указ Президента РФ № 1696 от 18 августа 1994 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6826> (дата обращения 20.02.2022).

развитии страны было достаточно сложно². Правительство Казахстана в 2000 году утвердило Концепцию государственной демографической политики Республики Казахстан³. Эксперты оценивают результаты демографической политики Казахстана как позитивные, содействующие предотвращению процесса депопуляции населения и демографического кризиса в перспективе (Мансуров, 2014). Демографическая ситуация в Кыргызстане в 1990-е гг. оставалась сложной, сохранялась высокая младенческая и материнская смертность, на демографические процессы в стране оказало влияние резкое повышение уровня бедности населения. В результате была принята Концепция государственной демографической и миграционной политики Киргизской Республики⁴.

Не являлась исключением в этом отношении на постсоветском пространстве в 1990-е годы и Республика Молдова. Эксперты называют две наиболее выраженные проблемы для этой страны: низкая рождаемость и массовый отъезд граждан за рубеж. Стратегические приоритеты в области демографии были сформулированы в Конституции Республики Молдова 1994 года.

В качестве ключевого инструмента реализации Концепции демографического развития Украины выступала Концепция государственной поддержки семьи. В Таджикистане основными документами, регулирующим демографическую политику до 2003 года, стали Конституция Республики Таджикистан, принятая в 1994 году, и Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года, в котором регулируются вопросы семьи, брака, материнства, отцовства и детства. Узбекистан в 1990-е гг. оставался государством с растущим населением,

характеризовался высоким миграционным оттоком русских, украинцев, крымских татар, немцев на историческую родину и высокой трудовой миграцией. В целях регулирования демографической ситуации руководство страны делало акцент на поддержке семьи.

Туркменистан относится к странам с быстрым ростом численности населения. Так, темп роста в 1990-е гг. составлял 1,6% ежегодно, однако резкое ухудшение социальной ситуации, безработица, как следствие – падение уровня и качества жизни населения, привели к массовой миграции (Воробьева, Топилин, 2019). Демографические вопросы в государстве в 2000-х гг. регулировались Законом Туркменистана «О миграции» и др.

Проблема 2. Начало 1990-х гг. характеризовалось реализацией федеральной программы «Миграция», действовавшей с 1993 по 2001 год, помогавшей прибывавшим вынужденным мигрантам и их семьям обрести дом. Похожие программы были приняты в других странах СНГ: например, в Грузии – по социально-экономической поддержке вынужденных мигрантов – перемещенных лиц, турок-месхетин и беженцев из Южной Осетии и Абхазии; в Азербайджане – по обустройству беженцев из Нагорного Карабаха (Глушкова, Хорева, 2014); в Армении – жертв Спитакского землетрясения и беженцев из Азербайджана и Нагорного Карабаха, в Украине – по внутренне перемещенным лицам; в Молдове – по жителям Приднестровского района; программа «О компенсации за потерянное жилье» для вынужденных мигрантов в ходе боевых действий в Чечне в 1994–2001 гг.

Характеризуя демографическую политику РФ 1990-х гг., следует назвать три важных нормативных документа, имеющих программное значение: Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300, Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24, а также Концепция демографического развития, принятая в 2001 году, в которых политика в сфере народонаселения рассматривается как ключевой элемент политической деятельности в сфере национальной безопасности.

² Стратегия национальной безопасности Республики Армения – 2020. URL: <http://parliament-wa.info/ru/archives/14344> (дата обращения 08.09.2020).

³ Концепция государственной демографической политики Республики Казахстан: Постановление Правительства Республики Казахстан от 17 августа 2000 г. № 127. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P000001272> (дата обращения 21.02.2022).

⁴ Концепция государственной демографической и миграционной политики Киргизской Республики: Указ Президента Киргизской Республики от 28 апреля 2000 г. № 102. URL: http://continentonline.com/document/?doc_id=30251138 (дата обращения 21.02.2022).

К середине 2000-х гг. в странах СНГ были созданы внутренние условия для оценки пути независимости, пройденного за годы реформ и рефлексии особенностей демографической ситуации (Молодикова, Ноздрина, 1998). В каждом из государств сформировалась своя структура регулирования процессов демографического развития (Рыбаковский, 2019), отражающая особенности политического устройства.

Как показало исследование особенностей демографической политики государств в период социально-экономической трансформации, практически каждая страна характеризовалась своим классом проблем. В России, Беларуси и Украине возникла депопуляция (Злотников, Смалюга, 2017). Для Армении, Грузии, Молдовы при относительной стабильности населения проблемой стал его эмиграционный отток. В Азербайджане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане из-за роста числа людей трудоспособного возраста сформировалась трудоизбыточность, возникли проблемы, связанные с миграцией, изменением половозрастной структуры населения.

В такой ситуации правительства стран СНГ и РФ активизировали работу по формированию демографической политики, ориентируя её на поддержание текущего демографического роста (Топилин, 2018), основные демографические запросы населения и регулирование миграционных процессов.

В 2019 году в Российской Федерации был утвержден национальный проект «Демография», включающий пять федеральных проектов (ФП): «Финансовая поддержка семей при рождении детей»; «Содействие занятости»; «Старшее поколение»; «Укрепление общественного здоровья»; «Спорт – норма жизни», а также Указ «О национальных целях развития России до 2030 года»⁵.

Особенности демографических процессов и проблем в каждой из постсоветских стран проявляются во всех направлениях демографической политики: комплексе мер государственных или общественных программ, разработке законов, специальных нормативных докумен-

тов, мерах по формированию позитивного отношения в обществе, реализуются программы по продвижению семейных ценностей и созданию благоприятных условий для многодетных семей (Рязанцев и др., 2017), причем особое внимание уделяется их реализации на региональном уровне, уточняется система мероприятий по выполнению задач демографической политики.

Сравнительный анализ демографической ситуации России в контексте евразийской интеграции

В настоящее время сложилось реальное противоречие между потребностью в наращивании человеческого потенциала России в составе Евразийского экономического союза, усилении позитивного влияния на него евразийской интеграции и реальным состоянием демографической ситуации в странах СНГ и государствах – членах ЕАЭС (табл. 1).

Региональные конвенции конкретизируют общие положения с учетом традиций континентов и стран. Следует отметить, что эксперты государств ЕАЭС регулярно анализируют ход выполнения данной концепции. Временные интервалы изменения рейтинга стран по индексу человеческого развития (ИЧР) за 1990–2000, 2000–2010, 2010–2018 и 1990–2018 гг. позволяют раскрыть динамику социальной поддержки населением интеграционных процессов в странах ЕАЭС (Куур, 2020) в 2014–2018 гг., дать характеристику факторов уменьшения социальной базы ЕАЭС, а также обосновать основные направления, практики и инструменты расширения социальной поддержки интеграции. К примеру, учитываются Конвенция об охране материнства (№ 3) 1919 г., Конвенция об охране материнства (№ 103, пересмотренная) 1952 г., Рекомендация № 95 об охране материнства 1952 г. Также страны подписали Конвенцию «О статусе беженцев» (1951 г.) и Протокол к ней (1967 г.).

Одной из важнейших характеристик человеческого потенциала является здоровье населения, которое концентрированно выражается в показателе «продолжительность жизни», поскольку детерминировано множеством факторов: климатическими условиями, условиями и уровнем жизни, экологическими факторами, эффективностью деятельности системы.

⁵ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения 25.05.2021).

Таблица 1. Показатели естественного движения населения в государствах – членах ЕАЭС, чел.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Армения						
Число родившихся	43031	41763	43031	41763	43031	41763
Число умерших	27714	27878	28226	27157	25751	26200
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	15317	13885	12366	10543	10823	9900
Беларусь						
Число родившихся	118534	119028	117779	102556	94042	87800
Число умерших	121542	120026	119379	119311	120053	120900
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	-3008	-998	-1600	-16755	-26011	-33100
Казахстан						
Число родившихся	399309	398458	400694	390262	397799	403100
Число умерших	132287	130811	131231	129009	130448	133500
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	267022	267647	269463	261253	267351	269,6
Кыргызстан						
Число родившихся	161813	163452	158160	153620	171149	173500
Число умерших	35564	34808	33475	33166	32989	33300
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	126249	128644	124685	120454	138160	140200
Россия						
Число родившихся	1942683	1940579	1888729	1690307	1604344	1484500
Число умерших	1912347	1908541	1891015	1826125	1828910	1800700
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	30336	32038	-2286	-135818	-224566	-316200
ЕАЭС						
Число родившихся	2665370	2663280	2605954	2374445	2303908	2185000
Число умерших	2229454	2222064	2203326	2134768	2138151	2114600
Естественный прирост (+), убыль (-) населения	435916	441216	402628	239677	165757	70400
Источник: ЕЭК. Статистика. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express_demography.aspx (дата обращения 04.09.2020).						

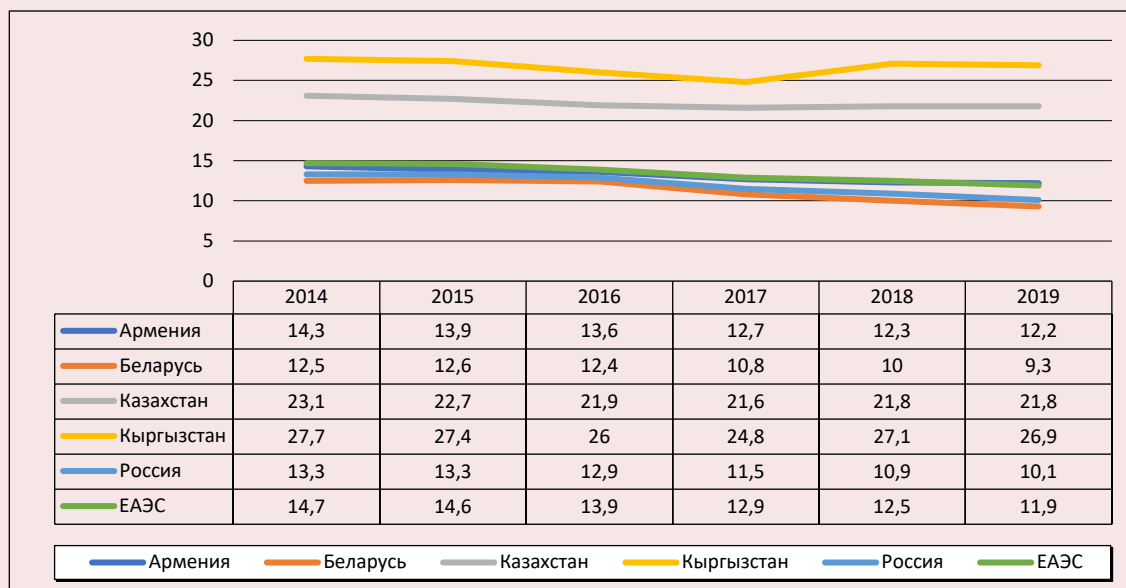
В рамках усиления экономической интеграции и появления новых вызовов глобализации евразийские миграционные процессы сталкиваются с многочисленными критическими вызовами. Представленные данные позволяют оценить число родившихся в странах ЕАЭС на 1000 чел. в январе – декабре с 2014 по 2019 год (рис. 1).

Хотя продолжительность жизни в России с 2005 года ежегодно увеличивалась по сравнению с государствами – участниками ЕАЭС на 0,7% и составила в 2018 году более 71 года (табл. 2), а в 2019 году, согласно оценке Минздрава России, и до 73,7 года, в 2020 году она вновь сократилась до 71,5 года. В то же время показатели продолжительности жизни в

странах ЕАЭС намного ниже, чем в развитых странах мира (Попов, Калачикова, 2015). По данным ЕЭК, государства – члены ЕАЭС в рейтинге по продолжительности жизни среди 190 стран мира с 2018 года находятся в коридоре от 82 до 127 места, тогда как первые места занимают Гонконг (84,1 года), Япония (83,9), Швейцария (83,5), Испания (83,3), Италия (83,2).

Резерв улучшения показателя заключается в повышении расходов на здравоохранение (табл. 3). В странах с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала расходы на здравоохранение составляют в среднем 12,2% ВВП (общие расходы на здравоохранение в % от ВВП в 2016 г.: США – 17,1%, Швейцария – 12,2%, Франция – 11,5%; Германия 11,1%).

Рис. 1. Число родившихся в странах ЕАЭС на 1000 чел. в январе – декабре с 2014 по 2019 год



Составлено по: Евразийский экономический союз в цифрах (2020): краткий стат. сб. / ЕЭК. М.

Таблица 2. Продолжительность жизни населения государств – членов ЕАЭС, лет

Страна	2015		2018	
	Продолжительность жизни	Рейтинг	Продолжительность жизни	Рейтинг
Армения	74,7	74	74,8	82
Беларусь	71,3	108	73,1	104
Казахстан	69,4	123	70,0	127
Кыргызстан	70,6	113	71,1	118
Россия	70,1	116	71,2	116

Составлено по: Евразийский экономический союз в цифрах (2020): краткий стат. сб. / ЕЭК. М.

Таблица 3. Государственные расходы на здравоохранение в странах ЕАЭС (2014–2016 гг.), % от ВВП

Страна	2014	2016
Армения	4,5	9,9
Беларусь	5,7	6,3
Казахстан	4,36	3,5
Кыргызстан	6,7	6,6
Россия	7,07	5,3

Составлено по: Евразийский экономический союз в цифрах (2020): краткий стат. сб. / ЕЭК. М.

Таким образом, считаем, что формирование и развитие системы здравоохранения будет способствовать укреплению здоровья населения, обеспечению гарантий безопасности и качества социально значимых товаров для жизни и здоровья людей, охраны окружающей среды.

Динамика человеческого капитала в странах – членах ЕАЭС в последние годы показывает позитивный рост. По итогам исследования Bloomberg, проведенного в 2016 году, из 55 стран Казахстан занял 45 место, Беларусь – 48, а Россия последнее – 55. Развитие человеческого ресурса связано с использованием

возможностей, которые предоставляет Евразийский союз. Так, индекс человеческого развития за 2010–2017 гг. вырос у Армении, Казахстана, Кыргызстана, России и сохранил свое значение у Беларуси. Отметим, что все государства, за исключением Кыргызстана, входят по методике ООН в группу стран с высоким уровнем ИЧР, Кыргызстан — со средним уровнем.

Однако сегодня идея евразийской интеграции неглубоко проникла в сознание людей. Так, с ЕАЭС идентифицирует себя только 2% граждан России, 8,2% — Армении, 5,5% — Кыргызстана, 1,8% — Казахстана. Правда, среди приезжих из Беларуси с Евразийским союзом идентифицирует себя 17,3%, что можно объяснить некоторой инерцией, связанной с различием союзного государства России и Беларуси (Сечко, Таранова, 2011), созданного в 1999 году, и ЕАЭС.

Характеризуя динамику человеческого потенциала, которую странам ЕАЭС необходимо выстраивать для консолидации интеграционных процессов, можно выделить следующие направления.

1. Выстраивание динамики изменений человеческого потенциала на основе социокультурных и образовательных обменов.

2. Одним из ключевых инструментов при реализации индекса человеческого развития выступает формирование коммуникативного пространства в информационной среде, работа по этому направлению в понятной для молодежи форме. Но самое главное, наверное, все-таки не забывать о том, что современная информационная среда требует наполнения этими общими историческими нарративами, общими смыслами, пусть они актуализуются в современных формах и приспособлены именно для восприятия граждан государств — членов ЕАЭС.

3. Необходимо выстраивать демографическую политику (Сакаев, 2017) с постановкой целей, задач совместной долгосрочной и среднесрочной стратегии развития человеческого потенциала государств — членов ЕАЭС.

В итоговом рейтинге все государства ранжируются на основе ИЧР и попадают в одну из четырех категорий:

- страны с очень высоким уровнем ИЧР;
- страны с высоким уровнем ИЧР;

- страны со средним уровнем ИЧР;
- страны с низким уровнем ИЧР.

В качестве механизмов использования новых методов, которые способствовали бы поддержанию индекса человеческого развития государств — членов ЕАЭС (Castle, Cora, 2016, p. 278) и транслировали позитивные образы интеграции в условиях новых вызовов глобализации, эксперты указывают следующие:

1) создание центров генерации сетевой позитивной информации;

2) разработку количественно-качественных показателей динамики изменений человеческого потенциала в условиях новых вызовов глобализации;

3) систематический мониторинг динамики человеческого потенциала с выявлением и анализом миграционных процессов на постсоветском пространстве.

В качестве основных направлений, которые эксперты считают приоритетными для изучения изменений динамики человеческого потенциала в контексте евразийской интеграции, можно выделить следующие:

1) информирование населения государств ЕАЭС о преимуществах евразийской интеграции как на уровне страны в целом, так и на глобальном уровне;

2) формирование общего информационного поля в рамках информационного пространства «новых медиа» (Осадчая, 2019) с целью позиционирования положительных аспектов интеграции;

3) разработку методологии по количественно-качественным характеристикам всех аспектов индекса человеческого развития;

4) создание индекса оценки человеческого потенциала политики памяти в странах ЕАЭС;

5) формирование общей евразийской идеи в условиях новых вызовов глобализации.

Результаты

Основная теоретическая и практическая идея развития человеческого потенциала в контексте опыта евразийской интеграции заключается в возможности формирования странами — участницами ЕАЭС собственной государственной политики, принятия решения на каждой территории с учетом показателей рождаемости, смертности и миграции, обеспечения национальной демографической безопасности

(Maksimova et al., 2020), местных традиций, особенностей, интересов населения. При этом эффективность решения вопросов на сегодняшний день во многом определяется степенью взаимодействия на межгосударственном уровне.

В долгосрочной и среднесрочной стратегии выстраивания развития человеческого потенциала государств – членов ЕАЭС представляется важным предусмотреть:

1) снижение смертности населения, прежде всего высокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин;

2) сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение роли профилактики заболеваний и формирование здорового образа жизни;

3) регулирование прикладных научных и эпидемиологических исследований по обоснованию совершенствования законодательства Российской Федерации и методической базы;

4) развитие системы поддержки семьи в связи с рождением и воспитанием детей;

5) поэтапная ликвидация рабочих мест с вредными или опасными для репродуктивного здоровья населения условиями труда;

6) управление миграционными процессами в целях снижения дефицита трудовых ресурсов в соответствии с потребностями экономики;

7) оптимизацию миграционных процессов в связи с формированием общего рынка труда в рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве;

8) обеспечение защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Выявление динамики изменений человеческого потенциала стран ЕАЭС в условиях интеграции способствует разработке ряда рекомендаций:

– развивать социальную интеграцию, нацеленную на межгосударственное сотрудничество, постепенно трансформируя его в сторону объединения, основанного на принципах гражданского общества;

– содействовать развитию не только молодых неправительственных некоммерческих организаций, но и тех, основными учредителями, руководителями, сотрудниками, участниками и добровольцами которых являются преиму-

щественно пожилые люди, так как население планеты постепенно «стареет» и общественное мнение во многом будет формироваться именно представителями старших поколений;

– инициировать сотрудничество национальных неправительственных некоммерческих организаций, зарегистрированных и функционирующих в отдельных странах и определивших свою миссию как развитие науки, с целью проведения мониторинга общественных настроений и формулирования научно обоснованных выводов в рамках тематики социальной интеграции стран ЕАЭС;

– оказывать организационную поддержку международным и национальным неправительственным некоммерческим организациям, в сферу деятельности которых входит осуществление совместных онлайн и офлайн мероприятий в областях истории, культуры, социальной работы, общественного здоровья, образования в целях объединения усилий для осуществления социальной интеграции на основе исторической памяти;

– инициировать создание сетевых образовательных программ направлений подготовки по журналистике в области проблематики евразийской интеграции, с привлечением информационных, материально-технических, интеллектуальных ресурсов образовательных учреждений, неправительственных некоммерческих организаций, научных центров, в том числе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН;

– внести предложение Фонду Президентских грантов для НКО (Российская Федерация) совместно с грантодателями и благотворительными фондами, функционирующими в государствах – членах ЕАЭС, по организации единого международного целевого конкурса (в 2022 году), направленного на разработку новых идей в области социальной интеграции.

Заключение

Евразийский экономический союз имеет статус международной неправительственной организации. Анализ работ ряда экспертов ЕАЭС (Goldstone, 2002) и трудов ученых в области мировых тенденций (Nichiporuk, 2000) показывает, что интернациональные взаимодействия все в большей степени инициируются и реализуются при организационной и

координирующей роли международных неправительственных структур. Интеграционная функция в сфере политики, экономики, культуры, социальной работы перемещается от государственных структур к общественным (Яковец, Растворцев, 2016). И, судя по аналитическим данным, эта тенденция будет только усиливаться.

В результате авторы рекомендуют провести более углубленные исследования человеческого потенциала ЕАЭС в условиях интеграции и новых вызовов глобализации. Также возможно, что если бы использовалось больше дезагрегированных данных, результат был бы иным. Это темы для будущих исследований. Поскольку

недостаточно изучен вопрос изменений человеческого потенциала в условиях ЕАЭС, считаем, что работа в этом направлении станет неочевидной находкой для исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также для широкого круга читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития. Ожидается, что выработанные предложения актуализируют государственную политику в сфере национальной демографической безопасности и активизируют вопросы демографической политики стран – участниц Евразийского экономического союза в условиях интеграции.

Литература

- Вартанова М.Л. (2021). Национальные приоритеты и перспективы развития Евразийской экономической интеграции // Экономика и право: монография / гл. ред. Э.В. Фомин. Чебоксары: Среда. 184 с. С. 33–74.
- Воробьева О.Д., Топилин А.В. (2019). Миграционный прирост численности населения России: статистический и реальный // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. Сер. «Демография. Социология. Экономика». М. С. 393–397.
- Глушкова В.Г., Хорева О.Б. (2014). Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник финансового университета. № 3. С. 14–25.
- Еганян Р. (2000). Демографические реалии и перспективы Республики Армения на пороге XXI века // Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС Пресс. С. 79–91.
- Зенченко С.В., Вартанова М.Л. (2013). Анализ тенденций изменения потоков международной трудовой миграции в контексте мировых глобальных процессов // Региональные проблемы преобразования экономики. № 1 (35). С. 47–58.
- Злотников А.Г., Смалюга А.К. (2017). Белорусская миграция в евразийском отражении // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум: Международная научная конференция: сб. стат. / Институт экономики УрО РАН. Екатеринбург. Т. 2. С. 281–287.
- Куур О.В. (2020). Оценка результативности интеграционного развития государств-участников ЕАЭС: финансово-экономический аспект // Фундаментальные исследования. № 5. С. 105–111.
- Мансуров Т. (2014). Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. К 20-летию евразийского проекта. М. 330 с.
- Молодикова И.Н., Ноздрин Н.Н. (1998). Миграционные потоки в Россию и их влияние на территориальное распределение населения // Проблемы прогнозирования. Вып. 6. С. 121–133.
- Осадчая Г.И. (2019). Социально-демографические аспекты интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе // Становление Евразийского экономического союза: идеи, реальность, потенциал. М.: Экон-Информ. С. 101–133.
- Осадчая Г.И. (2021). Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. М.: Экон-Информ. 346 с.
- Осадчая Г.И., Вартанова М.Л. (2021). Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в Евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19) // Вопросы управления. № 1 (68). С. 62–74.
- Попов А.В., Калачикова О.Н. (2015). Интегральные индексы в оценке демографической безопасности территорий // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 46. С. 56–66.

- Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. (2019). Демографический потенциал: из истории понятия // Народонаселение. № 2. С. 17–25.
- Рыбаковский Л.Л. (2003). Демографическая безопасность // Журнал личной, национальной и коллективной безопасности. № 3. С. 124–156.
- Рязанцев С.В., Тер-Акопов А.А., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. (2017). Сценарии развития миграционной ситуации в ЕАЭС в условиях усиления экономической интеграции // Аналитический вестник. № 19 (676). С. 8–18.
- Сакаев В.Т. (2017). Евразийский экономический союз: политико-демографические аспекты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. Т. 12. № 2 (164). С. 141–153.
- Сечко Н.Н., Таранова Е.В. (2011). Демографическая политика Беларуси и России в контексте повышения качества жизни населения // Социологический альманах ИС НАН Беларуси. С. 182–191.
- Топилин А.В. (2018). Влияние миграционных процессов на демографическую динамику и рождаемость в российских регионах // Наука. Культура. Общество. № 4. С. 59–66.
- Яковец Ю., Растворцев Е. (2016). О системе целей и стратегий устойчивого развития Евразийского экономического союза // Экономические стратегии. № 7 (141). С. 6–21.
- Goldstone J.A. (2002). Population and security: How demographic change can lead to violent. *Journal of International Affairs*, 56(1), 3–22.
- Castle A., Cora M.D. (2016). *Regional Economic Integration and Globalization*. Scotts Valley: Create Space Independent Publishing Platform, 2016.
- Maksimova A.S., Ryazantsev S.V., Lukyanets A.S., Moiseeva E.M. (2020). Methodological bases for assessing sociodemographic and migration consequences of man-made disasters. *Amazonia Investiga*, 9(29), 213–223.
- Nichiporuk B. (2000). *The Security Dynamics of Demographic Factors*. Washington, D.C.: RAND.

Сведения об авторах

Галина Ивановна Осадчая — доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Марина Львовна Вартанова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований, ФНИСЦ РАН (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: m.l.vartanova@mail.ru)

Osadchaya G.I., Vartanova M.L.

Identifying the Dynamics of Changes in Russia's Human Potential in the Context of the Experience of Eurasian Integration

Abstract. The problem of identifying the dynamics of changes in the human potential of the Eurasian Economic Union is in the focus of attention of the EAEU member states; each of them takes its own measures against economic and political risks and threats on the way toward ensuring national demographic security. Russia has formulated and operates its own systems for assessing and monitoring demographic security. However, due to the complex nature of the problem of ensuring the demographic security of the EAEU countries, it must be considered and solved through the implementation of state programs not only within the country, but also within the framework of the Eurasian Economic Union as a whole. Our aim is to identify negative trends in demographic development in all post-Soviet countries during the collapse of the USSR, which led to a decrease in human potential in Russia and other EAEU countries, and to substantiate the system of indicators and indices of demographic security in the context of Eurasian integration. We consider the resource opportunities that the EAEU countries obtain due to the functioning of a single integration association, and provide the overview of trends, problems and

contradictions of integration processes. Based on the comparative analysis of the demographic situation in the EAEU member states, we can talk about the general indicators of crisis changes: a decrease in the birth rate, an increase in mortality, increased mobility of the population, although each country in these years was characterized by its own special dominants reflecting the demographic situation. Our systematic measurements of the dynamics of changes in Russia's human potential in the context of integration processes, based on the idea of an empirical model of integration, planning and forecasting within the framework of the Eurasian Economic Union, allowed us to identify quantitative and qualitative signs of the functioning of the demographic development of the EAEU countries and develop a number of significant recommendations. The results of the study can be used in the development of the state policy of Russia and the EAEU countries in the field of ensuring the stability of demographic security in the conditions of integration.

Key words: globalization, demographic security, Eurasian integration, human development index, international cooperation, migration, population, fertility and mortality, human potential, human capital.

Information about the Authors

Galina I. Osadchaya – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, head of department, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: osadchaya111@gmail.com)

Marina L. Vartanova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: m.l.vartanova@mail.ru)

Статья поступила 24.03.2022.

DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.13

УДК 338(560); ББК 65.9

© Озен Б.С., Байджан Т.

Сравнение инновационных стратегий, разработанных агентствами регионального развития в Турции



Берна Сезэн

ОЗЕН

Стамбульский технический университет

Стамбул, Турция

e-mail: ozenbern@itu.edu.tr

ORCID: 0000-0002-0275-6181



Тюзин

БАЙДЖАН

Стамбульский технический университет

Стамбул, Турция

e-mail: tbaycan@itu.edu.tr

ORCID: 0000-0001-6073-1188; ResearcherID: O-5347-2015

Аннотация. Целью исследования является оценка региональной инновационной системы Турции путем сравнения инновационных стратегий, разработанных агентствами регионального развития. Сосредоточив внимание на конкретных документах региональной инновационной стратегии и обращаясь прежде всего к отчетам, исследованиям и публикациям на официальных сайтах агентств, а затем к углубленным интервью, проведенным с представителями агентств регионального развития по телефону и/или электронной почте, авторы проводят сравнительную оценку усилий агентств регионального развития, которые вносят вклад в региональную инновационную систему. Результаты сравнительной оценки показывают, что некоторые агентства регионального развития разработали конкретную региональную инновационную стратегию, в

Для цитирования: Озен Б.С., Байджан Т. (2022). Сравнение инновационных стратегий, разработанных агентствами регионального развития в Турции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 236–258. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.13

For citation: Özen B.S., Baycan T. (2022). A comparison of innovation strategies of regional development agencies in Turkey. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 236–258. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.13

то время как другие не имеют подобных разработок, однако проводят исследования по различным аспектам инноваций, которые являются эксклюзивными, но далеки от целостного подхода. Также региональные инновационные стратегии различаются с точки зрения приоритетов. Тем не менее стратегии, разработанные агентствами, направлены на развитие культуры исследований и инноваций; инфраструктуры исследований и инноваций; институциональной структуры; человеческих ресурсов; финансовых ресурсов; эффективной коммуникации, сотрудничества и координации; предпринимательства и инновационной экосистемы; осведомленности об инновационной деятельности; кластеров; приоритетных секторов; социальных инноваций; прав интеллектуальной собственности и коммерциализации. Несмотря на приложенные со стороны агентств усилия по совершенствованию региональных инновационных систем, желаемый уровень разработки целостной региональной инновационной стратегии еще не достигнут. Агентства должны быть более эффективными в качестве ключевого участника региональных инновационных систем.

Ключевые слова: региональная инновационная система, агентства регионального развития, региональные инновационные стратегии, Турция.

Введение

Инновации все чаще рассматриваются как один из ключевых двигателей экономического роста и процветания. В экономике знаний экономические показатели зависят от конкуренции как фактора повышения производительности и от инноваций как новых технологий, методов и способов работы, способствующих повышению производительности. Инновации все чаще признаются в качестве важного фактора создания стоимости, экономического роста и социального благосостояния, а эффективность инноваций является важным критерием повышения международной конкурентоспособности (Özen, Baycan, 2014).

Производство товаров и услуг становится все более наукоемким/научно-техническим и требующим навыков¹. Как отражение глобальной конкурентной структуры, основанной на знаниях/науке/технике/навыках, проблемы, связанные с инновациями, создают инновационные системы, политику и стратегии, диверсифицированные как на национальном, так и на региональном уровне. В данном контексте существуют различные ответы и реакции разных стран и регионов на эту конкурентную среду.

Любая структура от микро- до макромасштабов (фирма, регион, нация и т. д.) стремится к этой конкурентной среде: одни пытаются создать изменения, будучи первопроходцами, в то время как другие стремятся распоз-

нать, адаптировать эти изменения и следовать им. Глобализация увеличивает потребность в инновационной политике, а также влияет на ее разработку и реализацию (Edquist, 2008). Каждое общество стремится к инновациям, которые соответствуют его потребностям и возможностям².

Благодаря производству, разработке, распространению, применению и использованию технологий и знаний инновационные системы стали объектом интереса не только ученых, но и лиц, принимающих решения на национальном и региональном уровнях с точки зрения экономического развития и социального обеспечения.

Поскольку инновационная система является инструментом экономического и социального развития, страны и регионы разрабатывают политику, стратегии и проекты по созданию эффективных инновационных систем и управлению ими (Özen, Baycan, 2015). «Инновационные системы» — это интерактивный и интегрированный процесс, который состоит из сети и взаимоотношений различных создателей/участников (учреждений в государственном и частном секторах, таких как фирмы, университеты, правительственные учреждения, технические агентства и государственная инфраструк-

¹ Managing National Innovation Systems. P. 15. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264189416-en>

² Innovation Policy: A Guide for Developing Countries. P. 7. DOI: 10.1596/978-0-8213-8269-1. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/251181468340760891/pdf/548930PUB0EPI11C10Dislos-ed061312010.pdf>

тура исследований и разработок и т. д.) (Özen, Baycan, 2015). Отношения между различными участниками очень важны для функционирования и изменения инновационных систем (Edquist, Johnson, 2000, p. 60). Совершенствование механизмов координации (Pellegrin et al., 2010, p. 16) и потоков знаний³, технологий и информации⁴ между этими различными субъектами усиливает инновационные процессы, способствуя развитию систематического и квалифицированного взаимодействия (Pellegrin et al., 2010, p. 16) и динамической сети (Feinson, 2003, p. 19) между ними.

Региональные инновационные системы представляют собой сложные интерактивные сети не только национальных, но и глобальных связей и связей через международные агентства и инновационные системы. В рамках этих систем регионы не только демонстрируют инновационные показатели на разных уровнях, но и по-разному добиваются прогресса в зависимости от таких факторов, как их положение в системе и изменения в национальной политике.

Несмотря на свободное перемещение капитала и рабочей силы в результате глобализации, важность регионов возрастает, поскольку процесс производства, использования и «накопления знаний остается локально внедренным и пространственно сконцентрированным»⁵. Учет региональной инновационной системы помогает объяснить региональный аспект производства и региональные различия в инновационном потенциале и экономической мощи (Schrempp et al., 2013), а также подчеркивает разнообразие регионов в странах, различную динамику инноваций и взаимодействия между организациями в конкретной системе⁶. Анализ региональной инновационной системы позволяет создавать и распространять экономически значимую информацию в определенном регионе, а также идентифицировать ключевых

участников и основные ресурсы (такие как существующие инфраструктуры, источники информации и экспертные ресурсы, финансирование и т. д.). Концепция системы помогает уточнить, какая поддержка установлена и какие возможности межрегионального сотрудничества существуют на каком уровне политики (местном, региональном, национальном, транснациональном)⁷. Концепция региональных инновационных систем включает различные типы участников (крупные или малые, местные или транснациональные фирмы, университеты, государственные исследовательские учреждения, технологические центры и кластерные ассоциации и т. д.), а также связи и взаимоотношения между ними⁸ (Edquist, 2005; Asheim et al., 2013; Özen et al., 2018). В последнее время региональные инновационные системы приобретают большое значение. Организация экономического сотрудничества и развития⁹ объясняет, почему регионы играют все большую роль в региональной инновационной политике и почему они являются ключевыми участниками формирования и создания эффективных инновационных траекторий и мобилизации неиспользованного потенциала для национального роста. В период создания необходимых административных механизмов для поддержки кластеров и инновационных предприятий регионы представляют собой экономически более значимые сообщества и могут легко определять поток реальной экономической деятельности и использовать синергию и связи между экономическими субъектами (Cooke et al., 2000; Cook, Memedovic, 2003). Появление кластеров как местной инновационной системы и акцент на конкурентном превосходстве связаны с наличием региональных и местных инновационных систем. Таким образом, показано, что региональные инновационные системы формируют основу национальных конкурентных преимуществ (McCall, 2010).

³ National Innovation Systems. P. 3. Available at: <http://www.oecd.org/science/inno/2101733.pdf> (accessed: August 19, 2014).

⁴ National Innovation Systems. P. 7. Available at: <http://www.oecd.org/science/inno/2101733.pdf> (accessed: August 19, 2014).

⁵ Regional Innovation Scoreboard. P. 74. Available at: <https://data.europa.eu/doi/10.2769/88893>

⁶ Regions and Innovation Policy. OECD Reviews of Regional Innovation. OECD Publishing, 2011.

⁷ Innovating Regions in Europe (IRE) Secretariat. Final Report. ERIS Working Group, 2008.

⁸ Regions and Innovation Policy. OECD Reviews of Regional Innovation, OECD Publishing; European Commission, Directorate-General for Enterprise and Industry. Regional Innovation Scoreboard 2014. P. 74. Available at: <https://data.europa.eu/doi/10.2769/88893>

⁹ Regions and Innovation Policy. OECD Reviews of Regional Innovation. OECD Publishing, 2011.

Обладая собственной спецификой, региональный уровень имеет важное значение для экономического развития, а также разработки и реализации инновационной политики и стратегий, поэтому институциональная структура на региональном уровне приобретает все большее значение. Благодаря региональной динамике, взаимодействиям, сетям, потокам и связям агентства регионального развития являются эффективными участниками регионального планирования и региональных инновационных систем.

Поскольку проекты региональных инновационных стратегий были запущены Европейским союзом (ЕС) в 1994 году, стратегии в отношении инновационных систем признаны ключевым фактором потенциала и эффективности региональных инновационных систем. Региональная инновационная стратегия является важным инструментом заинтересованных сторон в рамках общей платформы для определения стратегических целей и последовательности действий в области НИОКР и инноваций региона для достижения целей в долгосрочной перспективе (Zabala-Iturriagoitia et al., 2008; Lewandowska, 2012).

Цель и структура исследования

Целью исследования является оценка региональной инновационной системы Турции путем сравнения инновационных стратегий, разработанных агентствами регионального развития. Для этого были проведены углубленные интервью с представителями (руководителями отделов и специалистами) агентств по телефону и/или электронной почте. В ходе интервью представителям был задан вопрос о том, есть ли у них региональные инновационные стратегии, программы финансовой поддержки или какие-либо другие инициативы в этом отношении. Данные из интервью с представителями были собраны в дополнение к материалам официальных веб-сайтов агентств регионального развития, включающих региональные планы, рабочие программы, планы действий, программы поддержки, отчеты, публикации стратегий и исследований в виде тематических и отраслевых анализов. На основе полученных данных были сопоставлены и оценены региональные инновационные стратегии или инициативы агентств регионального развития.

Важность региональных инновационных систем, региональной инновационной политики и агентств регионального развития кратко описаны во введении. Во втором разделе объясняется цель и структура исследования. Третий раздел посвящен историческому процессу развития региональных инновационных систем и агентств регионального развития в Турции, в нем представлена структура регионов на уровне NUTS-2 (Номенклатура территориальных единиц для целей статистики) и дана оценка эволюции агентств регионального развития и политики. Заключительный раздел посвящен изучению, интерпретации и сравнению региональных инновационных стратегий агентств и проблем, с которыми они столкнулись.

Региональные инновационные системы в Турции

Политика регионального развития в Турции была реструктурирована и преобразована, когда страна получила статус официального кандидата в ЕС на саммите 1999 года в Хельсинки. Вначале Турция приняла классификацию Номенклатуры территориальных единиц для статистики (NUTS), определила свои новые регионы как совместимые с NUTS в 2002 году¹⁰ и решила создать агентства развития согласно закону о создании, координации и обязанностях агентств развития¹¹. На сегодняшний день в Турции насчитывается 26 агентств регионального развития, 2 агентства (Измир и Чукурова) созданы в 2007 году¹², 8 (Стамбул, Конья, Самсун, Эрзурум, Ван, Газиантеп, Диярбакыр

¹⁰ Decree of the Council of Ministers 4720 "Decision regarding the definition of the classification of territorial units for the collection and development of regional statistics, making socio-economic analysis of regions, determining the framework of regional policies and creating a comparable statistical database in accordance with the European Union regional statistics system", dated September 28, 2002. Available at: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2002/09/20020922.htm> (in Turkish)

¹¹ Law on the establishment, coordination and duties of development agencies 5449, dated January 25, 2006. In: *The Official Gazette of Turkey*, 45, 26074, dated February 8. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5449.pdf> (in Turkish).

¹² Decree of the Council of Ministers 10550 "Decision on establishment of development agencies in some level 2 regions", dated May 31, 2006. Available at: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2006/07/20060706-1.htm> (in Turkish)

и Мардин) – в 2008 году¹³, 16 оставшихся – в 2009 году¹⁴. Появление агентств регионального развития, согласно закону¹⁵ о создании, координации и обязанностях агентств по развитию можно упомянуть как одну из вех в истории региональной структуры Турции.

В рамках Сети инновационных регионов Европы (IRE) в 2005 году Турция, наряду с Болгарией, Чешской Республикой, Эстонией, Венгрией, Израилем, Литвой, Мальтой, Норвегией, Польшей, Румынией, Словакией, Швейцарией, также была вовлечена в 33 новых проекта в некоторых регионах, таких как Мерсин и Эскишехир (Metin, 2010).

Кроме того, в Отчете Европейской комиссии о ходе работы за 2011 год¹⁶ подготовка региональных планов в 24 из 26 регионов NUTS-2 при координации агентств развития представлена как прогресс в институциональной сфере. Региональные планы определяют взаимосвязь между проектами, политикой и стратегиями, разработанными на национальном уровне, и мероприятиями, которые будут осуществляться на местном уровне. Подготовив региональные планы и документы региональных инновационных стратегий, в 2012 году два агентства регионального развития (Измира и Среднего Причерноморья, обозначенные как IZKA и OKA соответственно) показали, что они играют важную роль в инновациях. Некоторые другие агентства также разработали документы о региональной инновационной стратегии в последующие годы. Таким образом, внедрение документов региональных инновацион-

ных стратегий в 2012 году является важной вехой в развитии региональных инновационных систем.

Региональные инновационные стратегии, разработанные агентствами регионального развития в Турции

Важное значение имеет проект «РИС-Мерсин», начатый в 2005 году, поскольку является первым региональным проектом инновационных систем Турции, разработанным без участия агентства развития. Проект охватывал только провинцию Мерсин как регион, входящий в Сеть инновационных регионов Европы в рамках 6-й Рамочной программы ЕС.

Изучение инновационных стратегий агентств регионального развития показывает, что некоторые агентства начали разрабатывать региональные инновационные стратегии с 2012 года (рис. 1, 2). Стратегии сравниваются с точки зрения: 1) перспектив, отраженных в региональных планах и самих региональных инновационных стратегиях (табл. 1); 2) основных положений (табл. 2); 3) исследований агентств регионального развития после принятия региональной инновационной стратегии¹⁷ в аспекте механизмов ее реализации, оценки и мониторинга (рис. 3).

Как правило, агентства регионального развития разрабатывают инновационные стратегии совместно с консультативными советами и техническими комитетами, включающими представителей соответствующих субъектов государственного и частного секторов, неправительственных организаций (НПО), университетов и национальных учреждений. Обычно разработка стратегий включает в себя следующие этапы: обзор литературы, сбор статистических данных для научной работы, анализ текущей ситуации в области НИОКР и инноваций, семинары, опросы, интервью, встречи фокус-групп с участием представителей соответствующих субъектов государственного и частного секторов, неправительственных организаций, университетов и представителей национальных

¹³ Decree of the Council of Ministers 14306 “Decision on establishment of development agencies in some level 2 regions”, dated November 10, 2008. Available at: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2008/11/20081122-3.htm> (in Turkish)

¹⁴ Decree of the Council of Ministers 15236 “Decision on establishment of development agencies in some Level 2 regions”, dated July 14, 2009. Available at: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2009/07/20090725-5.htm> (in Turkish)

¹⁵ Law on the establishment, coordination and duties of development agencies 5449, dated January 25, 2006. In: *The Official Gazette of Turkey*, 45, 26074, dated February 8. Available at: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.5449.pdf> (in Turkish).

¹⁶ Turkey 2011 Progress Report. Commission Staff Working Paper. P. 83. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2011/package/tr_rapport_2011_en.pdf

¹⁷ Несмотря на то, что до принятия документов региональной инновационной стратегии были проведены некоторые исследования, связанные с инновациями, успех региональной инновационной стратегии рассматривается на основе исследований агентств регионального развития после года выпуска документов региональной инновационной стратегии.

Рис. 1. Агентства регионального развития, имеющие конкретную региональную инновационную стратегию

Агентства регионального развития в Турции (уровень NUTS-2)

	NUTS-2	Агентство регионального развития	Провинция (иль) в регионе	Год основания
1	TR 62	Агентство развития Чукурова (СКА)	Адана, Мерсин	2007
2	TR 31	АР Измир (ІЗКА)	Измир	2007
3	TR 10	АР Стамбул (ІСТКА)	Стамбул	2008
4	TR 52	АР Мевляна (МЕВКА)	Караман, Конья	2008
5	TR 83	АР Среднее Причерноморье (ОКА)	Амасья, Чорум, Самсун, Токат	2008
6	TR A1	АР Северо-Восточная Анатолия (КУДАКА)	Байбурт, Эрзинджан, Эрзурум	2008
7	TR B2	АР Восточная Анатолия (ДАКА)	Битлис, Хаккари, Муш, Ван	2008
8	TR C1	АР Шелковый путь (ІКА)	Адыяман, Газиантеп, Килис	2008
9	TR C2	АР Каракатаг (KARACADAĞ)	Диярбакыр, Шанлыурфа	2008
10	TR C3	АР Тигрис (DİKA)	Батман, Мардин, Ширнак, Сиирт	2008
11	TR 21	АР Фракия (TRAKYAKA)	Эдирне, Кырларели, Текирдаг	2009
12	TR 22	АР Восточная Мармара (GMKA)	Балыкесир, Чанаккале	2009
13	TR 32	АР Южная часть Эгейского моря (GEKA)	Айдын, Денизли, Мугла	2009
14	TR 33	АР Зафер (ZAFER)	Афьон-Карахисар, Кютахья, Маниса, Ушак	2009
15	TR 41	АР Бурса, Эскишехир, Биледжик (BEBKA)	Биледжик, Бурса, Эскишехир	2009
16	TR 42	АР Восточная Мармара (MARKA)	Болу, Дюздже, Коджаэли, Сакарья, Ялова	2009
17	TR 51	АР Анкара (ANKARAKA)	Анкара	2009
18	TR 61	АР Западное Средиземноморье (BAKA)	Анталья, Бурдур, Испарта	2009
19	TR 63	АР Восточное Средиземноморье (DOGAKA)	Хатай, Кахраманмараш, Османие	2009
20	TR 71	АР Ахилер (AHİKA)	Аксарай, Кырыккале, Кыршехир, Нигде, Невшехир	2009
21	TR 72	АР Центральная Анатолия (ORAN)	Кайсери, Сивас, Йозгат	2009
22	TR 81	АР Западное Причерноморье (BAKKA)	Бартын, Карабюк, Зонгулдак	2009
23	TR 82	АР Северная Анатолия (KUZKA)	Чанкыры, Кастамону, Синоп	2009
24	TR 90	АР Восточное Причерноморье (DOKA)	Артвин, Гиресун, Гюмюшхане, Орду, Ризе, Трабзон	2009
25	TR A2	АР Серхат (SERKA)	Агры, Ардаган, Ыгдыр, Карс	2009
26	TR B1	АР Фират (FKA)	Бингөл, Элязыг, Малатья, Тунджели	2009

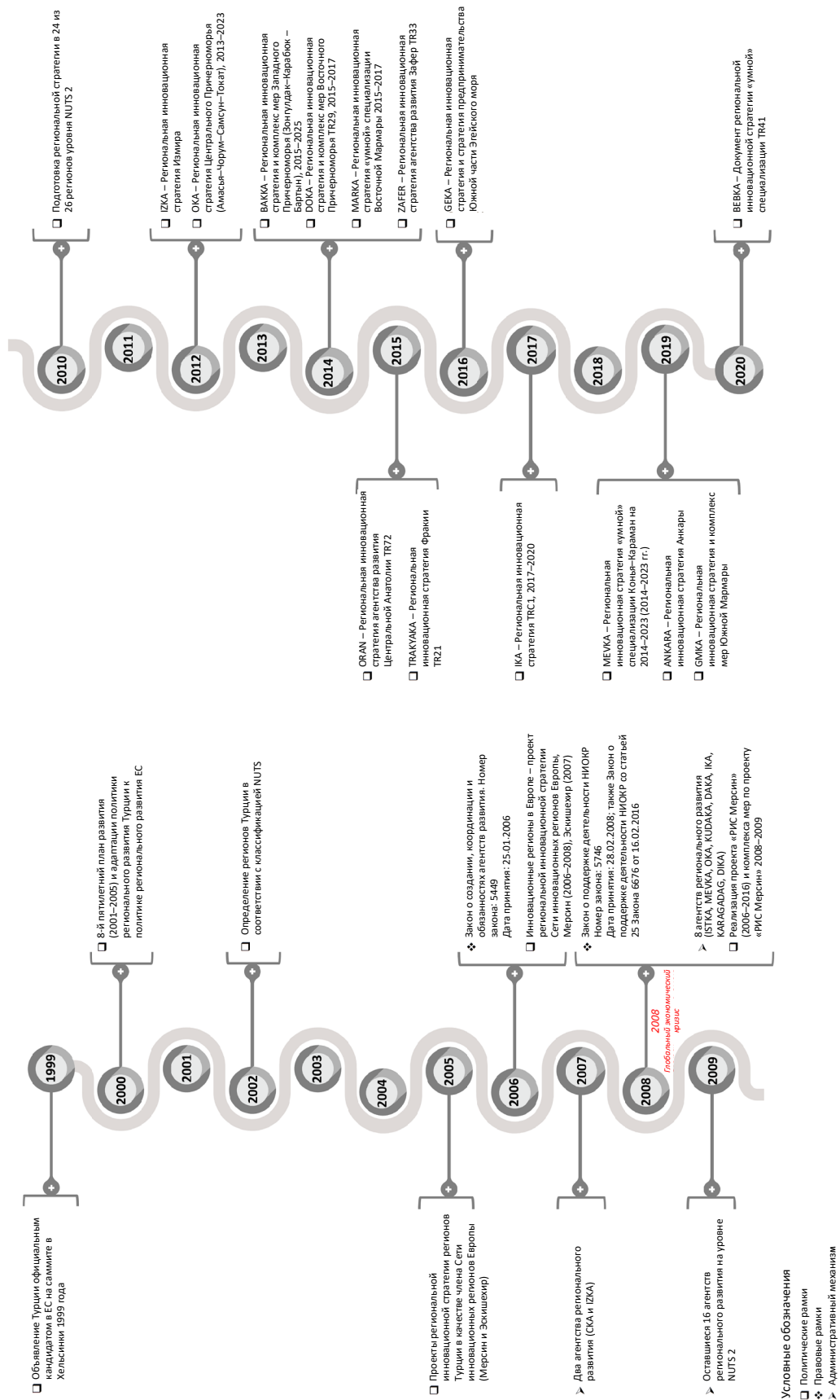
* Центральные провинции агентств регионального развития выделены жирным шрифтом в тексте



2012	IZKA – Izmir Regional Innovation Strategy	Региональная инновационная стратегия Измира
2012	OKA – Middle Black Sea (Amasya–Corum–Samsun–Tokat) Regional Innovation Strategy (2013–2023)	Региональная инновационная стратегия Среднего Причерноморья (Амасья–Чорум – Самсун–Токат) (2013–2023)
2014	BAKKA – Western Black Sea (Zonguldak–Karabük–Bartın) 2015–2025 Regional Innovation Strategy and Action Plan	Региональная инновационная стратегия и комплекс мер Западного Причерноморья (Зонгулдак–Карабюк–Бартын) (2015–2025)
2014	DOKA – TR90 Eastern Black Sea Regional Innovation Strategy and Action Plan 2015–2017	TR90 Региональная инновационная стратегия и комплекс мер Восточного Причерноморья (2015–2017)
2014	MARKA – East Marmara Regional Innovation Strategy for Smart Specialization 2014–2018	Региональная инновационная стратегия «умной» специализации Восточной Мармары (2014–2018)
2014	ZAFER – Zafer Development Agency TR33 Regional Innovation Strategy	TR33, Региональная инновационная стратегия Агентства развития Зафира
2015	ORAN – Central Anatolia Development Agency TR72 Regional Innovation Strategy	TR72 Региональная инновационная стратегия Агентства развития Центральной Анатолии
2015	TRAKYAKA – TR21 Thrace Regional Innovation Report	TR21 Отчет о региональных инновациях Фракии
2016	GEKA – South Aegean Regional Innovation and Entrepreneurship Strategy	Региональная инновационная стратегия и стратегия предпринимательства Южной части Эгейского моря
2017	İKA – TRC1 2017–2020 Regional Innovation Strategy	TRC1 Региональная инновационная стратегия (2017–2020)
2019	MEVKA – Konya–Karaman Regional Innovation Strategy for Smart Specialization	Региональная инновационная стратегия умной специализации Конья–Караман
2019	ANKARAKA – Ankara Regional Innovation Strategy	Региональная инновационная стратегия Анкары
2019	GMKA – South Marmara Regional Innovation Strategy and Action Plan	Региональная инновационная стратегия и комплекс мер Южной Мармары
2020	BEBKA – TR41 Regional Innovation and Smart Specialization Strategy Document	Документ Региональной инновационной стратегии «умной» специализации региона TR41

Источник: разработано авторами.

Рис. 2. Основные этапы исторического процесса развития региональных инновационных систем в Турции



Источник: разработано авторами.

учреждений, SWOT- и/или PEST-анализы, анализ заинтересованных сторон, изучение различных параметров, определение региональной инновационной экосистемы, измерение инновационного потенциала, предложения, спроса, определение приоритетов, целей и действий.

В ходе исследования выявлено, что большинство агентств (İZKA, DOKA, MARKA, TRAKYAKA, GEKA, İKA, ANKARAKA и BEBKA) в региональных планах делает акцент на инновациях. В остальных случаях агентства

разрабатывали связанные с инновациями концепции, такие как обучающийся регион, конкурентоспособность, знания, человеческий и социальный капитал. В ходе сравнения положений региональных планов и региональных инновационных стратегий установлено, что некоторые агентства определили перспективы для разработки инновационных стратегий, а другие разработали стратегии в соответствии со своими региональными планами без определения перспектив (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнение концепций

Агентство регионального развития	Перспективы, отраженные в региональном плане	Инновационные перспективы в региональных инновационных стратегиях
İZKA	Измир как центр притяжения Средиземноморья, предоставляющий информацию, проект и инновации (Агентство развития Измира, Региональный план Измира на 2014–2023 гг.).	Не определены (Региональная инновационная стратегия Измира)
OKA	Экологически восприимчивый, конкурентоспособный, быстро развивающийся регион, который стал воротами Турции к Черному морю и повысил качество жизни в стране (Проект развития бассейна Эшилирмак (Амасыя, Чорум, Самсун, Токат), Основной план регионального развития, 2006 г.).	Благодаря инновационному и предпринимательскому обществу вместе с его конкурентоспособными секторами район Среднего Причерноморья станет первым регионом для развития на национальном и международном уровнях в 2023 году (Среднее Причерноморье (Амасыя–Чорум–Самсун–Токат), Региональная инновационная стратегия (2013–2023 гг.)).
BAKKA	Становление региона, который преодолел свое зависимое экономическое положение и повысил качество жизни (Региональный план Западного Причерноморья на 2014–2023 гг.).	Формирование региона с высоким уровнем процветания и качества жизни, с устойчивым развитием в инновационных и производительных секторах и конкурентоспособных брендах как на национальном, так и на международном уровне в 2025 году (Региональная инновационная стратегия и План действий Западного Причерноморья (Зонгулдак–Карабюк–Бартын) на 2015–2025 гг.).
DOKA	Восточное Причерноморье с инновационной и конкурентоспособной экономикой, улучшением социального благосостояния и качества жизни за счет обеспечения интеграции сельских и городских районов, пригодных для жизни пространств, устойчивой окружающей среды и высокого качества жизни (Региональный план TR90 Восточное Причерноморье на 2014–2023 гг.).	Регион Восточного Причерноморья преобразует свои первоначальные ценности и уникальные ресурсы в конкурентоспособные и динамичные продукты и услуги. Конкурентоспособное и динамичное Восточное Причерноморье (Региональная инновационная стратегия и План действий Восточного Причерноморья TR90 на 2015–2017 гг.).
MARKA	Регион, ориентированный на население, знания и открытый для инноваций в условиях глобальной конкуренции и устойчивого развития, благодаря своему стратегическому расположению и сетям сотрудничества; создание ценности благодаря разносторонней экономической структуре; управление будущим благодаря богатому человеческому потенциалу, что улучшает качество жизни (Региональный план Восточного Мраморного моря 2014–2023 гг.).	Процесс становления национального центра коммерциализации технологий, который может предоставлять информацию и разрабатывать технологии, следить за глобальными инновациями и обеспечивать собственное развитие; специализируется на автомобилестроении, машиностроении и электрических машинах, разрабатывает ключевые технологии (Региональная инновационная стратегия Восточного Мраморного моря для умной специализации на 2014–2018 гг.).
ZAFER	Обучающийся регион, который стремится к экологическому балансу, создает добавленную стоимость благодаря своей экономике знаний, повышает конкурентоспособность и качество жизни, сбалансированно развивается (Региональный план TR33 на 2014–2023 гг.).	Отправной точкой этого проекта выступает повышение конкурентоспособности, что является одной из осей развития, определенных в Региональном плане на 2010–2013 гг. (Региональная инновационная стратегия TR33).

Окончание таблицы 1

Агентство регионального развития	Перспективы, отраженные в региональном плане	Инновационные перспективы в региональных инновационных стратегиях
ORAN	Конкурентоспособный регион на национальном и международном уровнях, доступный для населения и социального капитала, улучшенные потенциалы, улучшенное качество жизни за счет совершенствования городской и социальной инфраструктуры, доступный регион Центральной Анатолии (Региональный план TR72 на 2014–2023 гг.).	Определено, что региональная инновационная стратегия будет разработана в рамках приоритета оси конкурентоспособности «Развитие НИОКР и инноваций» в Региональном плане TR72 на 2014–2023 гг. Из числа соответствующих учреждений и отдельных лиц в провинциях были сформированы комитеты по инновациям, учтены их мнения и определены инновационное видение и инновационные стратегии (Региональная инновационная стратегия Агентства развития Центральной Анатолии TR72).
TRAKYAKA	Фракия развивается благодаря производству с высокой добавленной стоимостью, сохраняя при этом свои природные и культурные ценности, где преобладают сотрудничество и инновации, кроме того, уровень жизни и благосостояния в регионе самый высокий (Резюме Регионального плана TR21 Фракийский регион на 2014–2023 гг.).	Не определены; заявлено, что исследование проводилось с целью повышения инновационного потенциала региона на основе регионального плана (Отчет о региональных инновациях Фракии TR21).
GEKA	Южная часть Эгейского моря как центр глобального туризма с высоким качеством жизни, производством, основанным на инновациях, и защитой природы (Региональный план TR32 уровня 2 на 2014–2023 гг.).	Региональная инновационная концепция не была определена (Региональная стратегия инноваций и предпринимательства в Южной части Эгейского моря).
İKA	Шелковый путь как центр притяжения Ближнего Востока с высоким качеством жизни, прочным человеческим капиталом, конкурентоспособным и инновационным потенциалом (Региональный план TRC1 Газиантеп–Адыяман–Килис на 2014–2023 гг.).	Центр инноваций от традиций к будущему: Шелковый путь (Региональная инновационная стратегия TRAC 1 на 2017–2020 гг.).
MEVKA	Становление региона с высоким и сбалансированным уровнем благосостояния, интегрированным в международную экономику, в котором население предпочитает работать, производить и жить в соответствии с принципом сострадания и терпимости (Региональный план Конья–Караман на 2014–2023 гг.).	Не определены; указано, что исследование проводилось на основе регионального плана, поскольку документ является подстратегией Регионального плана на 2014–2023 гг. (Региональная инновационная стратегия Конья–Караман для умной специализации (2014–2023 гг.)).
ANKARAKA	Анкара, представляя высокое качество жизни и конкурируя со всем миром, является столицей знаний и инноваций (Региональный план Анкары на 2014–2023 гг.).	Ключевыми секторами в региональной инновационной стратегии с опорой на региональный план Анкары (Региональная инновационная стратегия Анкары) являются здравоохранение, информатика, сельское хозяйство и продовольствие.
GMKA	Южное Мраморное море с более квалифицированной рабочей силой, конкурентоспособностью и жизнеспособностью (Региональный план Южного Мраморного моря TR22 на 2014–2023 гг.).	Регион Южного Мраморного моря станет регионом, который достиг своей цели развития в 2023 году благодаря подготовленным кадровым ресурсам, учебным заведениям, культуре инноваций и предпринимательства и конкурентоспособным секторам (Региональная инновационная стратегия и план действий Южного Мраморного моря).
BEVKA	Международный конкурентоспособный, устойчивый центр производства, инноваций и жизни, представляющий собой наследие прошлого от создания до спасения в будущем, что увеличивает его ценность (Региональный план Бурсы, Эскишехира, Биледжика на 2014–2023 гг.).	Не определены; заявлено, что исследование проводилось на основе регионального плана. Стратегия инноваций и умной специализации, подготовленная для региона TR41, также была рассмотрена в рамках перспектив, определенных в региональном плане, в ней используется более конкурентоспособный, инновационный и устойчивый подход с учетом региональных особенностей (Документ о Стратегии инноваций и умной специализации региона TR41).
Источник: составлено авторами на основе региональных планов и документов региональных инновационных стратегий.		

В настоящее время только 14 агентств имеют конкретную региональную инновационную стратегию. Из них ведущими являются IZKA и ОКА. К сожалению, некоторые агентства до сих пор не могут определить инновационные приоритеты регионов.

В то время как 12 (KISKA, АКА, ВАКА, ДОКА, MARKA, ZAFER, ORAN, TRAKYAKA, IKA, МАКА, GMA и ВЕВКА) из 14 упомянутых агентств создали стратегии по инновационным аспектам, только две (GEKA и ANKARAKA) разработали отраслевые стратегии. GEKA определило проблемы и рекомендации в отношении конкурентоспособных секторов в каждой провинции, а ANKARAKA разработало приоритетные стратегии, цели и планы действий для пяти основных секторов (табл. 2).

Если оценивать региональные инновационные стратегии вышеупомянутых 14 агентств, то они аналогичным образом фокусируются на:

- созданию и развитию исследовательской и инновационной культуры;

- укреплении научно-исследовательской и инновационной инфраструктуры;
- развитии институциональной структуры;
- развитию человеческих ресурсов;
- повышении доступности различных финансовых ресурсов (финансирование, программы поддержки и т. д.);
- улучшении эффективной коммуникации, сотрудничества и координации;
- развитию предпринимательской и инновационной экосистемы;
- организации и повышении осведомленности о мероприятиях;
- создании и развитии кластеров;
- приоритетных секторах;
- поощрении социальных инноваций;
- расширении прав интеллектуальной собственности и коммерциализации.

При изучении исследований агентств, проведенных после разработки региональных инновационных стратегий, видно, что агентства, которые разрабатывали стратегии в последние годы, добились существенного прогресса.

Таблица 2. Сравнение основных положений региональных инновационных стратегий

Агентство регионального развития	Инновационные стратегии
IZKA	Стратегические приоритеты: 1. Укрепление научно-исследовательской и инновационной структуры. 2. Развитие институциональной структуры и потенциала в области науки и техники. 3. Развитие человеческих ресурсов в области науки и техники. 4. Патентование результатов исследований и поддержка коммерциализации. 5. Создание облегченного доступа к финансированию. 6. Совершенствование предпринимательской и инновационной экосистемы.
ОКА	Стратегические цели: 1. Превращение региона в международный бренд, обладающий высокой конкурентоспособностью в стратегических секторах. 2. Становление центром притяжения квалифицированной рабочей силы благодаря компаниям с высокими показателями в области инноваций. 3. Размещение научно-исследовательских инновационных центров национальных и международных компаний в подходящей для развития инноваций среде. 4. Повышение комфорта и качества жизни населения за счет подхода «Инклюзивные инновации». Стратегические достижения: 1. Повышение инновационной эффективности частного сектора и расширение предпринимательства, основанного на использовании инноваций. 2. Укрепление научно-исследовательской и инновационной инфраструктуры и человеческих ресурсов. 3. Поощрение и распространение социальных инноваций и в сфере государственных услуг.

Продолжение таблицы 2

BAKKA	<p><u>Стратегические цели:</u></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Стать движущей силой регионального развития в приоритетных секторах региона Западного Причерноморья посредством НИОКР и инноваций. 2. Преобразование региональной экономики в инновационную и информационную экономику, которая успешно осуществляет передачу технологий и информации от университетов к предприятиям и государственному сектору. 3. Формирование центра притяжения квалифицированных инвестиций с созданием динамичной инновационной экосистемы. 4. Создание культуры, использующей инновации в качестве движущей силы социального развития и, следовательно, обеспечивающей повышение благосостояния и качества жизни. <p><u>Стратегические достижения:</u></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Гарантирование осведомленности и согласованности в области инновационного развития. 2. Укрепление потенциала университетов в области создания и передачи информации и технологий. 3. Увеличение количества и повышение качества НИОКР и инновационной деятельности в приоритетных секторах.
DOKA	<p>Направления развития:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание культуры инноваций. 2. Укрепление региональных инновационных систем. 3. Увеличение инновационной продукции.
MARKA	<p>Стратегические приоритеты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Сосредоточение внимания на приоритетных областях. 2. Инновационная инфраструктура. 3. Культура сотрудничества и инноваций. 4. Финансирование. 5. Пропаганда и распространение информации.
ZAFER	<p>Стратегические приоритеты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Улучшение человеческих ресурсов. 2. Укрепление научно-исследовательской и инновационной инфраструктуры. 3. Укрепление институциональной структуры. 4. Улучшение рыночных условий. 5. Повышение социального капитала и поддержка сетей.
ORAN	<p>Стратегические приоритеты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение коэффициента использования поддержки, создание облегченного доступа к финансированию и укрепление институционального потенциала. 2. Расширение сотрудничества между учреждениями. 3. Повышение технологического уровня. 4. Совершенствование научно-исследовательской инфраструктуры. 5. Улучшение прав интеллектуальной собственности. 6. Внедрение, распространение и обновление региональной инновационной стратегии.
TRAKYAKA	<p>Стратегические цели:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Развитие предпринимательской и инновационной экосистемы. 2. Укрепление научно-исследовательской и инновационной инфраструктуры. 3. Поддержка патентования и коммерциализации результатов исследований.
GEKA	<p><u>1. Проблемы и рекомендации, касающиеся конкурентных отраслей в Айдыне</u></p> <ol style="list-style-type: none"> 1.1 Производство сухофруктов и орехов. 1.2 Производство оливок и оливкового масла. 1.3 Производство молочной продукции. 1.4 Пищевая и сельскохозяйственная машиностроительная промышленность. <p><u>2. Проблемы и рекомендации, касающиеся конкурентных отраслей в Денизли</u></p> <ol style="list-style-type: none"> 2.1 Молочная промышленность. 2.2 Сектор плодовоовощных и лекарственно-ароматических растений. 2.3 Кабельное телевидение. 2.4 Текстильный сектор. <p><u>3. Проблемы и рекомендации, касающиеся конкурентных секторов в Мугле</u></p> <ol style="list-style-type: none"> 3.1. Сектор аквакультуры. 3.2. Мраморный сектор. 3.3. Сектор строительства яхт и судов. 3.4. Сектор пчеловодства и медопродуктов.

Окончание таблицы 2

İKA	Приоритетные направления: 1. Повышение осведомленности, потенциала и готовности к инновациям. 2. Повышение доступности элементов поддержки инноваций. 3. Расширение сотрудничества между участниками инновационных экосистем.
MEVKA	Стратегические цели: 1. Развитие культуры НИОКР и инноваций. 2. Улучшение инфраструктуры. 3. Повышение человеческого капитала. 4. Укрепление сотрудничества на основе «умной» специализации. 5. Расширение доступа к финансовым ресурсам.
ANKARAKA	Приоритетные стратегии для пяти значимых секторов: <u>IT-сектор</u> 1. Применение новых технологий в IT-секторе. 2. Обобщение использования информационных технологий. <u>Сектор медицины и медицинского оборудования</u> 1. Развитие экспорта лекарств и медицинского оборудования. 2. Использование передовых технологий для продуктов с высокой добавленной стоимостью. 3. Исследования и развитие производственной экосистемы. <u>Сектор строительной техники</u> 1. Создание ценности бренда «Турецкая строительная техника» и представление ее миру. 2. Развитие турецкого производства в важнейших отраслях. 3. Обучение квалифицированных инженеров и временного персонала. <u>Оборонный и авиационный сектор</u> 1. Увеличение экспортного потенциала в оборонном и авиационном секторах. 2. Повышение производственных мощностей. 3. Развитие компетенций в области человеческих ресурсов. <u>Сельскохозяйственный и продовольственный сектор</u> 1. Реализация цифровой трансформации в сельском хозяйстве и пищевой промышленности в Анкаре / создание эффективного сектора с высокой добавленной стоимостью, ориентированного на передовые технологии, сельскохозяйственную промышленность и биотехнологии. 2. Увеличение доли специальной сельскохозяйственной продукции Анкары во внешней торговле.
GMKA	Стратегические приоритеты: 1. Повышение потенциала НИОКР и инноваций, эффективности частного сектора. 2. Развитие культуры предпринимательства и инноваций в регионе. 3. Укрепление образовательной, исследовательской и инновационной инфраструктуры в регионе.
BEVKA	Восемь ключевых областей, формирующих комплекс мер Стратегии умной специализации региона TR41: 1. Поддержка наращивания потенциала и сотрудничества в научно-исследовательских центрах. 2. Развитие возможностей поддержки и координации в рамках локализации. 3. Развитие потенциала для создания и управления общей платформой. 4. Повышение транзитивности между промышленностью и университетом. 5. Поддержка наращивания потенциала в фирмах и развитие человеческих ресурсов. 6. Обеспечение интернализации фирмами концепции открытых инноваций и поддержка доступа к платформам открытых инноваций. 7. Развитие фирм как поставщиков для крупных промышленных компаний. 8. Повышение роли и поддержки Агентства развития в процессе интеллектуальной специализации.
Источник: составлено авторами на основе инновационных стратегий агентств регионального развития.	

На следующем этапе программы поддержки, отчеты, публикации, стратегии и исследования, а также тематические и отраслевые анализы, подготовленные агентствами регионального развития, были подробно изучены для определения возможностей реализации региональных инновационных стратегий. Несмотря на то, что сроки разработки и реализации инновационных стратегий различаются, агентства проводят исследования, посвященные местному производству и ключевым отраслям территорий. Основные причины того, что регионы отличаются в плане региональных инновационных стратегий, связаны с различиями в динамике/характеристиках, местном производстве, отраслевой специализации и потенциале исследований и разработок, знаний и инноваций в регионах (рис. 3).

После разработки региональной инновационной стратегии было определено, что работы и программы финансовой поддержки агентства IZKA сосредоточены в основном на знаниях, предпринимательстве, информационно-коммуникационных технологиях, возобновляемых источниках энергии, малых и средних предприятиях (МСП), малых промышленных зонах, кластерах и важных секторах, особенно в области экологических технологий. Измерение показателей инноваций, подготовка отчетов об анализе и мониторинге инновационной экосистемы, а также создание отчетов об оценке программ финансовой поддержки проходят успешно.

Работы и программы финансовой поддержки агентства ОКА в основном касаются предпринимательства, внешней торговли, экспорта и импорта, рынка, конкурентоспособности, МСП, организованных промышленных зон (ОПЗ), трансграничного сотрудничества, сотрудничества между государственными университетами и промышленностью, занятости молодежи, профессионально-технического образования, социальных инноваций, научно-исследовательских центров, сети центров региональных бизнес-инкубаторов и продукции местных производителей. Кроме того, ОКА подготовило множество предварительных технико-экономических обоснований в различных секторах. Как и в случае с IZKA, создание отчетов об аудите и оценке программ финансовой поддержки, подготовка мероприятий реги-

ональной инновационной стратегии и отчета о среднесрочной оценке региональной инновационной стратегии делают ОКА успешным.

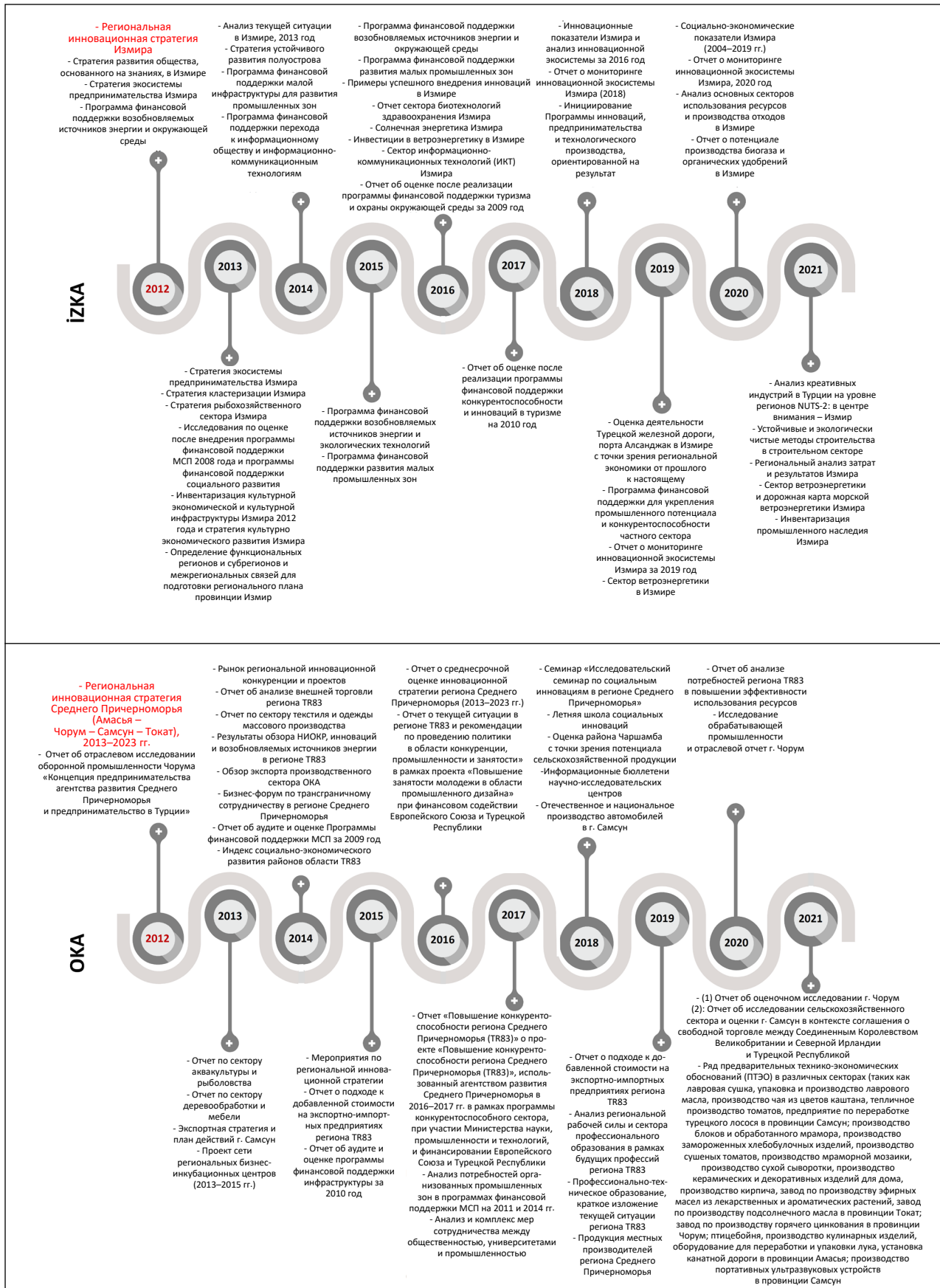
Агентство ВАККА фокусируется на важных секторах, миграции, конкурентоспособности, экспорте, ОПЗ, МСП, технологических центрах, кластерах, местных ценностях, продукции местных производителей и рынке труда. Существует множество предварительных технико-экономических обоснований в различных секторах. ВАККА подготовило оценочные отчеты после завершения программ поддержки. Для провинции Бартын у агентства ВАККА есть отчет «НИОКР и инновационный потенциал», проведен анализ экосистемы НИОКР, инноваций и предпринимательства.

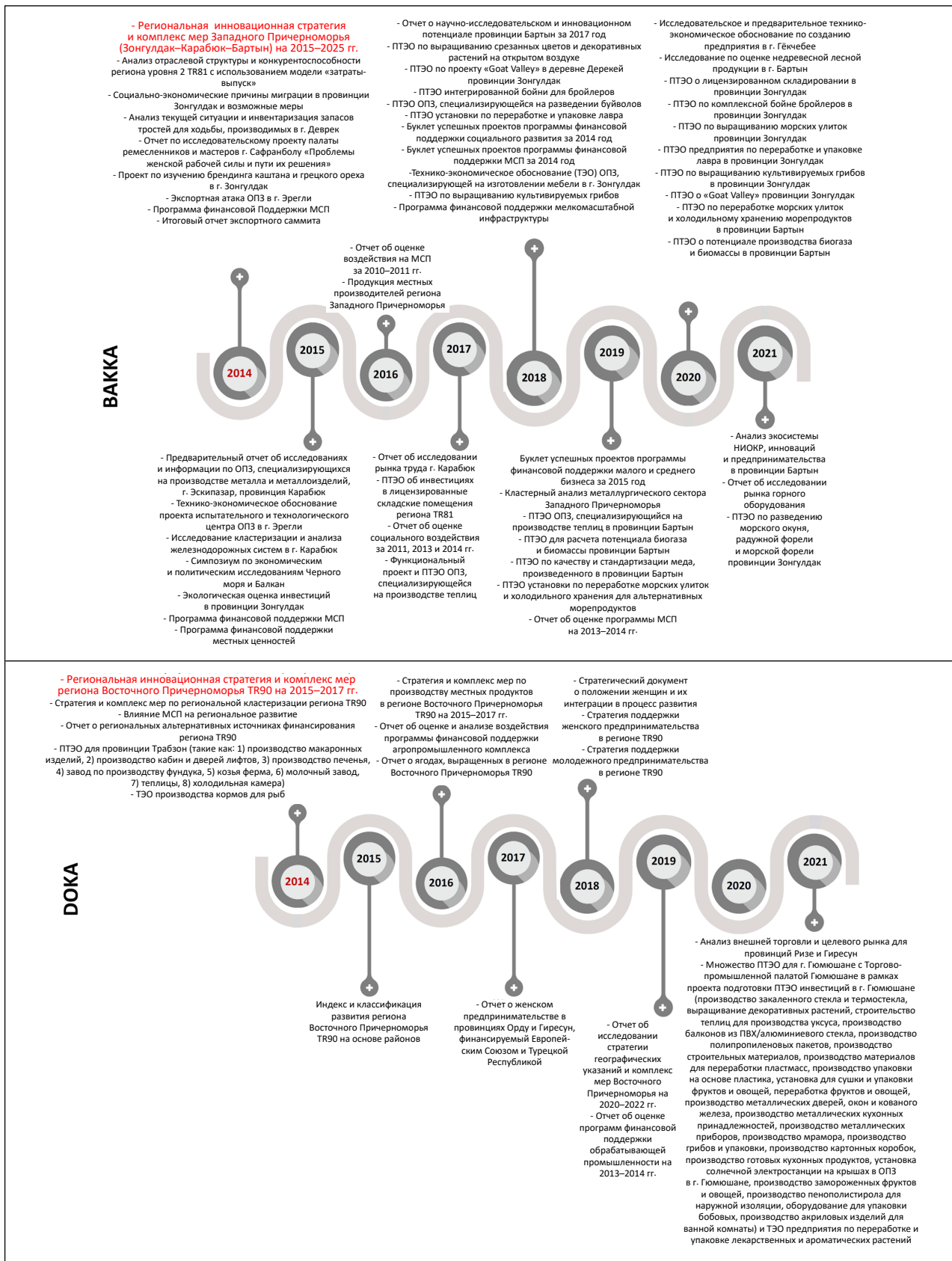
Работы и программы финансовой поддержки ДОКА связаны в основном с кластерами, МСП, альтернативными источниками финансирования, местными продуктами, женским и молодежным предпринимательством, внешней торговлей и целевым рынком. Как и вышеупомянутые агентства регионального развития, ДОКА имеет множество предварительных технико-экономических обоснований в различных секторах, связанных с агропромышленным комплексом. Существуют отчеты об оценке и анализе результатов реализации программ финансовой поддержки.

МАРКА акцентирует внимание на иммиграции, ОПЗ, логистических центрах, передаче технологий, технопарках, предпринимательстве, профессиональном образовании, научно-исследовательских центрах, МСП и различных важных секторах, в основном — информатики и производства. Агентство регионального развития обеспечивает наставничество в области инноваций для МСП.

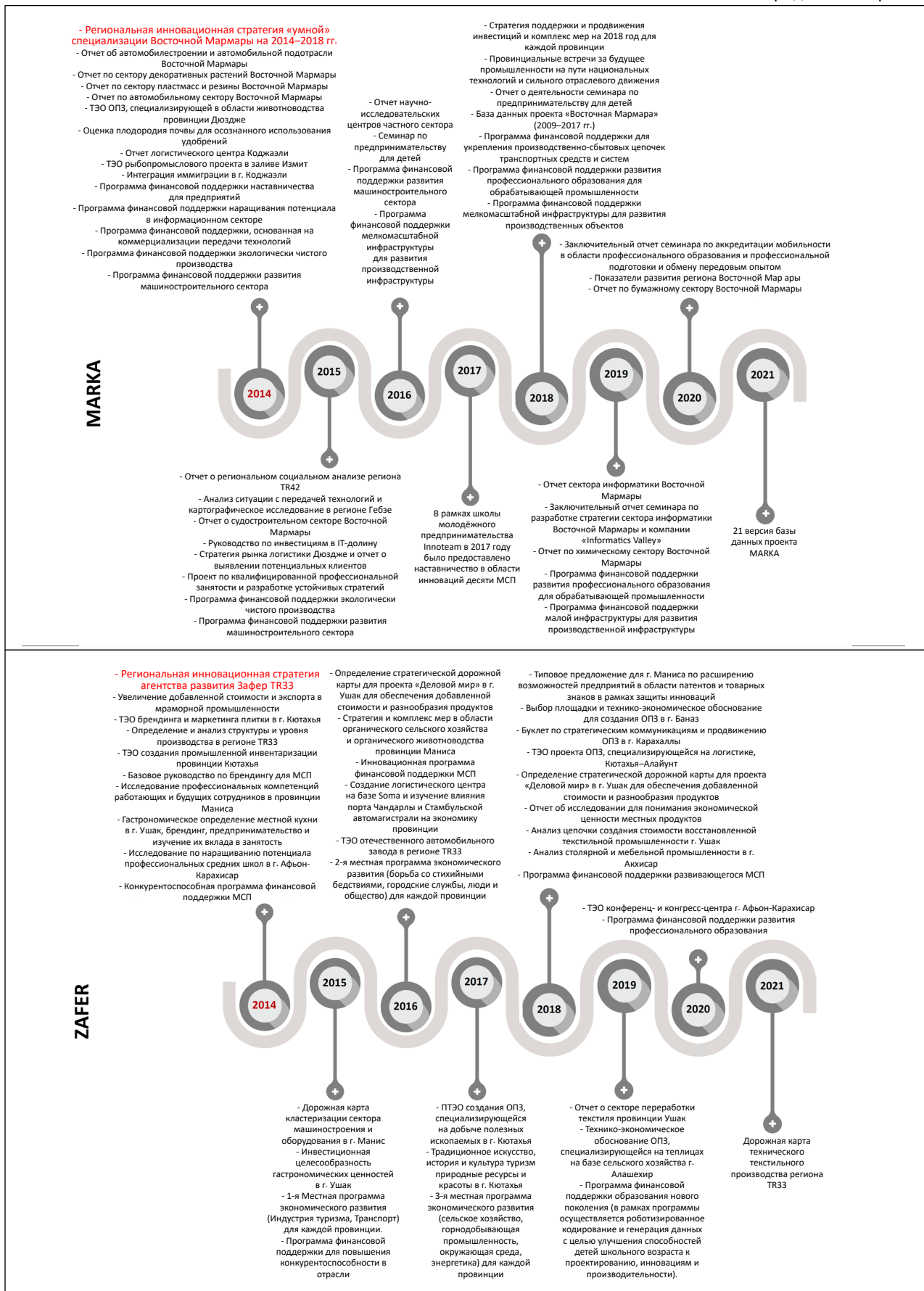
ZAFER работает над экспортом, брендингом и маркетингом, промышленным инвентарем, МСП, кластерами, профессиональными компетенциями, предпринимательством, профессиональным образованием, конкурентоспособностью, разнообразием продуктов, местными продуктами, логистическими центрами, возможностями по патентам и товарным знакам, ОПЗ и различными известными секторами, в основном в области традиционного искусства, гастрономии, машиностроения, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства, окружающей среды и энергии.

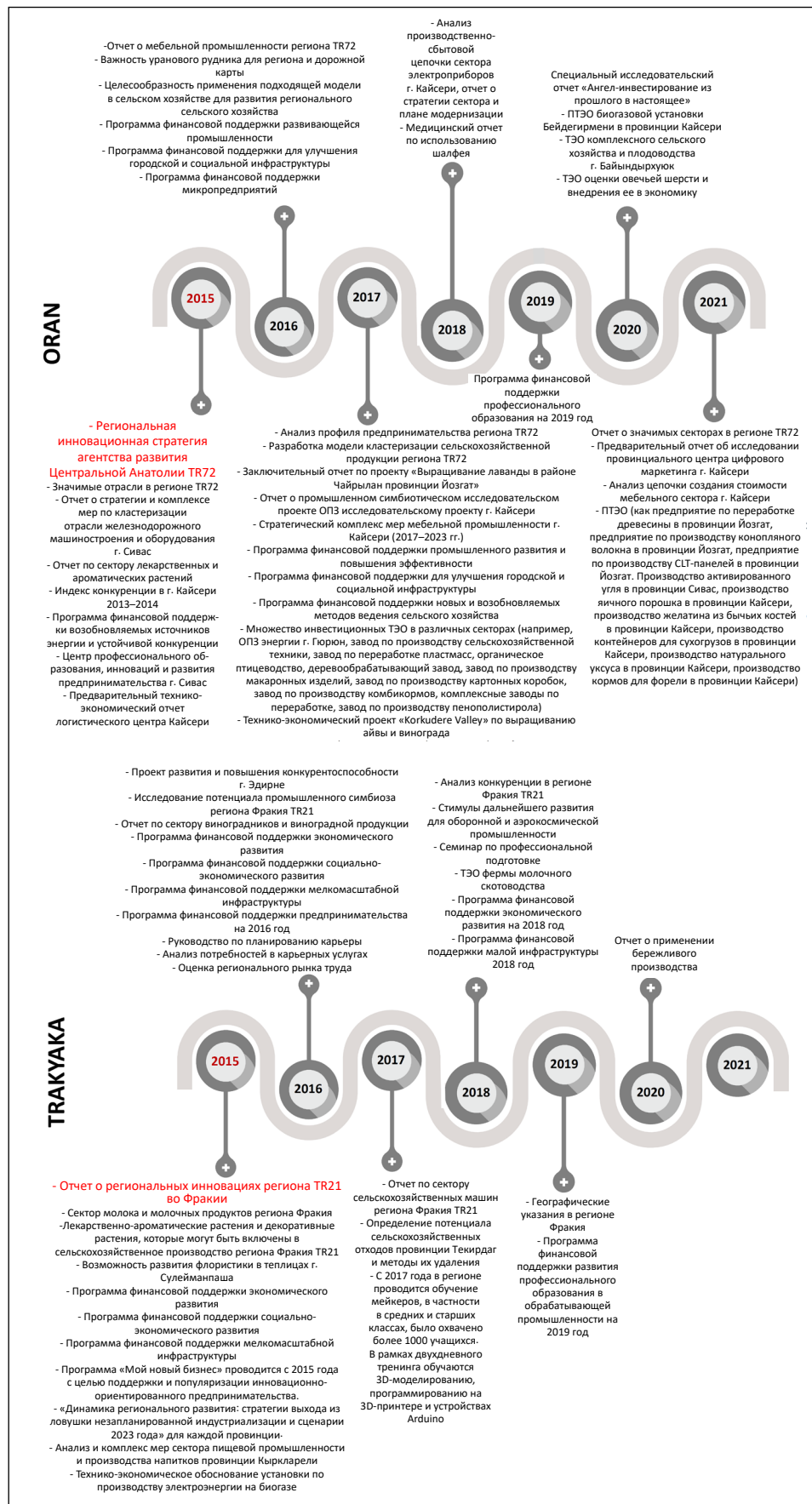
Рис. 3. Исследования агентств регионального развития после завершения региональной инновационной стратегии



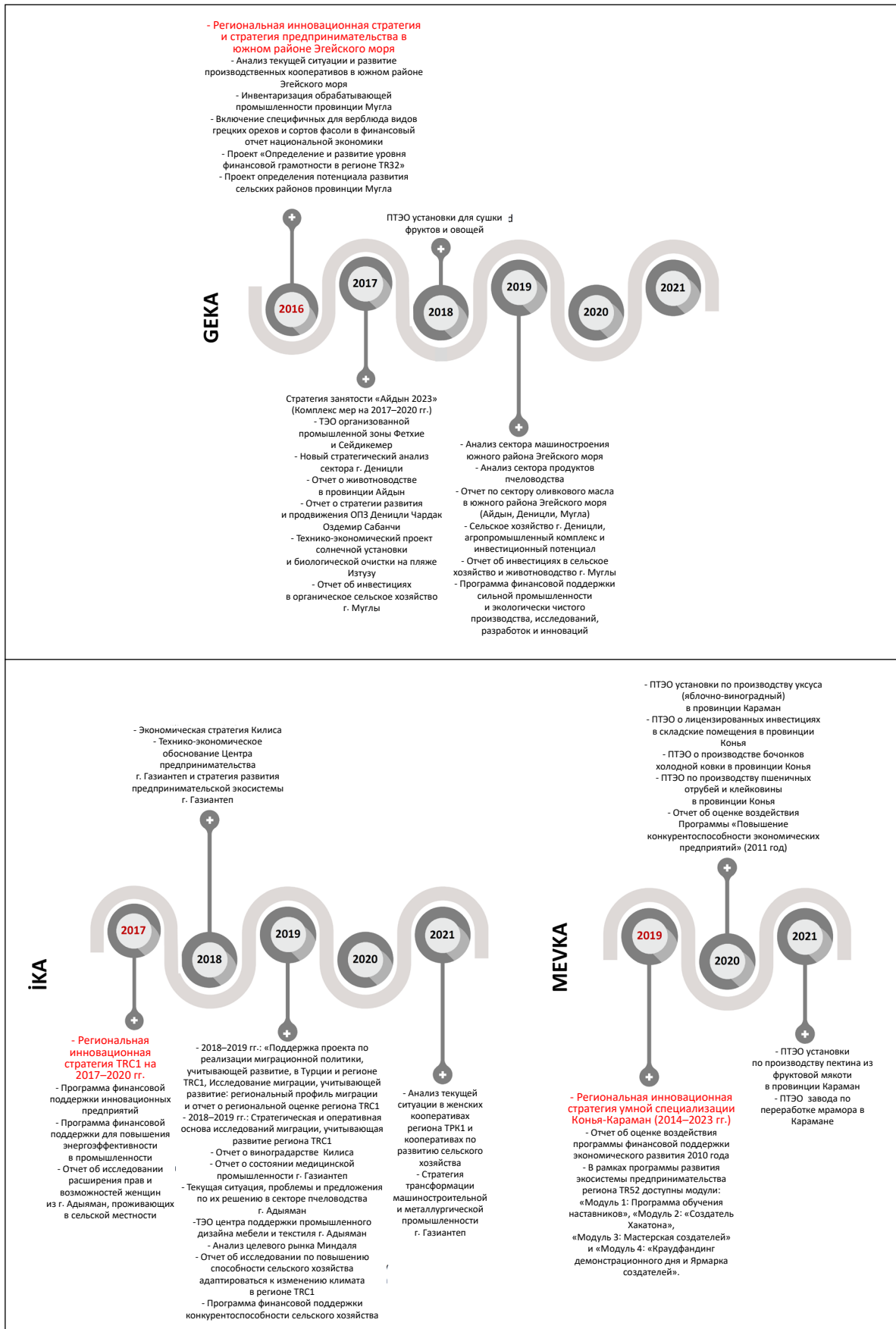


Продолжение рис. 3

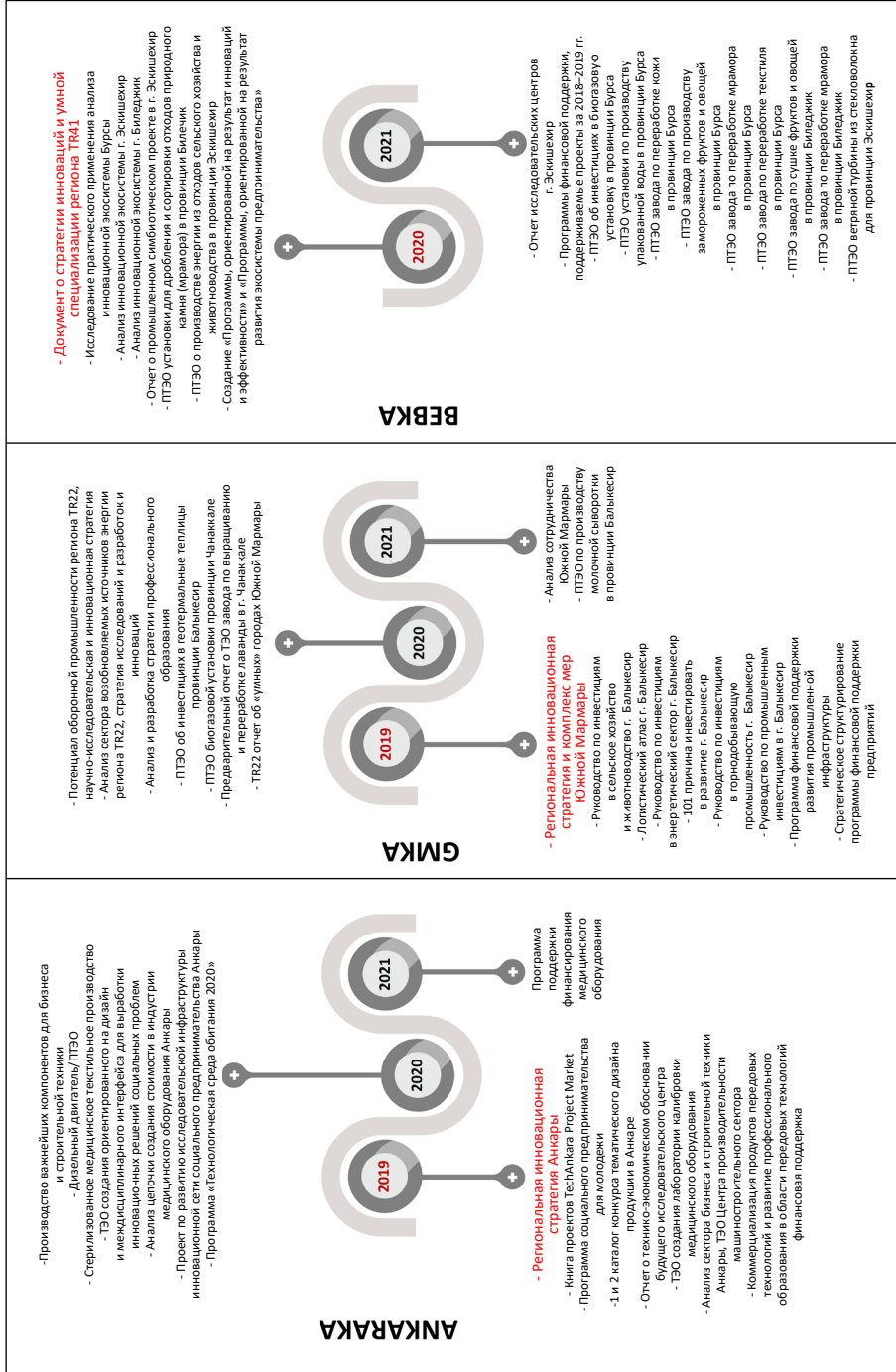




Продолжение рис. 3



Окончание рис. 3



Источник: составлено авторами на основе рабочих программ, комплекса мер, программ поддержки, отчетов, публикаций о стратегиях и исследований, посвященных тематическому и отраслевому анализу деятельности агентств.

ORAN занимается предпринимательством, логистическими центрами, повышением конкурентоспособности, промышленным симбиозом, возобновляемыми источниками энергии, профессиональным образованием, кластерами, цифровым маркетингом, а также такими секторами, как мебельная промышленность, медицинские услуги, энергетика и сельское хозяйство. Существует множество предварительных технико-экономических обоснований, основанных на производстве и инвестициях. Также ORAN выпустило специальный исследовательский отчет об инвестировании в инновационные проекты.

Работы агентства TRAKYAKA сосредоточены на таких вопросах, как конкурентоспособность, промышленный симбиоз, предпринимательство, карьерные услуги, рынок труда, профессиональное образование, подготовка производителей, местная продукция. Агентство имеет отраслевые отчеты, связанные с сельским хозяйством, в частности животноводством. С 2015 года TRAKYAKA осуществляет программу в целях поддержки и популяризации инновационно-ориентированного предпринимательства.

ГЕКА развивается в области предпринимательства, кооперативов, инвентаризации обрабатывающей промышленности, финансовой грамотности, ОПЗ, НИОКР и стратегических секторов, таких как сельское хозяйство и животноводство.

ИКА фокусируется на предпринимательстве, конкурентоспособности сельского хозяйства, целевом рынке, миграционной политике, расширении прав и возможностей женщин и кооперативах, а также на различных отраслях.

МЕVKA разработало программу развития экосистемы предпринимательства. Агентство регионального развития имеет несколько предварительных технико-экономических обоснований, относящихся к различным секторам. MEVKA также подготовило отчеты об оценке результативности предыдущих программ.

ANKARAKA нацелено на рынок, программу социального предпринимательства для молодежи, коммерциализацию продуктов и развитие профессионального образования в области передовых технологий, социальное предпринимательство, ИТ-сектор, сектор медицины и меди-

цинских изделий, сектор строительной техники, оборонный и авиационный сектор, сельскохозяйственный и продовольственный сектор.

ГМКА в дополнение к региональной инновационной стратегии имеет конкретные стратегические документы, такие как «Потенциал оборонной промышленности и стратегия исследований, разработок и инноваций» и «Анализ сектора возобновляемых источников энергии и стратегия исследований, разработок и инноваций». Агентство также заинтересовано в анализе профессионального образования и разработке стратегии; занимается развитием предприятий и кооперативов.

ВЕВКА анализирует инновационные экосистемы и множество предварительных технико-экономических обоснований для различных секторов; имеет отчеты о «Промышленном симбиоз-проекте» и «Научно-исследовательских центрах» для провинции Эскишехир.

Сравнительная оценка и заключительные замечания

В статье оценена региональная инновационная система Турции путем сравнения инновационных стратегий агентств регионального развития. Отмечается, что только 14 агентств имеют региональные инновационные стратегии. При рассмотрении перспектив в региональных планах этих организаций отмечается, что большинство из упомянутых 14 агентств сосредоточились на инновациях, однако некоторые включали лишь отдельные концепции, связанные с инновациями. Для разработки региональных инновационных стратегий часть агентств регионального развития разработали инновационные концепции, в то время как другие разрабатывали инновационные стратегии в соответствии с региональными планами, не учитывая инновационные перспективы. В статье отмечено, что концепции, определенные в региональных планах и инновационных стратегиях агентств регионального развития, различаются с точки зрения динамики.

Сравнительная оценка показала, что некоторые агентства разработали конкретную региональную инновационную стратегию, в то время как другие проводят исследования только по отдельным аспектам инноваций. Региональные инновационные стратегии агентств различаются с точки зрения приоритетов. Тем не ме-

нее стратегии, разработанные агентствами, направлены на развитие культуры исследований и инноваций; инфраструктуры исследований и инноваций; институциональной структуры; человеческих ресурсов; финансовых ресурсов; эффективной коммуникации, сотрудничества и координации; предпринимательской и инновационной экосистемы; осведомленности об инновационной деятельности; кластеров; приоритетных секторов; социальных инноваций, ПИС и коммерциализации и т. д.

Несмотря на некоторые усилия по совершенствованию региональных инновационных систем со стороны агентств, еще не достигнут желаемый уровень разработки целостной региональной инновационной стратегии, и агентства должны быть более эффективными в качестве ключевого участника региональных инновационных систем.

Большинство агентств разрабатывают исследования, публикации, комплексы мер, рабочие планы и программы поддержки для реализации своих инновационных стратегий и, как правило, отдают приоритет инновациям в программах финансовой поддержки. Кроме того, IZKA и OKA, как ведущие агентства, в определенные годы формируют отчеты об анализе, оценке и мониторинге инновационной экосистемы, чтобы продемонстрировать достигнутые результаты инновационных стратегий.

С одной стороны, успех реализации стратегий зависит от будущей работы агентств регионального развития. С другой стороны, для достижения положительных результатов необходимо определить, как стратегии будут отражены и интегрированы с пространственными моделями.

Региональная инновационная система Турции докажет свою эффективность, если агентства будут взаимодействовать с представителями государственного и частного секторов, НПО, университетов и национальных учреждений, с учетом обоснованных перспектив, стратегических целей и планов. Без должной проработки с учетом региональных особенностей положения стратегии останутся только в теории.

Только разработки региональных инновационных стратегий недостаточно для создания эффективной региональной инновационной системы и управления ей. Важно, чтобы стратегии осуществлялись совместно с ответственными заинтересованными сторонами в установленные сроки. Потенциальные факторы, которые могли бы ограничить реализацию стратегий, должны быть определены заранее и сведены к минимуму. Кроме того, реализация, мониторинг, оценка эффективности стратегий приобретают важное значение в инновационных процессах.

Литература

- Asheim B., Bugge M., Coenen L., Herstad S. (2013). What does evolutionary economic geography bring to the table? Reconceptualising regional innovation systems. *CIRCLE Papers*, 5.
- Cook P., Memedovic O. (2003). *Strategies for Regional Innovation Systems: Learning Transfer and Applications*. Vienna: UNIDO.
- Cooke P., Boekholt P., Tödtling F. (2000). *The Governance of Innovation in Europe*. London: Pinter.
- Edquist C. (2005). Systems of innovation – perspectives and challenges. In: Fagerberg J., Mowery D.C., Nelson, R.R. (Eds.). *The Oxford Handbook of Innovation*. Oxford: Oxford University Press.
- Edquist C. (2008). Identification of policy problems in systems of innovation through diagnostic analysis. In: *The 6th Globelics International Conference*. Mexico, Mexico City, dated September 24–26, 2008. Available at: https://smartech.gatech.edu/bitstream/handle/1853/36896/Charles_%20Edquist_Identification%20of_%20Policy_Problems.pdf?sequence=1
- Edquist C., Johnson B. J. (2000). Institutions and organisations in systems of innovation. Chapter 8. In: Edquist C., McKelvey M. (Eds.). *Systems of Innovation: Growth, Competitiveness and Employment*. UK: Edward Elgar Publishing. ISBN: 1858985730
- Feinson S. (2003). National innovation systems overview and country cases. In: *Knowledge Flows and Knowledge Collectives: Understanding the Role of Science and Technology Policies in Development. Volume 1: Knowledge Flows, Innovation, and Learning in Developing Countries*. Center for Science, Policy and Outcomes, Columbia University. Pp. 13–38.

- Lewandowska A. (2012). Regional innovation strategy as a management instrument of innovation policy in the region. Poland. Regional management. *Theory, Practice and Development, Scientific Papers*, 129–133. Available at: https://www.researchgate.net/publication/273949395_Regional_Innovation_Strategy_as_a_management_instrument_of_innovation_policy_in_the_region_Poland
- McCall T. (2010). Regional Innovation Systems. *Institute for Regional Development, University of Tasmania*. Available at: http://www.utas.edu.au/__data/assets/pdf_file/0007/61936/McCall.-T.-2010,-Regional-Innovationsystems.pdf
- Metin H. (2010). *Social and Institutional Impacts of Mersin Regional Innovation Strategy: Stakeholders' Perspective. A Thesis Submitted to the Graduate School of Natural and Applied Sciences of Middle East Technical University, in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Science in City and Regional Planning, April 2010*. Available at: <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12611821/index.pdf>
- Özen, B.S., Baycan T. (2014). Turkey's national innovation system performance: Recent progress and ongoing challenges. In: *54th Congress of European Regional Science Association (ERSA) Regional Development & Globalization: Best Practices*, August 26–29, 2014. Russia: Saint Petersburg.
- Özen B.S., ve Baycan T. (2015). An Assessment of Turkish regional innovation system over regional innovation strategies developed by regional development agencies. In: *55th Congress of European Regional Science Association (ERSA) World Renaissance: Changing Roles for People and Places*, August 25–29, 2015. Portugal: Lisbon.
- Özen B.S., Baycan T., Filiztekin A. (2018). Türkiye'de Bölgesel İnovasyon Performanslarının 2000 Yılından Günümüze Değişimi. In: M. Karagül, L.G. Kaya, O. Sungur (Eds.). *Bölgesel Kalkınma ve Bölge Bilimi Üzerine Yazılar*. Nobel Akademik Yayıncılık (in Turkish).
- Pellegrin I., Balestro M.V., Valle J.A. et al. (2010). Dynamizing innovation systems through induced innovation networks: A conceptual framework and the case of the oil industry in Brazil. *Journal of Technology Management and Innovation*, 5(3), 15–35. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/s0718-27242010000300002>
- Schrempf B., Kaplan D., Schroeder D. (2013). *National, regional, and sectoral systems of innovation – an overview. Report for FP7 Project "Progress"*. Available at: progressproject.eu
- Zabala-Iturriagoitia J.M., Jiménez-Sáez F., Castro-Martínez E. (2008). Evaluating European Regional Innovation Strategies. *European Planning Studies*, 16(8), 1145–1160. DOI: [10.1080/09654310802315849](https://doi.org/10.1080/09654310802315849)

Сведения об авторах

Берна Сезен Озен – магистр, студент PhD, Стамбульский технический университет (Турция, г. Стамбул, 34437, район Шишли, площадь Таксим, кампус Ташкышла; e-mail: ozenbern@itu.edu.tr)

Тюзин Байджан – PhD в области градостроительства, профессор, Стамбульский технический университет (Турция, г. Стамбул, 34437, район Шишли, площадь Таксим, кампус Ташкышла; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Özen B.S., Baycan T.

A Comparison of Innovation Strategies of Regional Development Agencies in Turkey

Abstract. This paper aims to assess the regional innovation system of Turkey by comparing regional innovation strategies developed by regional development agencies. Focusing on the specific regional innovation strategy documents and addressing first, reports, researches and publications on the official websites of the agencies, and next, the in-depth interviews conducted with the representatives of regional development agencies by phone and/or e-mail, the paper examines and comparatively evaluates the efforts of the regional development agencies contributing to the regional innovation system. Comparative evaluation reveals that some regional development agencies have created a specific regional innovation strategy whereas the others have not yet developed such strategies, but conduct various studies on different innovation dimensions, although these studies are exclusive and far from a holistic approach.

The comparative evaluation also reveals that regional innovation strategies differ in terms of regional priorities. Nevertheless, similar strategies developed by regional development agencies address the following issues: developing the research and innovation culture; research and innovation infrastructure; institutional structure; human resources; financial resources; effective communication, cooperation and coordination; entrepreneurship and innovation ecosystem; awareness of innovation activities; clusters; priority sectors; social innovation; intellectual property rights and commercialization. Although there are some efforts to improve the regional innovation systems by regional development agencies, the comparative evaluation demonstrates that they have not yet reached the desired level of producing a holistic regional innovation strategy and they should be more effective as a key actor in the regional innovation systems.

Key words: regional innovation system, regional development agencies, regional innovation strategies, Turkey.

Information about the Authors

Berna Sezen Özen – Master, PhD student, Istanbul Technical University (34437, Taskisla, Taksim, Sisli, Istanbul, Turkey; e-mail: ozenbern@itu.edu.tr)

Tüzin Baycan – PhD in Urban and Regional Planning, Professor, Istanbul Technical University (34437, Taskisla, Taksim, Sisli, Istanbul, Turkey; e-mail: tbaycan@itu.edu.tr)

Статья поступила 31.01.2022.

Китайско-российское сотрудничество в Арктике: текущая ситуация, вызовы и приоритеты развития



Ян Нань
Океанский университет Китая
Циндао, Китай
e-mail: YN12YN@163.com



Го Пэйцзин
Океанский университет Китая
Циндао, Китай
e-mail: peiqingguo@163.com

Аннотация. Председательство России в Арктическом совете в 2021–2023 гг. предоставляет новые возможности для расширения и углубления сотрудничества России и Китая по вопросам обеспечения устойчивого развития арктических территорий. В связи с этим требуются дальнейшие исследования в данной области, в частности необходимо пересмотреть направления китайско-российского сотрудничества в Арктике в условиях современных радикальных изменений международной геополитической ситуации. В статье поставлена цель исследовать текущую ситуацию, направления и вызовы обеспечения устойчивого сотрудничества России и Китая в Арктике, а также предложить конкретные пути углубления взаимодействия. Для достижения цели в статье рассматриваются основные тенденции и особенности развития сотрудничества Китая и России в сфере торговли, туризма, науки, защиты окружающей среды; приоритеты государственной

Для цитирования: Ян Нань, Го Пэйцзин (2022). Китайско-российское сотрудничество в Арктике: текущая ситуация, вызовы и приоритеты развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 259–273. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.14

For citation: Yang Nan, Guo Peiqing (2022). Sino-Russian cooperation in the Arctic: Current situation, new directions and challenges. *Economic and Social Changes: Facts, Trends Forecast*, 15(3), 259–273. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.14

политики стран в Арктике; выявляются проблемы, тормозящие развитие сотрудничества двух стран в современных условиях, а также обосновываются новые направления взаимодействия Китая и России в данном макрорегионе в сфере арктических научных экспедиций, охраны окружающей среды и полярного туризма. Новизна исследования заключается в разработке концептуальных основ и направлений углубления арктического сотрудничества Китая и России с учетом стратегических приоритетов развития обеих стран. Практическая значимость статьи состоит в том, что содержание и выводы исследования могут быть использованы в качестве практических рекомендаций для углубления сотрудничества между двумя странами в области устойчивого развития Арктики.

Ключевые слова: Китай, Россия, Арктика, устойчивое развитие, китайско-российское сотрудничество, глобальные вызовы.

Благодарность

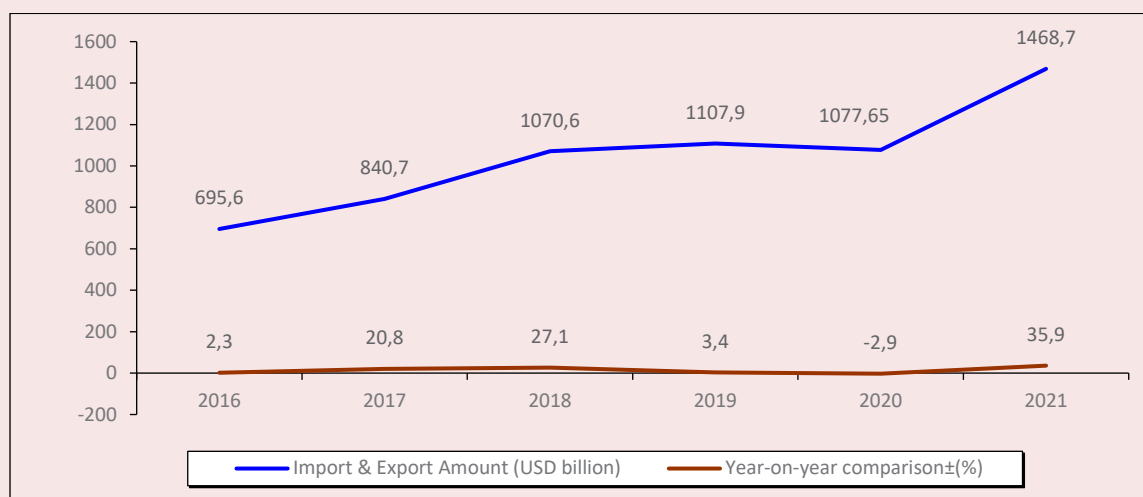
Работа выполнена при поддержке Национального фонда общественных наук Китайской Народной Республики, грант «Участие Китая в управлении Арктикой в условиях больших международных перемен» (20VHQ011).

Введение

В мае 2021 года Россия вступила в должность Председателя Арктического совета и выдвинула цель достижения устойчивого развития в Арктике. В то же время устойчивое развитие является важным направлением развития Арктического региона России в 2020–2035 гг. Очевидно, что, помимо добычи полезных ископаемых, Россия начала искать диверсифицированную модель устойчивого развития в Арктике.

Новая модель развития предоставляет возможности для углубления сотрудничества России с Китаем в Арктике. В последние годы между двумя странами развивались дружественные отношения, были достигнуты заметные успехи в объеме двусторонней торговли, научно-техническом развитии и взаимных туристических визитах (рис. 1, рис. 2, табл. 1). На фоне дружественных отношений китайско-

Рис. 1. Объем двусторонней торговли между Китаем и Россией в 2016–2021 гг.



Источники: Национальное бюро статистики Китая. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>; Министерство коммерции КНР. URL: <http://petersburg.mofcom.gov.cn/article/jmxw/202201/20220103237286.shtml> (дата обращения 20.05.2022).

Таблица 1. Достижения китайско-российского сотрудничества в области научно-технических инноваций

Год	Ключевые события
2015	Проведен первый китайско-российский форум высоких технологий (Москва)
2016	Подписан «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области инноваций»
2017	Проведен первый китайско-российский инновационный диалог (Пекин)
2018	Построен китайско-российский парк высоких технологий «Инновационный Шёлковый путь»
2019	Учрежден совместный китайско-российский инновационный инвестиционный фонд
2020–2021	Организован Год китайско-российского научно-технического и инновационного сотрудничества

Источник: составлено авторами по данным официального сайта Министерства науки и технологий КНР. URL: <http://www.most.gov.cn/index.html> (дата обращения 18.05.2022).

Рис. 2. Количество взаимных туристических визитов между Россией и Китаем в 2014–2019 гг.



Данные за 2020–2021 годы не являются репрезентативными из-за негативного влияния пандемии COVID-19 на мировой туризм в 2020–2021 годах, поэтому не включены в диаграммы.

Источники: Национальное бюро статистики Китая. URL: [https://data.stats.gov.cn/search.htm?s=%E4%BF%84%E7%BD%97%E6%96%AF](https://data.stats.gov.cn/search.htm?s=%E4%BF%84%E7%B D%97%E6%96%AF); Федеральная служба государственной статистики России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13241> (дата обращения 19.05.2022).

российское арктическое сотрудничество продолжит углубляться, а вопросы, связанные с устойчивым развитием¹ Арктики — включая научные исследования, охрану окружающей среды и полярный туризм — как ожидается, станут его новыми направлениями.

Цель исследования состоит в анализе китайско-российского сотрудничества в области устойчивого развития Арктики в настоящее время и в определении новых направлений сотрудничества. Выводы исследования могут быть использованы на практике для развития

¹ Согласно Повестке дня в области устойчивого развития, под «устойчивым развитием» понимается развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, при этом не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности.

Для достижения устойчивого развития крайне важно согласовать три основных элемента: экономический рост, социальную интеграцию и защиту окружающей среды. Авторы статьи утверждают, что вопрос устойчивого развития в арктическом контексте заключается в содействии экономическому процветанию Арктики при одновременном обеспечении экологической безопасности. Три основных вопроса — это научные исследования, охрана окружающей среды и полярный туризм. Более подробную информацию о трактовке Повестки дня в области устойчивого развития ООН см.: URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/zh/development-agenda/>

сотрудничества России и Китая в Арктике. Задачи исследования включают 1) изучение российско-китайского сотрудничества в области устойчивого развития Арктики; 2) выявление новых возможностей для российско-китайского сотрудничества в области устойчивого развития Арктики; 3) анализ этих возможностей и вызовов российско-китайского сотрудничества в области устойчивого развития Арктики. Таким образом, основная тема исследования – новые возможности китайско-российского сотрудничества в области устойчивого развития Арктики в современном геополитическом контексте.

Методы исследования

Исследование основано на работах китайских и зарубежных экспертов в области китайско-российского арктического сотрудничества. Информационная база включает программные документы и нормативные акты, касающиеся арктической политики Китая и России, а также информацию официальных ведомств Китая и России и зарубежных аналитических центров.

Китайские и зарубежные ученые добились значительных успехов в исследовании международного сотрудничества в Арктике. Представителям Российского комитета по международным делам принадлежат монографии «Арктический регион: проблемы международного сотрудничества» (Zagorsky, 2011), «Современный этап международного сотрудничества в Арктике: поиск ответов на вызовы экономического развития» (Lipina et al., 2021). Ими затрагивались такие вопросы, как сотрудничество международных организаций в Арктике (Копышев, 2011), многие из которых касаются, в частности, китайско-российского сотрудничества. Китайские ученые также провели обширные исследования международного сотрудничества в Арктике, в том числе изучение правовых норм (Bai, Wang, 2020), механизмов и возможностей сотрудничества (Deng et al., 2017; Liu et al., 2019). Отмечено, что Россия в этом отношении является важным партнером Китая (Kuklina, 2020).

Стоит отметить академические достижения, посвященные непосредственно китайско-российскому сотрудничеству в Арктике. Например, многие российские ученые обсуждали теоретические и практические различия между Китаем и Россией в Арктике (Zagorsky, 2016).

Большинство российских ученых позитивно относятся к китайско-российскому арктическому сотрудничеству, но есть и те, кто настроен скептически (Mogozov, 2015). А.Н. Пилясов в контексте теории глобального и регионального управления считает, что в арктической стратегии Китая указаны перспективы для Арктики, а китайское участие в Арктике рассматривается с точки зрения глобализации (Pilyasov, 2018). В.П. Журавель рассматривает арктическую стратегию Китая как позитивную, коммерческую и в основном дружественную (Zhuravel, 2018). В целом российские ученые признают, что современные китайско-российские отношения основаны на равенстве, уважении, общности интересов и взаимном невмешательстве во внутренние дела (Kuznetsov, 2014). Китайско-российское арктическое сотрудничество является важной движущей силой для устойчивого развития Арктического региона (Pecheritsa, 2020; Petrovsky, Filippova, 2018). Некоторые исследователи считают, что китайско-российское сотрудничество в Арктике имеет значительный потенциал для последующего углубления взаимодействия между странами (Camilla, 2017; Kolzina, Mindubaeva, 2020). Китайские ученые в целом признают огромный и уникальный потенциал развития двустороннего сотрудничества между Китаем и Россией на основе исследований «теории композитной взаимозависимости», «теории иерархии потребностей» и т. д. (Voronenko, Bai, 2017; Guo, Yang, 2020). Xu Guangmiao отмечает, что в нынешних геополитических условиях Россия и Китай должны совместно решать проблемы Арктического региона (Xu, Klintsev, 2020).

Однако большинство надежд на китайско-российское арктическое сотрудничество связывается с энергетикой и судоходством. В.А. Александрова изучила реализованные проекты арктического энергетического сотрудничества и возникшие проблемы (Alexandrova, 2019). Kalfaoglu отмечает, что китайско-российское сотрудничество в области арктического судоходства имеет большой потенциал (Kalfaoglu, 2018). Хотя некоторые ученые связывают арктические интересы Китая с научными исследованиями, защитой окружающей среды и т. д. (Hong, 2018), необходимы дальнейшие исследования конкретных направлений сотрудничества в таких устойчивых областях, как научные

исследования Арктики, охрана окружающей среды и полярный туризм. Следует проанализировать современное состояние китайско-российского арктического сотрудничества и на основе анализа выявить новые возможности для его развития.

В качестве методов использованы анализ литературы, эмпирические исследования, а также прогнозирование данных. На основе изучения официальных программных документов и научных достижений обеих стран рассматриваются направления сотрудничества в области устойчивого развития Арктики. В ходе эмпирического исследования анализируются проблемы и прогнозируются перспективы сотрудничества. Сделан вывод о том, что китайско-российское сотрудничество в области устойчивого развития Арктики находится в зачаточном состоянии, а в современных геополитических условиях появляются новые возможности для сотрудничества в Арктике.

Китайско-российское сотрудничество по вопросу устойчивого развития Арктики

Сотрудничество между Россией и Китаем в области устойчивого развития Арктики демонстрируется официальной политикой обеих сторон (табл. 2).

В настоящее время между странами осуществляется сотрудничество по следующим направлениям:

Научные исследования

На государственном уровне проводятся совместные китайско-российские научные исследования в Арктике.

С момента проведения первого совместного китайско-российского научного исследования в Арктике в 2016 году научно-исследовательская деятельность между двумя странами в Российской Арктике «стабилизировалась» (табл. 3). Основными участниками выступают Первый институт океанографии Министерства природных ресурсов КНР и Тихоокеанский океанологический институт Дальневосточного отделения РАН. К настоящему времени китайские ученые провели комплексные экспедиции по ряду дисциплин, включая морскую геологию, физическую океанографию и химию атмосферы, что знаменует собой исторический прорыв в китайско-российском научном сотрудничестве в Арктике. Представители исследовательских институтов Китая активно участвуют в научно-исследовательской деятельности в Арктике под руководством России.

Таблица 2. Официальные заявления России и Китая о сотрудничестве в Арктике

Дата	Официальное заявление	Содержание	Ключевые слова
4 июля 2017 г.	Китайско-российское совместное заявление о дальнейшем углублении всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества	Впервые предлагается поддержать сотрудничество в области совместных научных экспедиций, полярного туризма и охраны окружающей среды	Устойчивое развитие Арктики; научные исследования; полярный туризм; защита окружающей среды
8 июня 2018 г.	Совместное заявление КНР и РФ	Укрепление китайско-российского сотрудничества по вопросам устойчивого развития Арктики, включая поддержку сотрудничества в области научных исследований, туризма и экологии	
5 июня 2019 г.	Совместное заявление Китая и России о развитии новой эры всеобъемлющего стратегического партнерства	Продвижение китайско-российского сотрудничества по устойчивому развитию Арктики и расширение сотрудничества в области научных исследований, туризма и экологической защиты	
4 февраля 2022 г.	Китайско-российское совместное заявление о международных отношениях и устойчивом глобальном развитии в новую эпоху	Стороны договорились о дальнейшем углублении сотрудничества в области устойчивого развития Арктики	
Источник: составлено авторами на основе совместных заявлений Китая и России с 2017 по 2022 гг.			

Таблица 3. Китайско-российские совместные научные экспедиции

Дата	Описание	Место проведения научной экспедиции	Участник со стороны Китая	Участник со стороны России
Август – сентябрь 2016 г.	Первая совместная китайско-российская научная экспедиция в Арктику	Чукотское море, Восточно-Сибирское море	Первый институт океанографии Министерства природных ресурсов	Тихоокеанский океанологический институт Дальневосточного отделения РАН
Сентябрь – октябрь 2018 г.	Вторая совместная китайско-российская научная экспедиция в Арктику	Чукотское море, Восточно-Сибирское море, море Лаптевых		
Сентябрь – ноябрь 2020 г.	Третья китайско-российская научная экспедиция в Арктику	Чукотское море, Восточно-Сибирское море, море Лаптевых		

Источник: Zou J., Jie X., Zheng H., Shi X. (2021). The fruitful cooperation between China and Russia in marine and polar regions—a chronicle of cooperation with Russia by the First Institute of Oceanography of the Ministry of Natural Resources. *International Talent Exchange*, 11, 20–22.

Россия и Китай установили партнерские отношения на уровне научных учреждений.

Во-первых, как упоминалось выше, Первый институт океанографии МПР и Тихоокеанский океанологический институт Дальневосточного отделения РАН давно сотрудничают в сфере арктических научных исследований. В сентябре 2017 года во Владивостоке был создан Объединенный китайско-российский научно-исследовательский центр изучения океана и климата². В июне 2018 года, после переговоров глав обоих государств, Китайская академия наук и Российская академия наук подписали соглашение о сотрудничестве. В июле 2019 года в Москве была подписана программа действий по сотрудничеству. Документ предусматривает ряд мероприятий, таких как совместные морские экспедиции в восточной Арктике для выявления источников выбросов метана³.

Во-вторых, в апреле 2019 года был создан специальный арктический научно-исследовательский центр, российским головным учреждением которого является Институт океанологии имени П.П. Ширшова РАН, а китайским – Национальная лаборатория морских наук и технологий (Циндао). Стороны запла-

нировали провести не менее пяти совместных экспедиций в течение следующих пяти лет⁴. В августе 2019 года российские и китайские исследователи совершили первую совместную экспедицию на арктический континентальный шельф, расположенный в Восточно-Сибирском море⁵.

Китай и Россия совместно участвуют в международных полярных научных исследованиях.

Помимо сотрудничества с официальными структурами и научными учреждениями, Россия и Китай активно участвуют в международной научно-исследовательской деятельности Арктического совета и Международного арктического научного комитета. В 2017 году между странами – членами Арктического совета было подписано Соглашение об укреплении международного арктического научного сотрудничества. Россия как крупнейшее государство – член Арктического совета и Китай как государство-наблюдатель оказывают поддержку в сфере международного научного сотрудничества, например, в рамках деятельности Многопрофильной дрейфующей обсерватории по изучению климата Арктики и проекта сети арктических обсерваторий.

² Sino-Russian Joint Research Centre on Oceans and Climate to promote cooperation between the two countries in Arctic scientific research and other fields. October 10, 2017. Available at: <http://sputniknews.cn/society/201710101023773921/> (accessed: March 29, 2022).

³ РАН и Академия наук Китая подпишут дорожную карту о сотрудничестве. URL: <https://ria.ru/20190718/1556641478.html> (дата обращения 30.03.2022).

⁴ Россия и Китай создают центр для проведения арктических исследований. URL: <https://ria.ru/20190411/1552576382.html> (дата обращения 30.03.2022).

⁵ Ученые России и Китая изучат арктический шельф Сибири в ходе первой совместной экспедиции. URL: <https://tass.ru/nauka/6733215> (дата обращения 30.03.2022).

Защита окружающей среды

Сотрудничество между Россией и Китаем в области охраны окружающей среды ведется с 1990-х гг., в том числе по теме предотвращения загрязнения трансграничных вод. Однако Китай и Россия еще не сформировали стабильную основу для сотрудничества конкретно в Арктике и взаимодействуют только на уровне двусторонних научных связей. Например, в июне 2019 года правительство Ямало-Ненецкого автономного округа России и Центр экологических и природоохранных исследований Китайской академии наук подписали меморандум о реализации совместных проектов по сохранению популяций перелетных птиц⁶.

Китай и Россия имеют много схожих характеристик и общих проблем в географической и экологической сферах, поэтому достижения сотрудничества двух стран в области экологии и охраны окружающей среды будут способствовать расширению сотрудничества в Арктике (Yang, Zhao, 2019).

Особое внимание уделяется вопросам экологии и охраны окружающей среды

Вопрос охраны окружающей среды всегда был одним из ключевых для обсуждения на регулярных встречах глав правительств России и Китая. Обе стороны активно взаимодействуют по вопросам механизма реагирования на трансграничные экологические чрезвычайные ситуации, обмениваются опытом по оценке воздействия на окружающую среду и развивают сотрудничество по трансграничным экологическим и природным заповедникам. В частности, обсуждаются заповедники бассейна реки Амур: заповедник Бастак с российской стороны, и Три реки – Хунь, Хуньчунь и Ванцин с китайской стороны. Кроме того, страны договорились о сотрудничестве по проблемам защиты тигров и восстановления популяций перелетных птиц, активно проводят совместные мероприятия в Даурском и Ханкайском заповедниках⁷.

⁶ Ученые Китая и России изучат миграцию редких птиц и проведут исследование популяции стерха. URL: <https://tass.ru/ural-news/6555550> (дата обращения 25.03.2022).

⁷ Сотрудничество России и Китая в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов будет развиваться. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/sotrudnichestvo_rossii_i_kitaya_v_oblasti_okhrany_okruzhayushchey_sredy_aktivno_razvivaetsya/ (дата обращения 25.03.2022).

Россия и Китай активно взаимодействуют в области мониторинга трансграничных вод.

В течение многих лет Китай и Россия поддерживают долгосрочное межведомственное сотрудничество по вопросу мониторинга трансграничных вод. С 2006 года осуществляется сбор проб из рек Хэйлунцзян (Амур), Уссури, Эргуна, Суйфэнь (Раздольная) и озера Синькай (Ханка), расположенных на китайско-российской границе, при этом достигнуты значительные успехи в мониторинге качества речной воды и поддержании экологической безопасности в бассейне пограничных рек. В результате активной работы в 2018 году Россия сократила выбросы с 723,09 до 687,2 млн кубометров (на 35,89 млн кубометров)⁸. Кроме того, сотрудничество по охране реки Хэйлунцзян (Амур) дает опыт для совместной работы по охране трансграничных водных ресурсов рек Обь и Иртыш; последняя протекает через Россию, Казахстан и Китай (Mei, Guo, 2017).

У Китая и России имеется основа для сотрудничества на уровне многосторонних/двусторонних отношений.

Во-первых, на уровне многосторонних отношений такими документами, как Устав ООН, Конвенция ООН по морскому праву, Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов (1972), Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (1973/1978), Международная конвенция по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству (1990) обеспечивается правовая поддержка расширения экологического и природоохранного сотрудничества России и Китая в Арктическом регионе.

На уровне двусторонних отношений стороны заключили многочисленные документы о сотрудничестве в области экологии и охраны окружающей среды, включая Соглашение в области охраны окружающей среды (1994), Декларацию о сохранении амурского тигра (1995), Соглашение о сотрудничестве в сфере освоения лесных ресурсов (2000), Соглашение о рациональном использовании и охране трансграничных вод (2008) (Rednikova et al., 2018).

⁸ Russia reduces 35.8 million cubic meters of sewage to the Amur River in 2018. June 17, 2019. Available at: <http://sputniknews.cn/society/201906171028773005/> (accessed: March 25, 2022).

В условиях сильного воздействия глобальных изменений климата Россия стремится регулировать загрязнение и защищать природную среду Арктики (Savostova, Vityukov, 2019). Сотрудничество России и Китая по вопросам экологии и охраны окружающей среды в Арктике не только обеспечит эффективную защиту уникальной природной среды, но и будет способствовать развитию экономического сотрудничества между двумя странами.

Полярный туризм

Из-за отсутствия туристической инфраструктуры количество туристов, посещающих Российскую Арктику, невелико по сравнению с остальными частями России: в 2019 году Арктику посетили почти 1,2 миллиона туристов, что составляет менее 1% от общего числа туристов, побывавших в стране. Для стимулирования развития полярного туризма была разработана стратегия развития Арктической зоны России, направленная на стимулирование новых видов экономической деятельности в Арктике и развитие полярного туризма.

Среди арктических регионов России позицию лидера по потоку туристов занимает Мурманская область⁹. В апреле 2019 года Мурманский арктический государственный университет объявил о сотрудничестве с Китаем в сфере полярного туризма¹⁰. А в ноябре 2019 года в городе прошла международная конференция Arctic Vision, которая привлекла туроператоров из Китая¹¹. Таким образом, Китай и Россия по-прежнему имеют потенциал для сотрудничества в области полярного туризма.

Рассматривая китайско-российское сотрудничество по вопросам устойчивого развития Арктики, можно отметить следующие особенности: 1) сотрудничество в области научных исследований Арктики хорошо развито и,

как ожидается, будет углубляться в будущем; 2) сотрудничество в области экологии и охраны окружающей среды в настоящее время сосредоточено на охране трансграничных водных ресурсов, а успешный опыт и юридические документы могут стать основой для расширения взаимодействия в Арктическом регионе; 3) сотрудничество в области полярного туризма все еще находится на начальной стадии, но обе стороны могут продолжить развитие многопроектного туристического сотрудничества.

Новые возможности для сотрудничества в период председательства России в Арктическом совете

Концепция устойчивого развития является последовательным подходом Арктического совета с момента его создания. В период своего председательства в Арктическом совете Россия может вести активную разработку повестки дня в соответствии с концепцией развития Арктического совета, поэтому должна уделять больше внимания вопросам устойчивого развития, в частности научным исследованиям, экологии и туризму. Таким образом, существует потенциальное пространство для сотрудничества в проектах устойчивого развития

Арктические научные исследования: международная арктическая станция «Снежинка».

Международная арктическая станция «Снежинка» — это исследовательский проект под руководством Московского физико-технического института, который планируется создать в Ямало-Ненецком автономном округе в 2022 году, обеспечив тем самым практическую платформу для обсуждения вопросов устойчивого развития между Россией и ее международными партнерами в рамках Арктического совета¹². Россия активно стремится к международному сотрудничеству. Совместно с Южной Кореей был создан фонд сотрудничества для развития водородной энергетики на базе арктической станции «Снежинка». Также к участию в проекте приглашен Китай. Васильев, возглавляющий проект, заявил, что «Китай может внести вклад в строитель-

⁹ ЯНАО, Мурманская и Архангельская области стали лидерами по турпотоку в арктических регионах России. URL: <https://ru.arctic.ru/tourism/20200604/946049.html> (дата обращения 25.03.2022).

¹⁰ Eurasian Arctic Centre plans joint development project with China. April 17, 2019. URL: <http://sputniknews.cn/society/201904171028218668/> (accessed: March 25, 2022).

¹¹ В Мурманск на «Горизонты Арктики» съедутся туроператоры Китая и Тайланда. URL: <https://nord-news.ru/news/2019/11/06/?newsid=116653> (дата обращения 25.03.2022).

¹² Для получения дополнительной информации см. официальный сайт международной арктической станции «Снежинка»: <https://arctic-mipt.com/>

ство международной арктической станции, и в настоящее время стороны обсуждают совместное сотрудничество»¹³.

В условиях трансформации глобального энергетического рынка Китай уделяет внимание стратегии продвижения чистого, низкоуглеродного, безопасного и эффективного использования энергии, например зеленых и чистых источников энергии, что, как ожидается, станет развивающейся стратегической энергетической отраслью в Китае. Поэтому у обеих сторон есть потенциал для сотрудничества.

Экологическая и природоохранная сфера в Арктике: техническое сотрудничество для системы экологического мониторинга

В мае 2020 года на ТЭЦ Норильско-таймырской энергетической компании произошла авария, которая привела к разливу топлива объемом около 21 000 кубических метров¹⁴. Это был крупнейший известный разлив нефтепродуктов в Российской Арктике, он нанес непоправимый ущерб местной экосистеме. По словам представителей компании, основной причиной аварии стало таяние вечной мерзлоты, обусловившее смещение опорного резервуара. Арктическая экосистема хрупкая, поэтому глобальное изменение климата может привести к серьезному экологическому ущербу (Vai et al., 2020).

Авария в Норильске демонстрирует важность экологической защиты и создания механизма постоянного мониторинга последствий изменения среды в Арктике. Президент РФ В.В. Путин заявил, что необходимо восстановить систему мониторинга состояния вечной мерзлоты в Арктике и прогнозирование риска таяния вечной мерзлоты. Китай стремится к сотрудничеству в технической и других областях и мог бы принять участие в проекте. В Китае также встречается вечная мерзлота, и ее можно разделить на высокоширотную и высокогорную (например: горы Чанбай, горы Вутай). Таким образом, сотрудничество между двумя странами станет взаимовыгодным.

¹³ Russian expert: China may participate in building international Arctic station in Russia. January 21, 2020. Available at: <http://sputniknews.cn/society/202001211030492192/> (accessed: March 25, 2022).

¹⁴ Что потянется за аварией под Норильском. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4366214#id1905469> (дата обращения 23.03.2022).

Полярный туризм: Национальный парк «Русская Арктика»

Согласно статистике, большинство посетителей Российской Арктики – жители Китая (рис. 3). Китайские туристы проявляют большой интерес к арктическим пейзажам, поэтому Национальный парк «Русская Арктика» станет хорошим проектом для сотрудничества (Kuklina, Cheban, 2019). Национальный парк «Русская Арктика» (Архангельская область) – крупнейший заповедник, созданный для сохранения культурного, исторического и природного наследия западного арктического региона России¹⁵. Каждое лето туристы со всего мира посещают парк на ледоколах. Таким образом, китайские туристы знакомы с национальным парком «Русская Арктика», треть посетителей национального парка – граждане Китая, и в последние годы их число быстро растет¹⁶.

В настоящее время парк работает над строительством интерактивного арктического музея и центра для посетителей, и ожидается, что на архипелаге Земля Франса-Иосифа и Новом архипелаге будут построены два современных комплекса для развития туризма и научных исследований. Поэтому на официальном уровне обе стороны могут заключить меморандум о сотрудничестве в области туризма и оказать туристам поддержку, включающую в себя ослабление визовых ограничений и содействие комплексному взаимодействию компаний, занимающихся туристической деятельностью.

В настоящее время геополитическая ситуация в мире усложнилась, кризис на Украине привел к замораживанию отношений между Россией и западными странами во главе с США и даже сказался на влиянии России в Арктическом регионе, вынуждая её постепенно переключать внимание на сотрудничество с Китаем и другими странами-наблюдателями Арктического совета. С точки зрения Китая, сотрудничество с Россией в Арктике поможет Китаю продемонстрировать себя как ответственную

¹⁵ ВРИО губернатора Архангельской области Александр Цыбульский ознакомился с проектами «Русской Арктики». URL: <https://ru.arctic.ru/infrastructure/20200601/945657.html> (дата обращения 23.03.2022).

¹⁶ Данные с официального сайта национального парка «Русская Арктика»: <http://www.http://www.rus-arc.ru/ru/Tourism/Statistics> (дата обращения 23.03.2022).

Рис. 3. Статистика посещений Национального парка «Русская Арктика» в 2019 году



Источник: 1306 человек из 44 стран посетили территорию Национального парка «Русская Арктика» летом 2019 года // Официальный сайт Национального парка «Русская Арктика». URL: <http://www.rus-arc.ru/ru/Tourism/Statistics> (дата обращения 03.05.2022).

державу. Поэтому у обеих стран есть значительные перспективы сотрудничества по арктическим вопросам, особенно в направлении устойчивого развития.

Трудности в развитии новых направлений российско-китайского арктического сотрудничества

Проблемы китайско-российского сотрудничества в Арктике изучались китайскими и зарубежными учеными (Kirilenko, Lebedev, 2019), и общее мнение можно свести к следующему: с одной стороны, Россия с осторожностью относится к участию Китая в Арктике, опасаясь, что его участие ослабит ее влияние (Gudev, 2018); с другой стороны, Китай сомневается в инвестировании капитала и технологий из-за суровых природных условий в Российской Арктике и ограничений национальной политики. Китайско-российское сотрудничество по вопросу устойчивого развития Арктики сталкивается со следующими вызовами.

Внутренний фактор: как России сбалансировать защиту окружающей среды Арктики и добычу полезных ископаемых?

Устойчивое развитие является ключевой целью для развития России в Арктическом регионе. Президент России В.В. Путин публично подчеркнул концепцию устойчивого развития,

заявив, что будет уделять внимание экологической защите Арктики (Lassi, Alexander, 2022). В этом контексте Россия предложила поддерживать проекты по сокращению выбросов и устранению последствий накопленного экологического ущерба в Арктике¹⁷. В то же время она приостановила проекты сотрудничества с Китаем, ссылаясь на опасения по поводу ущерба окружающей среде (Zhao, 2018). Проект китайского метанолового завода в Дальневосточном регионе был приостановлен, поскольку не прошел общественную экологическую экспертизу, и правительство заявило, что уважает позицию жителей страны¹⁸. Это свидетельствует о высоком уровне внимания, уделяемого охране окружающей среды на официальном уровне в России.

¹⁷ Russian Arctic Council Chairmanship: "Will Welcome more Active Engagement of the Observer States". March 8, 2021. Available at: https://www.highnorthnews.com/en/russian-arctic-council-chairmanship-will-welcome-more-active-engagement-observer-states_ (accessed: March 27, 2022).

¹⁸ Residents of Russia's Khabarovsk Krai do not support Chinese company's project to build methanol plant. March 22, 2021. Available at: <http://sputniknews.cn/russia/202103221033318617/> (accessed: March 29, 2022).

Следует отметить, что Россия не отказывается от разработки минеральных ресурсов, однако подчеркивает важность охраны окружающей среды. В условиях конфликта между разработкой минеральных ресурсов и охраной окружающей среды в Арктике Россия демонстрирует тенденцию отдавать предпочтение разработке минеральных ресурсов. Например, российское правительство планирует внести изменения в законодательство, чтобы разрешить частным инвесторам участвовать в проектах по разработке нефти и газа на арктическом шельфе¹⁹. Позиция правительства Мурманской области в отношении возможного негативного воздействия проекта освоения ресурсов Газпрома (проект добычи конденсата на Стокмановском месторождении) на среду обитания птиц Териберского заповедника выражается в том, что оно не видит угрозы для будущего природного парка от проекта добычи газа на месторождении²⁰. Следовательно, на местном уровне приоритет отдается освоению минеральных ресурсов Арктики.

Анализ показывает, что российские проекты сотрудничества с Китаем по экологическим соображениям приостанавливаются в единичных случаях, и существует больше примеров, которые доказывают, что разработка минеральных ресурсов в Арктике остается важной проблемой для развития территории и превалирует над охраной окружающей среды. Повлияет ли в этом контексте вопрос устойчивого развития в Арктике на сотрудничество России и Китая? Ключевым фактором в этом случае будет то, как Россия сумеет соблюсти баланс экологической защиты арктической территории и добычи полезных ископаемых.

Внешний фактор: тенденции милитаризации Арктики отвлекают Россию от освоения ресурсов.

В Арктике нарастает атмосфера милитаризации (табл. 4), основная причина которой — ухудшение отношений между Россией и запад-

ными странами во главе с США после кризиса на Украине в 2014 году. Американское правительство рассматривает Россию как конкурента, который открыто «бросает вызов могуществу США» и является «разрушителем мира в Арктике» (Trenin, 2020). В мае и сентябре 2020 года США вместе с другими членами НАТО (Великобритания, Норвегия, Дания и др.) провели военные учения в Баренцевом море, причем во время сентябрьских учений их корабли вошли в исключительную экономическую зону России²¹, продемонстрировав решимость возглавляемого США блока НАТО войти в арктические воды (Erokhin, 2020). Россия приняла ответные меры, в том числе модернизировала Северный флот, превратив его в пятый по величине военный регион России, и вновь открыла арктические военные базы. Несмотря на заявления сторон об исключительно оборонительном и вынужденном характере действий, в Арктике возник своеобразный феномен — все страны говорят, что «Арктика — это зона мира и стабильности», в то время как они же ускоряют превращение Арктики в театр военных действий. Таким образом, милитаризация Арктики постепенно превращает её в место военного противостояния.

Милитаризация Арктики неизбежно скажется на развитии российского арктического региона. С одной стороны, его милитаризация вызовет серьезную тревогу у международных инвесторов, что снизит вероятность масштабных инвестиций в Российскую Арктику, даже в проекты по теме устойчивого развития. С другой, являясь ключевой стороной, оказывающей влияние на милитаризацию Арктики, Россия, безусловно, будет уделять больше внимания вопросам, связанным с военными операциями, что приведет к отсутствию необходимой поддержки экономического развития в Арктическом регионе и в конечном счете скажется на проектах сотрудничества. Поэтому нестабильная международная ситуация — важный внешний фактор, препятствующий сотрудничеству России и Китая в Арктике.

¹⁹ A bill to abolish environmental impact assessments for boreholes in the Arctic has been supported by the government. April 29, 2021. Available at: <https://ru.arctic.ru/ecology/20210429/993062.html> (accessed: March 26, 2022).

²⁰ Gazprom refused to transfer the subsoil areas of the Shtokman project to the Teriberka natural park. March 16, 2021. Available at: <https://pro-arctic.ru/16/03/2021/news/42998#read> (accessed: March 26, 2022).

²¹ In a controversial move, Norway sails frigate into Russian Arctic EEZ together with UK, US navy ships. September 9, 2020. Available at: <https://www.arctictoday.com/in-a-controversial-move-norway-sails-frigate-into-russian-arctic-eez-together-with-uk-us-navy-ships/> (accessed: March 26, 2022).

Таблица 4. Военная деятельность арктических государств в Арктике в 2018–2022 гг.

Год	Россия	США (НАТО)
2018	Военные учения: ежегодные учения боеготовности стратегических сил России	Военные учения: Trident Junction 2018; Ice Exercise 2018 Norex; Dynamic mongoose
	Строительство нового центра радиоэлектронной борьбы	Переоснащение/первооружение 2-го флота ВМС США
2019	Военные учения: учения Северного флота в Баренцевом море; учения атомных подводных лодок; «Центр-19»; «Океанский щит-2019»; «Гром-2019»	Военные учения: учения арктических экспедиционных сил; учения ICEX; Bold Quest; авиационные военные учения в Заполярье
	Строительство военной базы «Северный клевер»	Строительство военного радиолокационного комплекса в Вардё, Норвегия; строительство временного центра морских операций дальнего действия в Исландии
	Развертывание систем радиоэлектронной борьбы	Выпущено новое издание Арктической стратегической перспективы Береговой охраны; Арктическая стратегия Министерства обороны; Арктическая стратегия ВМС США; Арктический стратегический подход МНБ
2020	Военные учения: учения «Океанский щит»; тактические учения Северного флота; учения Северного флота по противолодочной обороне	Военные учения: Dynamic Mongoos; Reindeer II; Cold Response 2020 FONOP: военные корабли НАТО вошли в российские арктические воды
	Создан межведомственный комитет по обеспечению национальных интересов Арктики в рамках заседания конференции по безопасности	Опубликована Арктическая стратегия ВВС США Высокоинтенсивные полеты на подходе к России
2021	Военные учения: «Умка-21»; «Запад-21»	Военные учения: Vintersol 2021; Formidable Shield; Dynamic Mongoose; Arctic Fighter Meet 21
	Обновление Северного флота	Обновление соглашения между Норвегией и США о сотрудничестве в области обороны
	Запуск новой гиперзвуковой крылатой ракеты «Циркон»	Впервые в Норвегию направлен бомбардировщик B-1B
	Модернизация военных авиабаз в Арктике	Учрежден Центр Теда Стивенса по изучению арктической безопасности
2022	Военные учения: военные ракетные учения Северного флота с учебной стрельбой	Военные учения: «Холодный ответ 2022»

Источники: составлено авторами на основе данных с официального сайта НАТО; Anthony I., Klimenko E., Su F. A strategic triangle in the Arctic? Implications of China–Russia–United States power dynamics for regional security. *SIPRI Insights on Peace and Security*. No. 2021/3.

Случайный фактор: глобальное распространение эпидемии ограничивает китайско-российское сотрудничество в Арктике

С конца марта 2020 года COVID-19 быстро распространился по России. На данный момент совокупное число случаев заболевания в России достигло 10 миллионов. Повсеместное распространение эпидемии также влияет на международное сотрудничество в Российской Арктике.

Прежде всего эпидемия вызвала широкое распространение инфекции среди сотрудников предприятий, реализующих арктические проекты, что привело к стагнации проектов и затруд-

нило процесс строительства инфраструктуры и развития проектов в Арктическом регионе. Кроме того, введенные меры по профилактике и борьбе с эпидемией создают серьезные препятствия для развития совместных проектов. Так, они повлияли на развитие китайско-российских научных экспедиций в Арктике: совместная китайско-российская научная экспедиция и совместные проекты полярного туризма были отложены.

Несмотря на то, что председательство России в Арктическом совете создало новые направления для китайско-российского сотрудничества по вопросу устойчивого развития

Арктики, негативное влияние внешней тенденции (милитаризации арктического региона) и глобальное распространение эпидемии создают множество проблем для китайско-российского сотрудничества в Арктике.

Выводы

Долгое время китайско-российское сотрудничество опиралось на стратегическое руководство глав обеих стран, однако до сих пор не был достигнут консенсус и со стороны политических элит не возникла эндогенная движущая сила для сотрудничества; кроме того, по конкретным экономическим вопросам все еще существует недоверие к китайской стороне (Alexeeva, Lasserre, 2018). В частности, по вопросу устойчивого развития Россия имеет несколько поверхностное представление о Китае как партнере, не заинтересованном в решении проблем, связанных с охраной окружающей среды, и не готовом вкладывать в их решение силы и финансовые ресурсы. С этой точки зрения очевидно, что России и Китаю предстоит пройти долгий путь сотрудничества по вопросу устойчивого развития в Арктике.

В связи с российско-украинским конфликтом геополитическая ситуация в мире резко изменилась. Кризис отношений России и Запада неизбежно повлияет на геополитическую картину Арктики и приведет к тому, что другие страны Арктической семерки не позволят России играть ведущую роль, а Арктика станет но-

вой ареной для политических игр великих держав. При таких обстоятельствах сотрудничество со странами Северо-Восточной Азии станет для России важной отправной точкой на пути сохранения влияния в Арктике, и, безусловно, Китай играет здесь ключевую роль. Китай всегда подчеркивал свою готовность работать с Россией над углублением сотрудничества в таких областях, как арктические научные экспедиции, охрана окружающей среды и полярный туризм.

Хотя международное сообщество часто критикует отсутствие внутренней мотивации китайско-российского сотрудничества, Россия хорошо понимает, что Китай всегда был ее незаменимым и влиятельным партнером в плане инвестиций, технологий и рыночного спроса. В марте 2021 года С. Лавров в интервью четко заявил китайским СМИ: «Для нас Китайская Народная Республика — это по-настоящему стратегический партнер, настоящий единомышленник, и наше сотрудничество на международной арене оказывает стабилизирующее влияние на глобальную и региональную обстановку»²². В условиях развития дружественных отношений между двумя странами устойчивое китайско-российское сотрудничество в Арктике будет опираться на существующие достижения и добиваться новых успехов в области научных исследований, охраны окружающей среды и полярного туризма.

References

- Alexandrova V.A. (2019). Cooperation between Russia and China in the Russian Arctic. *Skiff. Issues of Student Science*, 5, 447–451 (in Russian).
- Alexeeva O.V., Lasserre F. (2018). An analysis on Sino-Russian cooperation in the Arctic in the BRI era. *Advances in Polar Sciences*, 29(4), 269–282. DOI:10.13679/j.advps.2018.4.000xx
- Bai J., Wang L. (2020). A study on the legal regulation of China's participation in multi-level cooperation in Arctic governance. *Hebei Law*, 3(38), 66–79. DOI:10.16494/j.cnki.1002-3933.2020.03.005 (in Chinese).
- Bai J., Wang L., Li Y. (2020). The economic and social development trend of the Russian Arctic and new opportunities for Sino-Russian Arctic cooperation. *East Asian Review*, 2, 189–217 (in Chinese).
- Camilla T.N., Klimenko E. (2017). Emerging Chinese-Russian cooperation in the Arctic: Possibilities and constraints, *SIPRI Policy Paper*, 46. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-06/emerging-chinese-russian-cooperation-arctic.pdf> (accessed: May 2, 2022).
- Deng B., Zou L., Tu J. (2017). International cooperation in the Arctic in the post-Ukrainian crisis context: A perspective of “complex interdependence”. *Advances in Polar Science*, 4(29), 522–530. DOI:10.13679/j.jdyj.2017.4.522 (in Chinese).

²² Interview by Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov to the Chinese media. March 22, 2021. Available at: https://archive.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4646592 (accessed: March 26, 2022).

- Erokhin V.L. (2020). The Arctic in Russian-Chinese relations: From politics to economics. *The World of Russian-Speaking Countries*, 4, 26–36 (in Russian).
- Gudev P. (2018). Arctic ambitions of Celestial Empire. *Russia in Global Politics*. Available at: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Arkticheskie-ambitcii-Podnebesnoi-19711> (accessed: March 18, 2022).
- Guo P., Yang N. (2020). On the complex relationship between China, the United States and Russia in the Arctic. *Northeast Asia Forum*, 1, 26–41. DOI:10.13654/j.cnki.naf.2020.01.002 (in Chinese).
- Hong N. (2018). *China's Interests in the Arctic: Opportunities and Challenges*. Washington: Institute for China-America Studies.
- Kalfaoglu R. (2018). Sino-Russian cooperation in the Arctic: Prospects for development. *Vestnik of the Moscow State Regional University*, 2, 108–128 (in Russian).
- Kirilenko V.P., Lebedev A.S. (2019). Trade and economic cooperation between Russia and China in the Arctic Region. *Russia in the Global World*, 14-15, 19–25 (in Russian).
- Kolzina A.L., Mindubaeva A.A. (2020). The Polar Silk Road as an area of strategic partnership between the Russian Federation and the People's Republic of China. *Vestnik of the Udmurtian University. Sociology. Political Science. International Relations*, 4(2), 186–195 (in Russian).
- Konyshov V.N., Sergunin A.A. (2011). International organizations and cooperation in the Arctic. *Vestnik of International Organizations*, 3(34), 27–36 (in Russian).
- Kuklina E. A. (2020). Russian-Chinese strategic partnership in the Arctic as an imperative of our time. *Great Eurasia: Development, Security, Cooperation*, 3, 195–198 (in Russian).
- Kuklina E.A., Cheban M. (2019). Polar tourism as a promising direction of development of concession projects in the Russian Federation. *Economy of the New World*, 3, 6–12 (in Russian).
- Kuznetsov A.M. (2014). “Peaceful Development of China” and some problems of modern theory of International Relations. *Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 3, 166–177 (in Russian).
- Lassi H., Alexander S., Gleb Y. (2022). *Russian Strategies in the Arctic: Avoiding a New Cold War*. Available at: https://valdaiclub.com/a/reports/russian_strategies_in_the_arctic_avoiding_a_new_cold_war/ (accessed: May 1, 2022).
- Lipina S.A., Fadeev A.M., Zaikov K.S. et al. (2021). Current stage of international cooperation in the Arctic: Search for answers to the challenges of economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(4), 251–265. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.15
- Liu G., Xu Q., Chen Y. (2019). Oil and gas resources and cooperation opportunities on the Polar Silk Road. *China Oil & Gas*, 2(26), 24–27 (in Chinese).
- Mei C., Guo P. (2017). The Irtysh River-the Ob River: A possible path to the integration of Asia and Europe. *World Knowledge*, 1, 38–39 (in Chinese).
- Morozov Y.V., Klimenko A.F. (2015). Countries of North-East Asia in the “Arctic Race”. *China in World and Regional Politics (History and Modernity)*, 20, 173–191 (in Russian).
- Pecheritsa V.F. (2020). Arctic strategies of China and Russia: Similarities and differences. *Russian and Chinese Studies*, 4(1), 44–52. DOI: 10.17150/2587-7445.2020.4(1).44-52 (in Russian).
- Petrovsky V.E., Filippova L.V. (2018). China's strategy for Arctic development and prospects for Russian-Chinese cooperation in the region. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 23, 171–179 (in Russian).
- Pilyasov A.N. (2018). The magnet of globalization – China's Arctic policy. *Arctic: Ecology and Economy*, 3(31), 112–122. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-112-122 (in Russian).
- Rednikova T., Kudelkin N., Ma S. (2018). State policy of Russia and the People's Republic of China in the field of environmental protection in the Arctic: prospects for international and bilateral cooperation. *International Law and International Organizations*, 2, 17–31 (in Russian).
- Savostova T.L., Biryukov A.L. (2019). Russian-Chinese cooperation in the Arctic: Effective management of regional systems development, *Innovation and Investment*, 7, 86–91 (in Russian).
- Trenin D. (2020). *Russia and China in the Arctic: Cooperation, Competition, and Consequences*. Available at: <https://carnegiemoscow.org/commentary/81407> (accessed: March 21, 2022).
- Voronenko A., Bai J. (2017). *Prospects for Russian-Chinese Cooperation in the Arctic*. Available at: http://sco-khv.org/ru/publication_209/ (accessed: May 1, 2022).
- Xu G., Klintsev Y.V. (2020). The Polar Silk Road: Sino-Russian cooperation against the backdrop of international order restructuring in the Arctic. *East Asia: Facts and Analysis*, 2, 36–50 DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10010 (in Russian).

- Yang J., Zhao L. (2019). Opportunities and challenges of jointly building of the Polar Silk Road: China's perspective. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 12(5), 130–144.
- Zagorsky A.V. (2011). *The Arctic: A Zone of Peace and Cooperation*. Moscow: IMEMO RAN.
- Zagorsky A.V. (2016). Russia and China in the Arctic: Real or imaginary disagreements? *World Economy and International Relations*, 2(60), 63–71 (in Russian).
- Zhao L. (2018). Sustainable development cooperation in the Arctic: Challenges and approaches for China and Russia. *China International Studies*, 4, 49–67.
- Zhuravel V.P. (2018). The place of Russia and Western Europe in China's White Paper on the Arctic. *Scientific and Analytical Vestnik of the Institute of Europe of RAS*, 1, 211–217 (in Russian).

Сведения об авторах

Ян Нань – магистр, студент PhD, Океанский университет Китая (238, улица Songling Road, Циндао, Китай; e-mail: YN12YN@163.com)

Го Пэйцзин – доктор, профессор, Океанский университет Китая (238, улица Songling Road, Циндао, Китай; e-mail: peiqingguo@163.com)

Yang Nan, Guo Peiqing

Sino-Russian Cooperation in the Arctic: Current Situation, New Directions and Challenges

Abstract. Russia's chairmanship of the Arctic Council from 2021 to 2023 provides new opportunities for China and Russia to deepen Arctic cooperation, especially on the issue of "sustainable development". Therefore, further research on Sino-Russian Arctic sustainable cooperation is of positive significance for deepening Arctic cooperation between Russia and China. In particular, it is necessary to re-examine the new directions of Sino-Russian Arctic cooperation in the context of today's drastic changes in the international geopolitical situation. The purpose of the article is to analyze the current situation, new directions and challenges of Sino-Russian Arctic sustainable cooperation and to provide concrete paths for deepening cooperation. To achieve this goal, the article analyzes the national policies of China and Russia, identifies the common interests of both countries, and then analyzes the current situation, new directions and problems faced by the Arctic sustainable cooperation between the two countries in the context of the reality of the Russian Arctic region. The innovation of this article is to provide a new path for deepening Arctic cooperation between the two countries based on the perspective of Chinese scholars and a more comprehensive understanding of China's Arctic policy. The significance of this article is that the research content and conclusions can be used to promote the process of Arctic sustainable development cooperation between the two countries at the social and even national levels.

Key words: China, Russia, Arctic, sustainable development, Sino-Russian cooperation, global challenges.

Information about the Authors

Yang Nan – Master, PhD student, Ocean University of China (238, Songling Road, Qingdao, China; e-mail: YN12YN@163.com)

Guo Peiqing – Doctor, Professor, Ocean University of China (238, Songling Road, Qingdao, China; e-mail: peiqingguo@163.com)

Статья поступила 31.03.2022.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (июнь 2022 г.), а также за период с августа 2021 по июнь 2022 г. (последние 6 опросов, то есть почти год).

Даётся сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018–2021 гг.²

За период с апреля по июнь 2022 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ возрос на 2 п. п. (с 56 до 58%). В целом за период с февраля по июнь – на 10 п. п. (с 48 до 58%).

Доля жителей области, положительно оценивающих работу Председателя Правительства РФ, также увеличилась на 2 п. п. (с 44 до 46%); с февраля по июнь – на 8 п. п. (с 38 до 46%).

Удельный вес позитивных оценок деятельности губернатора Вологодской области за последние два месяца возрос на 3 п. п. (с 38 до 41%); с февраля по июнь – на 7 п. п. (с 34 до 41%).

За последние 6 опросов (с августа 2021 по июнь 2022 г.) уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 6 п. п. (с 52 до 58%); председателя Правительства РФ – на 3 п. п. (с 43 до 46%), губернатора региона – на 2 п. п. (с 39 до 41%)³.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в июне 2022 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в августе 2021 г.

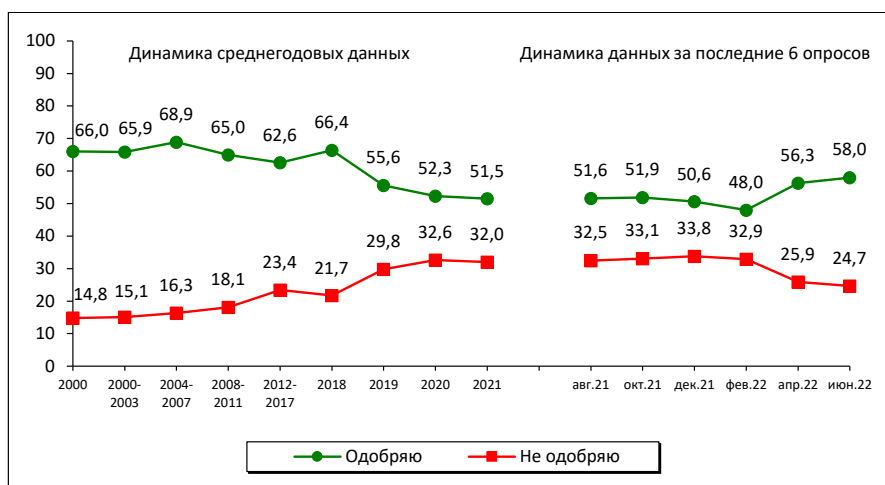
Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), июнь 2022 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	авг. 2021	апр. 2022
Президент РФ																
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	55,6	52,3	51,5	51,6	51,9	50,6	48,0	56,3	58,0	+6	+2
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	29,8	32,6	32,0	32,5	33,1	33,8	32,9	25,9	24,7	-8	-1
Председатель Правительства РФ																
Одобрю	-*	-*	59,3	49,6	48,0	41,1	38,7	39,9	42,7	39,7	38,3	37,6	43,6	45,5	+3	+2
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	38,4	40,4	37,6	36,0	38,3	38,9	37,7	32,5	31,4	-5	-1
Губернатор области																
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,7	35,0	36,7	38,6	37,5	35,9	33,9	38,2	41,2	+3	+3
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	40,2	42,5	40,5	38,5	40,7	41,9	41,6	37,3	34,3	-4	-3

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?». Согласно методике проведения исследования ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются или считаются незначительными; в таблицах они выделены синим цветом. Позитивные изменения выделены зеленым цветом, негативные – красным.

* Вопрос задается с 2008 года.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)



Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Одобрю	+6	+2
Не одобряю	-8	+0

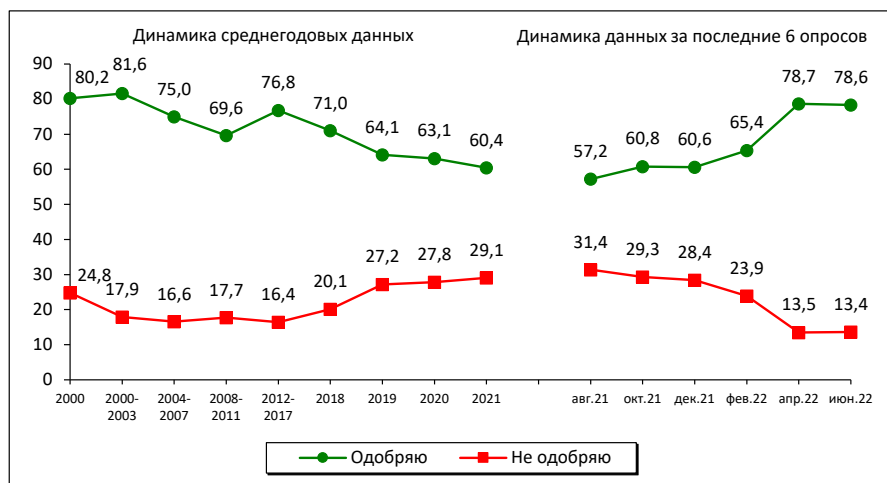
Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2019, 2020, 2021 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ с апреля по начало июня не изменился и составил 79%. По сравнению с февралем 2022 г. отмечается существенный рост доли положительных суждений (на 14 п. п., с 65 до 79%).

По сравнению с августом 2021 г. в начале июня 2022 г. также наблюдаются позитивные изменения: доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 22 п. п. (с 57 до 79%), отрицательных – уменьшилась на 18 п. п. (с 31 до 13%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)



Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Одобрению	+22	0
Не одобряю	-18	0

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

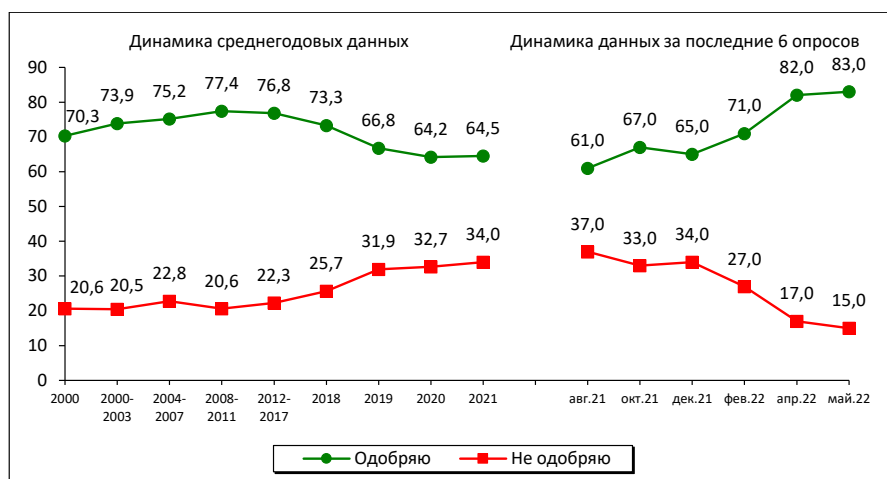
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

Последние данные – на 19 июня 2022 г.

По данным Левада-Центра*, удельный вес позитивных оценок деятельности Президента РФ в апреле – мае 2022 г. составил 82%, доля отрицательных характеристик уменьшилась на 2 п. п. (с 17 до 15%).

По сравнению с июнем 2021 г. уровень одобрения деятельности главы государства возрос на 22 п. п. (с 61 до 83%); удельный вес негативных отзывов – снизился на 22 п. п. (с 37 до 15%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)



Изменение (+/-), май 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Одобрению	+22	+1
Не одобряю	-22	-2

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?»

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

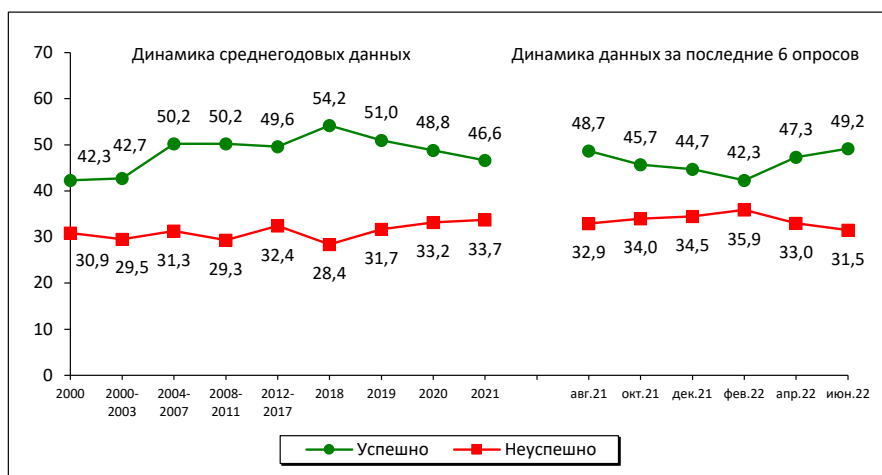
Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние 2 месяца незначительно увеличилась доля людей, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России (на 2 п. п., с 47 до 49%). Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, снизился на 2 п. п. (с 33 до 31%).

С февраля по июнь 2022 г. доля положительных оценок увеличилась на 7 п. п. (с 42 до 49%); отрицательных – уменьшилась на 5 п. п. (с 36 до 31%).

По сравнению с июнем 2021 г. в оценках успешности решения Президентом проблемы укрепления международных позиций России существенных изменений не произошло.

Укрепление международных позиций России



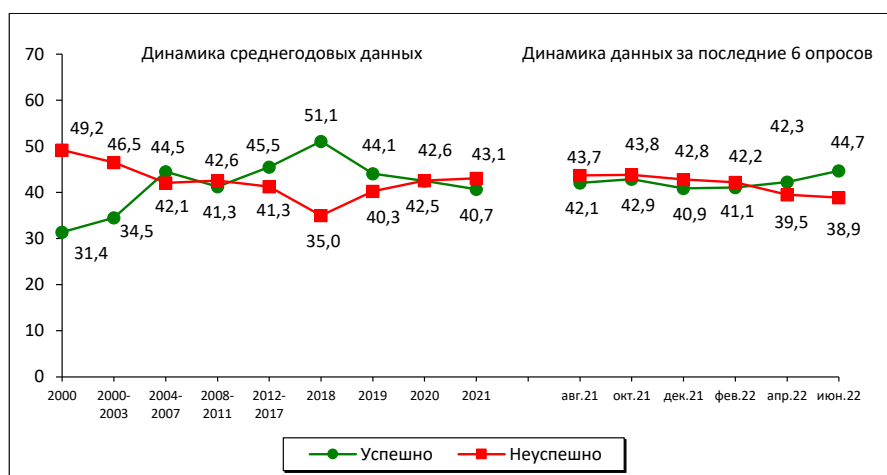
Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Успешно	+1	+2
Неуспешно	-1	-2

В апреле – июне 2022 г. доля жителей области, положительно оценивающих работу главы государства по наведению порядка в стране, увеличилась на 3 п. п. (с 42 до 45%). Удельный вес негативных оценок существенно не изменился (39–40%).

С февраля по июнь 2022 г. доля позитивных характеристик увеличилась на 4 п. п. (с 41 до 45%); отрицательных – уменьшилась на 3 п. п. (с 42 до 39%).

Позитивные изменения отмечаются также при сравнении результатов опроса, проведенного в июне 2022 г., с итогами «волны» мониторинга, реализованной в августе 2021 г.: удельный вес положительных оценок возрос на 3 п. п. (с 42 до 45%); отрицательных – снизился на 5 п. п. (с 44 до 39%).

Наведение порядка в стране



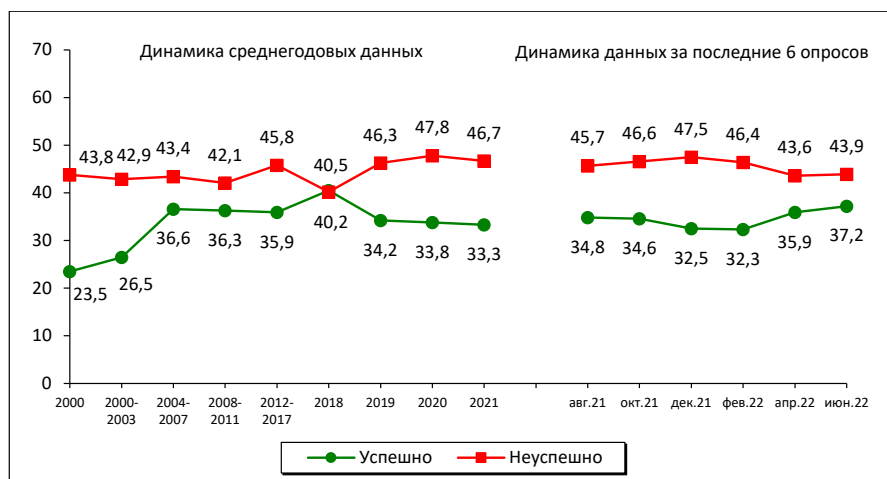
Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Успешно	+3	+2
Неуспешно	-5	-1

В динамике оценки успешности решения Президентом РФ проблемы защиты демократии и укрепления свобод граждан за последние два месяца существенных изменений не произошло: доля положительных суждений составляет 36–37%, отрицательных – 44%.

С февраля по июнь 2022 г. удельный вес позитивных характеристик возрос на 5 п. п. (с 32 до 37%), негативных – снизился на 2 п. п. (с 46 до 44%).

За последние 6 опросов (с августа 2021 по июнь 2022 г.) существенных изменений в оценках населения не произошло.

Защита демократии и укрепление свобод граждан



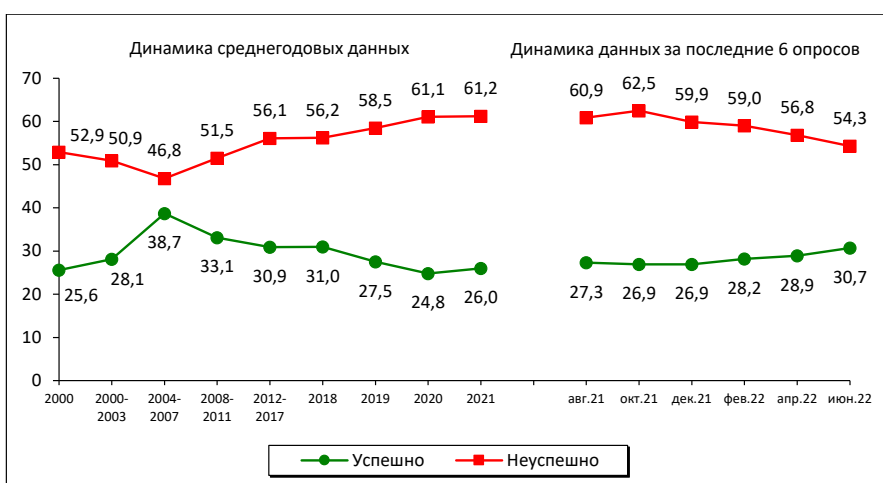
Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Успешно	+2	+1
Неуспешно	-2	0

С апреля по июнь 2022 г. незначительно увеличилась доля жителей области, считающих, что Президент РФ успешно справляется с проблемой подъема экономики и роста благосостояния граждан (на 2 п. п., с 29 до 31%). Удельный вес тех, кто придерживается противоположного мнения, снизился на 3 п. п. (с 57 до 54%).

С февраля по июнь 2022 г. отмечаются преимущественно позитивные изменения: доля положительных суждений увеличилась на 3 п. п. (с 28 до 31%); отрицательных – уменьшилась на 5 п. п. (с 59 до 54%).

За последние 6 опросов (с августа 2021 по июнь 2022 г.) удельный вес положительных суждений возрос на 4 п. п. (с 27 до 31%), отрицательных – снизился на 7 п. п. (с 61 до 54%).

Подъем экономики, рост благосостояния граждан



Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Успешно	+3	+2
Неуспешно	-7	-3

Структура партийно-политических предпочтений жителей области за последние два месяца не изменилась: доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составляет 34–35%, КПРФ – 10–11%, ЛДПР – 8%, «Справедливая Россия» – 5%, «Новые люди» – 1%.

Поддержка «Единой России» с февраля по июнь 2022 г. незначительно возросла (на 4 п. п., с 31 до 35%).

По сравнению с августом 2021 г. доля сторонников партии власти увеличилась на 3 п. п. (с 32 до 35%), остальных парламентских партий – существенно не изменилась.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных											Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), июнь 2022 к		
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2019	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2021	Апр. 2022
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	33,8	31,5	49,8	31,7	31,7	32,7	31,9	31,1	34,2	34,9	+3	+1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,8	8,4	18,9	9,3	9,3	11,1	10,5	9,5	11,2	10,2	+1	-1
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,1	9,5	7,6	9,9	9,9	11,2	9,9	9,4	7,7	7,8	-2	0
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	3,4	4,7	7,5	4,7	5,3	6,3	6,0	5,7	4,5	4,8	-1	0
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	-	-	2,3	1,6	1,3	1,6	-	0
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,3	0,5	-	0,2	0,2	0,5	0,2	0,7	0,3	0,1	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	33,7	34,2	-	33,9	34,1	31,7	29,6	32,4	30,8	30,7	-3	0
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,0	11,1	-	10,0	9,6	6,6	9,7	9,6	10,0	9,9	0	0

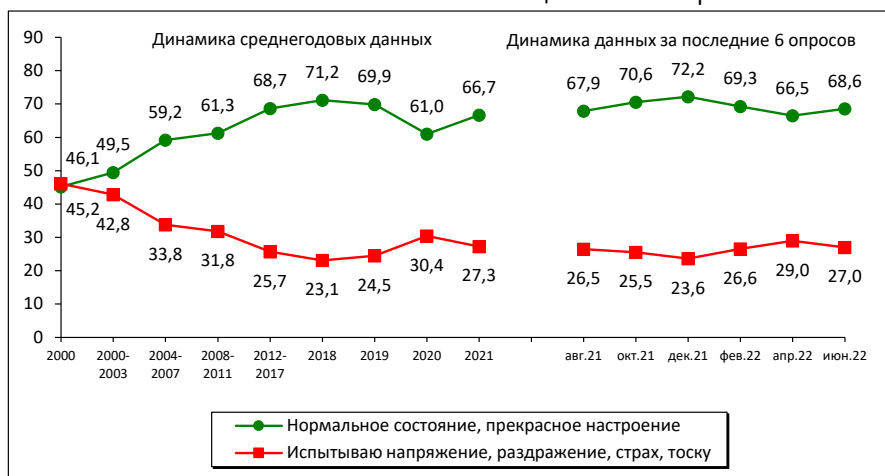
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 гг.

Оценка социального настроения (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

В июне 2022 г. незначительно увеличилась доля жителей области, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное» (на 2 п. п., с 67 до 69%); удельный вес людей, испытывающих преимущественно «напряжение, раздражение, страх, тоску», – снизился на 2 п. п. (с 29 до 27%).

По сравнению с августом 2021 г. (так же как и с февралем 2022 г.) существенных изменений в оценках социального настроения не произошло.

Социальное настроение

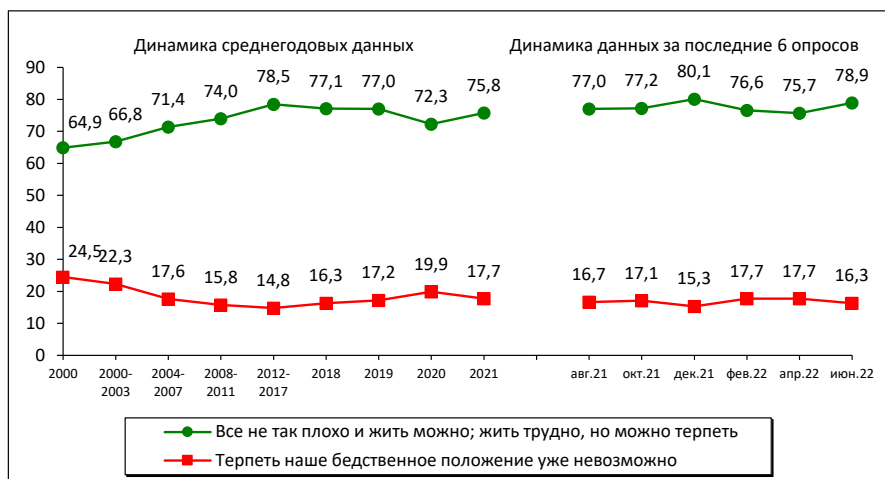


Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+1	+2
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	0	-2

В динамике показателя запаса терпения также наблюдаются незначительные позитивные изменения. За последние два месяца на 3 п. п. (с 76 до 79%) увеличилась доля людей, считающих, что «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть». Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, снизился на 2 п. п. (с 18 до 16%).

По сравнению с августом 2021 г. (а также с февралем 2022 г.) отмечается незначительное увеличение доли позитивных оценок (на 2 п. п., с 77 до 79%).

Запас терпения

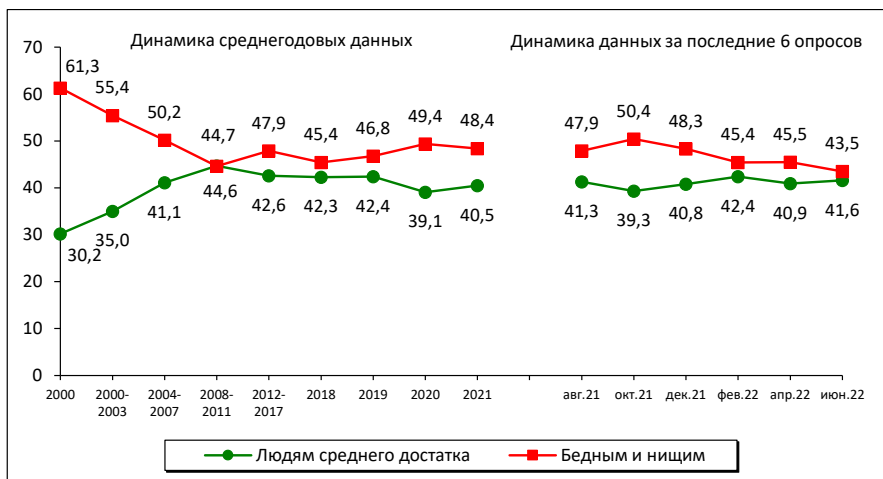


Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+2	+3
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	0	-1

Удельный вес жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», за последние два месяца снизился на 2 п. п. (с 46 до 44%), что примерно соответствует уровню начала года (45%).

За последние 6 опросов (с августа 2021 по июнь 2022 г.) доля «бедных и нищих» жителей области уменьшилась на 4 п. п. (с 48 до 44%); удельный вес людей «среднего достатка» существенно не изменился (41–42%).

Социальная самоидентификация



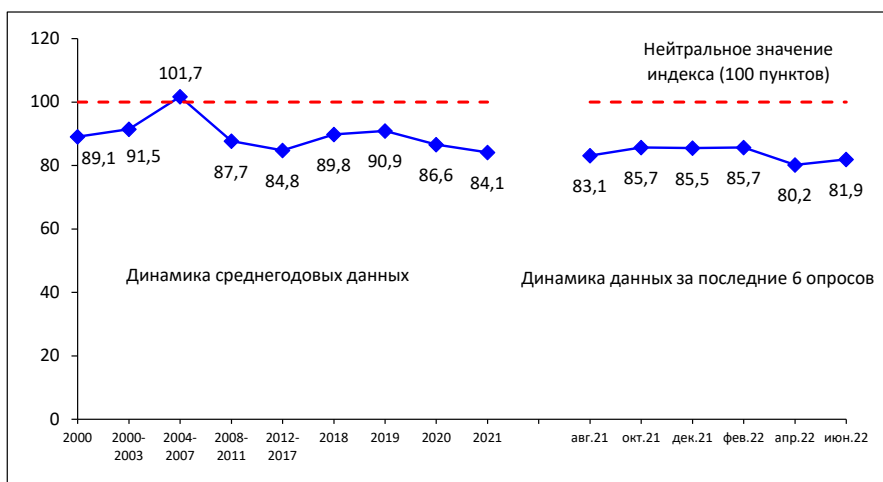
Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
Вариант ответа	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Доля считающих себя людьми среднего достатка	0	+1
Доля считающих себя бедными и нищими	-4	-2

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

С апреля по июнь 2022 г. незначительно увеличился индекс потребительских настроений (на 2 пункта, с 80 до 82 п.), что свидетельствует об улучшении прогнозов людей относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения.

Однако ИПН по-прежнему остается значительно более низким, чем в феврале 2022 г. (на 4 пункта, 82 п. против 86), и чуть ниже, чем в августе 2021 г. (на 1 пункт, 82 п. против 83)

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

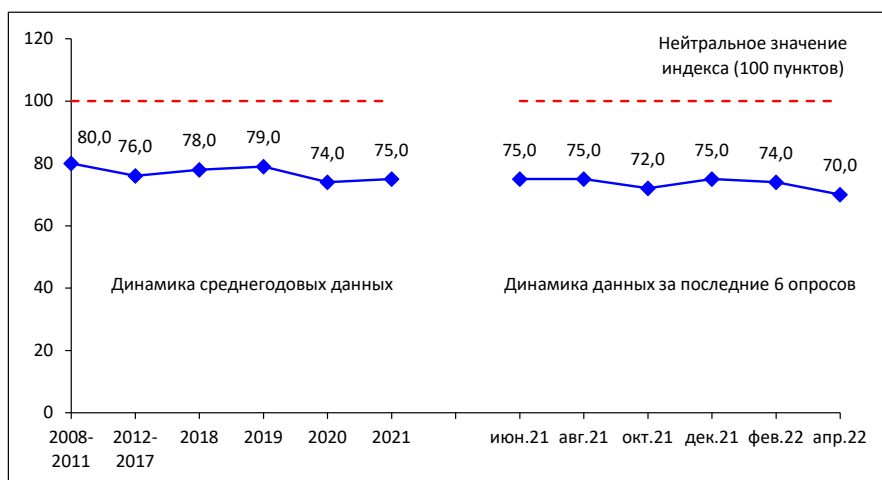


Изменение (+/-), июнь 2022 г. к		
ИПН	августу 2021 г.	апрелю 2022 г.
Значение индекса, в пунктах	-1	+2

Для справки:

По последним данным Левада-Центра* (на апрель 2022 г.), индекс потребительских настроений в целом по стране составил 70 пунктов, что ниже, чем в феврале 2022 г. (74 п.) и в июне 2021 г. (75 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)



Изменение (+/-), апрель 2022 г. к		
ИПН	июню 2021 г.	февралю 2022 г.
Значение индекса, в пунктах	-5	-4

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за апрель 2022 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

В динамике социального настроения в разрезе основных социально-демографических категорий населения за последние два месяца наблюдаются неоднозначные изменения.

В 5 из 14 категорий отмечается рост доли людей, характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние как «нормальное, прекрасное, ровное». Доля позитивных оценок особенно ощутимо увеличилась среди лиц старше 55 лет (на 10 п. п., с 55 до 65%).

В то же время в 5 из 14 социально-демографических категорий населения наблюдаются противоположные изменения: доля тех, кто испытывает преимущественно позитивные эмоции, особенно ощутимо снизилась среди людей в возрасте до 30 лет (на 5 п. п., с 82 до 77%), а также тех, кто по субъективным оценкам собственных доходов относится к группе 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 6 п. п., с 82 до 76%).

Следует отметить, что по сравнению с февралем 2022 г. в большинстве категорий населения существенных изменений оценок социального настроения не наблюдается, за исключением наиболее богатых (по самооценкам доходов) граждан, среди которых доля положительных суждений заметно уменьшилась (на 6 п. п., с 82% в феврале 2022 г. до 76% в июне 2022 г.).

По сравнению с августом 2021 г. обращает на себя внимание рост удельного веса людей, испытывающих преимущественно позитивные эмоции, среди лиц старше 55 лет (на 7 п. п., с 58 до 65%), а также среди тех, кто по самооценкам доходов относится к группе 20% наименее обеспеченных жителей области (на 3 п. п., с 55 до 58%).

Ухудшение социального настроения за последние 6 опросов отмечается в первую очередь среди лиц в возрасте до 30 лет (доля позитивных оценок уменьшилась на 5 п. п., с 82 до 77%), а также в группе 20% наиболее обеспеченных жителей области (на 11 п. п., с 87 до 76%).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 6 опросов						Изменение (+/-), июль 2022 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2019	2020	2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Фев. 2022	Апр. 2022	Июль 2022	авг. 2021	апр. 2022
Пол																
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	70,1	60,8	65,7	65,6	70,0	71,5	65,5	68,3	67,4	+2	-1
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	69,6	61,2	67,4	69,8	70,9	72,8	72,3	65,1	69,7	0	+5
Возраст																
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	81,1	67,6	73,5	82,3	75,3	81,9	75,3	81,8	77,3	-5	-5
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	71,2	61,8	69,5	71,4	70,8	75,1	70,7	71,1	68,8	-3	-2
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	63,3	57,4	60,5	58,1	68,3	65,2	65,3	55,2	65,3	+7	+10
Образование																
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	63,2	56,1	62,1	63,2	64,1	69,7	68,7	63,0	65,8	+3	+3
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	72,7	63,5	66,7	68,5	70,4	70,1	68,3	69,8	70,5	+2	+1
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	73,4	63,3	71,5	73,0	77,1	77,6	71,5	66,9	69,7	-3	+3
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	53,2	43,4	54,6	55,0	60,4	64,0	60,5	61,5	58,4	+3	-3
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	71,4	62,6	67,3	68,9	70,9	71,1	68,8	64,2	70,3	+1	+6
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	81,8	75,6	79,9	86,7	84,2	85,3	81,5	81,9	75,7	-11	-6
Территории																
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	68,6	60,9	60,3	59,7	64,0	65,7	63,2	60,2	61,0	+1	+1
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	71,2	60,4	71,0	72,3	75,2	75,1	72,6	70,1	72,8	+1	+3
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	69,8	61,4	67,8	70,1	71,5	74,2	70,8	68,1	70,6	+1	+3
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	69,9	61,0	66,6	67,9	70,5	72,2	69,3	66,5	68,7	+1	+2

РЕЗЮМЕ

Начиная с 24 февраля 2022 г., когда Президент РФ В.В. Путин объявил о начале специальной военной операции на территории Украины⁴, тенденции общественного мнения по широкому кругу вопросов, отражающих мнение людей о деятельности власти, динамике своего материального положения и социального самочувствия, нельзя анализировать вне контекста как самой спецоперации, так и её социально-экономических, политических и социокультурных последствий.

В связи с этим в данном выпуске Мониторинга общественного мнения о состоянии российского общества мы делаем акцент на изменениях социальных настроений, произошедших в период с февраля по июль 2022 г.

⁴ Обращение Президента РФ к гражданам России 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

Как показывают результаты трех «волн» опросов, реализованных за этот период (февраль, апрель, июнь 2022 г.), внутренние и, прежде всего, внешние угрозы, вставшие перед страной в первой половине 2022 г., оказали позитивное, консолидирующее влияние на состояние общества.

С февраля по июнь 2022 г.:

✓ увеличилась поддержка деятельности главы государства (на 10 п. п.) и (что не менее важно) остальных ключевых представителей органов власти федерального и регионального уровней (Председателя Правительства РФ (на 8 п. п.), губернатора области (на 7 п. п.);

✓ после первых месяцев вполне естественной и закономерной тревоги за положение дел внутри страны и характер ситуации на международной политической арене (как отмечали эксперты, «само начало, а также экономические и социальные последствия спецоперации словно парализовали общество»⁵) начали постепенно восстанавливаться показатели социального самочувствия (социальное настроение +2 п. п. к апрелю 2022 г., запас терпения +3 п. п.);

✓ решения Президента и Правительства РФ, направленные на укрепление материального положения населения⁶ и морального духа общества⁷, отразились на снижении доли людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих» (-2 п. п.), и, что особенно важно, — на росте индекса потребительских настроений (+2 п. п. к апрелю 2022 г.), что позволяет (пока с некоторой осторожностью) говорить об усилении оптимистических прогнозов людей относительно будущего страны, своего, своих семей.

Динамика доли положительных оценок по ключевым показателям мониторинга общественного мнения (в % от числа опрошенных)

Показатели мониторинга общественного мнения	Февраль 2022 г.	Апрель 2022 г.	Июнь 2022 г.	Изменение (+/-), июнь 2022 г. к	
				февр. 2022	апр. 2022
Оценка деятельности органов власти					
Президент РФ	48,0	56,3	58,0	+10	+2
Председатель Правительства РФ	37,6	43,6	45,5	+8	+2
Губернатор Вологодской области	33,9	38,2	41,2	+7	+3
Решение Президентом РФ ключевых проблем страны					
Укрепление международных позиций России	42,3	47,3	49,2	+7	+2
Наведение порядка в стране	41,1	42,3	44,7	+4	+2
Защита демократии, укрепление свобод граждан	32,3	35,9	37,2	+5	+1
Подъем экономики, рост благосостояния населения	28,2	28,9	30,7	+3	+2
Оценка социального самочувствия					
Социальное настроение	69,3	66,5	68,6	-1	+2
Запас терпения	76,6	75,7	78,9	+2	+3
Оценка материального положения					
Доля «бедных и нищих»	45,4	45,5	43,5	-2	-2
Индекс потребительских настроений	85,7	80,2	81,9	-4	+2

Конечно, пока сложно говорить о каких-либо существенных, кардинальных позитивных изменениях в динамике общественных настроений. Нельзя игнорировать тот факт, что более половины населения (54%) считают неуспешными действия Президента РФ в отношении подъема экономики и роста благосостояния граждан; что доля «бедных и нищих» жителей области по-прежнему пре-

⁵ Разобщенное общество потеряло способность к протесту // Независимая газета. 03.04.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-04-03/2_8407_editorial.html

⁶ Такие как увеличение прожиточного минимума, минимального размера оплаты труда и пенсий неработающих пенсионеров на 10%; денежные выплаты для тех, кто удостоен ордена «Родительская слава» и почетного звания «Мать-героиня», и т. д.

⁷ Такие как создание движения детей и молодежи «Большая перемена», выход России из Болонской системы образования, возрождение советского почетного звания «Мать-героиня» и т. д.

вышает удельный вес тех, кто субъективно относит себя к категории людей «среднего достатка» (44 против 42%), а индекс потребительских настроений уже давно «держится» на уровне ниже 100 пунктов (что говорит о преобладании пессимистических прогнозов в оценках жителей области относительно будущего российской экономики и своего личного материального положения).

Тем не менее результаты мониторинга, проводимого на региональном уровне и подтверждающиеся динамикой результатов федеральных социологических исследований (ВЦИОМ, Левада-Центра*), подтверждают выводы экспертов о том, что «санкции в отношении России не принесли желаемых результатов»⁸.

В настоящее время ситуация продолжает оставаться тревожной: сохраняется санкционное давление на Россию со стороны стран «коллективного Запада» (НАТО и Европейского союза), продолжаются боевые действия на территории Украины; многие эксперты справедливо отмечают, что в ближайшие месяцы уровень поддержки Президента РФ и государства «будет напрямую зависеть от быстрого успеха в военной кампании и эффективной экономической политики правительства»⁹.

В этих условиях со стороны государства по-прежнему остается крайне актуальной задача наращивания темпов социально-экономической поддержки различных слоев общества, укрепления его морального духа и формирования в социуме ясного представления о перспективах будущего страны, её граждан и будущих поколений россиян.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.М. Бахвалова

* Внесен в реестр иностранных агентов.

⁸ Мнение экономиста В. Колташова (источник: Западные эксперты не смогли просчитать последствия санкций против РФ // Российская газета. 12.06.2022. URL: <https://rg.ru/2022/06/12/ekonomist-koltashov-zapadnye-eksperty-ne-smogli-proschitat-posledstviia-sankcij-protiv-rf.html>).

⁹ Разобщенное общество потеряло способность к протесту // Независимая газета. 03.04.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-04-03/2_8407_editorial.html

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи

1. Поля.

Правое – 1 см, остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приема-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук»
Адрес (юридический и почтовый):
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а;
тел. (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
Банковские реквизиты:
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
ОКТМО 19701000
Наименование банка: Отделение Вологда
Банка России // УФК по Вологодской области
г. Вологда
р. счет 03214643000000013000
корр. счет 40102810445370000022
БИК ТОФК 011909101
Банковский (лицевой счет) л/с 20306Ц32570

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____
Домашний адрес _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____

когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в печатной/электронной версии для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 20__ года.

Передал
Лицензиар:

Принял
От Лицензиата:

_____ / _____
подпись ф. и. о. полностью

_____ / _____ / _____
подпись

М. П.

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.06.2022.
Дата выхода в свет 30.06.2022.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 34,3. Тираж 500 экз. Заказ № 33.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru